

ПАМЯТНИКЪ НИЖЕГОРОДСКОМУ МЯСНИКУ КУЗЬМѢ МИНИНУ СУХОРУКОМУ

И КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ.

НАРОДНОЕ

ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ

А. ОБОЛОНСКИМЪ И Г. ЩЕРБАЧЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 19 іюля 1859 года.

Цензоры: *К. Обертъ* и *С. Палаузовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,

на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ, въ домѣ Лея.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Возлѣ самаго Архангельска, губернскаго города, разстояніемъ не больше версты, есть большое селеніе Соломбала. Жителей тамъ слишкомъ восемь тысячъ человѣкъ, народъ привычный къ морю, все рыбаки или мореходы съ семействами. Народу много, житье хорошее, подгородное, богатое; рыбы вдоволь, заработки отличные, всѣмъ-бы житье, да одного у нихъ не было, бездѣлицы, — свѣта. Грѣхъ сказать, чтобы свѣта простаго не было, солнечнаго: этимъ добромъ Богъ никого не обидѣлъ, и если не тепла, то солнечнаго свѣта всѣмъ краямъ на землѣ роздано по ровну. Правда, что зимній день въ Архангельскѣ и въ Соломбалѣ коротокъ: за двѣ недѣли до Рождества солнце встаетъ почти въ десять часовъ, а безъ малаго въ два часа солнце ужъ и сѣло, такъ что ночь выходитъ почти ровно въ двадцать часовъ. За то лѣтомъ, около начала петровокъ, дню и конца не видать: тянется двадцать одинъ часъ съ половиной, а коро-

тенькая ночь тогда свѣтлѣе осенняго дня. Не успѣешь оглянуться, пройдетъ безъ солнца часа два съ половиной, а оно ужъ и встаетъ. Да не объ этомъ свѣтѣ рѣчь. У жителей селенія Соломбалы недоставало другаго, — свѣта ученья. Старики, вѣдь, правду говорятъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма. Знаетъ тоже эту правду теперь и наше Правительство, и потому всячески старается заводить какъ можно больше школъ и училищъ. Теперь по всей Россіи заведено безъ малаго девять тысячъ разныхъ училищъ и школъ, а въ нихъ учится болѣе пяти сотъ шестнадцати тысячъ молодыхъ людей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Правда, что народу учится много: легко сказать — пять сотъ шестнадцать тысячъ! Но во-первыхъ— каково они учатся? Каково мы смотримъ за ихъ ученьемъ и не виноваты ли мы передъ своими дѣтьми въ томъ, что худо смотримъ за ними чтобъ учились. А второе дѣло, — если сообразить, что эти пять сотъ шестнадцать тысячъ приходятся на всю Русь, на семьдесятъ четыре милліона человѣкъ, то нельзя не признаться, что этого маловато: выходитъ только *одинъ ученикъ на 143 человѣка*. Этого очень мало, потому что у человѣка вся сила — въ головѣ, въ умѣ, въ знаніи, въ наукѣ. Еслибъ у человѣка да не умъ, — такъ его всякій звѣрь обидитъ. Не далъ намъ Богъ ни роговъ бычачьихъ, ни когтей медвѣжьихъ, ни зуба волчьяго, ни крыла орлинаго, ни шерсти теплой, какъ у барана, чтобы отъ холоду сберечь-

ся, ни бѣгу заячьяго, чтобы уйти отъ когтистаго или зубастаго врага. Безоруженъ родится человѣкъ, и слабъ, и беззащитенъ. За то Богъ далъ человѣку *умъ*, а съ умомъ человѣкъ одолѣлъ и всѣхъ звѣрей, и непогоду, и море, и многія болѣзни, и грозу, и разныя другія напасти. Бѣжитъ, напримѣръ, рѣка, и бѣжитъ съ полуночи на полдень, а плыть на ней надо съ полудня на полночь, противъ теченья. Весломъ не справишься съ теченьемъ; такъ взялъ человѣкъ бичеву, привязалъ на мачту и поволокъ свою лодку. Усталъ, такъ лошадь заложилъ, однако потомъ устала и лошадь. Подумалъ человѣкъ, поучился, да и догадался: досталъ воды изъ той-же рѣки, которая теченьемъ не пускаетъ его впередъ, да и налилъ воду въ большой котелъ; съ береговъ той-же рѣки нарубилъ дровъ, подложилъ подъ котелъ; добылъ пару, приноровилъ къ этому пару машину, поворотилъ противъ теченія, и пошелъ.

Вѣтеръ бушуетъ, реветъ, иной разъ деревья съ корнемъ изъ земли вырываетъ, а человѣкъ, поучившись, и его засадилъ за работу: вѣтеръ у насъ на мельницѣ работаетъ, да корабли несетъ по морю въ далекіе края.

Молнія бьетъ изъ тучи въ землю и порой убиваетъ людей и жжетъ дома. Кажется, что ужъ противъ этой силы ничего не сдѣлаешь! Однако нѣтъ. Посидѣлъ человѣкъ, поучился, подумалъ, и поставилъ у себя на дому желѣзный прутъ, остріемъ вверхъ, а отъ прута до самой земли про-

велъ желѣзную полосу. Идетъ молнія на этотъ желѣзный прутъ какъ рыба на удочку, а по желѣзной полосѣ безъ всякаго вреда сходитъ въ землю. Туда и дорога.

Но не легко все это, и еще многое тому подобное досталось человѣку. Вѣкъ одного человѣка такъ коротокъ, что человѣкъ одинъ, самъ по себѣ, до многаго не дойдетъ. Не укажи человѣку, такъ онъ самъ во весь свой короткій вѣкъ не догадается какъ огонь развести, не только что какъ найти желѣзо, да какъ сковать изъ него топоръ, лопату, лемехъ, зубъ къ боронѣ, пилу, или какой другой полезный инструментъ. Но къ счастью человѣку нѣтъ нужды до всего доходить самому: есть на свѣтѣ ученье, а съ ученьемъ человѣкъ въ одинъ годъ узнаетъ то, до чего люди доходили не годами, не десятками лѣтъ, а столѣтіями и тысячелѣтіями.

Впрочемъ объ этомъ много говорить нечего; нынче всякій знаетъ, что за ученаго не двухъ, а сто неученыхъ даютъ, да и то помѣняться несходно, если ученый-то въ самомъ дѣлѣ знаетъ много. Оно и понятно; ученый противъ неученыхъ все равно что зрячій противъ слѣпыхъ.

Но пришло время, и въ нашу слѣпоту проникаетъ свѣтъ. Безпрестанно выходятъ новые указы о новыхъ училищахъ. Теперь въ Соломбалѣ, близь Архангельска, устроено приходское училище.

Въ это училище могутъ поступать во всякое

время года, *безплатно* и безъ предварительнаго испытанія дѣти *всѣхъ состояній* обоего пола: мальчики не моложе семи, а дѣвочки не старше десяти лѣтъ.

Предметы, преподаваемые въ Училищѣ, суть: 1) Законъ Божій; изученіе молитвъ, съ истолкованіемъ ихъ; священная исторія въ разсказахъ и краткій катихизисъ; 2) чтеніе книгъ церковной и гражданской печати; 3) ариѳметика, — первыя четыре дѣйствія, ознакомленіе учащихся съ употребленіемъ счетовъ и съ мѣрами, вѣсомъ и монетами, принятыми въ Россіи; 4) чистописаніе; 5) черченіе и 6) рисованіе.

Учитель обязанъ приспособлять учащихся мальчиковъ къ столярному и плотничному ремесламъ.

Преподаваніе всѣхъ вообще предметовъ должно быть *изустное, наглядное* и *направленное къ развитію умственныхъ и нравственныхъ* способностей учащихся (1).

Была-бы у людей только охота къ ученію, а учиться есть гдѣ. Вотъ можетъ, кто захочетъ, поступить въ сельскіе мѣрщики; и полезнымъ будетъ человѣкомъ. Въ вѣдѣніи каждой удѣльной конторы должны находиться мѣрщики изъ *удѣльныхъ крестьянъ*. Но не поучившись землемѣрному дѣлу, мѣрщикомъ не будешь, и потому надо сначала пробыть межевымъ ученикомъ.

Въ межевые ученики избираются грамотные

---

(1) Сенат. вѣд. № 45.

мальчики удѣльнаго вѣдомства, отъ 14 до 18-ти лѣтняго возраста, съ согласія родителей, а равно и круглые сироты, по назначенію управляющихъ удѣльными конторами. Межевые ученики распредѣляются для обученія, смотря по удобству, или къ землемѣрамъ мѣстныхъ удѣльныхъ конторъ, или въ землемѣрныя партіи, командируемыя отъ департамента удѣловъ въ разныя губерніи. Обученіе должно продолжаться не болѣе какъ четыре года. Ученики, оказывавшіеся въ первые полгода ученія неспособными, или неблагонадежными, замѣняются другими. Во время продолженія обученія назначается на содержаніе и одежду каждаго ученика въ годъ по 60 руб. и въ пособіе тѣмъ крестьянскимъ семействамъ, изъ которыхъ они избраны, отъ 15 до 30-ти р. въ годъ. По окончаніи ученія и надлежащемъ удостовѣреніи въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ, департаментъ удѣловъ, по представленіямъ управляющихъ, производитъ межевыхъ учениковъ, оказавшихся обученными удовлетворительно, въ удѣльные сельскіе мѣрщики. Удѣльнымъ сельскимъ мѣрщикамъ назначается жалованья по 120 р. въ годъ. По выслугѣ ими вполнѣ удовлетворительно пяти лѣтъ имъ добавляется 20 руб. жалованья, по представленіямъ управляющихъ удѣльными конторами, съ разрѣшенія департамента удѣловъ. Срокъ обязательной службы для сельскихъ мѣрщиковъ удѣльнаго вѣдомства, за обученіе межевому искусству, полагается, по примѣру межев-

щиковъ и мѣрщиковъ министерства государственныхъ имуществъ, десятилѣтній, считая оный со дня назначенія учениковъ мѣрщиками. Во время производства полевыхъ работъ выдаются суточныя деньги: сельскимъ мѣрщикамъ по 10-ти, а ученикамъ по 6-ти коп. въ сутки, и на разъѣзды внѣ удѣльныхъ имѣній прогонныя деньги, по порядку, нынѣ существующему въ удѣльномъ вѣдомствѣ. По истеченіи срока обязательной службы предоставляется сельскимъ мѣрщикамъ, по личному ихъ усмотрѣнію, просить увольненія отъ должности, или же остаться на вторичной службѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они наименовываются старшими сельскими мѣрщиками. Сельскимъ мѣрщикамъ изъ удѣльныхъ крестьянъ, выслужившимъ обязательный срокъ службы и изъявившимъ желаніе возвратиться въ тѣ сельскія общества, къ коимъ они приписаны, выдается при поступленіи въ свои семейства, въ единовременное пособіе, по 50 р., а тѣмъ, которые пожелаютъ завестись отдѣльнымъ хозяйствомъ, независимо отъ сего денежнаго пособія и отвода участка усадебной и огородной земли, дается изъ удѣльныхъ дачъ безплатно необходимый на постройку лѣсъ. При увольненіи сельскихъ мѣрщиковъ удѣльнаго вѣдомства отъ сего званія, по прошествіи установленнаго десятилѣтняго срока, оставляются имъ въ собственность, подобно тому, какъ это установлено для мѣрщиковъ министерства государственныхъ имуществъ, тѣ изъ инструментовъ,

кои необходимы для производства съемочныхъ и чертежныхъ работъ, дабы и по увольненіи отъ службы они могли, по добровольному соглашенію съ сельскими обществами, заниматься при оныхъ раздѣломъ полей, повѣркою межъ и т. д. Сельскимъ мѣрщикамъ, которые, по выслугѣ обязательнаго срока службы, изъявятъ желаніе остаться на вторичной службѣ, добавляется, съ переименованіемъ въ старшіе мѣрщики, по удостоенію удѣльнаго начальства, 35 р. въ годъ къ получаемому ими жалованью. По выслугѣ старшими мѣрщиками на вторичной службѣ безпорочно пяти лѣтъ добавляется имъ еще 50 руб. жалованья. Старшимъ сельскимъ мѣрщикамъ, по выслугѣ вполнѣ одобрительно 20-ти лѣтъ со времени производства изъ межевыхъ учениковъ въ сельскіе мѣрщики, выдается, при увольненіи въ отставку, единовременно годовой окладъ получаемаго жалованья и испрашивается, чрезъ министерство Императорскаго Двора, званіе личнаго почетнаго гражданина. На основаніи правилъ, существующихъ для мѣрщиковъ министерства государственныхъ имуществъ, сельскіе мѣрщики удѣльнаго вѣдомства, за усердное и полезное прохожденіе службы, награждаются медалями и денежными преміями, и освобождаются, равно какъ и межевые ученики, во все время состоянія ихъ въ сихъ званіяхъ, отъ платежа податей, безъ исключенія впрочемъ изъ оклада, а также отъ личнаго исправленія всякихъ земскихъ и мірскихъ работъ

и нарядовъ и отъ рекрутской и другихъ повинностей, съ исключеніемъ изъ числа работниковъ при учетѣ рекрутскихъ очередей. Издержки, потребныя на расходы по содержанію мѣрщиковъ и межевыхъ учениковъ, относятся на мірской сборъ съ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства. Сборъ сей опредѣляется уравнительный по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ. Въ случаѣ недостатка означеннаго сбора на покрытіе всѣхъ расходовъ по содержанію межевыхъ учениковъ и мѣрщиковъ, недостающія суммы отпускаются безъ возврата изъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала. Уплата удѣльнаго оброка, казенныхъ податей и земскихъ повинностей за межевыхъ учениковъ, мѣрщиковъ и старшихъ мѣрщиковъ, во все время состоянія ихъ въ этихъ званіяхъ, производится изъ хлѣбнаго крестьянскаго капитала. Правила, заключающіяся въ настоящемъ положеніи, распространяются и на обучающихся и практикующихся въ настоящее время межевыхъ учениковъ удѣльнаго вѣдомства, и по этому предоставляется департаменту удѣловъ переименовать въ сельскіе мѣрщики тѣхъ изъ нынѣ практикующихся межевыхъ учениковъ, со старшинствомъ со времени окончанія ими ученія, которые, по своимъ по знаніямъ и нравственнымъ качествамъ, окажутся сего достойными. Положеніе это распространяется равнымъ образомъ на находящихся въ удѣльномъ управленіи бывшихъ пахатныхъ солдатъ новгородской губерніи и на поселянъ государевыхъ

волостей московской и владимірской губерній. Независимо отъ сего дозволяется поступать въ удѣльные сельскіе мѣрщики, съ разрѣшенія департамента удѣловъ, *лицамъ всѣхъ свободныхъ состояній*, по выдержаніи надлежащаго испытанія (1).

Въ межевые ученики по министерству государственныхъ имуществъ тоже принимаются желающіе *всѣхъ свободныхъ состояній*.

Во время продолженія обученія назначается на содержаніе и одежду каждаго межеваго ученика въ годъ по 60 руб.

Межевщикамъ назначается жалованья по 120 руб. въ годъ, изъ коихъ 20 руб., по нынѣ принятому порядку, раздается, въ видѣ премій, за производство съемочныхъ и чертежныхъ работъ свыше урочнаго положенія и содержаніе инструментовъ въ надлежащей исправности.

Жалованье это они сохраняютъ и въ званіи сельскихъ мѣрщиковъ; при чемъ въ видѣ преміи раздается только 10 руб.

Во время производства полевыхъ работъ выдаются порціонныя деньги: межевщикамъ и мѣрщикамъ по 10-ти, а ученикамъ — по 6-ти к. въ сутки.

Сельскимъ мѣрщикамъ изъ государственныхъ крестьянъ, или изъ другихъ сословій, но припи-

---

(1) Сенат. вѣд. № 45.

савшихся къ государственнымъ крестьянамъ, выслужившимъ обязательный срокъ службы и изъявившимъ желаніе возвратиться въ тѣ сельскія общества, къ коимъ они приписаны, дается, при поступленіи въ свои семейства, въ единовременное пособіе по 50 руб., а тѣмъ, которые пожелаютъ завестись отдѣльнымъ хозяйствомъ, независимо отъ сего денежнаго пособія, остальныя вспомоществованія, которыя нынѣ предоставлены мѣрщикамъ изъ крестьянскихъ сиротъ и питомцевъ воспитательныхъ домовъ, какъ то: мѣсто для усадьбы и огорода, земля для пашни и покосовъ, лѣсъ на постройку, двухгодичная льгота отъ натуральныхъ повинностей, освобожденіе домовъ ихъ, при ихъ жизни, отъ постоя, право пользоваться общественнымъ выгономъ и лѣсомъ на отопленіе.

Сельскимъ мѣрщикамъ, которые по выслугѣ обязательнаго срока службы, изъявятъ желаніе поступить на вторичную службу, добавляется, съ переименованіемъ въ старшіе, по усмотрѣнію начальства, 17, или 42 руб. къ жалованью, которое имъ положено производить, т. е. къ 133 руб.

По выслугѣ старшими мѣрщиками, на вторичной службѣ, безпорочно пяти лѣтъ, добавляется имъ еще 50 руб. жалованья, если пожелаютъ остаться на службѣ.

Старшимъ мѣрщикамъ, по выслугѣ вполнѣ удовлетворительно, не менѣе двадцати лѣтъ со времени производства изъ межевыхъ учениковъ въ межевщики, выдается, при увольненіи въ от-

ставку, единовременно, годовой окладъ получаемаго жалованья и испрашивается званіе личнаго почетнаго гражданства.

Предоставленное старшимъ мѣрщикамъ право удостоиваться награжденія медалями распространяется на сельскихъ мѣрщиковъ и межевщиковъ.

Извѣстно, что грамотность теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, необходима для каждаго человѣка и что ея многіе не знаютъ потому, что первоначальныя школы, по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, были не всѣмъ доступны. Къ разряду лишенныхъ съ дѣтства возможности учиться грамотѣ и собственно въ ней нуждающихся, принадлежатъ мальчики и подмастерья, находящіеся у ремесленниковъ, а также служащіе у торговыхъ людей. Желая дать средство тѣмъ, кто захочетъ воспользоваться, — научиться грамотѣ и пріобрѣсть первоначальныя знанія, учитель уѣзднаго училища г. Панченко, съ разрѣшенія учебнаго начальства, намѣренъ въ Екатеринославѣ открыть, съ іюня, воскресную школу, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Школу могутъ посѣщать *безплатно всѣ бѣдные ремесленники и торговые люди*. 2) Время для ученія назначается по воскреснымъ днямъ, лѣтомъ отъ 4 до 6, а зимою отъ $2^1/_2$ до 4 часовъ послѣ обѣда. 3) Предметы ученія слѣдующіе: а) чтеніе и письмо по русски; б) важнѣйшія молитвы, символъ вѣры, съ уст-

нымъ объясненіемъ каждаго члена, и запов^{ѣ}ди; в) священная исторія ветхаго и новаго завѣта, въ разсказахъ; г) ариѳметика (первыя четыре правила простыхъ числъ) болѣе практически. 4) Учащіеся будутъ собираться для ученія въ екатеринославскомъ уѣздномъ училищѣ. 5) Учебныя пособія учащіеся должны имѣть свои или будутъ снабжены ими отъ благотворителей. Занятія въ воскресной школѣ будутъ раздѣлять съ г. Панченко его товарищи, учитель ариѳметики и геометріи Гассаненко и учитель нижняго отдѣленія Таракановъ, которые изъявили на то свое согласіе.

Не только Правительство, но уже и частные люди, и небогатые люди начинаютъ у насъ дромъ раздавать свѣтъ ученія. Приходи только и учись. Великое уготовано пиршество, пиршество ума, свѣта, науки. Неужели же будетъ *много званыхъ, но мало избранныхъ?* — Нѣтъ, этого не будетъ. Когда частный человѣкъ затѣваетъ общеполезное дѣло, то это значитъ, что ему пришла настоящая пора и—хорошо оно пойдетъ, и на благо оно будетъ. Человѣкъ одинъ, безъ поддержки земляковъ, многаго не сдѣлаетъ полезнаго для общества: ни средствъ не достанетъ, ни силъ. Правительство казалось бы могло сдѣлать много полезнаго, потому что силы у него и средства большія. Пошлетъ чиновника: чтобы было сдѣлано! — ну, и будетъ. Однако же кому лучше знать, что пригодно въ такомъ-то краю, что полезно въ другомъ. Самый честный и умный чиновникъ

пріѣдетъ откуда нибудь изъ столицы, такъ гдѣ же ему сразу узнать, что надо, чего не надо? Долго ему не узнать. А вотъ, какъ общество само почувствуетъ, что такое или другое дѣло сдѣлать у себя надо, пора, да какъ общество въ этомъ согласится — такъ дѣло и устроится само собою. Да и нельзя дѣлу нейти, когда его люди сами для себя дѣлаютъ.

Дѣло объ улучшеніи нашего быта двигается впередъ, нужно теперь подготовиться къ этой лучшей доли. Освѣтивъ себя ученіемъ, укрѣпивъ себя трудомъ и благоразуміемъ и христіански помогая другъ другу въ искорененіи зла, мы дождемся истиннаго улучшенія своего быта. Вотъ доказательства, что дѣло это двигается впередъ: поселяне въ слободкѣ, близь города Умани, кіевской губерніи, обязаны были исполнять по уманскому саду, называемому Царицынымъ, разныя работы, а теперь Высочайше повелѣно этихъ поселянъ перечислить въ мѣщанское сословіе города Умани, съ предоставленіемъ имъ пользоваться усадебною землею, которою надѣлены нынѣ, съ тѣмъ, что если кто изъ нихъ пожелаетъ остаться въ сословіи поселянъ, то предоставить каждому право переселиться въ селеніе, къ которому приписанъ (1).

---

(1) Сенат. вѣд. № 19.

Коннозаводскіе крестьяне нижегородской губерніи лукояновскаго уѣзда были обязаны поставлять на Починковскій конный заводъ сѣно и солому. А теперь Высочайше повелѣно: обложить сихъ крестьянъ, въ замѣнъ означенной натуральной повинности, денежнымъ сборомъ, именно по 30 коп. въ годъ съ каждой ревизской души, начавъ производство сего сбора съ того времени, когда прекратилось выполненіе коннозаводскими лукояновскими крестьянами вышеупомянутой натуральной повинности. (1)

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Тѣхъ изъ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, которые пожелаютъ водвориться въ селеніяхъ, изъ коихъ они поступили на службу, поселять въ оныхъ, не спрашивая согласія обществъ, съ предоставленіемъ имъ, безплатно, участка усадебной и огородной земли, въ размѣрѣ, причитающемся на одну душу. Если бы они пожелали распространить свое хозяйство и заняться земледѣліемъ, то въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ всѣхъ земляныхъ угодій причитается на душу не менѣе 6 десят., отводить имъ пахатную и сѣнокосную земли въ причитающемся на одну душу размѣрѣ, съ сложеніемъ съ об-

---

(1) Сенат. вѣд. № 37.

ществъ слѣдующаго за оную въ казну оброка; въ тѣхъ же селеніяхъ, кои имѣютъ менѣе 6-ти десят. на душу, участки пахатной и сѣнокосной земли отводить не иначе, какъ съ согласія обществъ, на отвѣтственности которыхъ остается уплата за отведенные участки оброка; при чемъ надѣляемыхъ таковыми участками нижнихъ чиновъ облагать подлежащею по разсчету съ душеваго пая оброчною суммою въ пользу сельскихъ обществъ. Если же общество не согласится выдѣлить для отставнаго, или безсрочно-отпускнаго солдата причитающійся ему участокъ, то участокъ этотъ отводить изъ оброчныхъ (запасныхъ) земель, гдѣ таковыя находятся въ смежности съ селеніемъ; при чемъ освобождать его отъ взноса за оный оброка въ казну.

2) Упоминаемые въ предшествовавшемъ пунктѣ участки пахатной и сѣнокосной земли отводить нижнимъ чинамъ только въ такомъ случаѣ, если желающіе получить оные представятъ удостовѣреніе общества селенія, въ которомъ они проживаютъ, что они имѣютъ желаніе и средства сами заниматься хлѣбопашествомъ, и только на такое время, покуда они сами воздѣлываютъ данную имъ землю; если же они будутъ оставлять оную впустѣ, или отдавать въ аренду, то немедленно отбирать оную и присоединять къ составу тѣхъ земель, изъ коихъ отведена.

3) Водвореніе отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, желающихъ поселиться

не въ тѣхъ селеніяхъ, откуда они поступили на службу, а также происходящихъ изъ посторонняго вѣдомства, производить на опредѣленномъ въ первомъ пунктѣ основаніи; но не иначе, какъ съ согласія общества селенія, гдѣ они желаютъ водвориться, надѣлить ихъ какъ усадебною и огородною землею, такъ и другими угодьями.

4) Пенсіи отставнымъ нижнимъ чинамъ, водворенным въ бывшихъ округахъ пахатныхъ солдатъ, откуда они поступили на службу, производить изъ существующаго въ удѣльномъ вѣдомствѣ пенсіоннаго капитала для сихъ чиновъ, на точномъ основаніи правилъ, предписанныхъ въ Св. Удѣл. Пост., унтеръ-офицерамъ — по 6-ти, а рядовымъ — по 4 руб. въ годъ, а уволеннымъ отъ службы за ранами, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 30-го августа 1855 года, въ увеличенномъ размѣрѣ, унтеръ-офицерамъ — по 9 а рядовымъ по 6 руб. въ годъ; тѣмъ же отставнымъ нижнимъ чинамъ, которые, по дряхлости, увѣчью, или другимъ уважительнымъ причинамъ, будутъ нуждаться въ особомъ пособіи при водвореніи, назначать таковое единовременно, въ размѣрѣ, установленномъ для переселяющихся крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, отъ 20 до 30 руб., по примѣненію къ Высочайшему повелѣнію 2-го апрѣля 1858 года, по особому каждый разъ удостовѣренію мѣстнаго начальства въ необходимости таковаго пособія.

5) Взысканіе съ водворенныхъ на семъ осно-

ваніи нижнихъ воинскихъ чиновъ общественнаго и мірскихъ сборовъ производить по правиламъ Св. Удѣл. Пост.; этими же правилами руководствоваться относительно наряда ихъ, для отправленія существующихъ повинностей (кромѣ общественной запашки, которая не составляетъ обязательной повинности для водворенныхъ нижнихъ чиновъ), назначенія имъ пособій хлѣбомъ, отпуска лѣса для построекъ и для отопленія (1).

Въ Сибири, за озеромъ Байкаломъ, есть у насъ городъ Верхнеудинскъ, разстояніемъ отъ Петербурга 6,396 верстъ, а отъ Москвы 5,723 вер. Дальше еще, верстъ за четыреста пятьдесятъ лежитъ городъ Чита, губернскій или областной городъ Забайкальской области. Эти 450 верстъ между Верхнеудинскомъ и Читой — чудный край. Лѣтомъ тепло такое, что арбузы растутъ въ полѣ, а не въ парникахъ, не хуже астраханскихъ; земля добрая, и путь тамъ лежитъ теперь важный — на рѣку Амуръ. По тракту между Верхнеудинскомъ и Читою жителей мало, такъ поэтому теперь крестьянамъ забайкальской области, кои переселятся на этотъ трактъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить слѣдующія льготы: а) освободить ихъ отъ рекрутской повинности въ продолженіи трехъ рекрутскихъ наборовъ,

---

(1) Сенат. вѣд. № 16.

со времени переселенія; б) дозволить имъ переселяться съ раздробленіемъ семействъ, въ такомъ однако случаѣ, если отъ раздѣленія семействъ не произойдетъ въ хозяйствѣ упадка, и не останутся на мѣстѣ такіе члены, которые не имѣютъ средствъ пропитанія; в) при раздробленіи семействъ, рекрутскія послуги зачитать остающимся на мѣстѣ членамъ оныхъ; г) освободить переселенцевъ отъ представленія увольнительныхъ согласій своихъ обществъ и отъ употребленія гербовой бумаги, какъ на написаніе просьбъ, такъ и при производствѣ переписки по симъ просьбамъ. Означенныя льготы распространить и на тѣхъ переселенцевъ, которые вызваны начальствомъ и поселились между Верхнеудинскомъ и Читою (1).

Оклады оброчныхъ податей съ государственныхъ крестьянъ, за отведенныя въ ихъ пользованіе земли, оставались безъ измѣненія въ продолженіи слишкомъ 37 лѣтъ и только нѣкоторыя губерніи отнесены были въ 1823 году, въ высшіе, соотвѣтственно своему благосостоянію, классы.

Между тѣмъ съ того времени произведенія земли и трудъ возвысились значительно въ цѣнѣ, а промыслы умножились, такъ что нынѣ средства крестьянъ, по обилію извлекаемыхъ ими изъ земель выгодъ, не соотвѣтствуютъ уже болѣе размѣрамъ установленныхъ окладовъ податей. При-

(1) Сенат. вѣд. № 31.

нятое дѣленіе губерній на классы также не согласуется для нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ перемѣнами, происшедшими въ хозяйственныхъ условіяхъ и промыслахъ.

По этому Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ раскладкѣ оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ.

Въ слѣдующей таблицѣ показана раскладка *общественнаго* сбора съ поселянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, и тѣ перемѣны, какія сдѣланы въ оброчныхъ за землю податяхъ.

Раскладка (1)

1) общественнаго сбора на трехлѣтіе, съ 1859 г. 2) Измѣненія въ оброчныхъ податяхъ	съ поселянъ вѣдомства государств. имущ.

По губерніямъ	съ каждой души копѣекъ.	Перемѣны въ оброчной подати.
Архангельской. . .	72¼	
Астраханской		въ Царевскомъ уѣз. 3 р. вмѣсто 2 р. 86 к. въ прочихъ 2 р. 71 к. вм. 2 р. 58 к.
съ русскихъ . .	57¾	
съ татаръ . . .	54¾	

(1) Сенат. вѣд. №№ 24 и 43.

Бессарабской обл. .	57¾	
Владимірской . . .	67¾	
Вологодской . . .	60	2 р. 71 к. вм. 2. 58 к. кромѣ уѣз. Сольвычегодскаго, Яренскаго и Устьсысольскаго.
Воронежской . . .	57	
Вятской	57¼	3 р. вм. 2 р. 86 к., кромѣ уѣз. Орловскаго.
Екатеринославской .	54¼	
Казанской	58¼	3 р. вмѣсто 2 р. 86 к.
Калужской	61¼	
Костромской . . .	63¼	
Курской	55¾	
Московской . . .	64¾	
Нижегородской . .	56¼	
Новгородской . . .	65¼	
Олонецкой	62¾	
Оренбургской . . .	56¾	2 р. 86 к. вм. платимыхъ нынѣ 2 р. 58 к.
Орловской	61	
Пензенской. . . .	53¼	
Пермской	56½	2 р. 86 к. вм. 2 р. 58 к. за исключеніемъ уѣздовъ Чердынскаго и Соликамскаго.

Полтавской . . .	57½	2 р 41 к. вм. 2 р. 29 к.
Псковской . . .	67¾	
Рязанской . . .	56¼	
Самарской . . .	55¾	Уѣзды Бугульминскій, Бугурусланскій и Бузулукскій уравнять съ прочими, назначивъ 2 р. 86 к. съ души, вм. 2 р. 58 к.
С. Петербургской	73¾	
Саратовской . . .	60½	
Смоленской . . .	61	
Ставропольской . .	69½	
Таврической . . .	61¼	съ русскихъ 2 р. 71 к. вм. 2 р. 58 к., съ татаръ 2 р. 41 к. вм. 2 р. 29 к.
Тамбовской . . .	59	
Тверской	63	
Тобольской (кромѣ Тобольскаго, Березовскаго и Туринскаго округовъ) . .		съ 1861 года, съ русскихъ посел. вм. 2 р. 29 к. по 2 р. 58 к. съ души.
Томской (кромѣ Нарывскаго отдѣленія Томскаго округа.)		
Тульской . . .	63	
Харьковской . .	56¾	
Херсонской . .	66¼	2 р. 71 к. вм. 2 р. 58 к.

Черниговской . .	56	2 р. 41 к. вм. 2 р. 29 к. съ души.
Ярославской . .	65½.	
Виленской . . .	56.	
Витебской . . .	64.	
Волынской . . .	59.	
Гродненской . .	60.	
Кіевской . . .	57.	
Ковенской . . .	59.	
Минской. . . .	62.	
Могилевской . .	61.	
Подольской . . .	54.	

Примѣчаніе 1-е. Съ крестьянъ, поступившихъ отъ разныхъ владѣльцевъ, обязанныхъ платежомъ другимъ вѣдомствамъ, съ колонистовъ, татаръ общественный сборъ назначенъ менѣе, и здѣсь не показанъ.

Примѣчаніе 2-е. Въ губерніяхъ окадастрованныхъ, въ которыхъ оброчная подать взимается по раскладкѣ съ человѣка и промысловъ, а равно въ ярославской и костромской, гдѣ кадастровыя оцѣнки уже кончены, г. министръ государственныхъ имуществъ установитъ оброчные платежи, согласно съ данными отъ Государя указаніями, соотвѣтственно сдѣланнымъ измѣненіямъ въ оброчной подати по прочимъ губерніямъ.

До сихъ поръ люди разнаго сословія, проживающіе въ южныхъ поселеніяхъ, платили за землю, находящуюся въ ихъ пользованіи столько,

сколько опредѣляло мѣстное поселенное начальство. Теперь Высочайше повелѣно:

Установить сборъ за участки земли, находящейся въ пользованіи частныхъ лицъ, подъ постройками, дворовыми и усадебными мѣстами — въ посадахъ мѣстечкахъ, селеніяхъ и городахъ южныхъ поселеній, неимѣюшихъ городскаго хозяйства, въ слѣдующемъ размѣрѣ, полагая въ годъ:

	За одну квадр. саж.	За десятину.
По 1-му округу Харьковскаго поселенія.	1/5 к.	4 р. 80 к.
— 2-му округу Харьковскаго поселенія.	1/4 »	6 » »
— 1 и 2-му округу Херсонскаго поселенія. . . .	1/5 »	4 » 80 »
— 3-му округу Херсонскаго поселенія.	1/10 »	2 » 40 »
— 1 и 2-му округу Кіевско-Подольскаго поселенія . .	1/4 »	6 » »

2) Принять за правило, чтобы дробныя части квадратной сажени, при расчетѣ поземельной платы, принимались всегда за полную квадратную сажень земли.

3) Сборъ платежа считать съ 1-го января настоящаго года.

4) Сборъ поземельной платы, предоставить мѣстнымъ волостнымъ расправамъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ поселеннаго начальства, обращая таковой въ мірской капиталъ поселянъ, такъ какъ

на основаніи § 72-го Высочайше утвержденнаго 4-го іюня 1857 года положенія о новомъ устройствѣ поселеній усадебныя земли предоставлены въ безплатное пользованіе сельскихъ обществъ, а плату за участки, занимаемые въ городахъ, не имѣющихъ еще городскаго хозяйства, обращать на составленіе городскихъ капиталовъ, для преподанія средствъ устраивать городское управленіе. (1)

Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ открыть шесть новыхъ ярмарокъ:

1) Въ городѣ Бахмутѣ, екатеринославской губерніи, въ первое воскресенье великаго поста (2).

2) Тамъ же, шести-дневную, съ 21 мая.

3) Въ г. Нолинскѣ, вятской губерніи, восьми-дневную, за недѣлю до праздника Всѣхъ Святыхъ. (3)

5) Въ г. Витебскѣ, трехъ-недѣльную, съ 1-го іюня. (4)

6) Тамъ же, трехъ-недѣльную, съ 20 января. (5)

---

(1) Сенат. вѣдом. № 19.
(2) Сенат. вѣдом. № 15.
(3) Сенат. вѣдом. № 39.
(4) Сенат. вѣдом. № 39.
(5) Сенат. вѣдом. № 39.

II.

ЗАКОНЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ТОРГОВЛИ МѢЩАНЪ И КРЕСТЬЯНЪ (*).

Всякаго рода торговля производится или *по свидѣтельствамъ*, получаемымъ изъ Уѣздныхъ Казначействъ, съ платою узаконенныхъ пошлинъ, или *свободно, безъ свидѣтельствъ*. (ст. 4)

Свидѣтельства на право торговли бываютъ четырехъ родовъ: 1) на право торговли по первой гильдіи, 2) по второй, 3) по третьей и 4) на право торговли, предоставленной мѣщанамъ.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ГИЛЬДІЮ.

Мѣщанамъ, государственнымъ поселянамъ и крестьянамъ, состоящимъ въ удѣльномъ управленіи, дозволяется переходить въ купечество только въ ноябрѣ и декабрѣ, въ теченіи коихъ каждый изъ нихъ, окончивъ по первобытному званію всѣ по-

---

(*) Законы эти выбраны изъ XI тома Свода Законовъ изд. 1857 года.

винности, можетъ объявлять капиталъ и вступать въ гильдіи съ начала послѣдующаго года. (ст. 19 и 20).

Мѣщанинъ, который, изъявивъ желаніе записаться въ гильдію, по какимъ-либо причинамъ не получитъ въ настоящій срокъ увольненія отъ своего общества, можетъ также, заплативъ городскія и земскія повинности за весь годъ, получить купеческое свидѣтельство съ заплатою полной годовой пошлины; но онъ остается тогда въ первобытномъ мѣщанскомъ званіи, и, не пользуясь личными правами купца, обязывается исправлять повинности по обоимъ состояніямъ. (ст. 21)

Вступленіе въ гильдіи производится чрезъ записку въ городскихъ думахъ или ратушахъ, по подачѣ отъ лица, желающаго записаться, письменнаго объявленія о количествѣ капитала. (ст. 22)

При запискѣ каждаго лица въ гильдію, городская дума или ратуша взыскиваетъ съ него городскія и земскія повинности, и выдаетъ ему въ томъ удостовѣреніе, съ означеніемъ, въ которую гильдію онъ записанъ. (ст. 28)

О ТОРГОВЛѢ КРЕСТЬЯНЪ ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ.

Крестьяне государственные, удѣльные и помѣщичьи, оставаясь въ своемъ званіи, могутъ производить торговлю и промышленность, купечеству предоставленную, также заниматься разными промыслами и ремеслами, присвоенными особенно мѣщанамъ, но не иначе, какъ *по запискѣ въ*

установленные для нихъ торговые разряды, со взятіемъ узаконенныхъ *свидѣтельствъ* и съ платежемъ пошлины соотвѣтственно обширности торга или промысла. (ст. 234.)

Крестьянамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ, предоставляется владѣть лавками въ гостиныхъ дворахъ, рядахъ, на торговыхъ мѣстахъ и частныхъ рынкахъ, также и въ тѣхъ домахъ, гдѣ лавки устроены цѣлыми линіями. (ст. 101)

Вступленіе въ торговый разрядъ совершается и удостовѣряется выдачею торговаго свидѣтельства, по заплатѣ узаконенныхъ пошлинъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ Уставѣ о Пошлинахъ. (ст. 239)

Крестьянинъ, не имѣющій торговаго свидѣтельства и желающій вступить въ торговый разрядъ, или состоящій въ низшемъ разрядѣ и желающій перейти въ высшій, можетъ получить такое свидѣтельство во всякое время года. (ст. 240)

Крестьянинъ, не возобновившій къ 1 января торговаго свидѣтельства, лишается и права производить сопряженную съ онымъ торговлю, исключая подрядовъ и поставокъ; крестьяне, вступившіе въ оные въ послѣдніе четыре мѣсяца года и взявшіе для сего надлежащія торговыя свидѣтельства, допускаются по онымъ къ подрядамъ и поставкамъ въ теченіи цѣлаго года, считая со дня выдачи имъ свидѣтельствъ. (ст. 241)

Крестьяне, торгующіе по свидѣтельствамъ перваго, втораго и третьяго родовъ, пользуются един-

ственно торговыми правами, по статьямъ 247 — 249; но ни почетныхъ преимуществъ, ни тѣхъ, кои гильдейскому купечеству принадлежатъ въ порядкѣ службы, податей и въ судѣ по дѣламъ уголовнымъ, сіи крестьяне не имѣютъ. (ст. 243)

По торговымъ дѣламъ своимъ, торгующіе въ городахъ крестьяне, какъ помѣщичьи, такъ и не помѣщичьи, состоятъ въ подсудности магистратовъ, ратушъ и коммерческихъ судовъ, гдѣ оные учреждены. (ст. 244)

Крѣпостные люди не иначе допускаются къ полученію торговыхъ свидѣтельствъ, какъ предъявивъ дозволеніе помѣщика; но получивъ торговое свидѣтельство и вступя по оному въ торговыя дѣла, они не могутъ быть удаляемы по волѣ помѣщиковъ, до истеченія срока свидѣтельству, для отдачи въ военную службу, или для переселенія въ Сибирь. (ст. 245)

Право на торговлю, пріобрѣтаемое крестьянами чрезъ полученіе торговыхъ свидѣтельствъ, теряется просрочкою, неоплатностію и преступленіемъ.

Свидѣтельство перваго рода даетъ право торговли, предоставленной купцу первой гильдіи, но безъ личныхъ сего купца преимуществъ и всѣхъ тѣхъ правъ, кои изъ нихъ проистекаютъ, и безъ права заниматься банкирскими и страховыми дѣлами. (ст. 247)

Свидѣтельство втораго рода даетъ право торговли, предоставленной купцу второй гильдіи, безъ личныхъ его преимуществъ. (ст. 248)

Свидѣтельство третьяго рода даетъ право на торговлю, предоставленную купцу третьей гильдіи, безъ личныхъ его преимуществъ. (ст. 249)

Свидѣтельство четвертаго рода даетъ право на торги и промыслы, въ городахъ предоставленные мѣщанамъ. (ст. 250)

Торгующимъ по свидѣтельствамъ крестьянамъ, какъ государственнымъ, такъ и помѣщичьимъ, дозволяется брать на свои имена векселя; но они не имѣютъ права давать оныхъ на себя, а потому и принятые векселя дозволяется имъ передавать другимъ только *безъ возврата на себя*. (ст. 251)

Крестьяне, торгующіе по свидѣтельству четвертаго рода, по предоставленному имъ праву на мѣщанскіе промыслы, не могутъ имѣть болѣе одной лавки. (ст. 253)

Крестьянину, торгующему по свидѣтельству четвертаго рода, дозволяется въ окрестностяхъ столицъ на растояніи отъ оныхъ до второй станціи имѣть мелочную лавочку съ товарами, въ росписи при семъ приложенной поименованными, если онъ не имѣетъ лавки въ городѣ. (ст. 254)

РОСПИСЬ ТОВАРАМЪ, КОТОРЫЕ МОГУТЪ БЫТЬ ПРОДАВАЕМЫ ПО МЕЛОЧИ ПОДЪ ДОМАМИ ВЪ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ МЕЛОЧНЫХЪ ЛАВОЧКАХЪ.

1) Чай, кофе, сахаръ и разные пряные коренья. 2) Оливки, каперцы, масло прованское, горчица, перецъ и уксусъ. 3) Пряники и разныя крестьянскія лакомства. 4) Сельди и разная соленая и су-

шеная рыба. 5) Печеный хлѣбъ разнаго рода и булки. 6) Всякая мелочь, которую дозволено продавать въ будкахъ, на столахъ, ларяхъ и лоткахъ. 7) Простые ленты, снурки и ленточки. Продажа всѣхъ прочихъ товаровъ, которые измѣриваются аршиномъ, въ сихъ лавочкахъ запрещается. 8) Свѣчи и мыло. 9) Фрукты, ягоды, овощи, зелень русскаго произрастенія и варенья. 10) Капуста, огурцы и другіе здѣшніе овощи квашеные. 11) Соль, патока, травы, цикорный кофе, яйца. 12) Масло разнаго рода. 13) Крупы разнаго рода, мука. 14) Молоко, творогъ, сметана и прочія тому подобныя мелочи, здѣсь не поименованныя, но которыя городская дума или ратуша разрѣшаетъ продавать въ подобныхъ лавочкахъ, сообразно принятымъ въ торговлѣ обычаямъ.

Мелочная лавочка должна заключать одинъ только покой, въ коемъ производится продажа, и при оной можетъ быть кладовая, погребъ или ледникъ, кромѣ собственнаго жилья хозяина.

Торгующимъ крестьянамъ по свидѣтельствамъ третьяго рода не воспрещается торговать и въ нѣсколькихъ городахъ, съ тѣмъ, чтобы они повинности исправляли по каждому городу, взявъ и особенныя на то свидѣтельства. (ст. 255)

Городская полиція, въ отношеніи къ торговлѣ, имѣетъ одинъ полицейскій надзоръ по наружности домовъ и улицъ, кромѣ случаевъ контрабанды и корчемства, въ которыхъ она поступаетъ на основаніи существующихъ узаконеній. Впрочемъ она

обязана, по требованію думы или ратуши, оказывать ей надлежащее содѣйствіе. (ст. 285)

О ТОРГОВЛѢ СВОБОДНОЙ, БЕЗЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ.

Къ предметамъ торговли свободной для всѣхъ состояній принадлежитъ:

1) Торгъ хлѣбомъ и вообще земными произрастеніями всякаго рода, оптомъ и въ разницу повсемѣстно, въ городахъ и селеніяхъ, на рынкахъ, и пристаняхъ, исключая однакожъ продажи изъ торговыхъ заведеній, на которыя выдаются билеты со взысканіемъ пошлинъ.

2) Учрежденіе на собственныхъ земляхъ при моряхъ, озерахъ и судоходныхъ рѣкахъ частныхъ верфей, строеніе на нихъ торговыхъ судовъ и перевозка на оныхъ товаровъ и другихъ грузовъ.

3) Торговля на ярмаркахъ и на установленныхъ торгахъ.

4) Изготовленіе машинъ и аппаратовъ для фабрикъ, химическихъ составовъ для сего предмета и красильныхъ веществъ, и продажа сихъ издѣлій при собственныхъ заведеніяхъ.

5) Содержаніе аптекъ и типографій.

6) Торгъ рогатымъ и всякимъ другимъ скотомъ, какъ то: овцами, свиньями и проч., которыхъ дозволяется покупать и продавать повсемѣстно, какъ и гдѣ пожелаютъ, а также выводить за границу черезъ всѣ вообще таможни и заставы, съ заплатою установленной пошлины и съ подачею отъ

своего имени объявленій въ таможняхъ и заставахъ. (ст. 295)

Къ предметамъ торговли свободной для людей податнаго состоянія въ особенности принадлежатъ выдѣлка и продажа кирпича, какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ, гдѣ кто живетъ, съ тѣмъ только, чтобы тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ сего рода заведенія въ городахъ, уплачивали городскія повинности на общемъ основаніи. (ст. 296)

Въ подтвержденіе повсемѣстно вольной торговли хлѣбомъ и другими жизненными потребностями на всемъ пространствѣ Имперіи, и облегченій, въ пользу того установленныхъ, мѣстному начальству вмѣняется въ обязанность наблюдать, дабы нигдѣ и никому не было полагаемо какого либо запрещенія касательно выпуска оныхъ изъ одной губерніи въ другую, предостерегая притомъ, дабы обыватели всегда имѣли достаточные для внутренняго продовольствія запасы, но не приступая даже и въ случаѣ недостатка таковыхъ запасовъ, или и самаго урожая хлѣба въ которой либо губерніи, ни къ какимъ произвольнымъ ограниченіямъ. (ст. 297)

Въ предупрежденіе всякаго стѣсненія свободнаго торга на ярмаркахъ, на мѣновыхъ дворахъ и на установленныхъ торгахъ, запрещается вообще приступать къ повѣркѣ или къ какимъ либо розысканіямъ о торговыхъ свидѣтельствахъ людей, прибывшихъ на оные; а пріѣзжающимъ мѣщанамъ и крестьянамъ дозволяется торговать собственно на

ярмаркахъ не только изъ возовъ, судовъ и лодокъ, но имѣть и временныя лавки. (ст. 298)

О ТОРГОВЛѢ МѢЩАНЪ БЕЗЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ.

Мѣщанину дозволяется имѣть въ городѣ, гдѣ онъ записанъ, одну лавку въ гостиномъ дворѣ или другомъ публичномъ зданіи, а также и подъ домомъ своимъ или наемнымъ, съ крестьянскими и другими товарами (ст. 306) (1).

Примѣчаніе. Мѣщанамъ не дозволяется имѣть для складки товаровъ болѣе одной кладовой. Кладовыя могутъ находиться отдѣльно отъ лавокъ, т. е. въ разныхъ съ оными домахъ.

Мѣщанинъ можетъ имѣть, вмѣсто таковой лавки въ городѣ, гдѣ онъ записанъ, такъ-называемую мелочную лавочку, подъ собственнымъ или наемнымъ домомъ, даже въ рядахъ и въ такихъ домахъ подъ которыми лавки устроены цѣлыми линіями, и продавать въ ней отчасти и нѣкоторые колоніяльные и другіе товары, изчисленные въ росписи приложенной къ ст. 254. (ст. 307)

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ дозволяется каждому совершеннолѣтному члену мѣщанскаго семейства имѣть по одной лавкѣ, съ тѣмъ, чтобы глава семейства, числящійся таковымъ по ревизскимъ сказкамъ, содержалъ лавку безъ взятія на оную билета, прочіе же члены семейства имѣли

---

(1) Роспись этимъ товарамъ напечатана въ 3-й книжкѣ Народнаго Чтенія, на стр. 67, 68 и 69.

билеты съ платежемъ, постановленнымъ въ Уставѣ о Пошлинахъ; чтобы въ лавкахъ сихъ продавались только товары, званію ихъ присвоенные, а оборотъ ихъ торговли не равнялся капиталу, купцомъ третьей гильдіи объявленному (2,400 руб. сер.), и чтобы приказчики въ сихъ лавкахъ изъ крестьянъ имѣли непремѣнно на свое имя торговыя свидѣтельства четвертаго рода. (ст. 308)

С.-Петербургскимъ мѣщанамъ разрѣшается, въ видѣ изъятія изъ общихъ постановленій, вмѣсто дозволенныхъ по статьѣ 306 одной лавки, или одной мелочной лавки (ст. 307), имѣть въ С.-Петербургѣ по одной хлѣбной лавкѣ каждому, для продажи по мелочи собственно только разнаго рода муки, крупъ и вообще хлѣба въ зернѣ и печенаго, сообразно съ правилами, въ статьѣ 308 изложенными, съ тѣмъ, во первыхъ, чтобы торговый оборотъ въ каждой таковой лавкѣ составлялъ не болѣе двухъ третей капитала, купцами третьей гильдіи объявляемаго (2,400 руб. сереб.), и во вторыхъ, чтобы лавки сіи имѣли помѣщеніе подобное мелочнымъ лавкамъ, именно: одинъ покой для продажи и при немъ, кромѣ жилья хозяина, кладовую, погребъ или ледникъ. (ст. 309)

Мѣщане могутъ имѣть въ своемъ или нанятомъ домѣ, равно какъ и въ рядахъ, открытую лавку съ собственными своими издѣліями. (ст. 310)

Мѣщанамъ дозволяется имѣть въ лавкахъ своихъ для продажи мелочные товары, и не поименованные въ росписяхъ, лишь бы оборотъ такого

торговца не равнялся съ торговлею купца третьей гильдіи. (ст. 311)

Мѣщанамъ не запрещается заниматься размѣномъ денегъ въ лавкахъ, на столахъ и ларяхъ, каждому изъ одной только лавки или стола. (ст. 312)

Мѣщанинъ можетъ развозить на ярмарки и установленные въ селеніяхъ торги всѣ товары, продажа коихъ ему дозволена; собственно же на ярмаркахъ можетъ торговать не только изъ возовъ, судовъ и лодокъ, но имѣть и временныя лавки. (ст. 313)

Мѣщанинъ можетъ повсемѣстно закупать разные припасы и крестьянскія издѣлія для мелочной продажи на ярмаркахъ и въ своемъ городѣ на рынкѣ и разносомъ, не держа для нихъ постоянной лавки. (ст. 314)

Для отвращенія злоупотребленій въ разносѣ товаровъ, въ городахъ, кромѣ рынковъ, могутъ быть разносимы по улицамъ и домамъ одни съѣстные припасы, лакомства, сшитое крестьянское платье и разныя крестьянскія издѣлія. (ст. 315)

Мѣщанинъ имѣетъ право варить медъ, содержать питейные домы и портерныя лавки, на точномъ основаніи существующихъ узаконеній. (ст. 316)

Мѣщанинъ можетъ содержать гостинницы, рестораціи, кофейные домы, трактиры и торговыя бани въ уѣздномъ городѣ, гдѣ онъ записанъ, и въ уѣздѣ онаго, а харчевни, постоялые дворы, корч-

мы и рыбные садки и въ губернскомъ городѣ или столицѣ, если онъ записанъ въ оныхъ. (ст. 317)

Примѣчаніе. Впрочемъ, кромѣ вышеписанныхъ случаевъ, таковыя заведенія дозволяются только однимъ купцамъ.

Сверхъ дозволенной каждому семейству мѣщанъ, или посадскихъ, одной лавки или другаго торговаго заведенія, ему предоставлено имѣть постоялые дворы, торговыя бани и харчевни. Мѣщане могутъ содержать сихъ заведеній сколько пожелаютъ, безъ ограниченія числа. (ст. 318)

Мѣщанамъ записанымъ въ портовыхъ городахъ новороссійскаго края, кромѣ Одессы и Таганрога, и въ Симферополѣ, дозволяется содержать, безъ записки въ гильдію, торговыя бани и кофейни, въ портовыхъ городахъ во всемъ городѣ, а въ Симферополѣ только въ той части, которая населена Татарами и Греками. (ст. 319)

Мѣщане могутъ имѣть рѣчные суда для перевозки разныхъ произведеній. (ст. 321)

Мѣщанамъ предоставляется владѣть лавками въ гостиныхъ дворахъ, рядахъ, на торговыхъ мѣстахъ и частныхъ рынкахъ, также и въ тѣхъ домахъ, гдѣ лавки устроены цѣлыми линіями. (ст. 322)

Въ губерніяхъ: астраханской, екатеринославской, ставропольской, таврической и херсонской, мѣщанамъ дозволяется продавать въ своемъ домѣ въ разницу виноградныя вина мѣстнаго произведенія. (ст. 323)

Мѣщане не могутъ имѣть настоящихъ фабрикъ или заводовъ, но имъ дозволяется, сверхъ своего семейства, употреблять къ станамъ и ремесламъ своимъ и небольшимъ домашнимъ заведеніямъ наемныхъ людей, не болѣе однако же *шестнадцати* работниковъ, или соразмѣрнаго числа мальчиковъ, полагая двухъ мальчиковъ, не старѣе пятнадцати лѣтъ, за одного роботника; мѣщанинъ, желающій имѣть болѣе шестнадцати работниковъ при таковыхъ заведеніяхъ, долженъ записаться въ третью гильдію. (ст. 324)

Мѣщанинъ допускается къ подрядамъ и откупамъ на сумму не свыше тысячи двухъ сотъ рублей серебромъ; со взятіемъ же подписки, на основаніи статьи 85, онъ можетъ быть допущенъ къ подряду, дозволенному купцу третьей гильдіи, но отнюдь не къ такому, который предоставленъ купцамъ первой и второй гильдій. (ст. 325)

Мѣщанинъ не можетъ заключать частнаго торговаго обязательства на сумму свыше тысячи двухъ сотъ рублей серебромъ. (ст. 326)

Примѣчаніе. Поелику мѣщанину предоставляется право входить въ откупы и подряды казенные и дѣлать частныя обязательства по торговлѣ только до тысячи двухъ сотъ рублей серебромъ, то мѣщанинъ, заключившій уже въ одномъ казенномъ или общественномъ управленіи контрактъ на означенную сумму, и желающій взять въ томъ же управленіи другой подрядъ, долженъ непремѣнно записаться въ гильдію соразмѣрно суммѣ;

если же въ запискѣ въ гильдію встрѣтится какое либо законное препятствіе, то не менѣе того онъ обязанъ, взявъ таковой подрядъ, заплатить всѣ гильдейскія повинности. При заключеніи частныхъ торговыхъ обязательствъ наблюдается, чтобы сумма каждаго не превышала тысячи двухъ сотъ рублей серебромъ.

Мѣщане могутъ имѣть домы въ столицахъ цѣною не свыше семи тысячъ пяти сотъ рублей серебромъ по городской оцѣнкѣ; въ противномъ же случаѣ они обязаны записаться въ гильдію; а если въ припискѣ ихъ въ гильдію встрѣтится какое либо законное препятствіе, то не менѣе того они обязаны платить всѣ гильдейскія повинности. Сіе правило распространяется и на мѣщанскихъ женъ и незамужнихъ дочерей ихъ. Вдовы же купцовъ и незамужнія ихъ дочери, въ гильдіи не записанныя, за право владѣнія въ столицахъ домами, стоющими по городской оцѣнкѣ болѣе семи тысячъ пяти сотъ рублей серебромъ, обязаны платить установленныя по третьей гильдіи купеческія повинности. (ст. 327)

Мѣщанамъ дозволяется по промысламъ ихъ брать и давать векселя на общемъ основаніи. (ст. 328)

Мѣщане не могутъ безъ увольненія отъ своихъ обществъ перечисляться въ другія. (ст. 329)

Все сказанное въ предшедщихъ 306 — 329-й статьяхъ о мѣщанахъ, разумѣется и о посадскихъ. (ст. 330).

Нижнимъ воинскимъ чинамъ запрещается въ городахъ торговать чѣмъ бы то ни было, исключая произведеній своего собственнаго мастерства. (ст. 338)

Городскіе жители, живущіе на городской землѣ, не могутъ имѣть магазиновъ или лавокъ внѣ города, не исключая тутъ выгона. (ст. 344)

Изъ сего изъемлются мелочныя лавки, которыя дозволяется мѣщанамъ и посадскимъ имѣть только въ окрестностяхъ столицъ на разстояніи отъ оныхъ до второй станціи. (ст. 345)

О ТОРГОВЛѢ КРЕСТЬЯНЪ БЕЗЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ.

Крестьяне государственные всѣхъ наименованій, удѣльные и помѣщичьи могутъ имѣть въ своихъ селеніяхъ открытыя лавки, лабазы и другія подобныя торговыя заведенія; но торговать въ оныхъ дозволяется имъ одними тѣми товарами, кои означены въ особыхъ, къ сей статьѣ приложенныхъ росписяхъ, закупая оные въ городахъ и на ярмаркахъ. (ст. 349)

РОСПИСЬ РАЗНЫМЪ МЕЛОЧАМЪ, КОИ МОГУТЪ БЫТЬ ПРОДАВАЕМЫ ВЪ БУДКАХЪ, ВНѢ ДОМОВЪ И ГОСТИНЫХЪ ДВОРОВЪ И НА СТОЛАХЪ, ЛАРЯХЪ И ЛОТКАХЪ, НА РЫНКАХЪ И УЛИЦАХЪ.

1) Деревянная и глиняная крупная и мелкая всякаго званія посуда, кромѣ фарфора и фаянса.
2) Иглы швальныя и рогожныя, булавки, ножи, ножницы простыя русскія, гвозди, наперстки и

прочія крестьянскія желѣзныя потребности, принадлежащія къ домашнимъ ихъ нуждамъ. 3) Понитки, кушаки шерстяные и нитяные. 4) Кресты, цѣпочки, серьги, перстни и пуговки мѣдныя и оловянныя и понизки стеклянныя. 5) Поясы, снурки и косники шелковые и бумажные безъ золота. 6) Деготь и смола. 7) Разная мелочная домашняя подержанная утварь. 8) Фрукты, ягоды, овощи и зелень здѣшніе. 9) Вареное масло и рыба, и разные готовые съѣстные простые припасы. 10) Старые книги и эстампы въ разноску. 11) Сѣно и солома. 12) Печеный хлѣбъ, булки, пряники и крестьянскій для лакомства товаръ. 13) Сбитень и квасъ и прочія подобныя мелочи, здѣсь непоименованныя, но которыя городская дума или ратуша разрѣшитъ продавать, сообразно принятымъ въ торговлѣ обычаямъ.

Извозничество, содержаніе почтовыхъ лошадей и рѣчныхъ судовъ, харчевень и постоялыхъ дворовъ въ селахъ и деревняхъ, развозка и продажа дровъ, плиты и другихъ матеріаловъ, огородничество, садоводство и вообще упражненіе въ работахъ и ремеслахъ, крестьянскому быту свойственныхъ, не составляютъ торговли и не подлежатъ никакому ограниченію. (ст. 350)

Только тѣ изъ крестьянъ не обязаны имѣть свидѣтельства на право торговли, которые открываютъ дозволенныя двумя предшедшими статьями (349 и 350), заведенія въ мѣстахъ постояннаго своего жительства, т. е. въ своихъ селеніяхъ или

на принадлежащихъ къ онымъ земляхъ; содержащіе же таковыя заведенія въ селеніяхъ посторонних, должны брать торговыя свидѣтельства четвертаго рода. (ст. 351)

Крестьяне могутъ свободно закупать и развозить въ уѣздахъ и городахъ припасы всякаго рода, также сельскія произведенія, рукодѣлія и издѣлія, и продавать оныя на торгахъ и рынкахъ изъ возовъ, судовъ и лодокъ, а на ярмаркахъ имѣть для сего и временныя лавки. (ст. 352)

Крестьянскія семейства могутъ имѣть въ селеніяхъ станы всякаго рода, на коихъ они работаютъ сами, и всякія домашнія заведенія, на которыхъ выработываются крестьянское сукно, холстъ и пестрядь. (ст. 353)

Крестьяне могутъ имѣть въ селеніяхъ, такъ называемыя, домашнія заведенія или малыя фабрики, дѣйствующія наемными работниками, соображаясь въ числѣ оныхъ съ правиломъ, постановленнымъ выше, въ статьѣ 324. Если же они при фабрикахъ своихъ употребляютъ болѣе опредѣленнаго числа работниковъ, то должны брать установленныя свидѣтельства третьяго рода. (Ст. 354)

Всѣ роды промышленности, свойственной крестьянскому быту, свободны отъ всякаго сбора или платежа, безъ всякаго ограниченія или стѣсненія (ст. 355).

Государственнымъ крестьянамъ псковской губерніи, великолуцкаго уѣзда, вязовской волости, опочковскаго уѣзда, усохинской волости, черниговской губерніи, новозыбковскаго уѣзда, старо-

бобовицкаго, новобобовицкаго, митьковскаго и козакамъ новомѣстскаго сельскихъ обществъ, а также государственнымъ крестьянамъ суражскаго уѣзда неглюбскаго, яновскаго, верещацкаго и коженовскаго обществъ дозволяется производить покупку и вымѣнъ щетины въ разныхъ губерніяхъ, по однимъ плакатнымъ паспортамъ, не принуждая ихъ брать для сего торговыя свидѣтельства. Товары же и вещи, которые они могутъ разносить съ собою для вымѣна щетины, опредѣлены въ приложенной при сей статьѣ росписи. (ст. 259 и 360)

РОСПИСЬ ТОВАРАМЪ, КОИ ВЫМѢНИВАЮТСЯ НА ЩЕТИНУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ, ВЕЛИКОЛУЦКАГО УѢЗДА, ВЯЗОВСКОЙ ВОЛОСТИ, И ОПОЧКОВСКАГО УѢЗДА, УСОХИНСКОЙ ВОЛОСТИ, И ПРОЧИХЪ ВЫШЕОЗНАЧЕННЫХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Мѣдные и оловянные кресты, серьги, запонки, пуговицы, кольца, перстни, наперстники, иглы швальныя разныхъ сортовъ, булавки, игольники деревянные, уховертки, шпильки, гребни роговые, ленточки шелковыя недорогія, крестьянскій крупный бисеръ и бусы, крючки мѣдные и желѣзные, тесьмы разнаго рода, шилья разныя, кумачъ красный, синій, такъ называемыя ластовицы для рубахъ ситцевыя и изъ разной пестряди, имѣющія мѣры каждая отнюдь не болѣе одного аршина, а также камфора (не болѣе полуфунта) и купоросъ простой (не болѣе двухъ фунтовъ).

Купцамъ, мѣщанамъ и посадскимъ запрещается производить въ селеніяхъ какой либо лавочный торгъ, кромѣ ярмарокъ и установленныхъ торговъ. (ст. 361)

Изъ сего изъемлются селенія, при казенныхъ фабрикахъ и заводахъ находящіяся, также морскія и внутреннія пристани и окрестности столицъ на разстояніи до второй станціи, гдѣ городскимъ жителямъ вообще, соотвѣтственно торговымъ правамъ каждаго, разрѣшается лавочный торгъ, производство ремеслъ и содержаніе ренсковыхъ погребовъ. (ст. 362)

Купцы и мѣщане не могутъ имѣтъ въ селеніяхъ постояннаго жительства, исключая фабрикантовъ, находящихся при нихъ приказчиковъ, арендаторовъ фабрикъ, содержателей гостинницъ и трактировъ на большихъ дорогахъ, винопродавцевъ, содержателей мельницъ, заводовъ, кирпичныхъ сараевъ и известковыхъ печей; также купцовъ и мѣщанъ, производящихъ хлѣбопашество на собственныхъ земляхъ, и такихъ, которые нанимаютъ у нихъ землю для сего же предмета. (ст. 363)

Сіе запрещеніе не относится: 1) до тѣхъ купцовъ и мѣщанъ, которые, до изданія дополнительнаго постановленія объ устройствѣ гильдій и торговлѣ прочихъ состояній 14-го ноября 1824 года, законнымъ порядкомъ водворились уже въ деревняхъ; 2) до тѣхъ купцовъ и мѣщанъ, которые находятся въ мѣстечкахъ губерній: лифлянд-

ской, эстляндской, курляндской, кіевской, волынской, подольской, виленской, гродненской, минской, ковенской, витебской, могилевской, черниговской, полтавской, херсонской, екатеринославской и таврической. (ст. 364)

Занимающіеся означенными въ статьѣ 363 промыслами купцы и мѣщане, не могутъ имѣть въ селеніяхъ и вообще въ уѣздѣ магазиновъ, лавокъ и складовъ произведеніямъ, кромѣ состоящихъ при фабрикахъ и заводахъ; сверхъ того они должны быть записаны въ городахъ на общихъ правилахъ. (ст. 365)

О ПРИКАЗЧИКАХЪ И СИДѢЛЬЦАХЪ.

Приказчикъ или сидѣлецъ обязанъ исполнять приказанія и порученія своего хозяина во всей точности, быть къ нему и семейству его почтительнымъ и въ поведеніи исправнымъ (ст. 690)

Приказчика или сидѣльца, ведущаго безпорядочную и развратную жизнь, дозволяется хозяину унимать домашнею строгостію; а если тѣмъ не исправится, то хозяинъ можетъ приносить на него жалобу въ судѣ, гдѣ, по розысканію, онъ подвергается наказанію, смотря по степени безпорядка и развратности. (ст. 691)

Отъ взаимныхъ условій хозяина съ приказчикомъ или сидѣльцемъ зависитъ, производить ли ему въ домѣ или лавкѣ какія работы, или нѣтъ; но соблюденіе чистоты и опрятности въ лавкѣ

или конторѣ, во всякомъ случаѣ, лежитъ на обязанности приказчика (ст. 692).

Приказчикъ или сидѣлецъ не долженъ принимать отъ хозяина своего въ свое распоряженіе ни денегъ, ни товара, не росписавшись въ книгѣ; равнымъ образомъ не долженъ отдавать ничего безъ росписки въ книгѣ хозяину, въ отвращеніе могущихъ въ противномъ случаѣ произойти споровъ. (ст. 693)

Сидѣлецъ несовершенныхъ лѣтъ не долженъ имѣть довѣрія и въ распоряженіи своемъ товара болѣе какъ на тридцать рублей серебромъ; въ противномъ случаѣ хозяинъ не имѣетъ права взыскивать. Если мальчикъ, отданный въ науку, имѣетъ поручителемъ отца или родственника и не моложе пятнадцати лѣтъ, въ такомъ случаѣ взыскивается съ поручителей; за неимѣніемъ же сего возраста, никакое поручительство не дѣйствительно и искъ не пріемлется. (ст. 694)

Приказчикъ или сидѣлецъ, опредѣленный хозяиномъ къ отправленію торговыхъ его дѣлъ, или въ лавку, или въ иное какое либо мѣсто для продажи товаровъ, ни подъ какимъ видомъ не долженъ управлять чужими дѣлами, ни брать чужихъ товаровъ для продажи, безъ письменнаго на то отъ своего хозяина дозволенія. Въ противномъ случаѣ товаръ конфискуется въ пользу хозяина, а приказчикъ или сидѣлецъ подвергается наказанію, по усмотрѣнію магистрата. (ст. 695)

Запрещается купеческому приказчику или сидѣль-

цу производить торгъ на имя хозяина собственными своими товарами. (ст. 996)

Запрещается приказчику или сидѣльцу торговать такими товарами, какими торговля хозянну его не дозволена. Если онъ въ томъ изобличенъ будетъ, то подвергается взысканію, опредѣленному въ статьѣ 1695 Уложенія о Наказаніяхъ. (ст. 696)

Хозяинъ не подлежитъ ни отвѣтственности, ни иоложенному таможенными узаконеніями штрафу, когда его приказчики безъ его вѣдома и воли торгуютъ заповѣдными, или утаенными отъ пошлинъ товарами. (Ст. 707).

Срокъ для расчетовъ хозяевъ съ приказчиками и приказчиковъ съ хозяевами полагается одинъ годъ, а для дачи отъ приказчиковъ отчета одинъ мѣсяцъ по минованія срока служенія. (ст. 711)

Если приказчикъ по прошествіи года въ теченіи одного мѣсяца не дастъ отчета за годъ, не имѣя въ извиненія законныхъ причинъ, и на него будетъ жалоба отъ хозяина: то онъ во всемъ, на него показанномъ, обвиняется. Законными же причинами полагаются: тяжкая болѣзнь, отлучка по приказу хозяина изъ города и отлучка по повелѣнію правительства. (ст. 712)

Если хозяева съ приказчиками или приказчики съ хозяевами въ теченіи цѣлаго года по минованіи срока служенія совершенно не разочтутся: то какъ тѣ, такъ и другіе теряютъ право иска по могущимъ въ послѣдствіи возникнуть между ними о томъ спорамъ. (ст. 713)

О мѣрахъ и вѣсахъ.

Всѣмъ заведеніямъ, художникамъ и мастерамъ, получившимъ дозволеніе отъ губернскаго начальства и свидѣтельства на гербовомъ листѣ въ девяносто копѣекъ серебромъ, дозволяется приготовлять сажени, аршины, коромысла, гири, мѣры жидкости и емкости. На нихъ возлагается отвѣтственность имѣть заклейменные образцы, для вывѣрки по онымъ изготовляемыхъ ими вѣсовъ, гирь и мѣръ, какъ о семъ въ Уставѣ Горномъ для казенныхъ горныхъ заводовъ постановлено. Сверхъ того они должны налагать на приготовляемыя ими издѣлія собственное фабричное клеймо и представлять оныя въ казенныя палаты, для вывѣрки и наложенія установленныхъ клеймъ. (ст. 2,748)

Примѣчаніе. Малые вѣсы съ коромысломъ длиною менѣе шести вершковъ и гирьки менѣе одной унціи, употребляемыя въ аптекахъ, не подвергаются клейменію.

За наложеніе каждаго клейма на вновь приготовленныхъ вѣсахъ и мѣрахъ взимается слѣдующій сборъ: съ вѣсовъ — съ ваги или коромысла, поднимающаго болѣе пяти пудовъ, одинъ рубль шестьдесятъ копѣекъ серебромъ; съ коромысла, поднимающаго менѣе пяти и болѣе одного пуда, сорокъ копѣекъ; меньшихъ коромыслъ тридцать копѣекъ; съ безмѣна особаго устройства, допущеннаго 2,790 статьею, тридцать копѣекъ сере-

бромъ; съ гирь: пятипудовой сорокъ копѣекъ; четырехпудовой тридцать копѣекъ; двухпудовой двадцать копѣекъ; пудовой пятнадцать копѣекъ; полупудовой десять копѣекъ; десятифунтовой девять копѣекъ; пятифунтовой восемь копѣекъ; трехфунтовой семь копѣекъ; двухфунтовой шесть копѣекъ; фунтовой пять копѣекъ; съ малыхъ гирь, за каждую безъ различія, по три копѣйки; и съ аптекарскаго фунта со всѣми подраздѣленіями рубль серебромъ; съ мѣръ жидкостей — съ ведра двадцать пять копѣекъ; полведра пятнадцать копѣекъ; четверть ведра десять копѣекъ; одной десятой или десяти чарокъ десять копѣекъ; одной двадцатой или пяти чарокъ пять копѣекъ; одной пятидесятой или двухъ чарокъ четыре копѣйки; одной сотой или одной чарки три копѣйки; съ мѣръ сыпучихъ тѣлъ — съ мѣры восьми-четвериковой или четверти два рубля серебромъ; съ четырехчетвериковой или получетверти (осьмины) рубль серебромъ; съ двухчетвериковой или полуосьмины въ портовыхъ городахъ, по семидесяти пяти копѣекъ серебромъ; съ четверика пятьдесять копѣекъ; полчетверика тридцать пять копѣекъ; четверки двадцать копѣекъ, осьмушки или гарнца десять копѣекъ; полуосьмушки или полугарнца пять копѣекъ; двадцатигарнцевой мѣры, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, рубль двадцать пять копѣекъ серебромъ; съ мѣръ длины — съ сажени двадцать копѣекъ; аршина семь копѣекъ и фута три копѣйки серебромъ; съ деревянныхъ саженныхъ и полужасен-

ныхъ станковъ, употребляемыхъ въ С. Петербургѣ, на дровяныхъ дворахъ, для мѣры дровъ, съ каждаго станка по двадцати копѣекъ серебромъ. (ст. 2,751)

Примѣчаніе. Клейменіе, а слѣдовательно и самое приготовленіе аршиновъ, до времени не полагается, такъ какъ по всѣмъ губерніямъ разосланы для продажи, за умѣренную цѣну, казенные желѣзные аршины; почему и установленная за клейменіе аршина пошлина, по семи копѣекъ серебромъ, имѣетъ быть введена не прежде, какъ по распродажѣ помянутыхъ казенныхъ аршиновъ.

Надзоръ за употребленіемъ законныхъ мѣръ и вѣсовъ возлагается на обязанность въ городахъ городской, а въ уѣздахъ земской и сельской полиціи. (ст. 2,753)

Законными по приготовленію вѣсами и мѣрами признаются: а) отлитые на казенныхъ заводахъ, ведра и четверики, съ ихъ подраздѣленіями, и разнаго рода гири; б) разосланные по губерніямъ желѣзные аршины; в) на основаніи правилъ, опредѣленныхъ въ предшедшихъ статьяхъ 2,748 и 2,749, и статьѣ 1,341 Устава Горнаго, приготовленные, на частныхъ заведеніяхъ, художниками и мастерами, вывѣренные и клейменные вѣсы и мѣры; г) исправленные получившими свидѣтельства заведеніями и лицами вѣсы и мѣры прежней выдѣлки, съ наложеніемъ фабричнаго и казеннаго клейма. Впрочемъ, какъ всѣ сіи вѣсы и мѣры могутъ быть отъ употребленія попорчены,

и чрезъ то могутъ потерять первоначальную свою вѣрность, то они не изъемляются отъ общей повѣрки, когда оная главнымъ мѣстнымъ начальствомъ учреждена будетъ. (ст. 2,763)

Примѣчаніе. Гири должны быть мѣдныя, чугунныя или желѣзныя; свинцовыя же или оловянныя запрещаются.

Всѣ торгующіе и занимающіеся приготовленіемъ издѣлій разнаго рода обязаны непремѣнно имѣть вѣсы и мѣры клейменные. Но въ домашнемъ быту и особливо въ деревняхъ, дозволяется употреблять и домашнія мѣры разной формы, съ тѣмъ однако, чтобъ для сличенія оныхъ, въ каждомъ волостномъ правленіи, также у всѣхъ арендаторовъ и администраторовъ казенныхъ имѣній, находились непремѣнно клейменные вѣсы и мѣры. Равнымъ образомъ, должны быть клейменные вѣсы и мѣры на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, въ такъ называемыхъ харчевняхъ и тому подобныхъ заведеніяхъ, гдѣ производится продажа разныхъ предметовъ пріѣзжающимъ, а также на ярмаркахъ, торговыхъ мѣстахъ и базарахъ въ селеніяхъ, гдѣ совершается публичная купля и продажа. (ст. 2,764)

Мѣры для продажи питей назначены крупныя и мелкія. Крупныя суть: ведро, полведра и четверть ведра (штофъ или десять чарокъ), двадцатая часть ведра (полуштофъ или пять чарокъ), пятидесятая часть ведра (четверть штофа или двѣ

чарки), сотая часть ведра (осьмушка или чарка). (ст. 2,768)

Штофы или бутылки, въ коихъ продаются напитки, должны имѣть узаконенную мѣру, опредѣленную по содержанію къ казенному ведру. (ст. 2,769)

Стеклянная посуда узаконенной мѣры есть:

1) Штофъ, равный кружкѣ, содержащій въ себѣ десятую часть ведра (десять чарокъ), т. е. три фунта перегнанной воды при температурѣ $13^1/_3{}^0$ Реомюра; полуштофъ, равный полукружкѣ, въ двадцатую часть ведра (пять чарокъ); пятая часть штофа, въ пятидесятую часть ведра (двѣ чарки), и десятая часть штофа въ сотую часть ведра (одна чарка).

2) Бутылка, содержащая въ себѣ двадцатую часть ведра (пять чарокъ), т. е. полтора фунта перегнанной воды при означенной же температурѣ, и полубутылка въ сороковую часть ведра (двѣ съ половиною чарки). (ст. 2,770)

Заводчики обязаны выдѣлывать сію посуду такой величины, чтобы она была вмѣстимостію не менѣе представляемой ею мѣры, подъ опасеніемъ взысканій, опредѣленныхъ въ статьѣ 1679 Уложенія о Наказаніяхъ. (ст. 2,771)

На мѣрной лишь посудѣ вышеозначенныхъ названій, заводчики обязаны ставить клеймо, въ которомъ означать имя и фамилію заводчика, хотя начальными буквами, мѣсто нахожденія завода и годъ выдѣлки, подвергаясь за неисполненіе

сего взысканіямъ по вышеприведенной статьѣ 1,679 Уложенія о Наказаніяхъ. Клейма сіи, отпечатанныя сургучемъ на бумагѣ, представлять на утвержденіе въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли. Выборъ мѣста для клейма на посудѣ предоставляется усмотрѣнію заводчиковъ. (ст. 2,772)

Мѣры для раздробительный продажи хлѣбнаго вина и водокъ суть: ведерная, полуведерная и четвертьведерная. (ст. 2,779)

Каждый комплектъ мелкихъ мѣръ въ раздробительной продажѣ хлѣбнаго вина и водокъ долженъ состоять изъ четырехъ мѣръ, изъ коихъ:

Первая должна составлять			$^1/_{10}$	ведра	или	10 чарокъ.
Вторая	—	—	$^1/_{20}$	—	—	5 —
Третья	—	—	$^1/_{50}$	—	—	2 чарки.
Четвертая	—	—	$^1/_{100}$	—	—	1 чарку.

(ст. 2,780)

Законные аршины приготовляются на счетъ казны, съ выручкою издержекъ отъ продажи оныхъ; разсылаются въ достаточномъ количествѣ во всѣ губерніи, и продаются отъ уѣздныхъ казначействъ, исключая губерніи сибирскія, гдѣ учрежденіе сей продажи предоставлено генералъ-губернаторамъ. (ст. 2,784)

Цѣна за аршинъ полагается сорокъ пять копѣекъ серебромъ; а если кто пожелаетъ купить не менѣе пятидесяти аршиновъ, то въ семъ случаѣ оные продаются по тридцати копѣекъ серебромъ. (ст. 2,785)

Употребленіе обыкновеннаго въ мелочной торговлѣ (до 1797 года) Русскаго безмѣна повсемѣстно запрещено, по удобности онаго къ обману. (ст. 2,789)

Разносчикамъ дозволяется употребленіе безмѣна, устроеннаго по особливому правилу 1797 года; но употребленіе и сего безмѣна въ лавкахъ запрещено. (ст. 2,790)

Вѣсы, для вѣрности при развѣшиваніи товаровъ, могутъ имѣть установленную форму. Впрочемъ не запрещается приготовлять и употреблять въ торговлѣ вѣсы и всякаго устройства, лишь бы были прочны, заклеймены и всегда вѣрны. (ст. 2,791)

О ТОРГОВЛѢ НА ЯРМАРКАХЪ.

Ярмарки суть общіе торги, на которыхъ, въ продолженіи опредѣленнаго закономъ или обычаемъ времени, дозволяется *вольная и безпрепятственная для всѣхъ состояній торговля всякаго рода товарами.* (ст. 2,808)

Время начала и продолженія знатнѣйшихъ ярмарокъ, а равно слѣдующихъ непосредственно одна за другою, должно быть расположено такъ, чтобы пріѣзжающіе на оныя, за окончаніемъ одной ярмарки, могли поспѣвать на другую. (ст. 2,814)

Торгъ на ярмаркахъ вообще дозволяется всякому Россійскому подданному безъ различія гильдій и торговыхъ разрядовъ; а на три главныя ярмарки: Коренную, Нижегородскую и Ирбитскую дoз-

воляется высылать для продажи товары на собственный счетъ и иностраннымъ гостямъ, коимъ внутренній въ Россіи торгъ во всякомъ случаѣ запрещается. (ст. 2,815)

Всѣ лавки, балаганы, погреба и прочія торговыя помѣщенія на учрежденныхъ въ городахъ и казенныхъ селеніяхъ ярмаркахъ, продолжающихся болѣе трехъ дней сряду, считая съ назначеннаго для открытія дня, должны быть занимаемы не иначе, какъ по контрактамъ, билетамъ и прочимъ письменнымъ видамъ на установленной гербовой бумагѣ. (ст. 2,816)

Если въ мѣстечкахъ или селеніяхъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, отдаются во время ярмарки мѣста, балаганы и другія торговыя помѣщенія по письменнымъ условіямъ или билетамъ, то всѣ такія условія и билеты должны быть написаны также на установленной гербовой бумагѣ. (ст. 2,817)

На маловажныхъ ярмаркахъ, менѣе трехъ дней сряду продолжающихся, особенно въ мѣстечкахъ и селеніяхъ помѣщичьихъ, гдѣ означенныхъ (ст. 2,817) контрактовъ и билетовъ до 25 іюня 1819 года писано не было, никто къ тому не понуждается. (ст. 2818)

Такимъ же образомъ (ст. 2,816) должны быть занимаемы и всѣ вообще строенія и мѣста въ чертѣ городовъ, гдѣ ярмарки бываютъ, и другими лицами какимъ бы ни было образомъ доходъ отъ ярмарокъ заимствующими, какъ-то: содержателя-

ми трактировъ, харчевень, штукмейстерами и прочими. (ст. 2,819).

Крестьяне, изъ ближнихъ мѣстъ съ собственными произведеніями на ярмарки пріѣзжающіе и торгующіе оными безъ постройки шалашей или балагановъ, отъ обязанности брать на занимаемыя ими мѣста билеты освобождаются. (ст. 2,820).

III.

РАЗСКАЗЫ О ЗЕМЛѢ.

I.

О ВИДѢ ЗЕМЛИ И ЕЯ ВЕЛИЧИНѢ.

Часто говоримъ мы слово «Земля», а многимъ ли изъ насъ приходило въ голову поразвѣдать, что́ такое Земля? Есть ли ей конецъ? какой видъ она имѣетъ, и стоитъ ли она всё на одномъ мѣстѣ, или же движется?

«Что тутъ развѣдывать», скажетъ иной разумникъ: «всякій знаетъ, что конца Землѣ нѣтъ, а «если и есть, то до него такъ далеко, что туда «ни дойти, ни доѣхать невозможно; видомъ же «Земля подобна ровному полю; а стоитъ она на «семи столбахъ, и, разумѣется, стоитъ крѣпко, «неподвижно, потому что, въ противномъ случаѣ, «все находящееся на ней попадало бы и разру-«шилось».

Съ перваго раза кажется, какъ будто это и правда: какъ, напримѣръ, Землѣ двигаться? вѣдь она та-

кая огромная, что и конца ей не видно? Между тѣмъ, поразглядѣвъ дѣло внимательнѣй, выйдетъ, что Земля дѣйствительно движется.

Разберемъ все по порядку.

Прежде всего затѣтимъ, что не солнце ходитъ вокругъ Земли, какъ намъ кажется, а Земля вокругъ солнца. Объ этомъ мы поговоримъ подробно въ другой разъ; теперь же, такъ какъ мы не замѣчаемъ движенія Земли, а солнце, какъ будто, *восходитъ* и *заходитъ*, то и допустимъ, что Земля стоитъ неподвижно, а солнце движется.

Земля — не безконечное ровное поле, а шаръ огромной величины. Если бы земля была не шаръ, а безконечное плоское поле, то мы никакъ не могли бы объяснить себѣ восхода и заката солнца. Въ ясные дни мы легко можемъ замѣтить, что солнце является въ одномъ и томъ же мѣстѣ: оно постоянно восходитъ въ той сторонѣ, которую мы называемъ *востокомъ*, а заходитъ въ противоположной сторонѣ, на *западѣ*. Если бы Земля была безконечнымъ полемъ, то какъ могло бы солнце, скрывшись на западѣ, явиться въ слѣдующій день на востокѣ? Если бы же въ Землѣ были отверстія, черезъ которыя солнце восходило бы и заходило, то ужь навѣрное люди отыскали бы ихъ; между тѣмъ, никогда ничего подобнаго они не находили. Принявъ же, что Земля — шаръ, восходъ и закатъ солнца становятся понятными. Дѣло въ томъ, что солнце движется вокругъ Зем-

ли: днемъ *надъ* нею, съ востока на западъ, ночью же *подъ* нею, — съ запада на востокъ. — А что дѣлается *подъ* Землею? А подъ Землею и по бокамъ ея такое же небо, какъ надъ нами, и живутъ на той сторонѣ земли такіе же, какъ и мы, люди. Скрывшись на западъ, солнце проходитъ по тамошнему небесному своду, и свѣтитъ, и грѣетъ точно также, какъ и у насъ. Стало быть, когда у насъ бываетъ день, то у людей по ту сторону Земли — ночь; послѣ же заката солнца, когда небо покрывается звѣздами и всходитъ луна, — у насъ начинается ночь, а подъ нами день.

«Но, можетъ быть, Земля не шаръ, а четверо-«угольникъ, или что либо другое?» скажетъ, пожалуй, кто нибудь. Вотъ то-то и есть, что нѣтъ: различныя наблюденія ученыхъ людей показали, что Земля именно шаръ, а не что другое. Напримѣръ, на морѣ, поверхность котораго совершенно открыта и ровна, два корабля, идущіе другъ къ другу навстрѣчу, видятъ сперва одни верхи мачтъ, которыя потомъ открываются болѣе и болѣе, по мѣрѣ сближенія кораблей. Если же корабли отдаляются одинъ отъ другаго, то прежде всего теряютъ изъ вида нижнія части, и когда отойдутъ на большое разстояніе, то видятъ только верхніе паруса, да верхушки мачтъ. Подобное явленіе существуетъ и на самой Землѣ. Приближаясь къ какому либо городу, лежащему на ровной мѣстности, мы сперва увидимъ

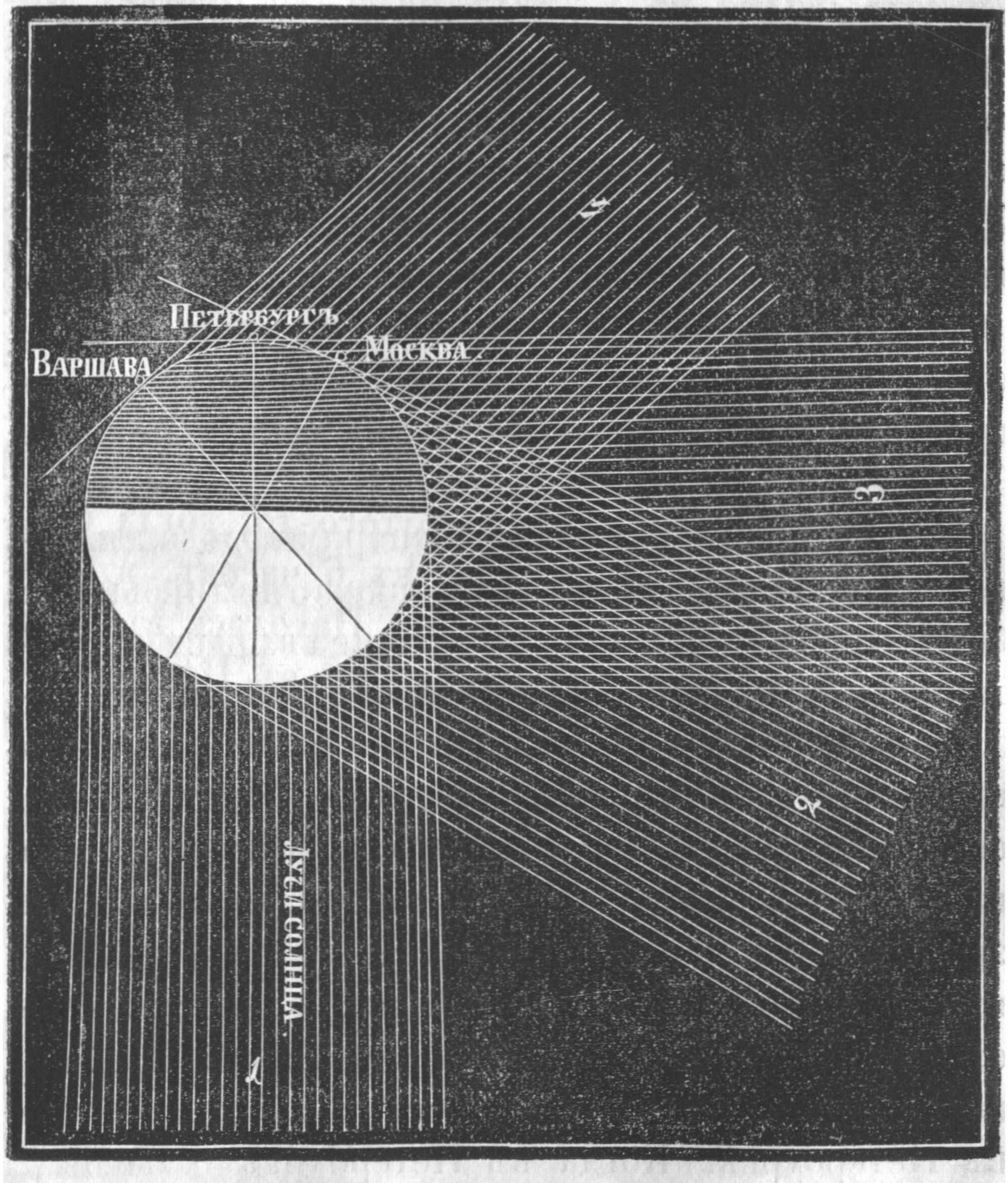
кресты и куполы церквей, потомъ самые высокіе дома́, и наконецъ, глазамъ нашимъ представится весь городъ, или же цѣлая его сторона. Напротивъ, отходя отъ города, мы будемъ терять его изъ вида постепенно, начиная съ невысокихъ предметовъ; такъ что, отдалившись отъ него на значительное разстояніе, будемъ видѣть только верхи самыхъ высокихъ его зданій. Оба эти явленія замѣчаются на всѣхъ мѣстахъ земнаго шара. Но отъ чего они происходятъ? Положимъ, еще, поверхность Земли рѣдко бываетъ ровною, и въ такомъ случаѣ, понятно это явленіе на самой Землѣ; но чего жъ ровнѣе поверхности моря, а между тѣмъ, явленіе это замѣчается и тамъ? Ясно, что поверхность моря между сближающимися кораблями должна быть не такъ ровна, какъ кажется; и дѣйствительно, она нѣсколько возвышенна, выпукла; выпуклость же эта происходитъ оттого, что Земля — шаръ. По этой же причинѣ, и на самой Землѣ, какъ бы мѣстность ни была ровна, приближающійся къ городу путешественникъ увидитъ сперва одни высокіе предметы.

Если бы Земля представляла собою поле, а не шаръ, то мы могли бы увидѣть, разомъ все на ней находящееся. «Ну, этого не могло бы быть», скажетъ кто нибудь: «ужъ никакъ нельзя было бы «увидѣть того, что за высокими горами; притомъ «же мы не можемъ далеко видѣть». На это можно сказать, что пусть горы закрываютъ отъ насъ

все находящееся за ними; тѣмъ лучше: поднявшись на высочайшую изъ нихъ и вооружившись самыми лучшими зрительными трубами, (помощью которыхъ можно разсмотрѣть самые отдаленные предметы) мы бы навѣрное могли увидѣть всю Землю. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ: на какую высокую гору мы ни взобрались бы и какими бы трубами ни вооружались, съ высоты мы будемъ видѣть только бо̀льшее пространство, чѣмъ снизу, но далеко не всю Землю.

Есть и другія явленія, неоспоримо доказывающія, что Земля имѣетъ видъ шара. Если бы она была плоскимъ полемъ, то солнце, взойдя на восточномъ краю небеснаго свода, освѣтило бы разомъ всю Землю, и, стало быть, было бы видимо въ ту минуту во всѣхъ ея мѣстахъ. Между тѣмъ, если, напримѣръ, въ Петербургѣ солнце взошло въ 6 часовъ (утра), то въ Варшавѣ (находящейся западнѣе Петербурга), его еще не видно; тамъ, въ это время, только еще 20 минутъ шестаго часа (утра); слѣдовательно, солнце взойдетъ въ Варшавѣ черезъ 40 минутъ послѣ появленія своего въ Петербургѣ. Когда въ Петербургѣ 6 часовъ, въ Москвѣ (лежащей восточнѣе его) уже половина седьмаго часа. Какъ бы мы объяснили себѣ это явленіе, если бы Земля была плоскою? Принимая же, что Земля — шаръ, оно объясняется весьма легко. Для большей ясности, сдѣлаемъ такой рисунокъ:

Рисунокъ № 1-й.

который представляетъ Земной шаръ. Правый кружечекъ изображаетъ Москву, средній — Петербургъ, а лѣвый — Варшаву. Солнце, находясь въ положеніи *1*, освѣщаетъ нижнюю часть земнаго шара; слѣдовательно тамъ будетъ въ это время день, а у насъ ночь. Идя въ нашу сторону, солн-

це будетъ освѣщать ее постепенно: сперва оно будетъ видно въ мѣстахъ ниже (восточнѣе) Москвы лежащихъ; въ Москвѣ его увидятъ не раньше, какъ только оно будетъ въ положеніи *2*, въ Петербургѣ же, когда оно будетъ въ положеніи *3*. Отчего же не видно солнца въ Петербургѣ, когда оно находится въ положеніи *2*? Да этому мѣшаетъ (какъ видно на чертежѣ) выпуклость или дуга Земли между Москвою и Петербургомъ, и будетъ мѣшать до тѣхъ поръ, пока солнце не станетъ въ положеніе *3*. На это нужно цѣлыхъ полчаса, и оттого-то, когда солнце взойдетъ въ Петербургѣ въ 6 часовъ, въ Москвѣ уже будетъ $6^1/_2$ часовъ. Находясь въ положеніи *3*, то-есть, будучи видимо въ Петербургѣ, солнце еще не видимо въ Варшавѣ, по причинѣ выпуклости Земли между этими двумя городами; его увидятъ тамъ тогда только, когда оно прійдетъ въ положеніе *4*. И чѣмъ далѣе къ западу лежитъ одинъ городъ отъ другаго, тѣмъ позже восходитъ тамъ солнце.

Самымъ же убѣдительнымъ доказательствомъ шаровидности земли служитъ то, что ее можно обойти кругомъ. Если мы выѣдемъ изъ какого либо мѣста и будемъ держаться все одного направленія, напримѣръ къ востоку, то, послѣ продолжительнаго времени, непремѣнно воротимся въ то же самое мѣсто, но только съ противоположной его стороны, то-есть съ запада.

Путешествій вокругъ Земли сдѣлано очень мно-

го. Первое изъ нихъ предпринято было, за 340 лѣтъ до нашего времени (въ 1519 году), португальцемъ Магелланомъ. Самъ Магелланъ погибъ во время путешествія, но товарищи его продолжали плаваніе и воротились чрезъ три года (въ 1522 году) въ то самое мѣсто, откуда отправились.

Въ настоящее время, путешествія вокругъ Земли совершаются весьма часто.

Теперь, когда намъ извѣстно, что Земля имѣетъ видъ шара, любопытно было бы знать, на чемъ же стоитъ этотъ шаръ? И въ самомъ дѣлѣ, не столбы ли, или, какъ говорятъ иные, киты и слоны его поддерживаютъ? Если это такъ, то столбы-то эти, киты и слоны, въ свою очередь, на что опираются? На это ужъ сказать нечего, потому что дѣло гораздо проще: Земля ни на что не опирается, такъ же какъ ни къ чему не прикрѣплены солнце, луна и звѣзды, а всѣ они держатся въ безпредѣльномъ пространствѣ Вселенной — особенною, невидимою силою, по законамъ, установленнымъ Господомъ Богомъ. Что жъ это за сила? А сила эта есть такое свойство всѣхъ міровыхъ тѣлъ (то-есть, солнца, земли, луны и звѣздъ), вслѣдствіе котораго они другъ друга притягиваютъ; но сила эта столь премудро распредѣлена между Землею и небесными свѣтилами, что ни одно изъ нихъ не только не можетъ упасть на Землю или на другое свѣтило, но не можетъ даже сколько нибудь съ ними сблизиться,

такъ что солнце, земля, луна и звѣзды имѣютъ между собою тѣ самыя разстоянія, въ какихъ онѣ распредѣлены при самомъ сотвореніи міра.

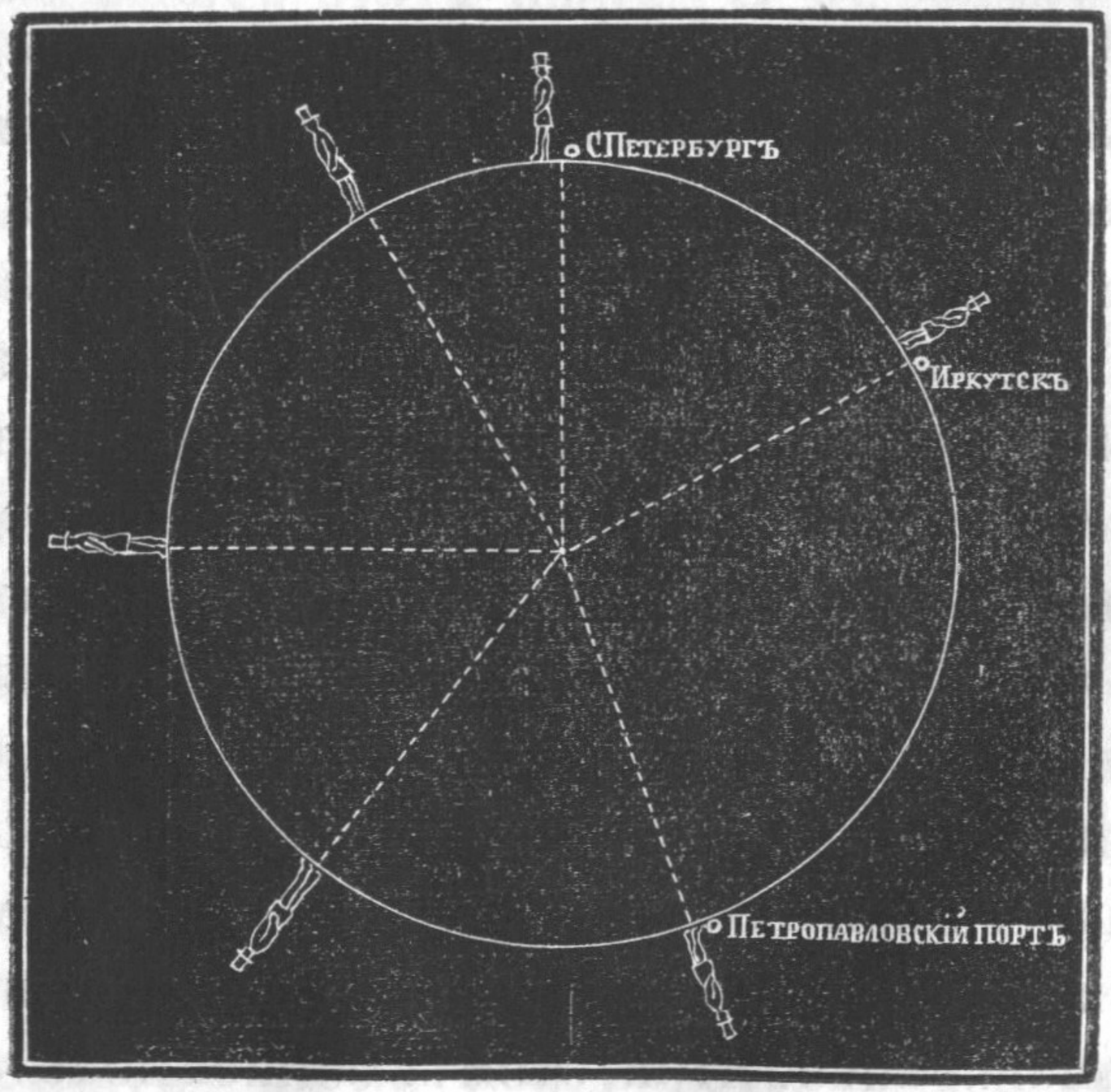
Кромѣ этой силы, Земля имѣетъ еще свойство притягивать къ себѣ всѣ предметы, на ней находящіеся. Свойство это называется *силою земнаго притяженія*, и заключается въ самой срединѣ земли.

Зная такое свойство земнаго шара, намъ становится понятнымъ, отчего не падаютъ, находящіеся на всѣхъ его сторонахъ люди, животныя, дома и воды. Это будетъ еще понятнѣе, если мы сравнимъ дѣйствіе притягательной силы земли съ подобной силой одного камня, называемаго *магнитомъ*. Магнитъ притягиваетъ къ себѣ иголки, опилки и кусочки желѣза, и потому, если мы вложимъ въ деревянный шарикъ кусокъ магнита и покатимъ его по желѣзнымъ опилкамъ, то эти послѣдніе пристанутъ къ шарику со всѣхъ сторонъ, и какъ бы мы ни поворачивали шарика, они не будутъ отпадать отъ него. Такъ же точно, на всѣхъ сторонахъ земнаго шара, вслѣдствіе свойства его притягивать къ себѣ всѣ предметы,— люди, животныя, дома и воды — все это держится весьма крѣпко. При этомъ, земной шаръ окруженъ со всѣхъ сторонъ небомъ, и оттого свѣтъ вездѣ такой же, какъ и у насъ: вездѣ земля представляется безпредѣльнымъ полемъ, а небо — сводомъ, опирающимся на края этого поля.

Притягательная сила земли причиной тому, что

бросаемые *кверху* предметы возвращаются назадъ, или, какъ мы говоримъ, падаютъ *внизъ*. Но гдѣ же *верхъ* и гдѣ *низъ* на землѣ, когда, какъ мы знаемъ, люди живутъ на всѣхъ ея сторонахъ? А *верхъ* у каждаго мѣста свой особенный, *низъ* же общій у всѣхъ мѣстъ, именно въ самой срединѣ земли, то-есть, въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ находится притягательная ея сила. Для большей ясности сказаннаго, сдѣлаемъ такой рисунокъ:

Рисунокъ № 2-й.

который представляетъ земной шаръ; кружечки на немъ изображаютъ различные города, изъ нихъ, верхній (на чертежѣ), положимъ, будетъ Петербургъ; ниже его Иркутскъ, а еще ниже Петропавловскій портъ. Ясно, что для жителей Пе-

тербурга *верхъ* будетъ прямо надъ ихъ головами, а *низъ* прямо подъ ногами, т. е. въ направленіи къ серединѣ шара; для жителей Иркутска *верхъ* будетъ также прямо надъ ихъ головами, *низъ* же въ направленіи къ серединѣ шара; для жителей Петропавловскаго порта *верхъ* будетъ также надъ ихъ головами, а *низъ* въ направленіи къ серединѣ шара. Точно тоже самое можно сказать и о всѣхъ другихъ мѣстахъ земнаго шара; такимъ образомъ, выходитъ, что *верхъ* у каждаго мѣста свой особый, *низъ* же они имѣютъ общій, въ серединѣ земнаго шара. И какъ намъ кажется, что *верхъ* у насъ, а *низъ*— по ту сторону земли, такъ жителямъ противоположной стороны кажется, что *верхъ* у нихъ, а *низъ* у насъ. Мы же видимъ, что, на самомъ дѣлѣ, *низъ* находится въ серединѣ земнаго шара. А если онъ тамъ, то нечего опасаться, чтобы земной шаръ упалъ куда нибудь оттого только, что онъ ни на чемъ не стоитъ. Ужъ если падать, такъ падать ему нужно *внизъ*, а *низъ*-то въ самой его серединѣ; стало быть, Земному шару упасть невозможно.

Мы доказали, что Земля—шаръ, но кто нибудь скажетъ, можетъ быть, что на шаръ она мало похожа, потому что на ней много высокихъ горъ и глубокихъ пропастей. Тотъ, кто бы это сказалъ, былъ бы, пожалуй, правъ, но только вполовину: горъ на Землѣ много, правда, и горы эти весьма высоки, да Земля-то наша такъ велика, что, въ сравненіи съ нею, онѣ ничтожны. А какъ же ве-

лика Земля? Объ этомъ можно судить ужъ по одному тому, что товарищи Магеллана, совершившіе первое путешествіе вокругъ Земли, воротились въ свое отечество только черезъ три года. Если бы кто нибудь, отправившись путешествовать кругомъ земли, ѣхалъ все прямо, черезъ моря, горы и пропасти, и дѣлалъ въ сутки по 100 верстъ, то и тогда онъ воротился бы назадъ слишкомъ черезъ годъ, потому что этотъ кратчайшій путь (окружность земли) заключаетъ въ себѣ почти *38 тысячъ верстъ*. Толстота же земли (поперечникъ, діаметръ) болѣе *12 тысячъ верстъ*. При такой громадной величинѣ земнаго шара, горы на немъ все равно, что песчинки на яблокѣ. Если мы представимъ себѣ шаръ въ $^1/_2$ аршина въ поперечникѣ, и примемъ его за Землю, то высочайшія горы: *Эверестъ*, *Кунчинжинга* и *Давалагири* (болѣе чѣмъ въ 7 верстъ вышиною каждая) пришлось бы обозначить на немъ не больше, какъ маковыми зернами. Неровности апельсинной корки, въ отношеніи самаго апельсина, больше въ десять разъ, чѣмъ неровности земной поверхности, относительно земнаго шара.

Но, какъ ни велика Земля, она далеко еще не составляетъ цѣлаго свѣта. Міръ Божій безконеченъ. Солнце, луна и все безчисленное множество звѣздъ суть не плоскіе круги и точки, какими онѣ намъ представляются, но громадныя шарообразныя свѣтила. Земля меньше многихъ изъ нихъ, а солнце въ *милліонъ четыреста тысячъ*

разъ больше ея, и если оно кажется намъ небольшимъ свѣтящимся кружкомъ, то потому, что до него отъ Земли *сто пятьдесятъ милліоновъ* верстъ! Пушечное ядро, пролетая безостановочно по одной верстѣ въ секунду, могло бы долетѣть отъ земли до солнца только въ *пять лѣтъ*.

М. Лучницкій.

IV.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ

Послѣ покоренія Казани и Астрахани царь Иванъ Васильевичъ воевалъ въ странѣ ливонскихъ нѣмцевъ, гдѣ города Дерптъ, Рига и другіе. За нѣмцевъ вступились поляки и шведы, ихъ сосѣди, и у царя Ивана Васильевича начались съ ними жестокія войны, продолжавшіяся почти до конца его жизни. На эти войны потрачено было много народу и денегъ, отъ чего подати въ казну и разные налоги такъ увеличились, что крестьянамъ стало не въ мочь платить ихъ, и многіе крестьяне попродали или и даромъ побросали свои земли, а сами пошли въ холопи, или поселились на земляхъ богатыхъ господъ, или заложились за монастыри, чтобы какъ нибудь уйдти отъ податей и налоговъ, или по крайней мѣрѣ получить отъ монастырей и господъ какую-либо помощь и защиту.

Въ старое время въ русскомъ царствѣ былъ

законъ, по которому крестьянинъ могъ свободно переходить съ одной земли на другую, съ казенной земли на господскую и наоборотъ, или отъ одного господина къ другому. Для этого былъ уложенъ одинъ срокъ въ году за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю послѣ Юрьева дня осенняго. Въ этотъ срокъ ни господинъ, ни міръ не могли удержать крестьянина, ежели онъ хотѣлъ перейти въ другую деревню или въ другое село; крестьянинъ при таковомъ переходѣ только долженъ былъ заплатить положенную закономъ цѣну за пожилое. Въ этотъ же двухнедѣльный срокъ господинъ или міръ могли отказать крестьянину отъ земли, ежели онъ былъ неисправенъ, и крестьянинъ не имѣлъ права насильно оставаться на землѣ, отъ которой ему отказали.

При такомъ законѣ свободнаго перехода сборъ податей, когда онѣ очень увеличились, годъ отъ году дѣлался затруднительнѣе и раззорительнѣе для крестьянъ; ибо за ушедшихъ крестьянъ должны были платить подати и отправлять всѣ повинности крестьяне оставшіеся въ деревнѣ до новой переписи, какъ нынѣ отъ ревизіи до ревизіи платятъ подушныя подати за умершихъ. При таковомъ порядкѣ, крестьяне годъ отъ году бѣднѣли, цѣлыя села и деревни пустѣли и заростали лѣсомъ. Такъ что нужно было издать новый законъ для облегченія крестьянъ, но царь Иванъ Васильевичъ, не успѣвши этого сдѣлать, скончался.

Послѣ царя Ивана Васильевича, наслѣдовалъ сынъ его Ѳедоръ Ивановичъ. Этотъ государь по болѣзни и по своему характеру болѣе занимался богомольемъ и управленіе государствомъ предоставилъ боярской думѣ и особенно любимцу своему и шурину Борису Ѳедоровичу Годунову, котораго назвалъ правителемъ. При этомъ-то государѣ, вѣроятно по мысли правителя, былъ изданъ новый законъ о крестьянахъ, по которому крестьяне сдѣлались крѣпкими землѣ и потеряли право свободнаго перехода съ земли на землю, или отъ владѣльца къ владѣльцу. Этотъ новый законъ значительно облегчалъ сборъ податей, да и для крестьянъ и для господъ принесъ большую пользу; теперь уже деревни не такъ легко пустѣли, и крестьянамъ не было надобности платить подати за ушедшихъ въ другую деревню; ушедшаго, какъ бѣглаго, ловили и возвращали на старое мѣстожительства, а кто принималъ бѣглаго, съ того брали положенную закономъ пеню и всѣ проторы и убытки. Но не смотря на явную пользу, новый законъ не нравился ни крестьянамъ, ни господамъ; крестьянамъ было жалко свободнаго перехода, которымъ они пользовались прежде, а господа досадовали на то, что по новому закону они принуждены были держать на своей землѣ и такихъ крестьянъ, которые имъ не нравились, а еще больше были недовольны новымъ закономъ тѣ господа, у которыхъ во время прикрѣпленія было много пустыхъ деревень, и на которыя теперь негдѣ

было взять жильцовъ. Этотъ законъ породилъ множество ссоръ, тяжебъ и судебныхъ споровъ; господа, несмотря на запрещеніе, переманивали крестьянъ другъ отъ друга, а крестьяне продолжали бѣгать съ одной земли на другую.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было одно изъ важнѣйшихъ событій царствованія Ѳедора Ивановича по своимъ послѣдствіямъ; но также было важно и другое событіе того же времени, — убіеніе царевича Димитрія.

Царевичь Дмитрій Ивановичъ былъ меньшой братъ царя Ѳедора Ивановича, рожденный отъ другой матери; ему было только семь лѣтъ отъ роду, когда, по проискамъ Годунова, онъ былъ удаленъ изъ Москвы и жилъ въ Угличѣ съ своею матерью и ея родными. 15-го мая 1591 года въ полдень жители Углича вдругъ услыхали набатъ на соборной колокольни и сбѣжавшись на этотъ набатъ нашли царевича зарѣзаннымъ на его дворѣ, а подлѣ него мать и кормилицу, которыя кричали и вопили, называя убійцами царевича Данилу Битяговскаго и Никиту Качалова, не давно присланныхъ изъ Москвы. Народъ, пораженный ужасомъ и жалостію, бросился искать убійцъ, отыскалъ ихъ и убилъ. Градоначальники Углича усмирили народъ и послали въ Москву донесеніе о смерти царевича; въ этомъ донесеніи, какъ говорятъ, передѣланномъ въ Москвѣ Годуновымъ, было написано, что царевичъ самъ зарѣзалъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Но Москвичи плохо

вѣрили этому донесенію, и говорили между собою, что царевичъ убитъ людьми подосланными Годуновымъ; но таковые разговоры Москвичей, разумѣется, не дошли до царя. Годуновъ же, представивши царю передѣланное донесеніе, нарядилъ судей изъ бояръ, на которыхъ могъ положиться, и отправилъ ихъ въ Угличъ на слѣдствіе; посланные, въ угоду Годунова, произвели слѣдствіе пристрастное и донесли царю, что царевичъ, по небреженію матери царицы и ея родственниковъ, дѣйствительно зарѣзалъ самъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни, а буйные Угличане, произведши народный мятежъ, убили невинныхъ, назвавши ихъ убійцами царевича. По этому донесенію царь велѣлъ наказать виновныхъ и Годуновъ съ приверженными ему боярами родственниковъ царицы-матери разослалъ въ отдаленные города по темницамъ, мать царевича велѣлъ насильно постричь въ монахини и отвести въ дальній бѣдный монастырь, изъ Углича же 200 человѣкъ казнилъ смертію, инымъ велѣлъ отрѣзать языки, а другихъ сослалъ въ Сибирь, такъ что прежде богатый и многолюдный Угличь совершенно опустѣлъ. Такъ на первый разъ кончилось дѣло объ убіеніи царевича Димитрія.

Ропотъ въ Москвѣ о смерти царевича, конечно небезопасный для Годунова, скоро долженъ былъ смолкнуть передъ другими неожиданными и страшными для народа событіями. Наканунѣ Троицына дня Москва была опустошена

страшнымъ пожаромъ, начавшимся на колымажномъ дворѣ и выжегшимъ весь Бѣлый городъ до Трубы, также стрѣлецкія слободы и все Занеглинье; потомъ въ первыхъ числахъ іюля Крымскій ханъ съ многочисленною ратью подступилъ къ самой Москвѣ со стороны тульской и калужской дороги. Въ обоихъ сихъ случаяхъ Борисъ Годуновъ, какъ добрый и заботливый правитель, успѣлъ заслужить любовь москвичей. По случаю пожара онъ на свой счетъ выстроилъ нѣсколько улицъ, и вообще не щадилъ ни своихъ, ни царскихъ денегъ на пособіе погорѣвшихъ; бѣдные за всѣми нуждами относились прямо къ нему и не отходили безъ помощи. А при нападеніи хана на Москву онъ скоро успѣлъ собрать значительное войско и такъ хорошо умѣлъ распорядиться, что войско сіе послѣ битвы подъ самою Москвою, передъ глазами народа продолжавшейся цѣлый день, принудило хана бѣжать безъ оглядки, бросая на дорогѣ лошадей, запасы и другую добычу.

Послѣ убіенія царевича Димитрія царь Ѳедоръ Ивановичъ жилъ еще семь лѣтъ; почти постоянно хворый, онъ занимался только богомольями, каждый день ходилъ къ церковной службѣ, путешествовалъ по монастырямъ и раздавалъ милостыни нищимъ; государствомъ же отъ его имени управлялъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ съ боярскою думою и должно сказать, что управлялъ съ большимъ благоразуміемъ и попечительностію.

Русское царство во все время его управленія внутри было покойно и счастливо и у сосѣдей, ближнихъ и дальнихъ, было честно и грозно; многія земли били челомъ русскому царю, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Наконецъ послѣ тринадцати лѣтъ царствованія царь Ѳедоръ Ивановичъ скончался 7-го января 1598 года, въ часъ утра. На разсвѣтѣ большой успенскій колоколъ извѣстилъ о преставленіи государя и въ Москвѣ не было дома, чтобы не плакали о его кончинѣ. Дворецъ царскій съ утра до вечера былъ полонъ людьми всякаго званія, богатыми и бѣдными, которые желали послѣдній разъ поклониться усопшему. Вечеромъ перенесли тѣло въ архангельскій соборъ и на другой день совершили погребеніе, на которомъ рыданія и вопли народа заглушали церковное пѣніе. Москвичи плакали и рыдали на погребеніи добраго царя, какъ бы предчувствуя тѣ ужасныя насчастія, которымъ вскорѣ должна была подвергнуться Москва и все русское царство.

Царь Ѳедоръ Ивановичъ скончался бездѣтнымъ и хотя въ духовномъ своемъ завѣщаніи передалъ царство супругѣ своей Иринѣ Ѳедоровнѣ и народъ далъ ей присягу, но она въ девятый день послѣ кончины царя выѣхала изъ кремлевскаго дворца въ новодѣвичій монастырь (въ Москвѣ) и постриглась въ монахини подъ именемъ Александры. За ней уѣхалъ въ тотъ же монастырь и братъ ея, правитель государства, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.

Такимъ образомъ Москва и все русское царство осталось безъ государя. Нужно было приступить къ новому, никогда небывалому въ Москвѣ, дѣлу, къ избранію царя. Патріархъ московскій Іовъ и другіе приверженцы Годунова сильно хлопотали и сыпали деньгами, чтобы при избраніи въ цари задобрить народъ въ пользу Годунова. И когда хранитель государственной печати, дьякъ Василій Щелкаловъ, вышелъ къ народу и объявилъ, что за постриженіемъ царицы должно присягнуть боярамъ, дабы государство не осталось безъ начальства, то народъ, бывшій на площади, единогласно отвѣчалъ, — да царствуетъ братъ царицынъ, да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Ѳедоровичъ! Онъ будетъ преемникомъ матери нашей царицы! Послѣ чего патріархъ всѣмъ соборомъ съ святителями, боярами и народомъ пошли въ новодѣвичій монастырь молить Годунова, чтобъ принялъ царство, но онъ имъ отказалъ, говоря, что мнѣ и на умъ не приходило о царствѣ, какъ мнѣ помыслить на такую высоту. Патріархъ послѣ этого нѣсколько разъ одинъ приходилъ упрашивать Годунова, но не имѣлъ успѣха. Между тѣмъ въ боярской думѣ было положено къ шести недѣлямъ по кончинѣ царя созвать выборныхъ изъ всѣхъ городовъ русскаго царства, дабы избрать новаго государя по выбору всей русской земли. Для этого отъ боярской думы посланы были грамоты по всѣмъ городамъ русской земли, а въ слѣдъ за грамотами отправились и приверженцы

Годунова, чтобы подговаривать выборныхъ въ его пользу.

Наконецъ выборные съѣхались въ Москву и 17 февраля въ пятницу передъ масляницей открылся большой земскій соборъ. Патріархъ, окруженный святителями и боярами, обратился къ выборнымъ съ рѣчью, въ которой сказалъ: «Объявите вашу мысль и дайте совѣтъ, кому быть у насъ государемъ; мы же думаемъ, что намъ мимо Бориса Ѳедоровича не должно искать другаго государя.» На эту рѣчь патріарха духовенство, бояре, воинство и народъ отвѣчали: «Нашъ совѣтъ и желаніе—не отложно бить челомъ государю Борису Ѳедоровичу, и мимо его на государство никого не искать.» И на другой и на третій день, т. е. въ субботу и въ воскресенье, въ успенскомъ соборѣ всѣмъ многолюдствомъ служили молебны, чтобы Господь Богъ даровалъ православному христіанству, по его прошенію, государя царя Бориса Ѳедоровича. А въ понедѣльникъ на масляницѣ, послѣ молебна, патріархъ съ духовенствомъ, боярами и всенароднымъ множествомъ отправились въ новодѣвичій монастырь молить Годунова, чтобы принялъ царство; но получили отказъ, какъ прежде. На другой день, т. е. во вторникъ, патріархъ устроилъ празднество Пречистой Богородицѣ въ успенскомъ соборѣ, а также по всѣмъ церквамъ и монастырямъ, и отслуживъ молебствіе съ иконами и крестами, всѣмъ многолюдствомъ отправился въ новодѣвичій мона-

стырь молить еще Годунова, чтобы принялъ царство; на этотъ разъ Годуновъ, уступилъ просьбамъ патріарха, бояръ и народа, и сказалъ: «буди святая твоя воля, Господи! настави меня на путь правый и не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ! Повинуюсь тебѣ, исполняя желаніе народа.» Патріархъ и всѣ присутствовавшіе пали на землю, возсылая благодареніе Богу. Послѣ чего въ церкви Божіей Матери въ новодѣвичьемъ монастырѣ патріархъ благословилъ Бориса на всѣ великія государства россійскаго царствія и возгласилъ ему первое многолѣтіе.

Въ воскресенье на масляной Борисъ Ѳедоровичъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву; въ успенскомъ соборѣ слушалъ обѣдню и молебенъ, принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ и народа, обошелъ соборы архангельскій и Благовѣщенскій, долго бесѣдовалъ съ патріархомъ наединѣ, и опять удалился въ новодѣвичій монастырь на житье на весь великій постъ и пасху. Между тѣмъ пришли вѣсти, что крымскій ханъ со всею ордою и съ полками турецкаго султана собирается на Москву. По симъ вѣстямъ новоизбранный царь собралъ на Окѣ многочисленное войско, и 2-го мая самъ отправился въ походъ и остановился въ Серпуховѣ, приготовляясь встрѣтить непріятеля. Но слухъ о татарской рати не оправдался; а вмѣсто рати, 31 іюня, явились татарскіе послы; царь принялъ пословъ съ честію, провелъ ихъ черезъ свое многочисленное и хоро-

шо вооруженное войско, и отправилъ съ ними богатые дары къ хану; послѣ того нѣсколько дней угощалъ войско роскошными пирами и потомъ распустилъ его по домамъ, а самъ возвратился въ Москву, гдѣ его встрѣтили съ большимъ торжествомъ, какъ будто послѣ знаменитой побѣды. Наконецъ 1-го сентября, по тогдашнему, въ праздникъ новаго года, Борисъ вѣнчался на царство; и принимая благословеніе отъ патріарха, громко сказалъ: «Богъ свидѣтель, не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка, и сію послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми.» Послѣ вѣнчанія царь роскошно пировалъ три дни и объявилъ многія милости боярамъ и народу.

Первые два года Россія дѣйствительно была счастлива подъ скипетромъ Годунова. Заботливый и благоразумный царь уменьшилъ народныя тягости, щедро надѣлялъ нуждающихся, облегчилъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, дозволивши нѣкоторымъ изъ нихъ свободный переходъ въ старый срокъ, въ двѣ недѣли около Юрьева дня, даже преступниковъ не желалъ казнить смертною казнію. Россія въ это время пользовалась уваженіемъ отъ всѣхъ чужестранныхъ народовъ, ближніе и дальніе государи присылали свои посольства въ Москву, желая дружбы и согласія съ новымъ русскимъ царемъ. Но съ 1601 года начинаются несчастія царя и народа. Съ весны этого года продолжительные дожди не дали вызрѣть хлѣбу, а въ Успеньевъ день сильный морозъ повредилъ,

какъ хлѣбу, такъ и другимъ плодамъ незрѣлымъ, а на слѣдующій годъ посѣянный невызрѣлый хлѣбъ вовсе не взошелъ, и начался такой голодъ, какого Москва никогда не видала: четверть ржи дошла до пятнадцати рублей серебромъ, на нынѣшнія деньги, да и за эту цѣну трудно было купить; богачи торговцы ежели и имѣли хлѣбъ, то скрывали его, надѣясь послѣ продать дороже. Голодъ продолжался три года, и дошелъ до того, что люди ѣли траву, мертвечину, кошекъ, собакъ, липовую и сосновую кору; не только грабили и убивали за кусокъ хлѣба, но даже пожирали другъ друга, матери глодали трупы своихъ дѣтей, на постоялыхъ дворахъ хозяева душили постояльцевъ, чтобы питаться ихъ мясомъ; вездѣ шатались полумертвые, падали и издыхали на улицахъ и площадяхъ. Въ это время въ одной Москвѣ умерло до пяти сотъ тысячъ человѣкъ, а по другимъ городамъ, селамъ и деревнямъ несравненно болѣе. Заботливый царь всѣми силами старался пособить несчастному народу, изъ своихъ житницъ раздавалъ хлѣбъ по низкимъ цѣнамъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, въ Москвѣ раздавалъ деньги бѣднымъ, на свой счетъ хоронилъ мертвыхъ, выписывалъ хлѣбъ въ Москву изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, гдѣ хлѣбъ уродился; но все это мало помогало, — дешевый хлѣбъ, продаваемый отъ казны, обманомъ скупали перекупщики и прятали его, или продавали вдесятеро дороже; хлѣбъ, по царскимъ указамъ привозимый изъ дальныхъ

мѣстъ, отнимали на дорогахъ. Наконецъ урожай 1603 года и царская заботливость, мало по малу, прекратили зло, и прежнее обиліе возвратилось: четверть хлѣба на нынѣшнія деньги стала продаваться по полтиннику.

Но только прекратился голодъ, какъ началось другое бѣдствіе. Во время голода многіе люди, спасаясь отъ голодной смерти, бѣжали въ лѣса, собрали шайки и стали грабить по дорогамъ и деревнямъ; къ нимъ присоединились холопи и крестьяне, согнанные господами съ дворовъ въ голодные годы, и также незнавшіе чѣмъ прокормиться. Эти шайки разбойниковъ такъ размножились по всей Русской землѣ, и особенно подъ Москвою, что отъ нихъ не было ни прохода, ни проѣзда. Царь нѣсколько разъ высылалъ сыщиковъ съ ратными людьми, чтобы ловить разбойниковъ; но разбойничьи шайки были такъ велики, что дрались съ сыщиками и побивали ихъ. Наконецъ Царь послалъ большую рать подъ начальствомъ воеводы Ивана Ѳедоровича Басманова, которая и сошлась съ разбойниками близь Москвы и вступила съ ними въ самую упорную битву; разбойники подъ предводительствомъ своего атамана Хлопки Косолапа дрались отчаянно, не щадя своихъ головъ, и убили самого царскаго воеводу; но наконецъ царская рать одолѣла разбойниковъ, многихъ изъ нихъ побила, другихъ захватила живыми, а иные разбѣжались въ разныя стороны и особенно въ Сѣверскую Украйну,

гдѣ много проживало разныхъ бродягъ и бѣглыхъ. Послѣ битвы подъ Москвою, шайки разбойниковъ уже разстроились, ихъ стали ловить и вѣшать по разнымъ мѣстамъ.

Лишь нѣсколько успокоилась Русская земля отъ разбойниковъ, какъ уже разнеслись слухи о новой бѣдѣ, которую современники называли настоящею бѣдою Московскаго государства. Въ Польшѣ появился самозванецъ, называвшій себя царевичемъ Димитріемъ, спасшимся отъ ножа убійцъ изъ Углича.

Самозванецъ на самомъ дѣлѣ былъ бродяга, бѣдный боярскій сынъ Юрій Отрепьевъ, изъ Галича; по смерти отца онъ проживалъ сперва у бояръ Романовыхъ и у князя Черкасскаго въ холопяхъ; потомъ бѣжалъ и постригся въ монахи подъ именемъ Григорія, и монахомъ пришелъ въ Москву въ Чудовъ монастырь, гдѣ понравился патріарху Іову, какъ молодой человѣкъ очень умный и грамотный. Патріархъ поставилъ его въ діаконы и опредѣлилъ при себѣ къ письменнымъ дѣламъ. Въ Чудовѣ монастырѣ и вообще въ Москвѣ въ это время, особенно между недовольными царемъ, много ходило слуховъ о несчастной кончинѣ царевича Димитрія; молодой монахъ Григорій, прислушиваясь къ симъ разговорамъ и замѣчая особенное участіе и любовь народа къ покойному царевичу, вздумалъ принять имя царевича, и въ разговорахъ съ монахами говаривалъ, какъ бы въ шутку: я буду царемъ на Мо-

сквѣ. Сіи разговоры были перенесены подозрительному царю Борису, и онъ велѣлъ отправить Отрепьева на вѣчное покаяніе въ Соловецкій или Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; услыхавши о царскомъ повелѣніи, Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы, и сперва бродилъ по разнымъ Русскимъ монастырямъ, потомъ изъ Брянска перебрался за Русскую границу въ Польшу, гдѣ, скинувъ монашеское платье, сперва поступилъ въ Запорожскіе козаки, потомъ записался въ Латинскую школу вилинскаго города Гащи, изъ школы перешелъ въ службу къ богатому Литовскому вельможѣ Адаму Вишневецкому, и по своей ловкости и скромному поведенію полюбился своему господину.

Проживши нѣсколько времени у Вишневецкаго, Отрепьевъ притворился больнымъ при смерти и потребовалъ духовника. Духовнику онъ сказалъ: «я умираю, погреби меня честно, какъ царскихъ дѣтей погребаютъ, а сея тайны тебѣ не скажу, а есть всему тому у меня письмо вскрытѣ подъ постелью, и какъ отыду къ Богу, и ты сіе письмо возми и прочти его себѣ втайнѣ, никому же о томъ не возвѣсти, Богъ уже мнѣ такъ судилъ.» Духовникъ послѣ исповѣди отправился къ князю Адаму Вишневецкому и разсказалъ ему все, что слышалъ отъ умирающаго. Князь Вишневецкій обыскалъ постелю притворно больнаго и нашелъ бумагу, въ которой написано, что больной есть царевичъ Димитрій Углицкій, спасенный своимъ

лѣкаремъ отъ убійцъ, которые вмѣсто его убили священническаго сына. Чтобы еще болѣе увѣрить князя, Отрепьевъ показалъ ему у себя на груди золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, будтобы надѣтый на него при крещеніи крестнымъ отцомъ княземъ Мстиславскимъ, а въ самомъ дѣлѣ украденный у патріарха изъ Чудова. монастыря. Князь Вишневецкій, обрадованный тѣмъ, что у него въ дому царевичъ, всему повѣрилъ и приложилъ особенное стараніе о выздоровленіи притворно больнаго, а между тѣмъ разгласилъ между сосѣдями, что у него въ дому живетъ бѣжавшій изъ Россіи сынъ царя Ивана Васильевича Димитрій, о которомъ говорили, что онъ убитъ въ Угличѣ.

Вскорѣ вѣсть о мнимомъ царевичѣ Димитріѣ разнеслась по всей Литвѣ и Польшѣ; родственникъ князя Вишневецкаго воевода Сендомирскій Юрій Мнишекъ особенно хлопоталъ о самозванцѣ, думая за него выдать дочь свою Марину. При помощи Мнишка и Іезуитовъ, которые обратили самозванца въ Латинскую вѣру и взяли съ него обѣщаніе ввести эту вѣру въ русскую землю, самозванецъ былъ представленъ польскому королю Сигизмунду въ Краковѣ. Сигизмундъ, давно желавшій завести смуту въ русскомъ царствѣ и подъучаемый Іезуитами, принялъ самозванца ласково, призналъ его дѣйствительнымъ царевичемъ московскимъ, назначилъ ему на содержаніе по 50 тысячь нынѣшнихъ рублей серебромъ въ годъ, и

подъ рукою дозволилъ Мнишку и другимъ Литовскимъ и Польскимъ панамъ собирать вольницу подъ знамена мнимаго царевича Димитрія и идти войною на царя Бориса. Собирая вольницу въ Литвѣ и Польшѣ, самозванецъ въ то же время разсылалъ подметныя письма по русскимъ городамъ, убѣждая ихъ передаться ему, какъ истинному природному Русскому Государю, сыну царя Ивана Васильевича. Подметныя письма имѣли такой успѣхъ, что взволновали русскій народъ, особенно въ Сѣверской Украйнѣ, сосѣдней съ Литвою, и гдѣ много жило недовольныхъ царемъ Борисомъ. Всѣ недовольные спѣшили соединиться съ самозванцемъ, и первые пришли къ нему Донскіе козаки, до которыхъ особенно былъ строгъ царь Борисъ. А когда самозванецъ съ Польскою и Литовскою вольницею и Донскими козаками вступилъ въ предѣлы Сѣверской области, то города тамошняго края, населенные разными бродягами, бѣглыми холопями и крестьянами и всякими буйными людьми, одинъ за другимъ измѣняли царю Борису; тамошній народъ вязалъ своихъ городскихъ воеводъ и отдавалъ самозванцу, а въ другихъ городахъ и сами воеводы, недовольные царемъ, отдавались вмѣстѣ съ городами. Только одинъ Новгородъ Сѣверскій остался вѣренъ присягѣ, и тамошній воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ оказалъ сильное сопротивленіе самозванцу. Наконецъ Московская рать, высланная царемъ подъ начальствомъ боярина князя Мсти-

славскаго, подошла къ Новгороду Сѣверскому и вступила въ битву съ самозванцемъ; но битва сія была несчастлива, главный воевода былъ раненъ, и Московская рать, разбитая, отступила къ Стародубу. Узнавъ объ этомъ, царь Борисъ послалъ новую рать подъ начальствомъ боярина князя Василья Ивановича Шуйскаго; эта новая рать, соединясь съ прежнею, сразилась съ самозванцемъ подъ Добрыничами, не далеко отъ Сѣвска, и одержала такую побѣду, что самозванецъ разбитый бѣжалъ, и царская рать на пространствѣ семи верстъ гнала и била его полки.

Но Добрыничская побѣда не принесла надлежащей пользы царю Борису; ибо воеводы, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать самозванца по пятамъ и не давать ему возможности собраться съ силами, безполезно стояли въ Добрыничахъ; а къ самозванцу, бѣжавшему сперва въ Сѣвскъ, а потомъ въ Рыльскъ и Путивль, между тѣмъ собиралась новая сила изъ русскихъ измѣнниковъ и Донскихъ козаковъ. Наконецъ царскіе воеводы, получивъ отъ царя грамоту съ выговоромъ за нерадѣніе, снова вывели войска въ поле; но вмѣсто того, чтобы осадить самаго самозванца въ Путивлѣ, стали осаждать маленькій городъ Кромы, гдѣ засѣли 600 Донскихъ козаковъ, и осаждали весьма вяло и нерадиво, и только морили царское войско, заставляя его стоять въ снѣгу и въ сырости, отъ чего между ратниками распространилась повальная болѣзнь. Пока продолжалась без-

полезная осада Кромъ, въ Москвѣ скончался царь Борисъ Ѳедоровичъ, по всему вѣроятно отъ яда, подсыпаннаго въ кушанье какимъ нибудь измѣнникомъ, подосланнымъ отъ самозванца; ибо царь былъ поутру здоровъ, принималъ знатныхъ иноземцевъ, потомъ обѣдалъ въ золотой палатѣ, и едва всталъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту, кровь хлынула изъ носу, ушей и рта, и черезъ два часа его не стало въ той же самой палатѣ, въ которой обѣдалъ.

По смерти Бориса Ѳедоровича, въ Москвѣ, по его благословенію, объявили царемъ сына его Ѳедора Борисовича, которому тогда было только шестнадцать лѣтъ отъ роду. Въ Москвѣ немедленно дали ему присягу въ вѣрности, тоже сдѣлали и въ другихъ городахъ; но народъ уже волновался, подметныя письма самозванца уже явно читались по городамъ; самозванецъ писалъ, что онъ будетъ въ Москвѣ, какъ на деревѣ станетъ листъ разметываться; всѣ были въ ожиданіи и въ смятеніи. Новый царь вызвалъ въ Москву воеводъ бояръ Мстиславскаго и Шуйскаго для засѣданія въ царской думѣ, а воеводами къ войску послалъ князя Катырева-Ростовскаго и Петра Басманова, прославившагося защитою Новгорода Сѣверскаго противъ самозванца. Басмановъ, пріѣхавши къ войску, стоявшему подъ Кромами, немедленно привелъ его къ присягѣ новому царю. Но видя шаткость въ войскѣ, и замѣчая тайную измѣну нѣкоторыхъ меньшихъ воеводъ, Басмановъ самъ

измѣнилъ Государю, и вмѣстѣ съ князьями Голицыными и Михайломъ Салтыковымъ объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій, и большая часть войска провозгласила самозванца Государемъ, а остальныя, нехотя нарушить присяги, данной царю Ѳедору, бѣжали въ Москву. Послѣ сего князь Иванъ Голицынъ отправился въ Путивль объявить самозванцу, что войско признало его Государемъ. Лжедимитрій велѣлъ войску идти въ Орелъ и ждать его тамъ. Въ Орлѣ войско встрѣтило самозванца съ радостію; онъ часть его распустилъ по домамъ на отдохновеніе, а часть послалъ къ Москвѣ, самъ же пошелъ за войскомъ тихо съ Поляками, донскими козаками и старыми русскими измѣнниками. Во всѣхъ городахъ, лежащихъ по дорогѣ къ Москвѣ, народъ и воинскіе люди встрѣчали самозванца съ радостію, какъ истиннаго Государя.

Послѣ измѣны войска гонцы съ грамотами отъ Лжедимитрія безпрепятственно являлись въ Москву, но ихъ еще хватали и не допускали грамотъ къ народу. Наконецъ, 1-го іюня, Наумъ Плещеевъ и Гаврило Пушкинъ, посланные самозванцемъ, явились въ Красное село и прочли Красносельцамъ самозванцеву грамоту, въ которой онъ обѣщалъ награды тѣмъ, которые примутъ его какъ Государя, и свой царскій гнѣвъ тѣмъ, которые будутъ сопротивляться. Красносельцы приняли посланныхъ съ радостію, и толпою пошли провожать ихъ въ городъ; бояре выслали было про-

тивъ ихъ стрѣльцовъ, но тѣ воротились съ дороги. И послы самозванца безпрепятственно прочли его грамоту на лобномъ мѣстѣ. Народъ зашумѣлъ и ворвался въ Кремль, схватилъ царя Ѳедора, его мать и сестру, и изъ дворца перевелъ въ прежній боярскій домъ Борисовъ, родственниковъ ихъ посадили подъ стражу, имѣніе ихъ разграбили и домы раззорили. Самозванецъ, получивши объ этомъ извѣстіе, немедленно отправилъ новыхъ посланцевъ въ Москву, князей Голицына и Мосальскаго и дьяка Сутунова, которые съ толпой мятежниковъ ворвались въ Успенскій соборъ во время обѣдни, вытащили патріарха Іова изъ алтаря, сорвали съ него святительское облаченіе, таскали по собору и потомъ въ простой телегѣ увезли въ Старицкій монастырь; далѣе ворвались въ Борисовъ домъ, убили царя Ѳеодора, его мать, объявивъ народу, что царица Марья и сынъ ея Ѳедоръ со страху отравились.

Между тѣмъ самозванецъ стоялъ уже въ Тулѣ, дожидаясь окончательныхъ вѣстей изъ Москвы. Знатнѣйшее Московское боярство отправилось въ Тулу бить челомъ самозванцу, гдѣ онъ принялъ ихъ гордо, и допустилъ къ рукѣ прежде Донскихъ козаковъ, а потомъ уже Московскихъ бояръ. Изъ Тулы самозванецъ двинулся въ Серпуховъ, оттуда перешелъ въ село Коломенское, куда къ нему явилися Московскіе граждане съ хлѣбомъ и солью. Двадцатаго іюня въ прекрасный лѣтній день самозванецъ съ торжествомъ и великолѣпіемъ всту-

пилъ въ Москву; спереди шли Польскіе трубачи и литаврщики, за ними дружины всадниковъ, за ними богатыя колесницы, верховыя царскія лошади; далѣе барабанщики и Русскіе полки, духовенство со крестами и самъ Лжедимитрій на бѣломъ конѣ, окруженный боярами и князьями. Въ Москвѣ звонили во всѣ колокола, народъ толпился на улицахъ, видя Лжедимитрія, падалъ ницъ и привѣтствовалъ его, какъ прирожденнаго Государя. Но первая же встрѣча смутила Москвичей: одни узнали по лицу въ новомъ царѣ Гришку Отрепьева, другимъ не понравилось, что новый царь ввелъ въ Успенскій соборъ иновѣрцевъ, Ляховъ и Венгровъ, чего никогда не бывало, и что казалось народу осквернѣніемъ храма; наконецъ всѣхъ поразилъ страшный вихрь, среди свѣтлаго и тихаго дня вдругъ поднявшійся, какъ только Лжедимитрій перешелъ живой мостъ и въ Москворѣцкіе ворота выѣхалъ на площадь; всѣ въ ужасѣ крестились, и говорили, — не къ добру это, быть бѣдѣ.

Утвердившись въ Москвѣ, Лжедимитрій возвратилъ изъ ссылки всѣхъ опальныхъ вельможъ, сосланныхъ Борисомъ Годуновымъ, объявилъ многія милости боярамъ и народу; но не смотря на это, онъ день ото дня терялъ любовь Москвичей; онъ оскорблялъ ихъ своею привязанностію къ чужеземнымъ обычаямъ; Москвичи въ немъ видѣли не чиннаго царя Московскаго, каковы были прежніе цари, а вѣтреннаго Ляха, и въ одеждѣ, и въ прическѣ, и въ походкѣ, и во всемъ образѣ

жизни; онъ садился за обѣдъ не молясь Богу, за столомъ у него была музыка, шумъ и нескромные разговоры, дружился только съ Поляками и съ ними вмѣстѣ пировалъ, жилъ развратно, безчестилъ женъ и дѣвицъ, разточалъ казну на разныя мелкія затѣи, необычныя въ Москвѣ, любилъ нетерпимыхъ народомъ и духовенствомъ Іезуитовъ и дозволилъ имъ служить латинскую обѣдню въ Кремлѣ, что въ глазахъ народа считалось оскорбленіемъ святыни. Все это такъ раздражало духовенство, бояръ и народъ, что прежнія тайныя подозрѣнія о сходствѣ новаго царя съ Гришкою Отрепьевымъ теперь обратились въ явныя обличенія. Первымъ обличителемъ былъ одинъ монахъ, учившій малолѣтняго Отрепьева грамотѣ. Онъ всенародно говорилъ, что мнимый царь Димитрій есть бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ; этого инока схватили и тайно умертвили въ темницѣ. Въ слѣдъ за инокомъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій чрезъ своихъ повѣренныхъ сталъ распространять слухи, что теперешній царь есть обманщикъ, самозванецъ, еретикъ, подосланный ляхами и латинцами. Шуйскаго схватили и хотѣли было казнить, уже вывели на площадь и палачъ готовъ былъ отрубить ему голову, но вдругъ смертный приговоръ былъ перемѣненъ на ссылку, а потомъ и изъ ссылки скоро возвратили Шуйскаго и его родственниковъ. Въ одно время съ Шуйскимъ дошли вѣсти о новыхъ обличителяхъ, родственникахъ Отрепьева, и его

землякахъ Галичанахъ; ихъ также уняли, иныхъ засадили въ темницу, другихъ сослали въ Сибирь. Эти и подобныя обличенія породили доносы, пытки, ссылки и казни, что еще болѣе распространяло неудовольствіе въ народѣ; царь окружилъ себя иноземною стражею и близко не подпускалъ къ себѣ русскихъ, а между тѣмъ во дворцѣ каждый день была пляска, музыка и азартныя игры, любимыя царемъ. Къ довершенію всѣхъ неудовольствій, пріѣхала Марина Мнишекъ, невѣста царя, дочь польскаго вельможи, сопровождаемая большимъ поѣздомъ Поляковъ. Пышный въѣздъ Марины въ Москву взволновалъ весь народъ, временное отнятіе кремлевскихъ домовъ у многихъ бояръ, купцовъ и священниковъ для помѣщенія польскихъ гостей, буйная и безчинная жизнь Поляковъ, оскорбляющая московскіе нравы, и особенно бракъ царя съ Полькою, непринявшею православной вѣры, даже самый день брака въ четвергъ на пятницу и притомъ на Николинъ день, сильно раздражили духовенство, бояръ и гражданъ. Явились такіе обличители царя, которые шли обличать его явно въ глаза и приготовившись на смерть, какъ мученики. Такъ дьякъ Тимофей Осиповъ, постившись и причастившись святыхъ тайнъ, пришелъ во дворецъ и передъ всѣми сталъ говорить Лжедимитрію: «ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, не царевъ сынъ, а грѣху рабъ и еретикъ.» Дьяка казнили, но обличенія не пре-

кращались; на четвертый день послѣ царской свадьбы уже явно, не укрываючись, на площадяхъ стали говорить, что мнимый Димитрій есть царь поганый, не чтитъ святыхъ иконъ, не любитъ набожности, питается гнусными яствами, ходитъ въ церковь нечистый, и ни однажды не мылся въ банѣ съ своею поганою царицею, что онъ еретикъ, а не царскій сынъ. Въ народѣ уже разнеслись слухи, что царь хочетъ ввести латинскую вѣру и православныя церкви обратить въ латинскіе костёлы.

Неудовольствіе противъ царя и увѣренность, что онъ самозванецъ, а не сынъ царя Ивана Васильевича, росли не по днямъ, а по часамъ. А между тѣмъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, одинъ изъ первыхъ обличителей царя самозванца, едва не поплатившійся за это жизнію, поддерживалъ и распространялъ неудовольствіе въ народѣ и готовилъ средства къ всеобщему возстанію Москвы; онъ тайно составилъ заговоръ, въ которомъ приняли сильное участіе князья Василій Васильевичъ Голицынъ и Иванъ Семеновичъ Куракинъ. Шуйскій успѣлъ привлечъ на свою сторону осьмнадцать тысячъ новгородскаго и псковскаго войска, стоявшаго подъ Москвою; Москвичамъ же тайно было наказано, чтобы каждый по первому удару набата шелъ на Красную площадь для защиты святой церкви и царства. Наконецъ 17-го мая, въ четвертомъ часу утра, ударили въ набатъ на Новгородскомъ подворьѣ у

церкви Ильи Пророка, и вся Москва огласилась набатомъ по всѣмъ колокольнямъ, и народъ со всѣхъ концовъ бросился на Красную площадь съ копьями, мечами и самопалами; между тѣмъ псковское и новгородское войско еще ночью тайно вступило въ Москву и заняло двѣнадцать городскихъ воротъ. И когда народъ собрался на Красную площадь, то тамъ уже дожидались его князья и бояре въ полныхъ воинскихъ доспѣхахъ и на коняхъ, и только лишь народъ собрался, какъ отворились Спасскіе ворота, и князь Василій Ивановичъ Шуйскій, сопровождаемый боярами и народомъ, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечь, въѣхалъ въ Кремль. Подъѣхавъ къ Успенскому собору, онъ сошелъ съ коня, приложился къ Владимірской иконѣ Божіей Матери, и воскликнувъ къ народу, — во имя Божіе идите на злаго еретика, — указалъ на дворецъ, куда немедленно съ воплемъ и бросились толпы.

Лжедмитрій, спавшій послѣ ночной пирушки, услыхавъ набатъ, проснулся и послалъ любимца своего Басманова узнать, что за тревога; ему отвѣчали, что вѣроятно гдѣ нибудь пожаръ; но когда шумъ и вопль все болѣе усиливались, то онъ снова выслалъ Басманова узнать, что за шумъ. Басмановъ только что отворилъ двери въ сѣни, какъ былъ встрѣченъ крикомъ толпы: «веди насъ къ самозванцу, выдай намъ своего бродягу.» Самозванецъ наконецъ, узнавши, что ищутъ его головы, выскочилъ было съ бердышемъ и закри-

чалъ народу: я вамъ не Годуновъ! но выстрѣлы изъ толпы заставили его воротиться; пятьдесятъ человѣкъ нѣмецкихъ тѣлохранителей заперли за нимъ двери; но толпа вмѣстѣ съ боярами вломилась въ комнаты, разогнала и обезоружила Нѣмцевъ и убила Басманова; и самозванецъ, не видя спасенія бросился въ окошко на житный дворъ, разбился и вывихнулъ себѣ ногу. Тутъ его нашли стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ и неучаствовавшіе въ заговорѣ, приняли подъ свою защиту и внесли въ комнаты. Бояре переполошились, и чтобы принудить стрѣльцовъ выдать самозванца, закричали: пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ и дѣтей, ежели они не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута, обманщика. Стрѣльцы испугались и сказали боярамъ: «спросимъ царицу мать, и буде прямой ея сынъ, и мы помремъ за него, а буде скажетъ, что непрямой, то въ немъ Богъ воленъ.» Послали за отвѣтомъ князя Ивана Голицына, который и принесъ отвѣтъ: царица говоритъ, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, а этотъ самозванецъ. Послѣ сего стрѣльцы отступились, раздались изъ толпы крики: «бей его, руби его!» въ это время выскочилъ изъ толпы боярскій сынъ Григорій Валуевъ и выстрѣлилъ въ Лжедимитрія, сказавши: «что толковать съ еретикомъ! вотъ я благословлю Польскаго свистуна.» Другіе дорубили несчастнаго и бросили трупъ его на тѣло Басманова, говоря: «ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ.»

Потомъ оба трупа вытащили на Красную площадь, гдѣ они оставались три дня. Лжедимитрій лежалъ на столѣ въ маскѣ съ дудкою и волынкою, а Басмановъ на скамьѣ у ногъ его. Послѣ трехъ дней Басманова похоронили у Николы Мокраго, а самозванца сперва схоронили на убогомъ дому у Серпуховскихъ воротъ, а потомъ, вырывши изъ могилы, сожгли за городомъ въ деревнѣ Котлахъ, и смѣшавши пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда онъ пришелъ. Такъ кончилъ незаконное царствованіе и жизнь самозванецъ, не процарствовавши и года, — 20 іюня 1605 года онъ торжественно вошелъ въ Москву, а 17 мая 1606 года его убили. Но смертію самозванца не кончились бѣдствія Русской земли.

На третій день по убіеніи самозванца, когда обезображенный трупъ его еще лежалъ на Красной площади, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, главный предводитель возстанія, былъ избранъ въ цари, и на той же Красной площади былъ поздравленъ царемъ всей русской земли. Но это избраніе не было всеобщимъ, на немъ не только не участвовали выборные изъ городовъ, но и не всѣ Москвичи знали объ этомъ; Шуйскаго избрали одни его приверженцы. И это послужило поводомъ къ новымъ смутамъ и несчастіямъ.

Еще 17 мая, въ день самаго возстанія на самозванца, Михайло Молчановъ успѣлъ скрыться изъ дворца и бѣжалъ къ Литовскимъ границамъ,

распуская по дорогѣ слухъ, что царь Димитрій бѣжалъ изъ Москвы и мятежники убили не его, а другаго человѣка. Этотъ слухъ скоро дошелъ и до Москвы; но здѣсь онъ еще не имѣлъ успѣха, ему вѣрили немногіе; за то по городамъ много было довѣрчивыхъ, и вѣсть о спасеніи Лжедимитрія быстро распространилась и снова взволновала всю Россію. Путивль, Черниговъ и всѣ города Сѣверской области, какъ и слѣдовало ждать, поднялись за самозванца, которому и первоначально они помогли занять престолъ Московскій; въ самой Москвѣ начинались волненія, но царь еще успѣлъ ихъ утишить. Впрочемъ новый самозванецъ нигдѣ еще не являлся; предводитель возстанія князь Шаховскій, начальствовавшій въ Путивлѣ, тщетно посылалъ въ Польшу, чтобы прислали человѣка, который бы принялъ на себя имя убитаго Димитрія, но охотниковъ не оказывалось; только Молчановъ, проживавшій въ Самборѣ, прислалъ съ письмомъ къ Шаховскому новаго смѣлаго предводителя, Ивана Болотникова, который былъ прежде холопомъ у князя Телятевскаго. Князь Шаховскій принялъ Болотникова, какъ царскаго повѣреннаго, и далъ ему начальство надъ отрядомъ войска. Болотниковъ быстро увеличилъ свой отрядъ; онъ обѣщалъ волю, богатство и почести бродягамъ и разбойникамъ; и къ нему начали сбѣгаться воры, разбойники, бѣглые холопи и крестьяне; а также по городамъ козаки, стрѣльцы и нѣкоторые посад-

скіе люди начали хватать воеводъ, сажать ихъ въ тюрьмы и грабить богатые домы помѣщиковъ; на Московскихъ улицахъ показались подметныя грамоты, въ которыхъ грозили, что царь Димитрій не позже перваго сентября будетъ въ Москвѣ для наказанія мятежниковъ.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій послалъ на возмутившуюся Украйну свои войска; но они были разбиты подъ Кромами, и вслѣдъ за тѣмъ вся Рязанская сторона возстала за самозванца, вѣря, что онъ дѣйствительно еще живъ; за Рязанцами послѣдовали еще 20 городовъ въ той сторонѣ, и подъ предводительствомъ Пашкова, Ляпунова и Сунбулова соединились съ Болотниковымъ. Болотниковъ, при ихъ пособіи, взялъ и разграбилъ Коломну, разбилъ Московское войско подъ селомъ Троицкимъ, подошелъ къ Москвѣ, и сталъ лагеремъ въ селѣ Коломенскомъ. Царствованіе Шуйскаго, кажется, должно было кончиться, достаточнаго войска не было, и Москву можно было взять почти безъ боя; но въ станѣ Болотникова произошло раздѣленіе. Ляпуновъ и Сунбуловъ, узнавши ближе, кто такой Болотниковъ и его полчища разбойниковъ и бѣглыхъ холоповъ, не захотѣли быть имъ товарищами, предались Шуйскому и въ Москвѣ были приняты съ честію, потомъ подошли еще полки изъ Смоленска, Твери и другихъ городовъ той стороны. Шуйскій ободрился, и его войска подъ начальствомъ князя Михайла Васильевича Скопина Шуйскаго, выступили къ Коломен-

скому. Болотниковъ встрѣтилъ ихъ у деревни Котловъ, его козаки и холопи бились отчаянно, но Пашковъ съ дворянами и дѣтьми боярскими среди самой битвы передался на сторону царя; и Болотниковъ, разбитый, сперва бѣжалъ въ Коломенское, оттуда перешелъ въ Калугу, гдѣ и укрѣпился, и тамъ держался около пяти мѣсяцевъ. Наконецъ принужденный оставить и Калугу, перешелъ въ Тулу, и тамъ соединясь съ прочими силами мятежниковъ, держался еще пять мѣсяцевъ; такъ что наконецъ самъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій выступилъ въ походъ и осадилъ Тулу, и взялъ ее 10 октября, затопивъ ее водою, запрудивши рѣку Упу по совѣту Муромскаго боярскаго сына Кравкова. Взявши Тулу и съ нею Болотникова, Шаховскаго и другихъ мятежниковъ, тамъ бывшихъ, царь возвратился въ Москву.

Между тѣмъ еще въ августѣ мѣсяцѣ 1607 года явился изъ Польши новый Лжедимитрій, сперва въ Пропойскѣ, а потомъ въ Стародубѣ, и началъ оттуда разсылать по городамъ грамоты, чтобы высылали къ нему ратныхъ людей, и около него начала собираться небольшая рать, надъ которою онъ поставилъ начальникомъ поляка Мѣховецкаго. Дѣла этого новаго самозванца, какъ говорятъ лѣтописцы, какого-то бродяги, жида, сначала были очень плохи; его сбродное войско уже хотѣло разойтися и самъ онъ бѣжалъ въ Путивль; но Поляки его выручили; въ Путивлѣ къ нему пришли двѣ тысячи Поляковъ подъ на-

чальствомъ Тышкевича, князя Адама Вишневецкаго и Лисовскаго; съ этою новою помощію онъ осадилъ Брянскъ; но бывъ отраженъ подоспѣвшими Московскими войсками, пошелъ зимовать въ Орелъ. Здѣсь въ продолженіе зимы къ нему еще пришло тысячъ двадцать Поляковъ и козаковъ съ Дона и Запорожья.

На весну самозванецъ двинулся къ Болхову, и послѣ двухдневной битвы, разбивъ царское войско, взялъ Болховъ, и пошелъ прямо къ Москвѣ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, и постоянно увеличивая свое войско холопами и крестьянами тѣхъ господъ, которые были съ царемъ въ Москвѣ. Перваго іюня самозванецъ остановился въ Тушинѣ, въ 12 верстахъ отъ Москвы, и писалъ грамоты къ ея жителямъ, чтобы свергнули Шуйскаго и передались ему; но на сіи грамоты не получилъ отвѣта. Потомъ перешелъ въ Тайническое, думая отрѣзать Москву отъ сѣверныхъ городовъ, но самъ очутился отрѣзаннымъ отъ Украйны, откуда шли къ нему новыя дружины и съѣстные припасы; посему онъ воротился назадъ, и послѣ упорнаго боя, разбивши московское войско, заслонявшее ему дорогу, опять занялъ Тушино. Вскорѣ послѣ этого самозванцовъ гетманъ, полякъ князь Рожинскій, хотѣлъ было ночью ворваться въ Москву; но отраженный царскимъ войскомъ отъ Прѣсни, воротился въ Тушино, и укрѣпилъ его окопами, частоколомъ и башнями.

Самозванецъ съ гетманомъ княземъ Рожин-

скимъ съ польскими полками и русскими измѣнниками, большею частію приведенными изъ Сѣверской Украйны, укрѣпясь въ Тушинѣ, простоялъ тамъ девятнадцать мѣсяцевъ, съ 1-го іюня 1608 года до конца декабря 1609 года; въ Москвѣ его называли Тушинскимъ воромъ, а въ Тушинѣ и въ городахъ, ему присягнувшихъ, царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ. Въ Тушино Поляки къ нему привезли и Марину, жену перваго самозванца, перехвативъ ее на дорогѣ изъ Россіи въ Польшу, когда ее отпустилъ царь Василій Ивановичъ, и Марина, желавшая, во что бы то ни стало, сдѣлаться русскою царицею, признала своимъ мужемъ и втораго самозванца, и тайно съ нимъ вѣнчалась. Изъ Тушина самозванецъ нѣсколько разъ нападалъ на Москву; но царскія войска постоянно его отгоняли. За то онъ успѣлъ почти отрѣзать Москву отъ всѣхъ областей сѣверной Россіи, и сначала имѣлъ большой успѣхъ въ этомъ краю, — Владиміръ, Угличъ, Кострома, Вологда и другія города признали его своимъ царемъ. Но этотъ успѣхъ былъ неполонъ и непродолженъ. Самозванцовы полководцы Поляки Сапега и Лисовскій съ тридцати-тысячнымъ войскомъ въ продолженіи 16 мѣсяцевъ осаждали Троицкую Сергіеву лавру, которую защищали три тысячи ратниковъ, монаховъ и слугъ монастырскихъ. Эта продолжительная и безуспѣшная осада сильно повредила самозванцову дѣлу на сѣверѣ Россіи; тамошніе города, присягнувшіе самозван-

цу, видя доблестную оборону лавры, и терпя сами страшные поборы и своеволія отъ самозванцовыхъ Поляковъ и измѣнниковъ, стали вооружаться и выгонять ихъ, вновь присягая стоять на смерть за Московское государство и вѣру Православную. Такимъ образомъ воеводы самозванцовы и ихъ полчища мало по малу были выгнаны почти изъ всѣхъ городовъ на сѣверъ отъ Москвы; но за то на югъ и западъ отъ Москвы, кромѣ Коломны, Рязани и Смоленска, все принадлежало самозванцу, откуда постоянно шли къ нему и запасы и новые охотники служить въ Тушинѣ и грабить Россію.

Царь Василій Ивановичъ, сидя въ Москвѣ, хотя и радовался успѣхамъ вѣрныхъ городовъ и посылалъ къ нимъ похвальныя грамоты; но не могъ отправить никакого пособія. Москва была сильно стѣснена, не рѣдко терпѣла голодъ, и часто волновалась, возбуждаемая перебѣжчиками изъ Тушина и своими измѣнниками. Въ продолженіе этого времени, въ самой Москвѣ было два возстанія противъ царя. Первое 17 февраля 1609 года въ субботу на масляницѣ, подъ начальствомъ Григорія Сунбулова, князя Романа Гагарина и Тимоѳея Грязнова, съ тремя стами сообщниковъ, которые требовали, чтобы бояре свергнули царя; но бояре за это не взялись, а народъ, по убѣжденію патріарха Гермогена, сталъ за царя; и заговорщики, видя неудачу, бѣжали въ Тушино. Другой заговоръ былъ составленъ бояриномъ Крю-

комъ Колычевымъ: положено было убить царя въ вербное воскресенье; но заговоръ былъ открытъ, и Колычевъ казненъ, а его сообщники посажены въ тюрьму. Вообще въ это время Москва была въ самомъ опасномъ и безнадежномъ положеніи; служилые люди дворяне, дѣти боярскіе, козаки и многіе бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ, такъ развратились, что нарушеніе присяги считали ни за что, и многіе, поцѣловавши крестъ Шуйскому, уходили въ Тушино и цѣловали крестъ самозванцу, и взявши у него жалованье возвращались въ Москву, и получали награду отъ царя, и потомъ опять отправлялись въ Тушино требовать жалованья отъ самозванца. Собирались родные и знакомые, обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни отправлялись во дворецъ къ царю Василію, а другіе въ Тушино. Ихъ въ насмѣшку, и въ Тушинѣ и въ Москвѣ, называли перелетами; многіе ихъ знали, и никто не доносилъ царю; ибо кто бы вздумалъ донести, того называли клеветникомъ, шопотникомъ.

Девятнадцать мѣсяцовъ пребыванія вора въ Тушинѣ, развратили не только Москву, но и всю ту половину Россіи, которая передалась самозванцу. Измѣнники сіи, какъ бы совершенно забыли, что они Русскіе, и надъ своими братьями русскими, оставшимися вѣрными царю, злодѣйствовали съ такою злобою, что даже сами Поляки, главные заводчики смуты, удивлялись этой злобѣ, и говорили: «что будетъ намъ отъ Русаковъ, когда

они и другъ друга губятъ съ такою лютостію.» Вотъ какъ одинъ современникъ и очевидецъ описываетъ тогдашнее положеніе русской земли, опустошаемой невозбранно и пришельцами и еще болѣе своими измѣнниками. «Бысть тогда раззореніе святымъ Божіимъ церквамъ отъ правовѣрныхъ, якоже капищамъ идольскимъ прежде отъ великаго Владиміра; тогда на славу Божію, нынѣ же на утѣху бѣсомъ съ люторы. Тогда убо во святыхъ Божіихъ церквахъ скотъ свой затворяху, и псовъ во алтарѣхъ питаху, освященныя же ризы не токмо на потребу свою предираху, но и на обивища преторгаху, и къ коимъ святымъ вещемъ невозможно прикоснутися, ни приступитись безъ говѣнія, но со страхомъ, и тая ношаху блудницы и піяху съ плясаніемъ отъ нихъ, и безсловесныя скоты украшаху сими. И никто же отъ всего россійскаго языка не избысть отъ обидъ, — овѣхъ съ башенъ высокихъ долу метаху, инѣхъ съ береговъ крутыхъ во глубину рѣки съ каменіемъ верзаху, инѣхъ же развязавше изъ луковъ и изъ самопаловъ разстрѣляюще, инѣмъ же голени на полы преломляху, у инѣхъ же чадъ возхитивше, и предъ очима родителей на огни жаряху, инѣхъ же отъ сосцу и отъ пазуху матерню отторгающе о землю и о пороги и о каменіе разбиваху; красныхъ же женъ и дѣвицъ многихъ въ блудъ взимаху, и тако во многомъ осквернені нечисти умираху; мнози жъ и сами изрѣзывахуся умираше, дабы не осквернi-

тися отъ поганыхъ. Матери жъ младенцевъ своихъ плачущихъ отъ глада и жажды въ невѣдѣніи задавляху, дабы ихъ ради гласа самимъ не погибнути, бѣгающе бо захватывающе рты имъ, и послѣди обрѣтающе ихъ мертвы. И премѣнишася тогда жилища человѣческая на звѣрская: медвѣди и волки на градская и пространная мѣста пришедше, такожъ и птицы изъ великихъ лѣсовъ на велицей пищѣ, на трупѣ человѣческомъ вселишася; а люди крыяхуся тогда въ дебри непроходимыя, и въ чащи темныхъ лѣсовъ и въ пещеры невѣдомыя, и въ водѣ между кустовъ отдыхающе и плачуще къ содѣтелю, дабы нощь ихъ постигла, и поне мало бы отдохнути на сушѣ. Но ни въ нощь, ни въ день бѣгающимъ не бѣ покоя и мѣста къ скрытію, и вмѣсто луны многіе пожары поля и лѣса освѣщаху нощію, и никому же не можно было двигнутися отъ мѣста своего; человѣковъ ожидаху аки звѣрей отъ лѣсовъ находящихъ. И оставиша тогда злодѣи за звѣрями гоньбу, но женуще за своею братіею и со псы аки лютыхъ звѣрей пути пытаху; и существенные звѣри человѣкъ бѣгающихъ поядаху, и произвольные звѣри не естествомъ, но правомъ такожде поядаху, и звѣри убо едину смерть дающе, сіи же и тѣлесную и душевную.»

Въ это время царь Василій Шуйскій, тѣснимый и Тушинскимъ воромъ съ Поляками и козаками, и русскими измѣнниками, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, рѣшился просить помо-

щи у шведскаго короля, и для этого послалъ въ Новгородъ своего племянника князя Михаила Васильевича Скопина Шуйскаго, который послѣ долгихъ переговоровъ и получилъ нѣсколько тысячъ шведскаго войска подъ начальствомъ Делагарди. Скопинъ Шуйскій, получивъ помощь отъ Шведовъ, прежде всего разбилъ поляка Кернозицкаго, шедшаго съ Запорожцами изъ Тушина къ Новгороду, и очистилъ отъ иноземцевъ всѣ Новгородскіе города; потомъ прогналъ отъ Твери другое тушинское войско, подъ начальствомъ поляка Зборовскаго. Между тѣмъ другой царскій воевода, Шереметевъ, шелъ изъ Астрахани и взялъ уже приступомъ Касимовъ. Такимъ образомъ царскія и шведскія войска начали съ двухъ сторонъ тѣснить измѣнниковъ и подвигать къ Москвѣ, чтобы подъ ея стѣнами дать рѣшительную битву Тушинскому вору. Отъ Твери, Скопинъ Шуйскій перешелъ въ Колязинъ, потомъ въ Переяславль Залѣсскій и далѣе въ Александрову слободу, вездѣ по дорогѣ поражая Поляковъ и измѣнниковъ, высылаемыхъ Тушинскимъ воромъ. Между тѣмъ Шереметевъ съ низовыми людьми дошелъ уже до Владиміра, и потомъ перешелъ въ Александрову слободу, куда также сошлись князья Куракинъ и Лыковъ, приведшіе ратныхъ людей изъ подъ Москвы.

Въ это время король польскій Сигизмундъ, доселѣ мутившій русскую землю и помогавшій самозванцамъ, надѣясь на легкую добычу, взду-

малъ самъ вступить въ русскіе предѣлы. Онъ осадилъ Смоленскъ, и потребовалъ, чтобы тушинскіе Поляки, оставивъ самозванца, шли къ нему. Самозванецъ, узнавши объ этомъ, и видя, что Поляки готовы его оставить, тайно въ навозныхъ саняхъ бѣжалъ въ Калугу, куда къ нему скоро ушла и жена его Марина, также тайно. Когда ушелъ самозванецъ, въ Тушинѣ произошло ужасное смятеніе и грабежъ самозванцова обоза. Гетманъ Рожинскій и другіе начальники едва могли смирить мятежниковъ, которые частію бѣжали за самозванцемъ, частію ушли въ Москву и частію соединились съ гетманомъ и Поляками. Наконецъ, оставшіеся въ Тушинѣ Поляки и русскіе измѣнники отправили посольство къ Сигизмунду подъ Смоленскъ съ грамотою, чтобы Сигизмундъ далъ въ цари Русскимъ своего сына королевича Владислава; на это Сигизмундъ и согласился, и тушинцы присягнули служить, и прямить, и добра хотѣть Сигизмунду, пока дастъ Богъ государя Владислава на Московское государство. Между тѣмъ Скопинъ Шуйскій выступилъ изъ Александровой слободы, и заставилъ Сапегу снять осаду Троицкой лавры и бѣжать въ Дмитровъ, а потомъ въ Клинъ. Узнавъ о бѣгствѣ Сапеги, гетманъ Рожинскій съ Поляками и русскими измѣнниками зажегъ Тушино и пошелъ на соединеніе съ Сигизмундомъ; но отряды Скопина Шуйскаго его преслѣдовали и разбили на голову подъ Іосифскимъ монастыремъ, и заставили отступить въ Волоколамскъ, гдѣ онъ

скоро и умеръ отъ горести и отъ изнуренія силъ; войско же его разбѣжалось, одни толпы пошли къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, другія къ Сапегѣ, который стоялъ на Угрѣ, а третьи къ самозванцу въ Калугу. И князь Скопинъ Шуйскій съ торжествомъ вступилъ въ Москву.

Но съ вступленіемъ Скопина Шуйскаго въ Москву, кончились успѣхи царскихъ войскъ, и начались несчастія. Скопинъ Шуйскій, проживши въ Москвѣ шесть недѣль, приготовляясь къ новому походу, занемогъ кровотеченіемъ изъ носа, и послѣ двухъ недѣльной болѣзни умеръ. Въ Москвѣ и по другимъ городамъ разнеслись слухи, что сей защитникъ отечества умеръ отъ отравы, подъ несенный ему теткою, женою князя Дмитрія Шуйскаго, на крестинахъ у князя Воротынскаго. Таковые слухи снова взволновали народъ и въ Москвѣ и въ городахъ. Въ Рязани возсталъ Прокопій Ляпуновъ и вступилъ въ переговоры съ самозванцомъ, уже довольно усилившимся въ Калугѣ. Между тѣмъ московское войско подъ начальствомъ царскаго брата, князя Дмитрія Шуйскаго, въ числѣ сорока тысячъ, съ осмью тысячами шведскихъ наемщиковъ, выступило противъ Сигизмунда, осаждавшаго Смоленскъ. Сигизмундъ выслалъ противъ него польскаго гетмана Жолкевскаго, который и далъ Шуйскому битву подъ Клушинымъ, неподалеку отъ Гжатска. Здѣсь Нѣмцы и Шведы, бывшіе въ московскомъ войскѣ измѣнники, частію перешли къ Полякамъ,

а частію отступили во время самой битвы, и московское войско было разбито на голову и обратилось въ бѣгство, бросивъ обозъ въ добычу непріятелямъ.

Клушинская битва совершенно уничтожила силы царя Василья Ивановича; съ одной стороны послѣ этой битвы Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ и другіе города присягнули королевичу Владиславу, и войско польскаго гетмана увеличилось десятью тысячами русскихъ измѣнниковъ; а съ другой стороны Тушинскій воръ, услыхавши о разбитіи царскихъ войскъ, двинулся изъ Калуги къ Москвѣ, забирая на свое имя города, лежавшіе по дорогѣ, и остановился въ селѣ Коломенскомъ. Въ самой Москвѣ уже никто не хотѣлъ биться за царя Василія, и начали сноситься и переговаривать, то съ Жолкевскимъ, стоявшимъ съ своимъ войскомъ въ Можайскѣ, то съ Тушинцами, то съ Прокопіемъ Ляпуновымъ, взволновавшимъ Рязань. И черезъ три недѣли и два дня послѣ Клушинской битвы, Москвичи, подговариваемые Захаромъ Ляпуновымъ, братомъ Прокопія, и другими заговорщиками, возстали на царя Василія, и общимъ приговоромъ, на совѣщаніи бояръ и народа, бывшемъ у Серпуховскихъ воротъ, приговорили бить челомъ царю Василію Ивановичу, чтобы онъ оставилъ царство. Патріархъ Гермогенъ противился этому приговору, но его не послушали. Къ царю во дворецъ послали боярина князя Воротынскаго просить объ отреченіи отъ престола. Царь, не нахо-

дя возможности противиться просьбѣ отъ имени всего московскаго народа, согласился на отреченіе, и переѣхалъ изъ дворца на прежній свой боярскій дворъ. А черезъ день, т. е. 19-го іюня 1610 года, заговорщики Захаръ Ляпуновъ съ товарищами, взявши съ собою монаховъ изъ Чудова монастыря, насильно постригли Шуйскаго въ монахи. Сіе постриженіе, какъ насильственное, ничего не значило, и патріархъ его не признавалъ, и называлъ монахомъ не Шуйскаго, а князя Тюфякина, который во время постриженія произносилъ вмѣсто Шуйскаго монашескіе обѣты. Но не смотря на то, невольнаго постриженника свезли въ Чудовъ монастырь, постригли также и жену его, а братьевъ посадили подъ стражу. Такъ кончилось несчастное царствованіе Василья Ивановича Шуйскаго, продолжавшееся среди смутъ и волненій четыре года и два мѣсяца.

Сверженіе Шуйскаго съ престола и постриженіе его въ монахи не успокоили ни Москвы, ни русской земли. Враги остались тѣ же: Тушинскій воръ и король Сигизмундъ; первый стоялъ въ Коломенскомъ, и его приверженцы, смѣясь надъ москвичами, говорили: «вы не помните государева крестнаго цѣлованія, потому что царя своего съ царства сосадили, а мы за своего помереть рады.» А Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ, и сверхъ того польское войско, вмѣстѣ съ русскими измѣнниками, подъ начальствомъ Жолкевскаго вышло уже изъ Можайска и шло къ Москвѣ. Въ самой Москвѣ

не было единодушія: Захаръ Ляпуновъ съ своими единомышленниками хотѣлъ, чтобы былъ царемъ Тушинскій воръ; патріархъ съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Голицинымъ и большею частію бояръ желали выбрать въ цари кого-либо изъ русскихъ бояръ, и въ этомъ смыслѣ уже были посланы по городамъ грамоты, извѣщавшія о низведеніи Шуйскаго; князь Мстиславскій объявилъ, что самъ не желаетъ быть царемъ, но не хочетъ также, чтобы выбранъ былъ въ цари кто либо изъ бояръ, а что должно избрать государя изъ царскаго рода, имѣя въ виду королевича Владислава, которому уже многіе Русскіе цѣловали крестъ.

Князь Мстиславскій, узнавши, что Ляпуновъ хочетъ тайно впустить самозванцево войско въ Москву, написалъ къ Жолкевскому, чтобы спѣшилъ для поддержанія королевской партіи, и для защиты Москвы отъ самозванца. Патріархъ этому воспротивился, и бояре отписали къ Жолкевскому, что не нуждаются въ его помощи, и требовали, чтобы польское войско не приближалось къ столицѣ; но Жолкевскій 24 числа іюля уже стоялъ въ семи верстахъ отъ Москвы на хорошовскихъ лугахъ. А между тѣмъ Тушинскій воръ сдѣлалъ нападеніе на Москву, и Мстиславскій, во время сраженія съ нимъ, послалъ къ Жолкевскому спросить его, врагомъ или другомъ пришелъ подъ Москву. Жолкевскій отвѣчалъ, что готовъ помогать Москвѣ, ежели она присягнетъ Владиславу. При та-

ковыхъ обстоятельствахъ, сторона Патріарха и князя Голицына должна была уступить; и начались съѣзды и переговоры съ Жолкевскимъ объ условіяхъ, на какихъ Москва присягнетъ Владиславу. Патріархъ поставилъ первымъ и непремѣннымъ условіемъ, чтобы Владиславъ принялъ православную вѣру; а Жолкевскій, безъ наказа королевскаго, не могъ на это согласиться; и посему договорились объ этомъ условіи говорить съ самимъ королемъ. И въ такомъ смыслѣ написали условія договора, съ которыми особо наряженное большое посольство должно было ѣхать къ Сигизмунду подъ Смоленскъ. А между тѣмъ всѣ московскіе люди два дня цѣловали крестъ Владиславу, а Жолкевскій цѣловалъ крестъ соблюдать условія договора.

Въ числѣ статей договора между Жолкевскимъ и Москвою была статья, чтобы Жолкевскій отвелъ Сапегу и его Поляковъ отъ самозванца, и самозванца отогналъ отъ Москвы. Во исполненіе сего условія, Жолкевскій дня черезъ три послѣ присяги, вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ, напалъ на самозванца, который, будучи оставленъ Сапегою и Поляками, бѣжалъ опять въ Калугу, вмѣстѣ съ женою своею и Заруцкимъ, предводителемъ козаковъ. А 11-го сентября московское посольство, во главѣ котораго были князь Василій Голицынъ, и митрополитъ Ростовскій Филаретъ Никитичъ Романовъ, отправилось къ Сигизмунду подъ Смоленскъ. Выпроводивъ Голицына и Фи-

ларета, Жолкевскій убѣдилъ Мстиславскаго и другихъ бояръ, чтобы его съ Поляками впустили въ Москву, какъ бы для защиты бояръ отъ черни, которая можетъ возстать въ пользу самозванца. Патріархъ Гермогенъ противился этому, и говорилъ, что гетману должно идти на Калужскаго вора, а не въ Москву; но патріарха не послушали, и въ ночь съ 20 на 21 сентября впустили Поляковъ въ Москву, и отвели имъ квартиры въ Кремлѣ, Китаѣ, Бѣломъ городѣ и въ новодѣвичьемъ монастырѣ.

Московскіе послы прибыли подъ Смоленскъ 7-го октября и были приняты съ честію; но когда стали просить короля, чтобы отпустилъ своего сына на Московское царство, то прямаго отвѣта не получили; только канцлеръ Левъ Сапега сказалъ, что Сигизмундъ желаетъ спокойствія въ Московскомъ государствѣ и назначитъ время для переговоровъ. Потомъ было нѣсколько съѣздовъ, на которыхъ Поляки больше говорили о немедленной сдачѣ Смоленска на имя Сигизмунда; а объ отпускѣ королевича Владислава, и о принятіи православной вѣры отвѣчали, что королевичъ еще молодъ, что отпустить его нельзя, и что вѣру мѣнять не надобно, въ вѣрѣ королевича воленъ Богъ и онъ самъ. Между тѣмъ въ Москвѣ старые тушинцы Андроновъ и Салтыковъ, присланные Сигизмундомъ, при помощи Поляковъ, требовали дать присягу Сигизмунду, а не Владиславу, и многіе стали ѣздить подъ Смоленскъ—бить челомъ

Сигизмунду о пожалованіи вотчинами, помѣстьями и чинами; и Сигизмундъ ихъ жаловалъ отъ своего имени, а не отъ имени Владислава. Москва волновалась, и Жолкевскій, оставя въ Москвѣ Гонсевскаго, самъ уѣхалъ въ королевскій станъ подъ Смоленскъ, и привезъ съ собою сверженнаго царя Василія и его братьевъ. Между тѣмъ одинъ крещеный татаринъ Урусовъ, начальникъ стражи самозванцевой, заманилъ самозванца на охоту въ лѣсъ и тамъ убилъ, мстя за смерть касимовскаго татарскаго царя.

Смерть самозванца развязала руки всѣмъ, которые, только боясь его воцаренія, согласились присягнуть Владиславу, а таковыхъ людей въ московскомъ государствѣ было очень много, гораздо больше тѣхъ, которые радѣли Сигизмунду и Владиславу. А посему, лишь только разнеслась вѣсть, что самозванецъ убитъ въ Калугѣ, какъ города стали переписываться другъ съ другомъ о томъ, чтобы освободить Москву отъ Поляковъ. Первые подали голосъ смольняне; они написали грамоту ко всѣмъ Русскимъ, въ которой говорили, чтобы никто не надѣялся имѣть когда либо царемъ Владислава; ибо Поляки на сеймѣ своемъ положили, вывесть лучшихъ людей, опустошить всѣ волости и самимъ владѣть всею московскою землею и ввести Латинство. Грамота эта пришла въ Москву, и москвичи разослали списки съ нея по городамъ, и при семъ написали и свою грамоту, въ которой писали: «для Бога, судіи живымъ

и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія, будьте съ нами за одно противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; вспомните одно: только въ корню основаніе крѣпко будетъ, то и дерево неподвижно; ежели же корня не будетъ, то къ чему прилѣпиться.» На зовъ смольнянъ и москвичей поднялись нижегородцы, рязанцы и другіе. Со всѣхъ сторонъ двинулись воинскіе отряды на освобожденіе Москвы; даже козаки, подъ предводительствомъ тушинскихъ бояръ князя Трубецкаго и Заруцкаго, пошли къ Москвѣ для изгнанія поляковъ; Патріархъ Гермогенъ изъ Москвы всѣхъ ихъ благословилъ на доброе дѣло, на защиту отечества и православной вѣры.

Но прежде нежели полки освободителей подошли къ Москвѣ, Поляки и русскіе измѣнники, начальствовавшіе тамъ, посадили патріарха подъ стражу, и Поляки начали тѣснить Москвичей, вездѣ по городу разставили польскіе караулы, запретили жителямъ носить оружіе, сами же буйствовали, производили грабежи и убійства. А 19 марта 1611 года, во вторникъ на страстной, напали на безоружныхъ москвичей, жившихъ въ Китай-городѣ, и начали ихъ рѣзать и перерѣзали семь тысячъ человѣкъ. Но пока длилась эта измѣнническая рѣзня, москвичи, жившіе въ Бѣломъ городѣ, вооружились, ударили въ набатъ, и при помощи ратныхъ людей, пришедшихъ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ изъ полковъ Ляпунова, отбили на всѣхъ улицахъ на-

паденіе Поляковъ и Нѣмцевъ, и втоптали ихъ въ Китай городъ и въ Кремль. А въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ подошло къ Москвѣ ополченіе въ числѣ ста тысячъ человѣкъ, и разположилось близь Симонова монастыря; потомъ во вторникъ на Ѳоминой подошло къ стѣнамъ Бѣлаго города, а въ воскресенье на Мироносицкой — съ ранняго утра Русскіе уже заняли большую часть стѣнъ Бѣлаго города; такъ что Поляки должны были заключиться въ стѣнахъ Китая города и въ Кремлѣ. Прошло еще шесть недѣль и Русскіе завладѣли всѣми башнями и стѣнами Бѣлаго города, и принудили Нѣмцемъ къ сдачѣ въ новодѣвичьемъ монастырѣ.

Но успѣхи Русскихъ подъ Москвою были остановлены несогласіемъ, произшедшимъ въ ихъ станѣ. Самый дѣятельный и храбрый изъ ихъ предводителей, Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, не поладилъ съ Трубецкимъ и Заруцкимъ, и по ихъ наученію, козаки, зазвали его въ свой кругъ и убили; и въ слѣдствіе его смерти лучшіе служилые люди, притѣсняемые буйными козаками, или разошлись по домамъ, или терпѣли въ станѣ страшныя обиды и не имѣли никакого голоса, а козаки ничего не предпринимали, пьянствовали и грабили по дорогамъ, и такъ прошло четыре мѣсяца съ половиною. Въ это время Сапега даже успѣлъ снабдить осажденныхъ Поляковъ съѣстными припасами. Потомъ 6-го октября пришелъ Литовскій Гетманъ Ходкевичъ на выручку къ

осажденнымъ, и сталъ у Андроньева монастыря; онъ имѣлъ нѣсколько неудачныхъ стычекъ съ ополченцами, и къ зимѣ долженъ былъ отойдти къ Рогачеву, оставивъ кремлевскихъ Поляковъ безъ пособія. Но козаки Трубецкаго и Заруцкаго сами едва держались въ подмосковномъ станѣ, многіе изъ нихъ шайками разсыпались по селамъ и городамъ для грабежа, и дѣло освобожденія Москвы опять остановилось.

Въ слѣдствіе такого несчастнаго положенія, по городамъ опять началось движеніе, города опять стали пересылаться грамотами о сборѣ ратныхъ людей на освобожденіе Москвы и для очищенія государства. Въ этомъ новомъ движеніи приняла сильное участіе Троицкая Сергіева лавра; тамошнія власти, архимандритъ Діонисій и келарь Аврамій Палицынъ разослали по всѣмъ городамъ свои грамоты, въ которыхъ просили, чтобы всѣ шли на сходъ къ Москвѣ къ боярамъ и воеводамъ и собирали казну на содержаніе ратныхъ людей. Грамоты сіи вездѣ читались съ умиленіемъ и имѣли большое дѣйствіе въ городахъ. По совѣту всей земли московскаго государства, во всѣхъ городахъ всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и отъ питія воздерживаться три дни, даже и съ грудными младенцами; и по приговору, по своей волѣ православные христіане постились: три дня — въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли, не пили, въ четвергъ и въ пятницу — сухо ѣли.

И такимъ образомъ по христіански приготовились къ великому дѣлу освобожденія отечества, и ждали только перваго голоса къ подвигамъ.

Первый голосъ раздался изъ Нижняго; тамъ главнымъ начальникомъ подвига былъ тамошній земскій староста, Кузьма Мининъ Сухорукій, мясной торговецъ. Когда въ октябрѣ 1611 года пришла въ Нижній троицкая грамота, и нижегородцы сошлись въ соборной церкви, и протопопъ, увѣщевая гражданъ стать за вѣру, прочелъ троицкую грамоту; то Кузьма Мининъ сказалъ такія слова: «буде намъ похотѣть помощи Московскому государству, и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ, да не только животовъ своихъ, и дворы свои продавати, и жены, и дѣтей закладывати, и бити челомъ, чтобы кто вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ.» Слова сіи очень полюбились Нижегородцамъ, и начались частыя сходки, какъ устроить дѣло; Мининъ на этихъ сходкахъ дѣйствовалъ всѣхъ сильнѣе и усерднѣе; сперва начали сбирать деньги по приговору, по чемъ съ рубля; потомъ Мининъ сказалъ: пусть несутъ по усердію, кто сколько можетъ, у меня триста рублевъ и я даю въ соборъ сто рублей, то же и вы сдѣлайте. Будь такъ, будь такъ! закричали всѣ. Начался соборъ, — пришла одна вдова и сказала: осталась я послѣ мужа бездѣтна, и есть у меня 12 тысячъ рублей, десять тысячъ отдаю въ соборъ, двѣ тысячи оставляю себѣ; другіе также понесли деньги волею, а кто

волею не хотѣлъ, у тѣхъ брали силою. Собравши деньги, стали думать, кого выбрать въ воеводы. А въ это время въ суздальскомъ уѣздѣ въ своихъ вотчинамъ долечивался отъ ранъ, полученныхъ въ Москвѣ въ битвахъ съ Поляками, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, воевода уже прославившійся своими воинскими дѣлами. Мининъ, уговорившись съ Пожарскимъ напередъ, сказалъ народу: «не за кѣмъ больше посылать кромѣ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.» Отправили къ нему посольство изъ лучшихъ людей; и Пожарскій сказалъ посланникамъ: «радъ я вашему совѣту, готовъ хоть сейчасъ ѣхать; но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать.» Посланные сказали, что у нихъ въ городѣ такого человѣка нѣтъ. На это Пожарскій отвѣчалъ: «есть у васъ Кузьма Мининъ, той бывалъ служилый человѣкъ, тому то дѣло за обычай.» Нижегородцы обратились съ челобитьемъ къ Минину, и дали ему приговоръ, чтобы имъ быть во всемъ послушнымъ и покорливымъ и ратнымъ людямъ давать деньги. Мининъ къ приговору приписалъ еще: «не токма, что имать животы, но и жены и дѣти продавати, а ратнымъ людямъ давати.» Этотъ приговоръ за руками, для большаго укрѣпленія, Мининъ отослалъ къ Пожарскому.

Лишь только разнесся слухъ, что въ Нижнемъ сбираютъ ратныхъ людей на очищеніе Московскаго государства, и что тамъ собрали деньги и

выбрали воеводу, какъ пошли со всѣхъ сторонъ сходиться ратные люди, и первые явились смоленскіе помѣщики, проживавшіе въ Арзамасѣ, потомъ Дорогобужане и Вязмичи, изпомѣщенные въ Ярополчѣ, и далѣе Коломничи, Рязанцы, и изъ всѣхъ украинныхъ городовъ стрѣльцы и козаки, которые сидѣли въ Москвѣ при царѣ Василіѣ. Нижегородцы скоро увидали, что собранной ими казны мало, и послали грамоты во всѣ Понизовые и Поморскіе города, чтобы помогали идти на очищеніе Московскаго государства; на сіи грамоты города отвѣчали присылкою денегъ и разныхъ припасовъ. Ратные люди между тѣмъ все прибывали и получали полное содержаніе. И какъ говоритъ лѣтописецъ: «Богу же призрѣвшу на ту рать, и давшу между ими совѣтъ велій и любовь; кои бо куповаху лошадей меньшею цѣною, тѣхъ же лошадей побыша мѣсяцъ, тѣ же продавцы не познаху; тако бо Богу поспоряющу во всемъ.»

Вѣсти о нижегородскомъ собраніи ратныхъ людей достигли и до Москвы; здѣсь имъ не рады были, какъ осажденные Поляки и измѣнники, такъ и осаждающіе козаки Заруцкаго и Трубецкаго. Поляки и измѣнники, услыхавши о нижегородской рати, обратились къ патріарху Гермогену, содержавшемуся у нихъ подъ стражею, и принуждали его написать грамоту, чтобы нижегородская рать не ходила къ Москвѣ; но патріархъ на это отвѣчалъ: «да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства, и

вы окаянные московскіе измѣнники будете прокляты.» За это патріарха уморили голодомъ, и онъ, какъ страдалецъ за вѣру и отечество, скончался 17 февраля 1612 года. Заруцкій же, узнавши о движеніи нижегородской рати, прислалъ коваковъ въ Ярославль, и велѣлъ туда же спѣшить атаману Просовецкому съ другими полками козаковъ, чтобы захватить Ярославль и всѣ поморскіе города и не дать имъ соединиться съ княземъ Пожарскимъ. Ярославцы поспѣшили дать вѣсть объ этомъ въ Нижній. Получивши эту вѣсть, Пожарскій немедленно отправилъ отрядъ войска съ своимъ двоюроднымъ братомъ Дмитріемъ Петровичемъ Лопатою-Пожарскимъ, чтобы занялъ Ярославль до прихода Просовецкаго, что тотъ и сдѣлалъ. Потомъ вслѣдъ за Лопатою-Пожарскимъ двинулась и главная нижегородская рать по той же дорогѣ; рать эту вездѣ по городамъ принимали съ радостію и предлагали деньги и запасы, и рать, чѣмъ далѣе шла впередъ, тѣмъ болѣе увеличивалась прибылыми людьми. Трубецкой и Заруцкій, прослышавши это, отправили посланцевъ къ Пожарскому и Минину просить, чтобы они шли прямо къ нимъ на соединеніе и общій совѣтъ, ничего не опасаясь. Пожарскій и Мининъ, принявши посланцевъ съ честію, отвѣчали, что нисколько ихъ не опасаются и спѣшатъ къ нимъ на помощь подъ Москву. Но Мининъ и Пожарскій между собою положили не довѣрять козакамъ Заруцкаго и Трубецкаго и не соединяться съ ними.

Они подозрѣвали въ нихъ что-то недоброе, и это подозрѣніе вскорѣ оправдалось дѣломъ; ибо когда Пожарскій въ Ярославлѣ шелъ въ разрядную избу, то одинъ козакъ Стенька, присланный Заруцкимъ изъ Москвы, въ тѣснотѣ хотѣлъ зарѣзать его ножемъ, но по ошибкѣ ранилъ другаго, и пойманный въ допросѣ повинился и открылъ своихъ соучастниковъ.

Толпы служилыхъ людей постоянно прибывали въ Ярославль, гдѣ остановился Пожарскій, а также изъ городовъ постоянно везли деньги и припасы; но двинуться подъ Москву было еще неудобно; ибо прежде нужно было очистить сѣверные города отъ козаковъ и Запорожцевъ, которыхъ должно было выбивать силою. Между тѣмъ пришли вѣсти отъ Трубецкаго и Заруцкаго, что Литовскій гетманъ Ходкевичъ идетъ къ Москвѣ съ своею ратью; по этимъ вѣстямъ Пожарскій немедленно отправилъ передовые отряды прямо къ Москвѣ, а за ними и пошелъ самъ со всею ратью. Прослышавши о походѣ Пожарскаго, Заруцкій съ половиною козаковъ бѣжалъ изъ подъ Москвы сперва въ Коломну, гдѣ соединилась съ нимъ Марина, потомъ въ Рязань, опустошая все по дорогѣ, и остановился въ Михайловѣ. Наконецъ главная рать Пожарскаго, 14 августа 1612 года, подошла къ Троицкой лаврѣ на послѣдній станъ, простояла тамъ три дни, и 18 августа, отслуживъ молебенъ у чудотворца Сергія и благословившись отъ архимандрита, пошли къ Москвѣ; монахи про-

вожали ратниковъ съ крестнымъ ходомъ. При самомъ выступленіи въ походъ, сильный вѣтеръ подулъ навстрѣчу, и ратники, принявъ это за худой знакъ, оробѣли; но когда архимандритъ окропилъ ратниковъ святою водою, и вѣтеръ вдругъ подулъ къ Москвѣ; то ратники повеселѣли и съ радостію пошли впередъ, обѣщая помереть за домъ Пречистыя Богородицы и за православную христіанскую вѣру.

Августа 20 числа Пожарскій съ своею ратью вступилъ въ Москву; Трубецкой звалъ его стать вмѣстѣ въ одномъ острогѣ у Яузскихъ воротъ, но получилъ отвѣтъ: «отнюдь намъ вмѣстѣ съ козаками не стаивать»; и Пожарскій остановился въ особомъ острогѣ у Арбатскихъ воротъ. На другой день, 31 августа, узнали, что гетманъ Ходкевичъ съ польскою ратью стоитъ уже на Поклонной горѣ. Чтобы загородить ему дорогу въ Кремль, Трубецкой съ козаками сталъ на правомъ берегу Москвы рѣки у крымскаго двора, а Пожарскій — на лѣвомъ берегу подлѣ новодѣвичьяго монастыря. Трубецкой выпросилъ у Пожарскаго пять лучшихъ конныхъ сотенъ для устѣшнаго нападенія на гетмана со стороны. На разсвѣтѣ 22 числа гетманъ перешелъ рѣку у новодѣвичьяго монастыря и напалъ на Пожарскаго; бой продолжался семь часовъ, и Пожарскій былъ уже оттѣсненъ къ Чертольскимъ (нынѣ Пречистенскимъ) воротамъ; а козаки Трубецкаго во все это время не двинулись съ мѣста и только посмѣи-

ваясь говорили: «богати пришли отъ Ярославля, одни отстоятся.» Наконецъ конныя сотни Пожарскаго, посланныя наканунѣ къ Трубецкому, не вытерпѣли, видя изнеможеніе своихъ, и не смотря на запрещеніе Трубецкаго, бросились въ бой, за ними самовольно перешли рѣку и нѣкоторые козачьи атаманы; и при этой помощи Пожарскому гетманъ былъ отбитъ и отступилъ по прежнему на Поклонную гору.

На другой день, 23 августа, Поляки сдѣлали вылазку изъ Кремля и успѣли захватить козачій острогъ у церкви Егорья въ Яндовѣ. А гетманъ Ходкевичъ, передвинувъ свое войско къ Донскому монастырю, въ слѣдующій день напалъ на козаковъ Трубецкаго, и упорный бой продолжался цѣлый день. Трубецкой въ этотъ день расположился по берегу Москвы рѣки отъ старыхъ Лужниковъ до церкви Св. Климента, что на Пятницкой улицѣ; а обозъ Пожарскаго стоялъ на противоположномъ берегу у церкви Ильи Обыденнаго, но самъ Пожарскій съ большою частію своего войска перебрался на Замоскворѣцкій берегъ, чтобы вмѣстѣ съ Трубецкимъ не пропускать гетмановъ въ Кремль. Поляки гетманскіе на разсвѣтѣ ударили на Русскихъ и козаковъ такъ сильно, что смяли ихъ и втоптали въ рѣку; самъ Пожарскій едва устоялъ съ своимъ полкомъ, а козаки Трубецкаго отошли въ свои таборы и даже оставили Климентовскій острогъ; Ходкевичъ же, съ своей стороны, расположился обозомъ у церкви

святыя великомученицы Екатерины что на Ордынкѣ, и даже занялъ Климентовскій острогъ. Козаки, увидавши Польскія знамена на православной церкви Климента, устыдились сего и съ ожесточеніемъ бросились на Поляковъ и выбили ихъ изъ острога; но Поляки, получивъ подкрѣпленіе отъ гетмана, опять отбили острогъ, и около этого острога завязался страшный бой: полки Пожарскаго и Трубецкаго дрались почти до вечера, и наконецъ взяли острогъ, и пѣхота залегла по ямамъ и крапивамъ на дорогѣ гетмана къ Кремлю. Но взятіе Климентовскаго острога не кончило дѣла, гетманъ не былъ еще выбитъ изъ своего обоза у церкви св. великомученицы Екатерины, а день уже клонился къ вечеру и рать пришла въ уныніе. Въ это время Кузьма Мининъ, съ дозволенія Пожарскаго, взялъ изъ обоза, стоявшаго у церкви Ильи Обыденнаго, роту Хмелевскаго да три сотни дворянъ, и ударилъ съ ними на двѣ польскія роты, стоявшія у крымскаго двора; тѣ бросились бѣжать, смяли одна рота другую, и тѣмъ произвели смятіе въ гетманскомъ обозѣ. Русская же пѣхота, сидѣвшая по ямамъ и крапивамъ, замѣтя смятіе, бросилась на гетманскій обозъ, а за нею двинулась и конница. Поляки не выдержали дружнаго натиска, и побросавъ обозъ и шатры, убѣжали на Воробьевы горы; а на другой день гетманъ, оставивъ всѣ попытки противъ Москвы, пустился въ Литву по Можайской дорогѣ.

По удаленіи гетмана Ходкевича, начались было несогласія между Трубецкимъ и Пожарскимъ: козаки, жалуясь на бѣдность, не хотѣли долѣе стоять подъ Москвой; но троицкій архимандритъ Діонисій успѣлъ уладить это дѣло; онъ прислалъ козакамъ подъ закладъ церковныя ризы и стихари, цѣною на тысячу рублей. Эта присылка такъ тронула козаковъ, что они устыдились сами себя, отослали присланныя церковныя вещи назадъ, и обѣщались не отходить отъ Москвы до конца дѣла. Пожарскій пробовалъ было убѣдить Поляковъ, чтобы они вышли изъ Кремля и отправились спокойно на родину; но они съ грубостію отвѣчали на его грамоту. И 22 октября козаки взяли приступомъ Китай городъ, и здѣсь своими глазами увидали, какой страшный голодъ терпѣли осажденные; они нашли въ Китаѣ городѣ нѣсколько чановъ съ соленымъ человѣческимъ мясомъ. Впрочемъ, не смотря на голодъ, Поляки еще мѣсяцъ держались въ Кремлѣ; но не получая ни откуда помощи, и пріѣвши не только всѣ запасы, но даже кошекъ, собакъ и всякую падаль, они наконецъ вступили въ переговоры съ Пожарскимъ и Трубецкимъ, прося только объ одномъ, чтобы ихъ не убивали, и получивъ на это согласіе, на другой день сдали Кремль. И 27 ноября 1612 года ополченцы Трубецкаго и Пожарскаго, взявши кресты и иконы, вступили въ Китай городъ, одни отъ Покровскихъ, а другіе отъ Арбатскихъ воротъ, и, отслуживши молебенъ на лобномъ мѣстѣ, вошли

въ Кремль, и заключили свое торжество обѣднею и благодарственнымъ молебномъ въ Успенскомъ соборѣ.

Такъ совершилось очищеніе Московскаго государства отъ смутъ и мятежей, продолжавшихся девять лѣтъ; и въ Москвѣ занялись приготовленіями къ царскому избранію, и для этого разосланы были грамоты по всѣмъ городамъ, чтобы прислали въ Москву выборныхъ людей для избранія государя. Но объ этомъ до другаго раза.

И. Бѣляевъ.

V.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О КУЗЬМѢ МИНИНѢ СУХОРУКОМЪ.

Въ 1862 году исполнится тысячелѣтіе существованію русскаго государства. Въ эту тысячу лѣтъ надъ народомъ русскимъ пронеслось не мало бѣдствій. Были бѣды отъ иноплеменниковъ, были и отъ собственнаго неустройства. Не дешево обошлись народу русскому безпрерывныя распри и войны удѣльныхъ князей, за старшинство въ родѣ, за вотчины и за столъ великокняжескій; тяжелымъ гнетомъ придавило жизнь русскую слишкомъ двухсотлѣтнее иго татарское, и выработавъ единовластіе московское, внесло въ управленіе и жизнь русскую много привычекъ, чуждыхъ кроткому славянскому духу; то жестокость азіатскую, то беззаконное самоуправство. Но самое сильное раззореніе земли русской, самыя жестокія бѣдствія народа русскаго происходили въ царствованіе царя Василія Ивановича Шуйскаго и

скоро послѣ низведенія его съ престола крамольными боярами.

Въ это тяжкое для Россіи время Москвою владѣли Поляки; Новгородъ призывалъ на царство шведскаго царевича; въ Псковѣ, въ Астрахани и въ другихъ городахъ русскихъ являлись наглые самозванцы, выдававшіе себя за давно убитаго, въ Угличѣ, царевича Дмитрія Ивановича, и именемъ царя мутили невѣждъ и людей злоумышленныхъ. король польскій Сигизмундъ не довольствовался избраніемъ на московскій престолъ сына своего, царевича Владислава, замышлялъ, по наущенію католическихъ монаховъ, покорить Россію и искоренить православіе. Множество недобросовѣстныхъ бояръ забывали тогда свои обязанности къ родинѣ, наблюдали одну свою корысть, и непрестанно враждуя между собою, перебѣгали изъ одного лагеря въ другой, сегодня клялись въ вѣрности и цѣловали руку одному бродягѣ Лжедимитрію, а на завтра передавались другому, то пресмыкались передъ Шведами, то передъ Поляками; а простой народъ русскій болѣе другихъ сословій страдалъ отъ несчетнаго числа грабителей, набиравшихъ шайки бродягъ, козаковъ и воровъ, и опустошавшихъ деревни, села и города православные, проходя съ огнемъ и мечомъ изъ конца въ конецъ всей русской земли. Разбои, насилія и грабежи были тогда повсемѣстные, вѣрѣ православной и народу русскому грозила погибель окончательная. — Сильнѣе другихъ городовъ, сто-

яли тогда за честь и оборону земли русской: Нижній Новгородъ, Смоленскъ и Троицко-Сергіевская лавра. Но тогда вездѣ на Руси чувствовалъ народъ въ себѣ довольно силы, чтобы противустать врагамъ внутреннимъ и внѣшнимъ; несчастія отчизны не убили духа народнаго, а напротивъ того, возвысили его, и когда мѣра народныхъ золъ преисполнилась, когда враги иноземные расчитывали на конечную гибель Россіи, — тогда народъ русскій не думалъ преклониться предъ страшными разразившимися надъ нимъ бѣдствіями, и возсталъ самъ для послѣдней борьбы съ врагами несмѣтными и для прекращенія междоусобицы. Мѣстомъ возстанія народнаго былъ Нижній-Новгородъ, а главнымъ поборникомъ и начинателемъ освобожденія Россіи явился нижегородскій гражданинъ Кузьма Мининъ Сухорукій.

Родомъ своимъ Мининъ былъ отъ простыхъ людей; въ смутное время онъ проживалъ въ Нижнемъ, имѣлъ тамъ собственный домъ, торговалъ мясомъ и жилъ семьянином; жену Минина звали Татьяной, а сына Меѳодіемъ. Мининъ пользовался почетомъ между своими согражданами и былъ избранъ своимъ обществомъ въ земскіе старосты. Не смотря на торговлю, не смотря на семейство, Кузьма Миничъ много разъ становился въ ряды нижегородской дружины, дѣлалъ нѣсколько походовъ для истребленія скопищъ вражескихъ и пріобрѣлъ въ походахъ многія военныя познанія, а отъ сограждан и ратныхъ товарищей за-

служилъ имя храбраго воина и честнаго гражданина. Этому-то нижегородскому мяснику выпала завидная доля стать первымъ въ ряду освободителей Россіи отъ иноземнаго ига и получить небывалое дотолѣ, но самое почетное названіе: *выборный отъ всея земли человѣкъ*. Понятно, что при возстаніи народномъ, выборнымъ отъ всея Россіи человѣкомъ явился Мининъ, а не какой нибудь, знаменитый только своимъ родомъ и подвигами своихъ предковъ, бояринъ. Каковы были въ смутное время старѣйшіе бояре, то ясно видно изъ грамоты патріарха Гермогена: «Солгалось про старыхъ то слово, что красота граду старые мужи, а тѣ старые и молодымъ бѣду доспѣли, и за тѣхъ имъ въ день страшнаго Христова суда отвѣтъ дати.»

Въ это время царя въ Россіи не было.

Въ концѣ 1611 года получена была въ Нижнемъ-Новгородѣ грамота изъ Троицко-Сергіевской лавры. Рѣзко изображались въ грамотѣ грабежи Поляковъ, разореніе Россіи и гибель православія. Архимандритъ Діонисій умолялъ нижегородцевъ собрать послѣднія силы и идти для очищенія Москвы отъ непріятелей. Воеводы, духовенство и старосты нижегородскіе собрались въ кремлѣ для совѣщанія о томъ, что́ имъ предпринять. Въ числѣ земскихъ старостъ былъ и Кузьма Миничъ. Когда собраніе разсуждало о мѣрахъ для возбужденія Нижегородцевъ ко всеобщему ополченію, Кузьма Миничъ всталъ и сказалъ со-

бранію: «Святый Сергій явился мнѣ сегодня ночью и повелѣлъ разбудить уснувшихъ. Прочтите присланную грамоту въ соборѣ, а тамъ, что будетъ Богу угодно.» Все собраніе согласилось съ рѣчами Минина.

На другой день ударили въ большой колоколъ въ Спасопреображенскомъ соборѣ; всѣ Нижегородцы спѣшили въ храмъ; иные ожидали услышать радостную вѣсть объ изгнаніи изъ Россіи Поляковъ, другіе страшились услыхать про новыя бѣдствія. По окончаніи службы, протопопъ Савва вышелъ передъ народъ и сказалъ слѣдующія слова: «Увы намъ, господіе, чада мои и братія, увы намъ! Се бо пріидоша дни конечныя гибели; погибаетъ Московское государство и вѣра православная гибнетъ. О горе намъ! о лютаго обстоянія! Польскіе и литовскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умыслили Московское государство разорити и непорочную вѣру Христову въ многопрелестную латинскую ересь обратити! И кто не восплачетъ здѣ, братія, кто же не источитъ источницы слезны отъ очей своихъ? Грѣхóвъ ради нашихъ попущаетъ Господь врагамъ нашимъ возноситися! Увы намъ, братіе мои и чада, — благокрасный бо градъ Москву оные еретики до основанія разорили и людей его всеядному мечу предали. Что сотворимъ, братіе, и что возглаголемъ? Не утвердимся ли въ соединеніи и не станемъ ли до смерти стояти за вѣру христіанскую чисту и непорочну и за святую соборную и апостольскую

церковь честнаго Его успенія и за многоцѣлебные мощи московскихъ чудотворцевъ? Се же и грамота просительная властей живоначальныя Троицы-Сергіева монастыря.» Савва началъ читать грамоту, наканунѣ полученную изъ лавры, и часто былъ прерываемъ рыданіями предстоявшихъ во храмѣ, и восклицаніями: «о горе намъ! увы намъ! гибнетъ государство, гибнетъ православіе.» Въ тотъ же день всеобщее народное движеніе обнаружилось въ Нижнемъ, вездѣ говорили о дѣлахъ русской земли и придумывали средства къ освобожденію отчизны. На торговой площади, среди большой толпы собравшагося народа, возвысился голосъ Кузьмы Минича: «буде намъ похотѣть помочь Московскому государству, то не пожалѣть намъ и животовъ своихъ, и не токмо животовъ своихъ, — и дворы свои продавать, и жены и дѣтей закладывати, и бити челомъ, чтобъ кто вступился за вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ.» Свое предложеніе Мининъ подкрѣпилъ примѣромъ, и положилъ передъ нижегородцами свое имѣніе, не пожалѣлъ нарядовъ своей жены Татьяны, и даже отдалъ серебряные и золотые оклады, бывшіе на святыхъ иконахъ. Нижегородцы, воодушевленные словами и примѣромъ Минина, отвсюду приносили послѣднее свое достояніе, жертвуя его на общее дѣло. Снесеннаго имѣнія оказалось вскорѣ достаточнымъ, чтобы нанять сильную рать въ помощь дружинѣ нижегородской. Тогда Нижегородцы стали избирать начальника.

Кузьма Миничъ, задумавъ освобожденіе отечества, уже имѣлъ въ виду военноначальника; онъ заранѣе совѣтовался о народномъ возстаніи съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, и умомъ своимъ достигъ того, что князь Пожарскій почтилъ достоинства нижегородскаго простолюдина, и отбросивъ врожденную боярскую спѣсь, согласился дѣйствовать съ нимъ за одно и призналъ его равнымъ себѣ. Имѣя согласіе Пожарскаго быть вождемъ народнаго ополченія, Мининъ предложилъ Нижегородцамъ избрать начальникомъ князя Пожарскаго. Нижегородцы знали умъ и храбрость князя Пожарскаго и охотно согласились съ мнѣніемъ Минина. Князь Пожарскій лечился въ то время отъ ранъ, полученныхъ имъ при защитѣ Москвы, и жилъ въ сельцѣ Пуряхъ, въ 68 верстахъ отъ Нижняго. Нижегородцы избрали изъ среды своей лучшихъ людей, и отправили ихъ къ князю Пожарскому, бить князю челомъ, чтобы ѣхалъ онъ къ нимъ въ Нижній, и сталъ бы за вѣру христіанскую и на защиту земли русской. Пожарскій съ радостію принималъ начальство надъ ополченіемъ, но требовалъ отъ Нижегородцевъ, чтобы они избрали изъ среды себя мужа, которому бы можно было довѣрить собранную казну и все воинское хозяйство. Послы нижегородскіе отвѣчали князю Пожарскому, что они не думали о такомъ избраніи, и что они не знаютъ такого человѣка. Князь же Пожарскій сказалъ имъ: «что безъ того онъ не приметъ на-

чальства, а что у нихъ въ Нижнемъ есть такой человѣкъ служилый, и то дѣло ему за обычай»; и при этомъ назвалъ Кузьму Минича. Нижегородцы весьма были довольны, что Пожарскій поручалъ имъ избрать своего человѣка для соблюденія общей казны, и предлагалъ имъ въ выборные, главнаго виновника народнаго возстанія, извѣстнаго своею честностью согражданина ихъ Кузьму Минича Сухорукаго.

Нижегородцы тотчасъ отправились къ дому Минина, и стали просить Кузьму принять на свои руки всю собранную казну, быть главнымъ хозяиномъ народнаго ополченія и принять на себя званіе выборнаго отъ всея земли человѣка. «Кузьма же», говоритъ лѣтописецъ, «имъ для укрѣпленія отказывался, что не хотя быть у такого дѣла; они же ему съ прилежаніемъ говорях у.» Наконецъ Мининъ согласился, но истребовалъ отъ Нижегородцевъ запись, въ которой они снова повторили свои обѣщанія: слушаться во всемъ избранныхъ начальниковъ, и не только имѣніе свое отдать на пользу общую, «но женъ и дѣтей продавати, а ратнымъ людямъ давати.» Получивъ подписанный Нижегородцами приговоръ, Мининъ тотчасъ же отправился къ князю Пожарскому, дабы видѣлъ народъ, что возстаніе было дѣло уже рѣшеное, и не вздумалъ бы послушать недоброхотовъ, сожалѣвшихъ о своихъ великихъ жертвахъ, и не потребовалъ бы приговоръ обратно. Такимъ образомъ Мининъ не только возбу-

дилъ, но устроилъ и укрѣпилъ общее народное дѣло.

По всѣмъ городамъ быстро пронеслась вѣсть, что Нижегородцы возстали для очищенія Россіи отъ непріятелей и готовы на всякое пожертвованіе для прекращенія междоусобицы. Со всѣхъ сторонъ являлись въ Нижній ратники, желавшіе поступить въ народное ополченіе. Первыми пришли Смольяне, потомъ Коломничи, потомъ Рязанцы, потомъ ополченія изъ Украйны. Кузьма Миничъ исправно выплачивалъ ратникамъ жалованіе; слухи о хорошихъ порядкахъ въ войскѣ нижегородскомъ расходились далеко, и число воиновъ увеличивалось ежедневно. Прибылъ въ Нижній изъ деревни и выздоровѣвшій князь Пожарскій. Тотчасъ же отъ нижегородскихъ людей были написаны грамоты во всѣ города съ просьбою принять участіе въ избавленіи отечества; въ грамотахъ говорилось: что «по Христову словеси воз-«стали мнози лже-христи, и въ ихъ прелести «смятеся вся земля, учинилась междоусобная брань «въ россійскомъ государствѣ не мало время, и «такую межь нами рознь усмотря похищники на-«шего спасенія, польскіе и литовскіе люди, умы-«слили Московское государство раззорить, и Богъ «ихъ злокозненному смыслу попустилъ совершить-«ся. И такую ихъ неправду видя, всѣ городы «Московскаго государства, сослався межь себя, «утвердились на томъ крестнымъ цѣлованіемъ, «что быти намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ

«въ любви и соединеніи, и прежняго междоусоб-
«ства не считати, и Московское государство отъ
«враговъ очищати и своимъ произволомъ на Мо-
«сковское государство государя безъ совѣту всей
«земли не сбирати. Нынѣ мы, Нижняго Новго-
«рода всякіе люди, сослався съ Казанью и со всѣ-
«ми понизовскими городы и съ поволскими, со-
«брався со многими ратными людьми, видя Москов-
«скому государству конечное раззореніе, прося у
«Бога милости, идемъ всѣ головами своими въ
«помочь къ Московскому государству; да къ намъ
«же пріѣхали въ Нижній изъ Арзамаса Смольняне
«и Дорогобужане и Вязмичи и иныхъ многихъ го-
«родовъ дворяне и дѣти боярскіе; и мы *всякіе*
«люди Нижняго Новгорода, посовѣтовавъ межь
«себя, приговорили животы свои и домы съ ними
«раздѣлити, жалованіе и подмогу дати, а давъ имъ
«жалованіе и подмогу, посылаемъ на помочь Мо-
«сковскому государству. И вамъ бы, Господа,
«помните обѣщаніе свое, на чемъ мы животворя-
«щій крестъ цѣловали, чтобъ было намъ противъ
«враговъ нашихъ до смерти своей стояти, и ны-
«нѣ бы итти на московскихъ людей всѣмъ вскорѣ
«до тѣхъ мѣръ, покамѣсть ратные люди стоятъ,
«чтобъ литовскіе люди Московскому государству
«конечныя гибели не навели.» Весь народъ рус-
скій ожидалъ тогда только начала откуда нибудь,
и эти нижегородскія грамоты имѣли сильное дѣй-
ствіе. Отвсюду присылали въ Нижній выборныхъ
для совѣта, присылали казну и ратниковъ. Дѣло,

затѣянное Мининымъ, распространялось и усиливалось со дня на день. Свѣдали о возстаньи нижегородскомъ и Поляки, сидѣвшіе въ Москвѣ; желая остановить народное ополченіе, Поляки приступили къ содержавшемуся у нихъ тогда подъ стражею патріарху Гермогену и требовали отъ него, чтобы онъ словомъ своимъ запретилъ народу продолжать возстаніе; но Гермогенъ не убоялся угрозъ польскихъ,—въ послѣдній разъ проклялъ враговъ отечества, а начатое Нижегородцами дѣло благословилъ, и скоро послѣ того умеръ смертію мученика.

Разославши грамоты, собравши казны и людей достаточное количество, Кузьма Мининъ, князь Пожарскій и всѣ ратные люди, положили упованіе свое на Бога и выступили къ Ярославлю. Жители городовъ и селъ, лежавшихъ на пути ополченія, встрѣчали ратниковъ радостію и жертвовали послѣднимъ достояніемъ на пользу общую. Прибывъ благополучно въ Ярославль, начальники ополченія начали устроивать и увеличивать свое войско. Ни на что важное не хотѣли рѣшаться начальники безъ согласія областей и городовъ, а потому и писали во всѣ города грамоты, просили совѣтовъ письменныхъ и требовали отъ каждаго города по два человѣка выборныхъ для разсужденія о дальнѣйшихъ дѣлахъ. При посылкѣ грамотъ писалось: *По нашему всей земли указу*. Подъ этими грамотами подписывались: князь Пожарскій на десятомъ мѣстѣ, а Кузьма Миничъ—

на пятнадцатомъ. Но Мининъ все время оставался главнымъ хозяиномъ и казначеемъ народнаго ополченія; трудами своими и распорядительностью приводилъ Мининъ въ порядокъ пѣшія и конныя дружины, и хотя онъ дорожилъ каждою народною копѣйкою, но все необходимое было у воиновъ въ изобиліи. Такія старанія Минина о ратникахъ возвысили духъ войска; будучи сыто, одѣто и твердо увѣрено въ честности, знаніи и мужествѣ своихъ начальниковъ, оно смѣло шло на освобожденіе Москвы; но независимо отъ хозяйственныхъ распоряженій, Мининъ принималъ и личное участіе въ битвахъ, и храбростію своею много содѣйствовалъ побѣдамъ народныхъ дружинъ надъ Поляками.

Около полугода пробыло ополченіе въ Ярославлѣ. Въ теченіе этого времени князь Пожарскій и Кузьма Миничъ отвлекли Новгородцевъ отъ намѣренія сдѣлать царемъ Московскимъ шведскаго царевича и очистили сѣверо-восточные города русскіе отъ шаекъ польскихъ и русскихъ воровъ и грабителей. Подъ Москвою стояло тогда войско князя Трубецкаго, состоявшее изъ козаковъ и другихъ людей, бывшихъ приверженцевъ самозванцовъ. Трубецкой опасался силы Пожарскаго и хотѣлъ войны съ Поляками, помышляя единственно о своей пользѣ и объ обогащеніи своего сброднаго войска. Сидѣвшіе въ Москвѣ Поляки ожидали себѣ помощи отъ короля своего Сигизмунда, и когда получено было Пожарскимъ извѣстіе о выступленіи польскаго гетмана Ходке-

вича для выручки осажденныхъ Поляковъ, тогда ополченіе двинулось подъ Москву, куда и прибыло 20-го августа, а черезъ день послѣ прибытія и произошла сильная битва новыхъ ратниковъ съ Поляками. Народныя дружины бились храбро и одержали верхъ надъ гетманомъ Ходкевичемъ. Но самая жестокая и рѣшительная по своимъ послѣдствіямъ битва была 24 августа. Съ утра еще завязалась перестрѣлка между Русскими и Поляками, а во второмъ часу пополудни Ходкевичъ со всѣми своими силами устремился на полки Минина и Пожарскаго. Войска Трубецкаго не принимали участія въ битвѣ, и удалившись въ свой станъ, подсмѣивались надъ ополченіемъ, говоря: «богаты пришли отъ Ярославля, и сами одни отстоятся!» Ополченцы стояли твердо, но были смяты стремительностію Поляковъ; едва самъ Пожарскій удержался. Кузьма Миничъ и Пожарскій ужаснулись, видя, что гетманъ достигаетъ своей цѣли и легко можетъ подать помощь Полякамъ, осажденнымъ въ Москвѣ; тогда вожди новаго ополченья стали просить бывшаго при нихъ келаря Троицко-Сергіевскаго монастыря Авраамія Палицына, идти къ войску князя Трубецкаго и уговорить козаковъ ударить на гетмана. Авраамій, обѣщаніями богатыхъ наградъ и напоминаніемъ о православіи, успѣлъ увлечь за собою войско князя Трубецкаго, противъ общаго врага, противъ Поляковъ. Громко призывая святаго Сергія, бросились козаки Трубецкаго на полки Ходкевича и

остановили его успѣхи. Завязалась упорная, кровопролитная битва; нельзя еще было угадать на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Въ эту рѣшительную минуту Кузьма Миничъ выказалъ необыкновенное мужество и великое знаніе военнаго дѣла. «И положилъ Богъ храбрость въ немощнаго», говоритъ лѣтописецъ, «прошелъ Кузьма къ князю Дмитрію и сталъ просить у него людей; Пожарскій отвѣчалъ, чтобы тотъ взялъ кого хочетъ; Кузьма отобралъ себѣ отрядъ, перешелъ Москву рѣку и сильно ударилъ на Поляковъ съ боку; Поляки отступили, а русскіе воины, видя удачу Кузьмы, въ свою очередь устремились на Поляковъ; войска гетмана не выдержали и обратились въ бѣгство, оставивъ весь свой станъ въ добычу побѣдителямъ». И такъ, главною своею побѣдою народное ополченіе не мало обязано выборному отъ всея Руси человѣку.

Прогнавъ однихъ Поляковъ, Русскіе обложили другихъ въ Кремлѣ и прекратили имъ подвозъ провіанта. Страшный голодъ началъ свирѣпствовать между непріятелями; Поляки питались всякими гадами и нечистотами, и гибли отъ недостатка пищи. Они терпѣливо сносили нужду, храбро отбивались отъ Русскихъ, но наконецъ, 22 октября, принуждены были отдаться въ плѣнъ полкамъ Минина и Пожарскаго. Черезъ три дня русскія войска торжественно вступили въ столицу Россіи; рядомъ съ княземъ Пожарскимъ, въѣзжалъ въ Москву и гражданинъ Мининъ.

Взятіемъ Москвы кончалась междоусобица; народное ополченіе было распущено.

Дѣло Минина было окончено. Онъ исполнилъ свою завѣтную мысль, прекратилъ междоусобную брань въ Россіи и избавилъ свою отчизну отъ польскаго ига. Спокойствіе начало водворяться повсемѣстно. Тогда въ Москвѣ стали думать объ избраніи царя. Бояре и воеводы московскіе разослали по всей Россіи грамоты, чтобы всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву; а изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, посадскихъ, торговыхъ и уѣздныхъ людей, чтобы выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, прислать также въ Москву, для земскаго совѣта и государскаго избиранія; и чтобы эти власти и выборные люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко, и взяли у *всякихъ* людей о государскомъ избраніи полные договоры.

Когда духовныхъ властей и выборныхъ людей съѣхалось въ Москву довольное число, тогда положили на всѣхъ людей трехдневный постъ, и затѣмъ приступили къ избранію царя. Прежде всего положили, чтобы отнюдь не избирать на русское царство какого-нибудь иноземнаго царевича, а чтобы избирать изъ своихъ. Когда же начали избирать изъ своихъ, то тутъ пошли между выборными споры, распри и волненія; одни выборные предлагали въ цари такого-то боярина, другіе другаго; многіе бояре сами домогались престола и подкупали выборныхъ деньгами и обѣ-

щаніями, и долго не могли никакъ согласиться между собою. По всей вѣроятности, Мининъ не принималъ участія въ этихъ козняхъ, и когда, наконецъ, произнесено было имя Михаила Ѳедоровича Романова, и принято было, сначала большинствомъ выборныхъ людей, а потомъ жителями Москвы и войскомъ, стоявшимъ на лобномъ мѣстѣ, тогда избраніе Михаила царемъ Россіи было утверждено избирательною грамотою; но подъ этою грамотою выборные и посадскіе люди нижегородскіе подписались въ концѣ, а имени Кузьмы Минича Сухорукаго, выборнаго отъ всея Руси человѣка, подъ этою грамотою не находится. Новоизбранный царь не оставилъ однакожъ заслугъ Минина безъ награды, и въ день своего вѣнчанія на царство, пожаловалъ Минина званіемъ думнаго боярина, подарилъ ему домъ въ Нижнемъ Новгородѣ и восемь деревень.

Главными лицами въ новой боярской думѣ были родовитые бояре, и между ними находилось много прежнихъ измѣнниковъ, недавно служившихъ Полякамъ и самозванцамъ. Честному, умному, но не знатному своимъ родомъ Минину не было между ними мѣста, и имя Минина уже не встрѣчается въ думныхъ грамотахъ послѣ окончанія междоусобія.

Не долго прожилъ Мининъ послѣ избавленія Москвы отъ Поляковъ, въ 1616 году онъ умеръ въ Нижнемъ Новѣгородѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ похоронить Кузьму Минича въ

Спасопреображенскомъ нижегородскомъ соборѣ, а вдову его Татьяну и сына Меѳодія пожаловалъ своими милостями.

Спустя сто лѣтъ послѣ смерти Минина, Императоръ Петръ I, проходя чрезъ Нижній съ войсками въ персидскій походъ, слушалъ обѣдню въ спасопреображенскомъ соборѣ, и по окончаніи церковной службы спросилъ: «гдѣ похороненъ Кузьма Мининъ?» Когда это мѣсто было указано императору, тогда Петръ I поклонился въ землю передъ остатками мясника нижегородскаго и сказалъ, обращаясь къ предстоявшимъ: «Здѣсь лежитъ освободитель и избавитель Россіи.»

Императоръ Александръ I въ 1815 году повелѣлъ соорудить памятникъ въ честь Минина и Пожарскаго, въ Москвѣ, на Красной площади, а въ 1826 году Императоръ Николай I воздвигъ таковой же памятникъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ. На памятникѣ вырѣзана надпись: «*гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія.*»

На вселенскихъ панихидахъ и донынѣ провозглашается вѣчная память Кузьмѣ Минину.

Имя нижегородскаго мясника Кузьмы Минича Сухорукаго навсегда останется украшеніемъ исторіи русскаго народа, и въ тысячелѣтіи, прожитомъ Россіею, не много отыщется именъ равныхъ Минину по своимъ достоинствамъ, по любви къ родинѣ и по заслугамъ, оказаннымъ всей русской землѣ.

И. Троицкій.

VI.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДАХЪ

ВЪ АВСТРІИ И ТУРЦІИ.

Всякій Русскій безъ малѣйшаго труда можетъ узнать всѣ подробности про Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Итальянцевъ, Турокъ, Американцевъ. Казалось бы, что за границею живутъ только чужія племена. А между тѣмъ далеко на западъ и юго-западъ отъ границы Русскаго царства простираются народы, которыхъ рѣчь понятна Русскому, которыхъ предки составляли съ предками Русскихъ одно племя, и большая часть которыхъ исповѣдываютъ нашу Православную вѣру и молятся Богу на томъ же языкѣ, какъ мы. Эти народы,—братья Русскихъ и любящіе Русскихъ, какъ братій,—называются Славянами. Вмѣстѣ съ Русскими они составляютъ одно Славянское племя. Въ старину всѣ Славяне были однимъ народомъ, а потомъ раздѣлились на Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Словинцевъ, Словаковъ, Че-

ховъ, Лужичанъ и Поляковъ (*); прежній, общій Славянскій языкъ раздѣлился на столько же нарѣчій, которыя однако всѣ очень похожи одно на другое.

Русскіе, Болгаре, Сербы, Хорваты, Словинцы, Словаки, Чехи, Лужичане и Поляки: вотъ сколько Славянскихъ народовъ. Ихъ девять и только два изъ нихъ, Русскіе и Поляки, живутъ въ предѣлахъ нашего отечества. Стало быть, за границею есть семь народовъ, которыхъ рѣчь звучитъ какъ наша, и которые зовутъ насъ своими братьями. Да! а между тѣмъ мы ничего не знаемъ о нихъ, а знаемъ про чужіе народы, про Французовъ, Нѣмцевъ, Американцевъ, Турокъ. Отчего же это?

Во-первыхъ, оттого, что заграничные Славяне не составляютъ особыхъ государствъ, а находятся подъ властію другихъ народовъ, отчасти Нѣмцевъ, отчасти Турокъ. Нѣмцы и Турки господствуютъ и распоряжаются въ ихъ земляхъ, и потому слышно только про Нѣмцевъ и Турокъ, а что дѣлается съ Славянами подъ ихъ управою, это менѣе замѣтно.

Во-вторыхъ, черезъ-чуръ много людей на Руси привыкли смотрѣть на міръ Божій не такъ, какъ

(*) Подъ именемъ Русскаго народа мы разумѣемъ какъ Великоруссовъ, такъ и Малоруссовъ, точно также какъ подъ именемъ Чеховъ мы разумѣемъ и Чеховъ (въ собственномъ смыслѣ, т. е. жителей Богеміи) и Моравцевъ; подъ именемъ Поляковъ — и Великополянъ и Малополянъ.

онъ есть, а такъ какъ его показываютъ намъ иностранцы, — Французы, Англичане и Нѣмцы, отъ которыхъ мы думаемъ позаимствовать всякую премудрость; иностранцы же стараются какъ можно меньше говорить о Славянахъ, для того, чтобы по возможности скрыть ихъ отъ нашихъ глазъ и отъ глазъ всего человѣчества. Въ томъ ихъ разсчетъ, особенно разсчетъ Нѣмцевъ, и понять этотъ разсчетъ очень легко.

Изъ всѣхъ Нѣмецкихъ государствъ самое большое Австрія. Но въ Австріи только восемь милліоновъ Нѣмцевъ, а семнадцать милліоновъ Славянъ. Нѣмцы располагаютъ этими Славянами, какъ имъ выгоднѣе, и имъ было бы неловко, если-бы про это знали, особливо въ Россіи, гдѣ живутъ братья ихъ подданныхъ Славянъ: потому ихъ прямой разсчетъ — стараться скрыть отъ насъ даже ихъ существованіе. И дѣйствительно, въ Нѣмецкихъ книгахъ, журналахъ и газетахъ про эти семнадцать милліоновъ Славянъ нѣтъ и помину, тогда какъ про маленькій Нѣмецкій народецъ, живущій въ Шлезвигѣ и Голштиніи, подъ управленіемъ Датскаго короля, Нѣмцы столько исписали, что всѣхъ сочиненій объ этомъ въ десять лѣтъ не перечтешь.

Далѣе: въ Европейской Турціи Турокъ едва насчитаешь одинъ милліонъ, а Славянъ, подвластныхъ имъ, милліоновъ восемь. Иностранцы боятся дружбы этихъ восьми милліоновъ Славянъ съ нами, потому что Россія сдѣлалась бы отъ этого

еще сильнѣе. Цѣль Французовъ, а въ особенности Англичанъ и Нѣмцевъ та, чтобы мы чуждались турецкихъ Славянъ; они хотятъ добиться того, чтобы турецкіе Славяне перестали надѣяться на Россію. Когда Россія потребовала въ 1853 году, чтобы Султанъ обезпечилъ и улучшилъ судьбу нашихъ братій, находящихся въ его подданствѣ, то Англія и Франція пошли на насъ войною за Турокъ, Австрія же, хотя не объявляла намъ войны, однако сдѣлала намъ тогда, какъ извѣстно, столько же вреда, сколько могъ бы сдѣлать явный врагъ. Понятно, почему и Французы, и Англичане, и Нѣмцы не охотно поминаютъ про турецкихъ Славянъ, передъ которыми такъ тяжело согрѣшили, и когда рѣчь зайдетъ о Турціи, выставляютъ въ ней только Турокъ, а о Славянахъ стараются умалчивать.

А мы учимся преимущественно по книгамъ, которыя пишутъ Нѣмцы, Англичане и Французы; преимущественно по ихъ газетамъ мы судимъ о томъ, что дѣлается за границею. Каково же наше знаніе о Славянахъ?

Хорошо бы было однако намъ знать о нихъ. Они родные братья наши. Что же ближе человѣку, послѣ собственной судьбы, какъ не судьба родныхъ братій? А что говорится о человѣкѣ, то должно быть сказано и о народѣ, потому что въ народѣ живетъ тотъ же духъ человѣческій, — и я повторю: что же ближе Русскому народу, послѣ собственной судьбы, какъ не судьба Славянъ?

Ихъ судьба печальная.

Они всѣ находятся подъ властію чужихъ державъ и чужихъ народовъ. Другіе народы, даже самые маленькіе, напримѣръ Датчане, которыхъ всего $2^1/_2$ милліона, Голландцы, которыхъ три милліона, Бельгійцы, которыхъ $4^1/_2$ милліона, имѣютъ свою независимость, управляются своими законами, учатся въ школахъ на своемъ языкѣ. А двадцать семь слишкомъ милліоновъ Славянъ живутъ подъ чужою властью, подъ чужими законами, должны учиться на чужомъ языкѣ. Изъ нихъ семнадцать милліоновъ принадлежатъ, какъ я сказалъ, Австріи, восемь милліоновъ Турціи; остальные два съ лишнимъ милліона приходятся на долю Пруссіи, а 60 тысячъ живутъ въ Саксонскомъ королевствѣ. Внѣ Россіи, только 125 тысячъ Славянъ, именно въ Черногоріи, сохраняютъ свою независимость.

Въ старину и заграничные Славянскіе народы составляли отдѣльныя и независимыя государства. Какимъ образомъ они лишились своей свободы и достались въ чужія руки, было бы долго разсказывать; для того нужно бы было написать, хотя вкратцѣ, ихъ исторію. Здѣсь скажу объ этомъ только вообще. Первая вина ихъ паденія была та, что они дѣйствовали раздѣльно и другъ друга не поддерживали, и что даже каждый изъ Славянскихъ народовъ самъ по себѣ былъ постоянно раздираемъ несогласіями и распрями; другая вина была та, что они, недовольно крѣпко держась

своего быта и своихъ природныхъ учрежденій, заимствовали отъ иностранцевъ многое такое, что противно было ихъ духу; такъ составились у Чеховъ и Поляковъ учрежденія на половину Нѣмецкія, на половину Славянскія, у Болгаръ и Сербовъ — на половину Славянскія, на половину Византійскія, и эти учрежденія подавляли жизнь народа, а сами, будучи чѣмъ-то противуестественнымъ, не давали ни какой силы государству. (Поясню эти слова, которыя могутъ показаться темными, однимъ примѣромъ. Въ прежнемъ Польскомъ государствѣ народъ былъ совершенно задавленъ *шляхтою,* и до того считался ничтожнымъ, что даже не призывался на войну для защиты отечества; шляхта же не существовала въ Польшѣ искони, а образовалась подъ дѣйствіемъ Нѣмецкихъ учрежденій того времени, такъ что даже самое имя это, шляхта, взято съ Нѣмецкаго языка; но въ Польской шляхтѣ къ Нѣмецкому понятію о благородномъ сословіи присоединилось старинное Славянское вѣчевое устройство, и изъ нея вышло нѣчто безтолковое и вредное для государства.

Слабѣйшіе изъ Славянскихъ народовъ раньше достались иностраннымъ завоевателямъ.

Первые покорены были Нѣмцами Словинцы въ Каринтіи, Штиріи и Краинѣ, именно въ 788 году, т. е. слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Эти Словинцы живутъ въ горахъ и долинахъ на сѣверъ отъ Адріатическаго моря, близь Италіи.

Словаки, населяющіе сѣверную Венгрію, поко-

рены были Мадьярами или Венграми въ 907 году.

Лужичане, которые сами себя называютъ Сербами, хотя живутъ далеко на сѣверъ отъ собственныхъ Сербовъ, въ нынѣшнемъ Саксонскомъ королевствѣ, покорены были Нѣмцами въ 1002 году.

Хорваты, обитающіе на сѣверо-востокъ отъ Адріатическаго моря, поддались Венгріи въ 1091 году.

Болгаре, населяющіе сѣверо-восточную и среднюю часть Европейской Турціи, т. е. собственную Болгарію и большую часть Румеліи, покорены были Турками въ 1393 году.

Сербы, занимающіе сѣверо-западную часть Европейской Турціи и сосѣдніе края Австріи, лишены были Турками государственной независимости въ 1389 году, и окончателено покорены ими въ 1463 году, а часть ихъ перешла во владѣнія Австріи въ 1690 году.

Чехи, жители Богеміи и Моравіи, т. е. сѣверо-западной части Австрійской имперіи, поддались Австрійскому государю въ 1526 году, но съ тѣмъ, чтобы оставаться при своихъ прежнихъ правахъ и законахъ, а въ 1620 году покорены были Австрійцами и лишены своихъ правъ.

Наконецъ, въ 1795 году прекращено было независимое существованіе Польши.

Вездѣ оправдалось слово, сказанное нашимъ Спасителемъ: «*всякое царство, раздѣлившееся на себя, запустѣетъ, и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся на себя, не устоитъ*» (Матѳ. XII, 25).

Было время, когда и Русскій народъ «раздѣлился на себя»; тогда онъ достался въ рабство Татарамъ, а частью долженъ былъ подчиниться Литвѣ; иноплеменное иго пробудило въ Русскихъ память о прежнемъ единствѣ и братствѣ и чувство общаго долга: Москва первая возобновила рѣчь о всей Русской землѣ, и около Москвы стали собираться всѣ удѣлы земли Русской, забывая зависть и распри.

Нельзя пророчить будущее; но, какъ Богъ изъ глубины бѣдствій воздвигъ Русскую землю и, научивъ ее единству, далъ ей могущество, такъ, быть можетъ, перевоспитаетъ и обновитъ онъ тяжелымъ урокомъ и прочихъ Славянъ.

Старыя Славянскія государства на западѣ должны были погибнуть, потому что были «раздѣлены на себя», какъ во внутреннемъ своемъ бытѣ, такъ и въ отношеніи къ другимъ Славянамъ. Вся собственная Польша, т. е. земля, населенная Поляками (а не тѣ области, принадлежавшія Польшѣ, но населенныя Русскими или Литвинами), вся собственная Польша, говорю я, досталась двумъ Нѣмецкимъ державамъ, Австріи и Пруссіи. Прочіе Славянскіе народы, подвластные Австріи, до того были забиты, что они, казалось, потеряли память о своемъ бытіи и стыдились называться Славянами, а выдавали себя за Нѣмцевъ или Венгровъ. Наконецъ Сербы и Болгаре въ Турціи страдали подъ игомъ невыносимымъ; многіе изъ нихъ, чтобы избавиться отъ мученій, принимали му-

сульманскую вѣру и, перерождаясь въ Турокъ, становились сами гонителями своихъ братій.

Но въ то время Богъ изъ глубины бѣдствій началъ воздвигать Славянское племя къ новой жизни.

Въ Сербіи явился, въ 1804 году, Георгій Черный и освободилъ часть своей родины отъ Турокъ. Первымъ дѣломъ освобожденнаго народа было вспомнить, что у него есть братья одного съ нимъ происхожденія и одной вѣры и отправить посольство въ Россію — просить союза и покровительства. Вскорѣ за тѣмъ русскій отрядъ пришелъ въ Сербію и помогъ Черному Георгію изгонять Турокъ. Походъ Наполеона на Россію въ 1812 году заставилъ Императора Александра I вызвать войска изъ Сербіи и Турціи и заключить съ Султаномъ миръ. Черный Георгій надѣялся на покровительство Австріи, но она обманула его, и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Сербіи. Однако нашелся другой человѣкъ, который продолжалъ дѣло, начатое Георгіемъ: именно Милошъ Обреновичъ, (недавно избранный во второй разъ княземъ Сербскимъ). Онъ долго сражался съ Турками, по прежнему искалъ опоры въ Россіи, и Россія, Адріанопольскимъ договоромъ, заключеннымъ въ 1829 году, принудила Турцію признать свободу Сербіи. Сербія получила право избирать своего князя, управляться своими законами, содержать свое войско; Туркамъ запрещено жить въ ней, кромѣ какъ въ нѣкоторыхъ указанныхъ

городахъ; Султану она платитъ только дань и считается подъ его верховною властію, но онъ не можетъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла.

Примѣръ Сербіи подтверждаетъ нашу мысль, что страшныя бѣдствія, которыя постигли Славянскіе народы, должны были переродить и перевоспитать ихъ и тѣмъ приготовить къ лучшей будущности. Въ прежнее время, когда Сербія была самостоятельнымъ государствомъ, она имѣла глубокіе недуги. Народъ былъ задавленъ боярами, которые подражали вельможамъ сосѣдней Византійской Имперіи и между прочимъ переняли отъ нихъ привычку къ неповиновенію и измѣнѣ; безпрестанно сѣяли они раздоръ въ землѣ и разрывали ее на части; вѣра православная не была тверда въ Сербіи. Сербскіе короли и князья то выдавали себя за ея поборниковъ, то объявляли себя, если казалось болѣе выгоднымъ, приверженцами Папы. Четыреста слишкомъ лѣтъ страдала Сербія подъ игомъ Турокъ, но вышла изъ-подъ этого ига чистою и здоровою: боярства въ ней уже нѣтъ, народъ остался хозяиномъ своей земли, и вѣра православная, которая поддержива-

ла его во время невзгодъ, укоренилась въ немъ такъ, что ничѣмъ ея не поколеблешь.

Въ то самое время, когда Сербскій народъ начиналъ освобождаться въ Турціи (должно замѣтить однако, что онъ освободился не весь: Боснія и Герцеговина, населенныя также Сербами, остались подъ властію Турокъ, потому что тамъ

мусульманъ очень много, и христіанамъ двинуться было трудно), — въ то самое время, говорю я, и у другихъ Славянъ дѣла пошли къ лучшему.

Въ 1815 году, по Вѣнскому договору, большая часть собственно Польской земли была присоединена къ Россіи, — подъ именемъ царства Польскаго. Императоръ Александръ I не захотѣлъ мстить Полякамъ за то, что они во время оно, когда владѣли западною половиною Руси, подстрекаемые Іезуитами преслѣдовали и старались уничтожить Русскую народность и православную вѣру; напротивъ, онъ видѣлъ въ Полякахъ только братій — Славянъ, и даровалъ Польшѣ благоустройство, какого она давно уже не видала. При немъ появились лучшіе Польскіе писатели и стихотворцы, между которыми Мицкевичъ пріобрѣлъ безсмертную славу. При Александрѣ I началось дружеское сближеніе Поляковъ съ Русскими, и такое сближеніе, не смотря ни на какія помѣхи и невзгоды, будетъ укореняться и принесетъ благіе плоды; ибо вражда безплодна, а любовь плодотворна.

Между тѣмъ какъ Польша оживлялась подъ правленіемъ Императора Александра I, оживлялись мало по малу и Славяне, подвластные Австріи.

Всѣ эти Славянскіе народы, Чехи, Словаки, Словенцы, Хорваты, находились тогда въ такомъ состояніи, что трудно было даже надѣяться на ихъ возрожденіе. Дворянство было у нихъ иностранное, Нѣмецкое или Венгерское; въ городахъ тоже

жило болѣе иноземцевъ, нежели Славянъ; Славянскимъ оставался только простой, деревенскій народъ; образованныхъ и богатыхъ людей между Славянами было весьма мало. Некому было говорить простому Славянскому народу на его языкѣ, некому было его образовывать и напоминать ему, что Богъ не даромъ же призвалъ его на свѣтъ, что и ему должно трудиться духомъ, какъ и другимъ народамъ, потому что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ* (Лук. IV, 4). Однако нашлись такіе люди, сначала немногіе, а потомъ ихъ число увеличилось. Эти люди были сыновья простыхъ поселянъ, которымъ посчастливилось получить образованіе въ училищахъ и которые, образуясь и совершенствуясь, не хотѣли забыть своего рода и племени, а напротивъ, стали употреблять свою науку и образованность къ пользѣ своего народа. Первый былъ Добровскій, сынъ Славянскаго простолюдина въ Венгріи, переселившійся къ Чехамъ, въ Прагу. Онъ первый поставилъ на видъ всѣмъ Славянамъ, что у нихъ у всѣхъ языкъ одинъ и тотъ же, и что, стало быть, они всѣ — одно племя. Хотя онъ былъ римско-католическій священникъ, однако сталъ изучать церковный Славянскій языкъ, на которомъ читаются у насъ и у всѣхъ православныхъ Славянъ божественныя книги; онъ показалъ Чехамъ и прочимъ Славянамъ, что всѣмъ имъ нужно знать этотъ языкъ, какъ древнѣйшій и коренной, чтобы разъяснить каждое Славянское нарѣчіе.

Затѣмъ между Чехами явились, также изъ простонародья, великіе ученые и писатели; они ввели въ честь свой родной языкъ, прежде забытый, вызвали въ Чешскомъ народѣ память о его Славянскомъ происхожденіи, братствѣ съ другими Славянами и минувшей славѣ, и возбудили въ немъ желаніе стряхнуть съ себя сонъ, навѣянный на него Австріею. Эти люди были: Шафарикъ, Ганка, Юнгманъ (уже умершій), Палацкій и многіе другіе.

Между Словаками тотъ же подвигъ совершали покойные Коларъ и Штуръ, между Словенцами и Хорватами Станко, Вразъ, Прешеринъ (уже умершіе), Кукулевичъ-Сакцинскій и другіе.

Имена этихъ людей должны быть произносимы Русскими съ глубокимъ уваженіемъ, ибо ихъ труды воскрешаютъ духовную жизнь въ братіяхъ нашихъ.

Въ то же время и Сербы, подвластные Австріи, приняли участіе въ духовномъ пробужденіи Славянскихъ народовъ, и Русскіе, то-есть Малороссіяне, въ Галиціи и сѣверо-восточной Венгріи, также подданные Австріи, стали вспоминать о своемъ родѣ-племени, читать Русскія книги, писать по-русски и чувствовать себя опять Русскими людьми.

Въ 1848 году, когда во всѣхъ почти державахъ западной Европы произошли возстанія, въ Австріи Нѣмцы и Венгры взбунтовались противъ своего государя и отняли у него почти всю власть. Возгордившись, онѣ не хотѣли признать за Славянскими

народами, ихъ сосѣдями, тѣхъ же правъ, какія они сами имѣли, а напротивъ потребовали, чтобы они, Славяне, передѣлали себя въ Нѣмцевъ и Венгровъ. Славянскіе народы стали имъ сопротивляться, и для того, чтобы сопротивляться успѣшнѣе, опредѣлили собраться въ одинъ городъ и договориться между собою. Такъ-то бѣдствія научаютъ народы разуму. Въ прежнія времена Славяне всегда дѣйствовали розно и старались вредить другъ другу; и только наученные тяжкимъ опытомъ, они въ первый разъ въ 1848 году рѣшились соединить свои силы и стать за одно противъ своихъ недруговъ. Въ Чешскій городъ Прагу съѣхались лучшіе люди отъ всѣхъ Славянъ австрійскихъ, Чеховъ, Словаковъ, Поляковъ, Галицкихъ Малороссовъ, Словенцевъ, Хорватовъ, Сербовъ и 3-го іюня открыли свои засѣданія. Но хотя австрійское правительство было оскорблено и унижено Нѣмцами, а Славяне, напротивъ, объявили себя вѣрными защитниками своего государя, однако правительство это, все таки, въ душѣ недоброжелательствовало Славянамъ. Оно дало командовавшему войсками въ Прагѣ, князю Виндишгрецу, приказаніе разогнать Славянскій съѣздъ. Князь Виндишгрецъ 14-го іюня вывезъ пушки и началъ стрѣлять въ городъ. Прага принуждена была просить пощады, и славянскій съѣздъ былъ разогнанъ.

Не смотря на столь жестокій поступокъ Австрійскаго правительства. Славяне въ этотъ разъ про-

должали еще оставаться его защитниками. Въ то время Итальянцы возстали противъ притѣсненій Австріи, и король Сардинскій пришелъ къ нимъ на помощь. Венгерскіе полки не хотѣли сражаться противъ Итальянцевъ, и требовали, чтобы ихъ отпустили домой; Австрійское правительство принуждено было сдѣлать это, а Славянскіе полки остались въ Италіи, храбро сражались за Австрію и почти одни вынесли на своихъ плечахъ тяжелую войну, которая кончилась для Австріи побѣдами и выгоднымъ миромъ въ 1849 году. Воротившись на родину, Венгерскіе полки перешли на сторону противниковъ Австрійскаго государя; Венгрія совершенно отложилась отъ него, взялась за оружіе и объявила себя независимою. Славяне, живущіе кругомъ Венгровъ, съ сѣвера и юга, также схватили оружіе, но противъ Венгровъ, за Австрійскаго императора. Хорваты и Сербы австрійскіе пошли на эту войну поголовно, даже изъ турецкой Сербіи прислана была имъ значительная помощь. Предводитель славянской рати, банъ (т. е. воевода) Елачичъ храбро сражался съ Венграми и сильно стѣснилъ ихъ; а между тѣмъ въ Вѣнѣ, столицѣ Австріи, вспыхнулъ мятежъ и тамошніе Нѣмцы выгнали своего императора изъ столицы. Тогда Елачичъ съ славянскою ратью пошелъ на Вѣну, взялъ ее, разогналъ мятежниковъ и возвратилъ туда императора.

Кончивъ дѣло подъ Вѣною, онъ съ своими

Хорватами и Сербами продолжалъ воевать противъ Венгровъ и храбро выдерживалъ натискъ ихъ превосходныхъ силъ, тогда какъ Нѣмецкое войско, посланное противъ нихъ подъ начальствомъ князя Виндишгреца, почти совершенно истреблено было непріятелемъ.

За свои великія усилія въ пользу Австрійской державы, за неисчислимыя жертвы, принесенныя ими для ея спасенія отъ мятежныхъ Нѣмцевъ, отъ Итальянцевъ и Венгровъ, Славяне ждали благодарности и награды. Они надѣялись, что Австрія по возстановленіи мира признаетъ ихъ, какъ она признавала ихъ и кланялась имъ во время войны. Дѣйствительно, австрійское правительство обѣщало Славянскимъ народамъ, что они будутъ имѣть тякія же права, какъ Нѣмецкій народъ; что у нихъ въ судахъ, казенномъ дѣлопроизводствѣ и училищахъ будетъ введенъ славянскій языкъ вмѣсто нѣмецкаго; что славянскія земли отдѣлены будутъ въ управленіи отъ земель не славянскихъ; что за Хорватами утверждены будутъ старинныя льготы, дарованныя имъ королями венгерскими, что наконецъ Сербы австрійскіе получатъ тѣ права и преимущества, которыя были признаны за ними еще въ 1690 году императоромъ Леопольдомъ, когда онъ переселялъ ихъ изъ Турціи, но которыхъ Австрія не уважила съ тѣхъ поръ, и что въ особенности вѣра православная будетъ у нихъ обезпечена отъ всякихъ притѣсненій.

Какъ храбро ни сражались Хорваты и Сербы противъ Венгровъ, однако они одни не могли одолѣть ихъ, особенно послѣ истребленія Австрійской арміи князя Виндишгреца, такъ какъ Венгерское войско было гораздо многочисленнѣе и имѣло больше пушекъ. Потому Австрія обратилась за помощью къ Россіи; 3-го іюня 1849 года Русскія войска вступили въ Венгрію, а 1-го августа сдача Венгерскаго предводителя Гергея покончила дѣло, и Австрійскій императоръ остался полнымъ обладателемъ своего государства.

Благодарности Славяне отъ Австріи не видали.

Послѣ покоренія Венгріи австрійское правительство получило такую силу, что Славяне принуждены были подчиниться всѣмъ его распоряженіямъ.

Имъ не только не дали никакихъ новыхъ правъ, но даже отняли всѣ тѣ, какія они имѣли прежде.

Для управленія ими стали посылать нѣмецкихъ чиновниковъ, въ судахъ, казенномъ дѣлопроизводствѣ и училищахъ ввели повсюду нѣмецкій языкъ, подвели Славянскія земли подъ одинъ уровень съ землями не-Славянскими; отняли у Хорватовъ старинныя льготы и наложили на нихъ огромныя подати, какихъ прежде они не платили, не дали Сербамъ правъ, обѣщанныхъ императоромъ Леопольдомъ, обременили ихъ податями и стѣснили вѣру православную, запретивъ православнымъ

вступать въ бракъ съ католиками иначе, какъ если перейдутъ въ католическую вѣру, и учредивъ въ ихъ землѣ уніатскія епархіи, для распространенія уніи.

А между тѣмъ Славяне составляютъ главную силу Австріи. Большую половину своихъ доходовъ она получаетъ отъ нихъ. Они составляютъ большую половину, а въ военное время двѣ трети ея войска. — Въ мирное время австрійское войско было составлено такъ:

Чеховъ и Словаковъ	126,700
Словенцевъ	29,900
Хорватовъ	36,400
Сербовъ	25,000
Поляковъ.	49,500
Русскихъ (изъ Галиціи) . . .	65,900
Итого Славянъ въ австрійскомъ войскѣ	333,400.

Къ этому должно прибавить еще пограничныя съ Турціею военныя поселенія, населенныя одними Славянами и гдѣ, по требованію правительства, всякій мужчина, способный носить оружіе, обязанъ идти на войну. Тамъ считается Сербовъ 310,000, Хорватовъ 550,000; они могутъ выставить (и въ послѣднее военное время, вѣроятно, выставили) болѣе 100,000 войска.

Прочихъ народовъ въ австрійской арміи, въ мирное время, считалось:

Нѣмцевъ.	168,800
Италіанцевъ.	74,900
Румыновъ или Молдаванъ . .	27,300
Мадьяръ или Венгровъ . . .	42,800
Итого не-Славянъ въ авст-рійскомъ войскѣ	313,800.

Итальянцамъ и Венграмъ Австрія не довѣряетъ, и потому въ послѣднюю войну она удалила ихъ отъ непріятеля, а сражались въ Италіи бóльшею частію Славяне. Они-то должны были проливать свою кровь противъ Италіи, которая не сдѣлала имъ никакого зла, и защищать государство, которое, мы видѣли, какъ съ ними поступаетъ.

У себя дóма Славянскіе народы въ Австріи стѣснены такъ, какъ прежде никогда не бывало; они не смѣютъ ни говорить, ни писать, ни сноситься между собою даже о книжныхъ дѣлахъ. Училища у нихъ устроены такимъ образомъ, что Славянскія дѣти должны забывать въ нихъ свой языкъ и выходить оттуда Нѣмцами. Никогда еще, казалось бы, не было для Славянъ въ Австріи столь тяжелаго времени. Однако все-таки они могутъ благодарить Бога за все, что было. Они далеко ушли впередъ противъ прежняго. Теперь пробуждена въ нихъ духовная жизнь, теперь они поняли, въ чемъ ихъ сила и въ чемъ слабость; теперь они знаютъ, кто имъ врагъ и на кого они должны надѣяться.

Другіе Славянскіе народы, Болгаре и Сербы, живутъ въ Турціи. Гдѣ лучше Славянамъ, въ

Турціи или въ Австріи? Спросите у Славянина турецкаго, и онъ вамъ отвѣтитъ, что въ Австріи лучше: «тамъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ онъ, правительство устроенное, есть судъ и расправа; тамъ человѣка не подстрѣлятъ на дорогѣ, не придутъ безнаказанно его ограбить и обезчестить его жену или дочь». Спросите у австрійскаго Славянина, и онъ вамъ отвѣтитъ: «нѣтъ, въ Турціи гораздо лучше, чѣмъ у насъ; правда, тамъ владычествуютъ Турки — варвары, и если имъ вздумается, они человѣка убьютъ, ограбятъ, опозорятъ, и дѣло съ концомъ; но вѣдь не со всякимъ это случится; это какъ молнія, которая упадаетъ на одного, а другихъ не тронетъ; за то у насъ въ Австріи всякаго Славянина притѣсняютъ, хотя вѣжливо, но больно мѣшаютъ ему во всемъ, держатъ его подъ надзоромъ, передѣлываютъ въ Нѣмца, и если онъ православный, стараются вогнать въ Унію. Нѣтъ, нашему брату куда просторнѣе и свободнѣе въ Турціи!» Такъ говорятъ австрійскіе и турецкіе Славяне другъ о другѣ, и разобрать трудно, гдѣ имъ дѣйствительно лучше и гдѣ хуже. — Но во всякомъ случаѣ, въ Турціи Славянамъ жить становится годъ отъ году тяжеле. Правда, что Турки теперь не такъ дики, какъ прежде; они начинаютъ перенимать европейскія манеры и многіе выучились говорить по-французски. Однако же манеры образованнаго Европейца не сдѣлаютъ человѣка лучшимъ, если душа его не просвѣтится, а душа-то у Турокъ не только не

просвѣщается, но напротивъ развращается. Прежде они вѣрили въ своего пророка Магомета; теперь они ни во что не вѣрятъ. Прежде они были дики, но просты и добродушны; теперь они стали вѣжливыми, но за то лукавыми. Съ Австрійцами они величайшіе друзья, потому что и у тѣхъ и у другихъ общій разсчетъ — не давать Славянамъ ходу; во всякомъ дѣлѣ Австрійцы поддерживаютъ Турокъ, Турки Австрійцевъ.

Теперь въ Турціи случаи звѣрскаго свирѣпства противъ Славянъ — христіанъ нѣсколько рѣже, чѣмъ были прежде, но и такіе случаи бываютъ. Напримѣръ, въ прошломъ году Туркамъ не понравился учитель православной школы въ селѣ Обудовцѣ въ Босніи, по имени Иванъ Жувалевичъ; они убили его на порогѣ церкви, бросили его тѣло въ грязное мѣсто, поставили передъ нимъ свѣчу, разложили книгу и стрѣляя въ тѣло изъ ружей, какъ въ мишень, приговаривали: «нука, читай теперь!» Убійцы остались безнаказанными.

Это доказываетъ, что старинная дикость турецкая не совсѣмъ исчезла; а съ другой стороны, научившись хитрить и лукавить, Турки стали угнетать христіанскіе народы гораздо утонченнѣе и больнѣе прежняго. Они обѣщаютъ имъ покровительство закона и разныя улучшенія, и что же выходитъ? Прежде христіане носили оружіе и защищались имъ отъ насилія и самоуправства мусульманъ; теперь Турки сказали, что насилія и

самоуправства не будетъ, стало быть христіанамъ оружія не нужно, и отобрали у нихъ все оружіе, а мусульманамъ его оставили: вооруженный мусульманинъ можетъ теперь дѣлать что угодно съ безоружными христіанами, и суда на него нѣтъ, потому что, не смотря на всѣ обѣщанія, свидѣтельство христіанъ не принимается въ турецкомъ судѣ (кромѣ какъ въ самой столицѣ Константинополѣ, гдѣ все дѣлается на показъ передъ Европою). Прежде Христіане платили въ казну очень мало, и не несли рекрутской повинности; теперь Турки сказали, что такъ какъ христіане должны быть сравнены въ правахъ съ мусульманами, то будутъ нести и одинаковыя повинности; однако они побоялись брать ихъ въ рекруты и обучать военному искусству, и въ замѣнъ рекрутства наложили на нихъ огромную подать, которую всякій христіанинъ платитъ ежегодно. Десятину съ урожая, взимаемую съ поселянъ, стали отдавать на откупъ, и вмѣсто десятой доли, берется теперь часто половина собраннаго хлѣба. Выдумали множество новыхъ поборовъ, и христіане-земледѣльцы, прежде бывшіе богатыми, сдѣлались теперь въ Турціи нищими.

Таково нынѣ состояніе христіанскихъ народовъ, Болгаръ и Сербовъ, подъ турецкимъ владычествомъ (я разумѣю Сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ они вполнѣ подвластны Туркамъ, а не въ Сербскомъ княжествѣ, гдѣ у нихъ свои законы, свое управленіе, свой князь, и гдѣ народъ отлич-

но успѣваетъ). При всемъ томъ и въ этихъ Славянскихъ народахъ духъ пробуждается, особенно у Болгаръ; Болгаре заводятъ школы, стараются просвѣтиться, начинаютъ читать и писать книги, вспоминаютъ свою старину, вспоминаютъ, что они народъ Славянскій, который *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ*. Изъ Сербскихъ земель, вполнѣ подвластныхъ Туркамъ, оживаетъ Герцеговина, сосѣдняя съ независимыми и храбрыми Черногорцами, а въ Босніи, которая особенно угнетена, и гдѣ всего больше Славянъ-отступниковъ, перешедшихъ въ мусульманскую вѣру, пробужденіе едва начинается; но и за Боснію нечего отчаяваться, потому что Богъ милостивъ.

Александръ Ѳедоровъ.

VII.

ШЕЛКОВЫЙ ПЛАТОКЪ.

ДЕРЕВЕНСКАЯ БЫЛЬ.

I.

Невелика наша деревня — всего двадцать дворовъ. Питеръ у насъ подъ бокомъ, и почитай-что всѣ почти мужики по зимамъ туда на заработки ходятъ — извозничаютъ тамъ. Дѣло не Богъ вѣсть какое прибыльное, а все же подспорье. Только бы человѣкъ не запилъ, да не загулялъ по столичнымъ кабакамъ и харчевнямъ, — благо тамъ этого добра на каждомъ шагу. Случалось, правда, и это, да, слава Богу, не часто. Всякой хоть малую толику да домой привезетъ.

Одинъ только у насъ Иванъ Кононовъ этимъ дѣломъ разжился, да и то́ потому больше, что своихъ денегъ ужъ много и безъ того было. Извѣстно, деньги къ деньгамъ идутъ. Какъ поѣхалъ онъ въ Питеръ-то съ деньгами въ карманѣ, такъ и сани купилъ, что ни есть самыя щегольскія, съ мягкими бархатными подушками, съ дорогой мед-

вѣжьей полостью, крытой тонкимъ сукномъ, и пару лошадей завелъ такую, что хоть бы любому князю на конюшню. Сбруя тоже была вся посеребренная, кафтанъ на самóмъ отмѣнный. Таксы тогда еще не было, и волёнъ ты былъ запросить за часъ, али за конецъ чтó душѣ угодно. Стóялъ же нашъ Иванъ у большаго французскаго трактира на Большой Морской, гдѣ богачи кутятъ. Извѣстно, тѣ деньгамъ счету не знаютъ. Что ни запросилъ — ладно; не торговаться же какому улану, либо гусару съ мужикомъ! И всего-то иной разъ черезъ улицу перевести — Иванъ полтинникъ беретъ. Лихачъ, значитъ — такое прозванье въ Питерѣ, и приступу къ этимъ лихачамъ нѣту.

Малый онъ былъ хоть и молодой, а степенный — вина въ ротъ не бралъ; только ужъ гордости такой, что, кажись, и чортъ ему не братъ. Какъ пріѣдетъ въ деревню, — и рукой его не достанешь: такимъ гоголемъ ходитъ. И изъ лица былъ — чудо какой красивый: бѣлый да румяный, глаза каріе, свѣтлые, борода только туго росла. Дѣвки и у насъ, и рядомъ въ селѣ (нашего же барина — мы господскіе вѣдь) — всѣ на него дѣвки засматривались; да все, вишь, не по немъ. Господа лѣтомъ жили въ селѣ, а у насъ усадебка господская маленькая была, и проживалъ въ ней нѣмецъ управляющій, Карлъ Иванычъ, мозглый такой старичонка, а преехидный, и ужъ какой дѣвушникъ, просто бѣда! Этотъ крѣпко Ива-

нову руку держалъ, во всемъ ему поблажалъ и потакалъ, потому — продажная былъ душа; и за то пуще еще, чѣмъ за гордость, въ деревнѣ у насъ Ивана не долюбливали.

Всей семьи у Ивана только и было, что мать, баба тоже вздорная, сплетница. Какъ была она взята изъ дворни, такъ и думала, что не вѣсть какая пава. Больно, вишь, это чинъ важный — барскія тряпки стирать. Мужъ-то ея, Ивановъ отецъ, торговалъ, и денегъ имъ оставилъ не мало. Изба у нихъ была первая по деревнѣ, чуть-что не лучше усадебки, что гдѣ нѣмецъ-то жилъ. Убрано все по городскому: на окошкахъ занавѣски бѣлыя, цвѣты тоже, полога надъ кровятями дорогаго ситцу, зеркало большое такое; картинъ что́ по стѣнамъ навѣшано! чай, бывало, съ утра до вечера пьютъ — ведерный самоваръ со стола не сходитъ. Марья Семеновна — Иванова-то мать — и ходила по городскому, не въ сарафанахъ, а въ платьяхъ; по буднямъ-то еще въ платкѣ, а какъ соберется въ воскресный день къ обѣднѣ въ село, и чепчикъ надѣнетъ. И ужъ если господа въ селѣ, всякой разъ въ барскій домъ зайдетъ — съ праздникомъ поздравить. Всѣмъ отъ мала до велика къ ручкѣ приложится — прельстивая была баба, прехитрая, и вѣчно чего-нибудь да намутитъ. И какая ей была въ томъ корысть — самъ чортъ этого не разберетъ!

Съ сыномъ жили они въ ладу, можетъ оттого, что жили-то вмѣстѣ мало. У насъ въ деревнѣ

говорили, что и не женится-то Иванъ потому, что боится — ка́къ жена съ его матерью жить станетъ. Смирная попадется — Семеновна поѣдомъ будетъ ѣсть, въ гробъ вгонитъ; а навяжется этакая же вздорная — вонъ тогда изъ дому бѣги, подымутъ пыль коромысломъ.

Говорили это люди, да видно хорошенько Ивана не знали. Дѣло-то совсѣмъ иначе было. Просто, не было ему невѣсты по нраву; а какъ приглянулась ему дѣвушка, такъ онъ и на мать не посмотрѣлъ. Сколько она ни артачилась, сколько ни бранилась, ни грозилась, сколько ни плакалась, ни жалобилась, онъ поставилъ таки на своемъ — женился.

II.

Выбору ли Ивану не было? Не только что у насъ, во всей окружности, верстъ пожалуй-что на пятьдесятъ, ни одной бы дѣвки не нашлося, чтобы за него не пошла. Изъ самаго бы богатаго дома отдали; на са́мой бы на красавицѣ жениться могъ. Такъ нѣтъ; полюбилась такая, что и бѣднѣе-то ея, кажись, не было; да и тому всѣ дивились, что́ онъ въ Настѣ за красу нашелъ.

Была эта Настя наша же господская, изъ села, и совсѣмъ сирота: ни родныхъ никого, ни ближнихъ; только сестра ея двоюродная у насъ въ деревнѣ за мужемъ была, за бѣднымъ, пребѣднымъ мужикомъ; та́къ и званіе ему промежь насъ было — Горюнъ.

Росту Настя небольшаго была, и такая тоненькая да гибкая, словно совсѣмъ безъ костей. Вышла она за мужъ на семнадцатомъ году, а на видъ, казалось, ей и тринадцати нѣтъ: совсѣмъ будто ребенокъ; и робкая, молчаливая, словно малое дитя. Отъ сиротства это, да отъ людскаго безчувствія: помыкали тоже ею не мало; защитить было не кому; слова добраго отъ людей не слыхивали. Бывало, урвется какъ-нибудь изъ села къ намъ, зайдетъ къ Горюнихѣ, да и плачутъ вмѣстѣ. Сидятъ, молчатъ, да плачутъ. И потомъ, какъ ужъ и замужемъ-то была, глаза все такъ смотрѣли, будто все слезами подернуты. А глаза были большіе, да голубые. Въ нихъ и вся ея красота была, да еще въ косѣ: коса длинная густая и свѣтлая, какъ расчесанный ленъ.

Полюбилась Настя Ивану совсѣмъ еще ребенкомъ. Развѣ только онъ одинъ и говорилъ съ нею ласково, и тутъ все ее невѣстой своей называлъ. Такъ и думали всѣ, шутитъ; анъ шутка-то дѣломъ вышла. А то́ пряникъ ей подаритъ, ленточку, сережки дешевенькія. И его одного Настя не дичилась, не боялась; всѣ-то на нее, бѣдняжку, страхъ нагнали.

Говорили ему тоже:

— Что́ это тебѣ, Иванъ, за охота надъ сиротой смѣяться? Невѣста, да невѣста. Какая она тебѣ невѣста?

— А то нѣтъ, что ли? — спроситъ.

— Такую ли тебѣ невѣсту? Тебѣ невѣсту надо богатую съ приданымъ:

— Да у кого этакое приданое есть, какъ у Насти глаза?

Только бывало и отвѣту.

— Что-то ужъ рано ты задумалъ-то! скажутъ ему: — вѣдь дѣвкѣ и тринадцати нѣтъ. Какъ придетъ время, глядь, и передумаешь.

— Мое дѣло.

— Твое-то, твое; да дѣвкѣ-то отъ этого какая корысть? Вѣдь, этакъ, пожалуй, совсѣмъ смутишь ее только; а какъ ничего-то потомъ не выйдетъ, достанется она людямъ на посмѣшку. И такъ-то доля ея нерадостная.

— Далекое еще дѣло — впередъ-то загадывать. Покамѣстъ она ребенокъ малый. Что жь за грѣхъ, иной разъ сироту пряникомъ утѣшить?

Однакожь, стала Настя и совсѣмъ дѣвушка на возрастѣ, а Иванъ все не отставалъ. И она полюбила его крѣпко. Только и думы у нея было, что Иванъ, а было бы съ кѣмъ говорить, такъ вѣрно и рѣчи бы иной не было, какъ про Ивана.

Съ однимъ человѣкомъ ей нечего было скрываться — съ двоюродной сестрой. Ну, и не таилась она отъ нея.

Та, какъ больно ужъ сама-то горя натерпѣлась, и вѣры тому не давала, чтобы быть когда Настѣ счастливой.

— Боюсь я, Настенька, за тебя, говорила. — Совсѣмъ онъ обошелъ тебя; а какой тому будетъ

конецъ? что́, какъ онъ обманетъ да броситъ тебя? Берегись, голубушка, пуще всего грѣха. Долго ли согрѣшить? А потомъ и поминай его какъ звали! Стыдъ только на весь вѣкъ останется. Кто чужую душу рязузнаетъ? Можетъ, этого только и добивается онъ.

Настя, бывало, только рукой замахаетъ.

— И не говори ты мнѣ этого, не говори, Матренушка! Чужой души, точно, не разузнаешь; да его-то душа не чужая мнѣ, — родная. Не бывать этому, чтобы онъ меня обманулъ.

И та̀къ это говоритъ, та̀къ смотритъ, что Матрена повѣритъ и сама, и бояться перестанетъ.

Одно ее смущало — гордость Иванова.

— Какъ это съ такой гордостью, да чтобы на сиротѣ онъ женился, на безродной? И самъ онъ, да и мать его на тѣхъ-то даже, кто богатъ въ деревнѣ, не смотрятъ. Случится, повстрѣчается Иванъ — хоть бы головой кивнулъ, не то что поклониться. Какъ же будетъ родство-то потомъ водить?

— Что́ же съ нимъ дѣлать, Матренушка? — говорила Настя: — такой ужъ видно онъ непреклонный уродился. Выговаривала я ему тоже; «не могу», говоритъ: «и радъ бы, да не могу; переломить себя силы нѣту. Вотъ съ тобой только одной», говоритъ: «и гордости моей словно не бывало».

— Какая ужъ съ тобой гордость? И теперь, поди, гдѣ нибудь за кустомъ у дороги сидитъ,

дожидается, скоро ли ты назадъ, въ село пойдешь.

Настя краснѣла и молчала. Знала она, что Матрена правду говоритъ, что Иванъ точно поджидаетъ ее на дорогѣ, чтобы до села проводить. И не оттого она краснѣла, что Матрена угадала, а оттого больше, что послѣ словъ сестры нельзя ужъ ей такъ скоро домой собраться, и Ивану больше дожидаться придется.

«А и то́ лучше», думала порой: «тѣмъ временемъ стемнѣетъ; никто насъ не запримѣтитъ, что мы вмѣстѣ; нечего мнѣ бояться прижиматься къ нему, цѣловать его, голову его кудрявую гладить. Мѣсяцъ и звѣзды не доказчики.»

И замретъ у ней сердце, словно Иванъ ужъ тутъ....

Кому не далъ Богъ счастья — любить на своемъ вѣку и въ другомъ любовь къ себѣ видѣть, тому никакими словами не разскажешь, ка̀къ это и мретъ и бьется сердце у другаго сердца, какъ глаза въ слезахъ тонутъ, въ любимыя глаза глядя.... А кто любилъ и кого любили, тотъ и безъ словъ все поймета̀ъ, да и каждое слово мертво ему покажется.

Что́ жь и разсказывать, какъ любились Настя съ Иваномъ? Крѣпко любились.

III.

Ахнули всѣ, ка̀къ Иванъ свою невѣсту подъ вѣнецъ нарядилъ. Другой такой свадьбы богатой,

да веселой и не запомнятъ у насъ въ деревнѣ. Одно только бабы все толковали: что́ больно весела невѣста подъ вѣнцомъ? что́ усмѣхается, словно радости своей утаить не можетъ? «Не быть ей счастливой замужемъ», говорили: «въ слезахъ подъ вѣнецъ идти — смѣючись вѣкъ прожить; а ужъ какъ подъ вѣнцомъ усмѣхнулась — потомъ наплачется». Съ зависти, я думаю, больше эти толки-то были. Будто и впрямъ нужно плакать, оттого что въ свадебныхъ пѣсняхъ про слезы поется? Пусть плачутъ, къ кому пѣсни приходятся. А Настѣ о чемъ было плакать? О домѣ родительскомъ? Не было его у нея. По отцѣ, по матери? И надъ ними давно трава выросла. По волѣ дѣвичьей? Да какая это воля была? Большей, бывало, плакать хочется, какъ запоютъ дѣвки въ хороводѣ:

«Поиграйте вы, дѣвушки,
Порѣзвитесь вы, красныя,
Вы покудова у батюшки,
У родимой своей матушки!»

Женихъ былъ у Насти не «старый да удушливый», какъ въ той же пѣснѣ поется, не «малый да недужливый», а милъ сердечный другъ, что лучше его во всемъ свѣтѣ для Насти не было. О чемъ же плакать? «Надо такъ; испоконъ вѣку такъ заведено: и бабушки плакали, и прабабушки». Мало ли что испоконъ вѣку заведено? Да

все ли это ладно? Испоконъ вѣку тоже было заведено силой дочерей замужъ отдавать, силой сыновей женить; мнѣ милъ женихъ — и дочери будь милъ; мнѣ мила невѣста — будь и сыну мила. А и тогда, вѣдь, шла же, чай, пословица-то: «насильно милъ не будешь». Такъ сердца-то не спрашивались. Вотъ и сложились эти горькія пѣсни, что невѣста жениха погубителемъ своимъ и разорителемъ называетъ....

«Вотъ идетъ погубитель мой,
Вотъ идетъ разоритель мой».

И въ той же пѣснѣ такой отвѣтъ:

«Погубитель — твой батюшка,
Разорительница — матушка.»

Не вѣкъ же этимъ пѣснямъ правдой быть? Будетъ время, не станутъ ни сердца, ни доли насиловать; не станутъ и корить, что не плачутъ дѣвушки, выходя замужъ за милаго. Что́ жъ и Настю корить? Право, я думаю, отъ зависти больше корили, что такой ей женихъ достался...

Вотъ кого слѣдовало бы урекнуть, не урекнули — Семеновну. Что темная туча, стояла она въ церкви. Чѣмъ бы порадоваться на дѣтей и на ихъ любовь, она только и думала, зачѣмъ это самъ за себя неровню беретъ, и все-то сердце у нея кипѣло, что онъ ея не послушался, и все-то косилась она на Матрену, что скромнехонько у окошка стояла.

Какъ кончили вѣнчальный обрядъ, какъ пошли всѣ изъ церкви, хотѣла Матрена подойти къ Настѣ, поздравить ее, поцѣловать.

Семеновна ей поперегъ дороги.

— Ты куда, въ лаптяхъ-то да въ пóскони? Мало еще насъ срамила?

Духъ у Матрены занялся, хотѣла она сказать что-то, да не могла, только слезы по щекамъ хлынули.

Молодыхъ подхватили подъ руку, посадили въ новую телѣгу, крытую новымъ ковромъ, брякнула на коняхъ новая збруя, заговорили бубенчики, запѣлъ колокольчикъ, и понеслась тройка — только пыль столбомъ.

Дома ужъ хватилась Настя Матрены. Сказала Марьѣ Семеновнѣ.

У той и глаза, какъ у змѣи, вспыхнули.

— Этого еще сраму-то не было! Да чтобы я эту нищую къ себѣ въ домъ пустила? И поминать-то этого не моги!

У Настасьи ужъ совсѣмъ на языкѣ было сказать ей, не твой, молъ, ужъ это домъ, а мой; да взглянула она на Ивана.

Тотъ ее проситъ:

— Не серди матушку на первыхъ-то порахъ, Настенька!

Сжалось у ней сердце, вспыхнуло все лицо.

«Али мать ему меня дороже?» шевельнулось у нея въ мысляхъ, и словно досадно стало ей на мужа.

Въ первый разъ ей отъ Ивановыхъ словъ холодно какъ-то было.

Замѣтилъ онъ это, и говоритъ:

— Видѣлъ я Матрену, самъ ее звалъ — не пошла. «Что», говоритъ: «мнѣ своимъ горемъ вашъ праздникъ печалить?»

Будто и успокоили немного Настю эти слова; не стала она поминать о Матренѣ.

Только съ этой поры словно стѣна какая выросла между нею и свекровью, что черезъ эту стѣну ни руки подать, ни сердцемъ сказаться.

IV.

Все шло на первыхъ порахъ ладно и складно въ домѣ Ивана Кононова, и не будь съ молодыми вѣчно недовольной, вѣчно ворчливой Марьи Семеновны, кажись, ни Ивану, ни Настѣ желать бы больше нечего. Иванъ въ Настѣ души не чаялъ, Настя такъ и глядѣла ему въ глаза. Одно ей горько было, что чуждался Иванъ Матрены, и все, бывало, нахмурится, какъ пойдетъ къ ней жена, или хоть на улицѣ съ ней остановится — поговоритъ. Съ малыхъ лѣтъ напѣла ему мать въ уши, какой онъ богатый, да важный, что не токмо что родниться, и знаться-то ему съ этакими бѣдняками, какъ Горюнъ и его жена, зазорно. И ничѣмъ его, бывало, пуще разобидѣть нельзя, какъ сказать: «твоя родня Горюнъ», али «твоя родня Матрена». Ругаться примется, чуть въ драку не лѣзетъ.

— Нѣтъ у меня, — говоритъ, никакой родни! И никогда у насъ нищихъ въ роднѣ не бывало!

— И жену-то не изъ богатыхъ взялъ, скажешь ему.

— Все, что мое, то и женнино, говоритъ: — была бѣдна, а теперь богата стала, и нѣтъ у нея нищей родни.

Мать-то его пуще подзадоривала.

Тó ей будто какой Степанъ или Семенъ изъ сосѣдняго села встрѣтился, говорилъ: срамитъ-де ихъ родня. Или денегъ ходилъ взаймы просить Горюнъ, или на Ивана жалобился, что помочь роднѣ не хочетъ. Тó Лукерья какая или Акулина ей чуть-что не при цѣлой деревнѣ кричала: «Что это, Семеновна, съ родней-то съ вашей? Скоро ужъ никакъ пó міру побираться пойдутъ! То муки займутъ, то дрожжей — и все-то безъ отдачи. За квасомъ съ ковшичкомъ по сосѣдямъ ходятъ». Тó будто изъ дворни къ Семеновнѣ вѣсти доходили, что Матрена и ее и Ивана всякими дурными словами обноситъ.

И все это говорила Семеновна сыну тайкомъ отъ Настасьи, такъ, чтобы та ничего не знала, не вѣдала. Будь дѣло открытое, скорѣе бы у Ивана сердце выкипало, а то, какъ твердила ему одно: «молчи!» да «не сказывай!» зла въ немъ все больше, да больше копилось, и такъ онъ возненавидѣлъ Матрену съ мужемъ, что, кажись, со свѣту бы ихъ согналъ. Словно они ему поперегъ дороги стали.

И добро бы еще взаправду люди были безпокойные, въ домъ бы къ нему втирались, требовали бы отъ него чего; а то, не подойди Настасья сама къ Матренѣ, да та бы, кажись, и поклониться ей не посмѣла. Жили тихо, не слышно. Одно горе — бѣдность одолѣвала.

Да ужъ, видно, такъ это всегда на свѣтѣ бываетъ: какъ возгордится человѣкъ, ровно слѣпота на него нападетъ. Ничего-то онъ вкругъ себя не видитъ такъ, какъ есть. Все одно, что какъ озлобится человѣкъ, разсвирѣпѣетъ — все у него передъ глазами красно́, да зе́лено.

Сталъ Иванъ сначала отговаривать жену — не водить дружбы съ Матреной... «Что она тебѣ?» да «на что ее тебѣ?» А потомъ мало-по-малу и прямо ужъ приказывать началъ: «не ходи къ Матренѣ! не хочу этого.»

Настя и спорить пыталась, и то мужу говорить, что грѣхъ такъ родни чуждаться, что ужъ развѣ и не люди онѣ отъ того, что Богъ счастья, да богатства не далъ? Такъ, этимъ, бывало, только разсердитъ его.

И во всемъ былъ Иванъ съ нею ласковъ — надышаться, кажется, не могъ своей Настей, — все для нея готовъ сдѣлать былъ; а какъ дойдетъ рѣчь до Матрены, — вспылитъ, закричитъ на жену, словно на чужую.

Марья Семеновна, какъ была женщина хитрая да льстивая, вела себя съ Настей осторожно — ни грубаго слова отъ нея Настя не слыхала, ни

попрека какого; а между тѣмъ чуть ли не такъ же не любила Семеновна и сыновнюю жену, какъ ея родню. Только по глазамъ ея, да по злой усмѣшкѣ замѣчала Настя, что не лежитъ къ ней сердце у свекрови. И чего бы, кажись, желать больше? Любви ли, согласія ли межъ молодыми мало было? Такъ нѣтъ, не того хотѣла Семеновна. Какъ былъ еще сынъ парнемъ, только и думала она, только и гадала, какъ это онъ женится на дѣвушкѣ изъ богатаго дома, и чтобы родня вся была богатая. Было бы чѣмъ похвастаться передъ людьми. «Что́, молъ, вы такое передъ нами? «Вонъ у насъ какая родня! Деньги-то четвериками мѣрятъ.» Или хоть бы про приданое... «Гляди-ка, молъ, добрые люди, сколько добра невѣста съ собой принесла! Сундуки ломятся». Анъ вышло-то все навыворотъ. Взяли безприданницу, породнились съ голяками. Ну, и кипѣло все у Семеновны. Съ самаго же начала, какъ не взлюбила она Настю, такъ и помириться съ нею ни на чемъ не могла — ни на кротости ее, ни на покорствѣ. Подумаешь, и это ей было не по сердцу, что кротка-то, да смирна. «Еще бы», говоритъ: «въ батрачкахъ-то живучи, покорству не выучилась! Ужъ что́ бы въ ней тогда за прокъ?» А не будь Настя смирна, опять бы бѣда. «Вотъ», стала бы Семеновна говорить: «залетѣла ворона въ высокія хоромы — заважничалась и ну каркать! слушайте, молъ, какая я голосистая!»

Чуть что не съ перваго дня, какъ вошла Настя

въ Иванову избу, стала Семеновна раздумывать, какъ бы ей сѣрой кошкой промежъ сына и невѣстки пройти. И все, что́ ни день, то больше, брала ее злость, что Иванъ такъ крѣпко жену любитъ. Словно она Настасью ревновала къ нему. Будь у нея поменьше смѣтки да хитрости, сразу бы она зачала мутить въ домѣ, да дѣтей ссорить, и пожалуй, что проку бы никакого не вышло. Похитрѣе она смекнула — выждать, какъ любовь у сына попростынетъ; не вѣкъ же ворковать станутъ.

Свадьбу сыграли осенью; на зиму уѣхалъ Иванъ извозничать въ Питеръ, а жену оставилъ съ матерью.

Всѣ даже диву дались, какъ плакала Настасья, провожая мужа. Словно онъ на край свѣта уѣзжаетъ, словно и невѣсть когда воротится.

V.

Безъ Ивана скучала Настасья. Свекровь стала на нее еще враждебнѣе смотрѣть. При Иванѣ, бывало, остережется иной разъ: и хочетъ что-нибудь колкое, злое сказать Настасьѣ, а смолчитъ, чтобы съ сыномъ не ссориться. Теперь ужъ нечего было стеречься. Когда-то еще сынъ пріѣдетъ! До тѣхъ поръ все забудется; а и не забудется, такъ Настасья слова мужу не скажетъ. Миръ домашній ей дороже всего былъ. И Семеновна не пропускала случая обидѣть невѣстку и

жесткимъ словомъ, и несправедливымъ попрекомъ. Никогда между ними рѣчи по душѣ не было. Иногда подумаетъ Настасья о своемъ Иванѣ, хочется ей думами съ кѣмъ нибудь близкимъ подѣлиться. Семеновна такъ смотритъ, что и рѣчи съ ней не заводи; да и какой же она была близкій человѣкъ Настѣ?

Стала Настя чаще ходить къ Матренѣ, дольше у ней сидѣть.

Какъ воротится домой, первый спросъ у Семеновны:

— Ну, что̀? отвела душу?

А сама, кажись, съѣсть глазами хочетъ.

— Отвела, — скажетъ Настя со всегдашней своей кротостью.

И отойдетъ въ уголъ, и примется за работу какую, чтобы только съ свекровью въ споръ не входить.

Такъ этимъ Семеновна недовольна. Примется невѣстку корить да попрекать:

— Этакъ-то ты мужа любишь? Этакое-то твое послушаніе? При немъ, не бойсь, тише воды, ниже травы была, не заглядывала къ нищимъ-то своимъ. А какъ уѣхалъ, и дома не живешь. Всѣ косточки намъ перемыла, поди, съ побирухой-то своей. Знать, отъ нищенскаго вашего рода нечего много добра ждать.

И пойдетъ, и пойдетъ — шире да далѣ. И кажись, одно и тоже все говоритъ, а слова все новыя.... Откуда только берутся!

И больно Настасьѣ, и досадно, и хочется свекрови тѣмъ же отвѣтить, да удержится; уйдетъ только вонъ изъ горницы. Свѣтелка у нихъ была свѣтленькая такая — тамъ запрется.

Такъ и это Семеновну бѣсило.

—У! ехидная! бормочетъ, бывало, ей вслѣдъ: — и слóва не проронитъ. Одно норовитъ — какъ бы исподтишка ужалить.

Иванъ часто изъ Питера письма присылалъ — съ почтой, и съ оказіей; а какъ съ оказіей, такъ ужъ непремѣнно и подарокъ какой Настасьѣ пришлетъ — серьги, али бусы, косынку, али платокъ шелковой, а то сластей какихъ.

И все писалъ, что по Настѣ скучаетъ, что ждетъ не дождется весны; а не разъ-таки и то въ письмахъ было, что слышалъ онъ, будто Настасья очень ужъ дружбу съ Матреной водитъ и матери не слушается, такъ чтобы это оставила и матери бы покорилась. Крѣпко это наказывалъ.

Настасья грамотѣ не знала, и письма за нее писала Марья Семеновна, хоть и сама была не ахти-то грамотница. Такихъ каракуль наставитъ, что часъ надо листъ-то ея разбирать.

И почитай-что каждое письмо ея отъ начала и до конца все было въ жалобахъ на невѣстку. Будь эти жалобы на словахъ, взрывали бы онѣ Ивана, какъ порохъ; а какъ на письмѣ, да письмо-то надо цѣлый часъ читать, такъ оно будто и не такъ до сердца доходитъ. Посердится, правда, Иванъ,

да скоро какъ-то и отойдетъ зло, особливо какъ начнетъ вспоминать Настины ласки, да милыя слова.

VI.

Надо было Ивану къ Святой воротиться, да задержало его что-то — не то деньги съ кого-то получить слѣдовало, не то рѣка тутъ разлилась, перевозовъ не было. И пріѣхалъ онъ не на Страстной недѣлѣ, какъ его ждали, а на самой на Святой, на третій день.

Съ перваго же шагу въ деревню ему досада была. Настасья сидѣла у Матрены. Правда, она тотчасъ же прибѣжала домой; но Семеновна успѣла ужъ нашипѣть сыну въ уши по змѣиному и того, и сего, и пятаго, и десятаго.

Встрѣтилъ Иванъ жену не весело, и холодомъ ей все сердце обдало.

— Этакъ-то ты?

Только и сказалъ, и губы закусилъ.

— Ваня, прости, голубчикъ! — кротко промолвила Настасья: — кабы не больна была Матрена, и не пошла бы я. Не можется ей, лежитъ она.

— Знаю, отвѣтилъ Иванъ, и сѣлъ къ столу.

Даже и не поцѣловался онъ съ женой. Слезы у нея на глаза выступили.

— Ва́нюшка! чѣмъ я передъ тобой провинилась! скажи, сердечный! Накажи меня; только этакъ сурово не гляди.

— Всегда такъ гляжу.

Нѣтъ, не этакъ ты со мной встрѣчался прежде. Что̀, бывало, словъ радостныхъ наскажешь!

— То бывало, а то теперь.

— Да въ чемъ вина-то моя, Ваня?

Иванъ молчалъ.

Семеновна радовалась въ душѣ; ну, да не показать же это было.

— Что́ жъ это и взаправду? — заговорила хитрая лиса: — развѣ та̀къ мужъ съ женой встрѣчаются? гдѣ это видано? Не обнялись, не поцѣловались! Чужіе вы, что́ ли?

— Ради праздника Господня, прости меня, Ва̀нюшка! — говорила сквозь слезы Настасья.

— Что́ это за ссоры на самыхъ на первыхъ порахъ? подтвердила Семеновна. — Садись къ мужу-то! обними поласковѣе!

Настя и сѣла бы и обняла, да боялась.

Посмотрѣлъ на нее Иванъ.

— Ну, ужъ видно быть такъ! для праздника... Иди сюда! садись! А матушка поѣсть чего нибудь дастъ.

Семеновна вышла изъ избы.

Настя сѣла около мужа, припала къ нему головой на грудь и заплакала. Почувствовалъ Иванъ сквозь рубашку ея слезы.

Обнялъ ее, спрашиваетъ:

— О чемъ ты? Вѣдь помирились ужъ! полно! о чемъ?

— Обидѣлъ ты меня, Ваня... отвѣчаетъ Настя, а сама все плачетъ, все лица отъ его груди не

отымаетъ: — Тѣмъ ли я тебя встрѣтить думала?... Тó ли я тебѣ сказать хотѣла?

И смолкла.

— Ну, полно же, Настенька! полно! сталъ ее Иванъ уговаривать. — Ну, что хотѣла сказать? что? Все равно теперь скажи!

А самъ ее по плечамъ гладитъ.

— Охъ, не могу что-то теперь, промолвила Настя: — не говорится что-то.

Иванъ крѣпче ее обнялъ.

— Скажи, говоритъ: — чтó такое?

Настасья еще ближе лицомъ къ его груди припала, и тихо такъ, словно шопотомъ, говоритъ ему:

— Вáнюшка! сердечный мой! Вѣдь точно знало, что ты домой будешь — дитя твое у меня нынче пóдъ сердцемъ взыграло.

Взялъ ее Иванъ обѣими руками за голову; а она все лицо кроетъ.

— Погляди жь на меня.

Подняла на него Настя свои большіе глаза; сталъ онъ ее цѣловать, и текли имъ на горячія губы Настины горячія слезы.

Отлегло у Ивана отъ сердца; стихла на время гордость его безумная; взглянулъ онъ опять весело.

VII.

Много досаднаго наговорила Семеновна сыну про невѣстку; но сказала не все, что накопила

на душѣ, пока его не было въ деревнѣ. Хитрая баба оставила кое-что и про запасъ. Не разомъ же все выпѣть сыну, такъ, чтобы потомъ ни упрека, ни жалобы новой не было? Самое лучшее — случая выждать.

Ждать Семеновнѣ пришлось не долго. Какъ ужъ это такъ выходило — право, не знаю; только, бывало, сидятъ Иванъ и Настасья одни въ горницѣ, и говорятъ промежь собой, и покамѣстъ говорятъ ладно и дружно, Семеновны и не слыхать въ избѣ, словно и нѣтъ ея совсѣмъ; а какъ пойдутъ у нихъ слова покрупнѣе, будто къ ссорѣ дѣло, откуда ни возьмется мать, точно изъ земли выростетъ, и не то, чтобы помирить ихъ, согласить, а только пуще у Ивана сердце разожжетъ. Настасья, какъ баба тихая, смирная, робкая, тѣмъ только, бывало, и беретъ, что въ слезы ударится.

И все-то горе ея оттого было, зачѣмъ родня у ней бѣдная, и зачѣмъ, она съ Матреной дружбу водитъ.

Дня ужъ видно три аль четыре прошло, какъ Иванъ изъ города вернулся. Сидѣлъ онъ такъ-то съ Настасьей, говорили о томъ, о семъ, да ужъ словно и нельзя было безъ этого — договорились и до Матрены. У Ивана и лобъ нахмурился, и брови сдвинулись, и бороду сталъ онъ себѣ пальцами щипать да закусывать. Ножъ это былъ вострый Настасьѣ. Зачала она, какъ и всякой разъ, его упрашивать да умаливать, чтобъ не

поминалъ онъ про это, не ранилъ бы ея сердца.

Да между другими рѣчами и говоритъ ему.

— Вàнюшка! полно тебѣ этимъ тревожиться! не слушай ты наговоровъ!

Только она это слово вымолвила, тутъ какъ тутъ передъ ними Семеновна. Какъ взглянула на нее Настасья, все, что еще сказать хотѣла, на языкѣ у ней замерло. Видитъ, свекровь себя отъ злости не помнитъ — руки трясутся, губы трясутся. Кажись, не будь тутъ сына, кинулась бы она съ кулаками на Настасью.

— Какіе это наговоры? закричала: — Я, по твоему, наговариваю? Я? Ахъ ты, голь неблагодарная! Ты это съ наговорами-то въ домъ къ намъ пришла! Ты только и знаешь, что мать съ сыномъ ссорить, змѣя подколодная! Не я же за тебя, за тварь, передъ мужемъ заступалась? Не я скажешь? Да кабы я все-то мужу сказала про тебя.... Ахъ ты.... ахъ....

Инда голосъ у Семеновны оборвался.

— Что́ про меня сказать? промолвила Настасья.

— Что́? не бойсь нечего? лютовала Семеновна. — А спроси-ка ты у нея, Иванъ, — гдѣ твое подаренье, алый-то платокъ шелковый?

Иванъ вспыхнулъ.

— А гдѣ онъ?

— Спроси у нея, спроси! кричала мать.

— Гдѣ платокъ? спрашиваетъ Иванъ.

— У меня, промолвила чуть слышно Настасья.

— У тебя? Ну-ка, покажи, гдѣ онъ у тебя? по-

кажи! все громче и громче выкрикивала Семеновна. — Пусть покажетъ! Срамница этакая! На всю окружность насъ срамитъ, нищая!

— Гдѣ у тебя платокъ? покажи! промолвилъ Иванъ.

А у самаго́ ужъ голосъ дрогнулъ.

Не дала ему Семеновна много-то говорить. Видитъ, закипѣло ужъ въ немъ сердце — еще немножко жару поддать, пойдетъ, въ избѣ все вверхъ дномъ.

— У тебя? у тебя платокъ? приставала она къ Настасьѣ. — А и у тебя, такъ только сраму, видно, хочешь побольше мужу!... Вотъ придетъ воскресный день али праздничный, повяжетъ она его — къ обѣдни въ село, какъ всѣ-то его на роденькѣ ея, на Матрешкѣ побирухѣ видѣли.... въ Свѣтлую заутреню....

Иванъ вскочилъ съ мѣста, словно змѣя его ужалила.

— Да какъ ты посмѣла-то только? какъ ты посмѣла? кричитъ.

А глаза у самого́ горятъ.

— Вотъ она ка̀къ мужнины подарки цѣнитъ! не переставала кричать Семеновна. — Ужъ пусть бы свекровь, а то и мужъ-то для нея — ничего не значитъ передъ ея нищей родней.

— Говори, какъ ты смѣла? кричалъ Иванъ, грозя ей кулаками.

— Это вотъ Иванъ только такой смирный, про-

должала Семеновна: — а то всякой бы другой мужъ тебѣ бока обломалъ, косу-то бы раскосматилъ.

— Виновата, Ванюшка! вскричала Настасья и пала передъ нимъ наземь.

— Такъ значитъ правда это? правда?

Иванъ сорвалъ у нея платокъ съ головы.

— Хорошенько ее, хорошенько! поджигала мать. — Какъ ее и учить, коли добрыя слова не берутъ? Мужнино подаренье да дать носить чортъ знаетъ кому! — Что жь ты какъ пень стоишь? накинулась она на сына: — Этакъ-то ты жену держишь? Да опосля этого она тебя самого въ люди продастъ.

Иванъ ужь весь дрожалъ отъ злобы.

— Ванюшка! для праздника.... простонала Настасья, не вставая съ полу.

— А вотъ я покажу тебѣ праздникъ!

И руки его впутались ужъ въ косы Настасьѣ.

— Такъ ее, такъ! побольнѣе! подзадоривала Семеновна.

VIII.

Какъ на грѣхъ, проходи въ ту самую пору мимо Ивановой избы Матрена. Услыхала она вопли Настасьи; ни Семеновна, ни Иванъ не подумали и окошекъ-то притворить. И такъ Матренѣ показался жалобенъ голосъ Настасьинъ, что не выдержала она, забыла, что заказано ей и носъ въ Кононовскую избу показывать, — кинулась во дворъ, на крыльцо — и въ горницу.

— Что́ это ты дѣлаешь, душегубъ? завопила она, — аль жену убить хочешь?

— Тебѣ что здѣсь надо? крикнулъ Иванъ.

И онъ и мать кинулись на непрошеную гостью, и она едва унесла ноги.

— Такъ вотъ у тебя защитники какіе? вотъ какіе? еще злобнѣе закричалъ Иванъ.

И напустился на бѣдную Настасью пуще прежняго.

— Въ домъ ко мнѣ смѣютъ ходить? мнѣ указывать?

Семеновна такъ кричала, что у Ивана въ ушахъ звенѣло.

— Тащи ее въ клѣть! тащи въ клѣть! совѣтовала она: — пусть хоть люди-то не слышатъ! Тащи!

Иванъ схватилъ жену за косу и поволокъ ее въ клѣть. Глаза горятъ, какъ у волка, и самъ словно волкъ надъ добычей весь трясется. Порогъ ли, ступенька ли на дорогѣ, полѣно ли — ни на что не смотритъ. И заперся въ клѣти на засовъ.

Матрена тѣмъ временемъ, вся растрепанная, бѣгала по улицѣ, всю деревню всполошила.

Только и знаетъ что кричитъ:

— Батюшки! убилъ! родные! убилъ!

— Кто́ кого убилъ? спрашиваетъ всякой.

— До смерти убилъ!

— Да кто кого?

— Иванъ жену убилъ! Батюшки! спасите! родные! помогите!

Цѣлая толпа за ней собралась.

Пошли судить да рядить.

Одинъ говоритъ — не дѣло чужимъ въ семейную ссору мѣшаться; другой говоритъ — коль и взаправду до смерти убилъ, такъ потомъ разберутъ на судѣ; третій кричитъ, что́ ужъ это и за жизнь будетъ, коль мужу да жену не смѣть бить; четвертый толкуетъ, что на то́ и жена, чтобы бить ее, сколько душѣ угодно, что такой ужъ испоконъ вѣку законъ положенъ.

Нашлось два-три и разсудительныхъ человѣка. Стали спорить съ дураками.

— Да гдѣ жь это, говорятъ: — законъ такой, чтобы съ женой, какъ со скотиной, обращаться? Сказано въ писаніи: «блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ.» А жену тѣмъ паче. И проступится въ чемъ, такъ больше словомъ на путь истинный обратить надо; не то, что бить. А за Настасьей, слышно, и вины-то никакой нѣту. Пойдемте, ребята; что́ жь, въ самомъ дѣлѣ? убить, что ли, ему ее дать? Онъ же человѣкъ этакой злобный.

— Совсѣмъ убилъ! совсѣмъ! повторяла, руками размахивая, Матрена.

Кто изъ жалости, а кто просто, чтобы на драку посмотрѣть, пошла вся гурьба къ Ивановой избѣ.

— Вамъ чего надо? встрѣтила ихъ въ воротахъ Семеновна: — Не властенъ сталъ ужъ и мужъ жену наказать?

Изъ клѣти слышали такой стонъ жалобный, что

даже у кого и совсѣмъ сердце зачерствѣло, тутъ будто смягчилось немножко.

Иванъ словно обезумѣлъ, какъ звѣрь, когда крови попробуетъ. Какъ стали его изъ-за двери уговаривать, онъ пуще рузсвирѣпѣлъ.

— Такъ вотъ же — вамъ на зло! вотъ! кричалъ онъ оттуда хриплымъ голосомъ.

Настасья и стонать перестала — совсѣмъ стихла.

Испугались мужики, какъ бы бѣды не случилось, выломали дверь, благо плохо на петляхъ держалась, и насилу оттащили Ивана.

Настасья лежала безъ памяти. На рукахъ ее въ избу принесли.

Иванъ весь со злости разслабъ — руки у него какъ плети повисли, а все ругался, все грозился.

— Пусть, говоритъ: — отдохнетъ маленько! А тамъ моихъ рукъ не минуетъ.

IX.

Долго пришлось отдыхать Настасьѣ, хоть судьба ее и съ раннихъ лѣтъ не баловала, и съ дѣтства она къ побоямъ притерпѣлась.

На другой день бабы у колодца охали да ахали:

— Ахъ, матушки, грѣхъ какой! у Ивана бѣда-то какая!

— А что́ случилось?

— Да Настасья-то мертваго выкинула.

— Ахъ! ахъ! Господи! грѣхъ-то какой!

— Билъ-то ужъ больно, слышь, грозно.

— Господи! мать-то чего глядѣла?

— Она же, говорятъ, и подожгла.

— Ахъ, душа безжалостная! Да изъ-за чего вышло-то?

— Да изъ-за пустяковъ, слышь. Иванъ-то женѣ платокъ изъ Питера прислалъ шелковый. Такъ она, изъ жалости, Матренѣ его дала на свѣтлую заутреню повязаться.... Сама, матушка, знаешь— люди они неимущіе. А вотъ онъ узналъ, да и ну Настасью бить. Ужъ какъ билъ-то, говорятъ! Словно жалости у человѣка вовсе нѣту. Кабы не мужики, пожалуй-что и самой бы смерти не миновать.

— Гордость-то ужъ ихъ больно попутала.

— Охъ, и не говори! и не говори! этакой гордости и на всемъ свѣтѣ не видано.

— И этакая-то бѣда случилась! Подлинно, знать, нѣту грѣха злѣе гордости?

— Да, да.... Вотъ Кондратьичъ говоритъ.... онъ же вчерась и мужиковъ-то туда повелъ.... Такъ онъ говоритъ: въ святыхъ книгахъ это писано— за гордость и врагъ рода человѣческаго, дьяволъ, съ небесъ Господомъ согнанъ.... А былъ, матушка, ангелъ чистый!

— Ахъ! ахъ!

И конца не было толкамъ.

Иванъ и опомнился, и одумался, какъ сказала ему Семеновна о бѣдѣ, что случилась послѣ побой съ Настасьей, да ужъ поздно было. Сдѣланнаго не воротишь.

X.

Вотъ и оправилась Настасья; и Иванъ, словно совсѣмъ раскаялся, опять къ ней ласковъ сталъ по-прежнему, и ужъ ни полсловомъ, бывало, не помянетъ о Матренѣ. Кажись, хоть каждый день къ ней Настасья ходи, и къ себѣ ее води, онъ бы и не заикнулся: зачѣмъ, дескать? Сталъ онъ опять женѣ въ глаза глядѣть. Чего бы, кажись, ни захотѣла, онъ бы все радъ-радехонекъ сдѣлать. И любви у него къ ней, и жалости было чуть-что нѐ больше прежняго.

Только ужъ Настасья словно совсѣмъ не прежняя стала. И прежде была смирна, а тутъ и совсѣмъ не слыхать ея въ избѣ. Глаза еще грустнѣе смотрятъ и все будто слезъ полны. Кажется, только головой шелохни, такъ и покатятся по щекамъ. Прежде, бывало, спроситъ чего Иванъ, или велитъ ей что́, она хоть что-нибудь скажетъ, иной разъ не согласится съ нимъ, совѣтъ какой ему подастъ; а тутъ и рта не раскроетъ, словно онѣмѣла. Чего спросятъ — подаетъ, куда пошлютъ — пойдетъ; и хоть бы словечко проронила. Прежде платье ее, али душегрѣйка какая, али что другое изъ женской одежи займетъ; а тутъ будто и все ей равно: что́ ни надѣнетъ — ладно, что ни подвернется подъ руку — все хорошо. Къ зеркалу и не подходитъ.

И ка̀къ съ ней Иванъ ни заговариваетъ, она

все больше ему «да» да «нѣтъ» — только и словъ; а ужъ чтобы сама рѣчь завела — этого и не жди.

Прошла такъ недѣля, прошла и другая, прошелъ и цѣлый мѣсяцъ. Стало у Ивана сердце болѣть, на Настасью глядя. Что́ бы это сдѣлалось съ ней такое?

Разъ и говоритъ ей:

— Настенька! что́ это ты мириться со мной не хочешь? Что́ было, я все позабылъ. Али ужъ прежнему ладу у насъ въ избѣ не бывать? Али ты и не взглянешь на меня ласково, какъ прежде сматривала? Али все сердишься?

Настасья молчитъ.

— Да скажи же! Сердишься, али нѣтъ?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ.

Захотѣлъ онъ приласкать ее. Она какъ мертвая — ни одинъ суставъ въ ней не шевельнется.

— Да что́ съ тобой?

— Ничего, говоритъ.

— Что́ руки у тебя холодныя такія? и въ лицѣ ни кровинки? Не можется тебѣ?

— Нѣтъ.

— Да отвѣть же ты на ласку мою! хоть поцѣлуй разокъ!

Настасья глянула на него странно таково — словно чужая. И все глаза слезъ полны. Кажется, вотъ-вотъ прольются.

У Ивана сердце обмерло — и оробѣлъ будто онъ, и будто жаль ему ее очень стало. Такъ съ того дня Настасья хизнула, словно цѣлый годъ въ

постели вылежала: лицо блѣдное, губы блѣдныя, виски ровно ввалились, по лбу двѣ морщины глубокія легли.

— Али ужъ мы не мужъ и жена съ тобой? спрашиваетъ Иванъ.

Настасья все на него смотритъ, и кротко такъ ему говоритъ:

— Все я тебѣ, Иванъ — и раба, и слуга; вели мнѣ, что́ хочешь; дѣлай со мной, что хочешь; слова я тебѣ насупротивъ не скажу. Только женой твоей мнѣ не быть.

У Ивана опять будто зло въ душѣ шевельнулось.

— Что́ такъ?

— Не спрашивай, отвѣчаетъ Настасья: — самъ знаешь.

— Нѣтъ, не знаю, — говоритъ: — скажи!

— Какъ мнѣ, говоритъ Настасья: — твоей женой быть, когда ты дитя мое убилъ? И твое, вѣдь, оно было.

Разъ была такая рѣчь межь Иваномъ и Настасьей, и два, и три раза, а, можетъ, и всѣ десять разъ. Другихъ словъ Иванъ отъ нея не слыхалъ.

Сталъ онъ ходить пасмурный, какъ осенняя туча; сталъ спрашивать мать, какъ бы дѣлу помочь.

У Семеновны былъ одинъ совѣтъ:

— Пригрози!

Попробовалъ Иванъ грозить — не помогло.

— Дѣлай силой, что́ хочешь, отвѣчаетъ Настасья: — воли моей не сломишь!

Семеновна стала ему и то совѣтовать — побилъ бы ее хоть легонько.

Иванъ не разъ собирался матери послушаться; да какъ подойдетъ къ Настасьѣ — и руки у него опустятся. Такая она сидитъ сиротливая, да беззащитная. И все-то съ каждымъ днемъ и слабѣе, и блѣднѣе; только на щекахъ, повыше къ глазамъ, чуть-чуть румянецъ сквозится.

Думалъ-думалъ Иванъ. У самаго руки на Настасью не подымаются. «Дай», думаетъ: «схожу къ управляющему; пусть онъ ее накажетъ».

И пошелъ.

Карлъ Иванычъ долго ни надъ чѣмъ не задумывался. Взялъ у Ивана синенькую бумажку, просьбу его выслушалъ, и говоритъ:

— Каршо́! Мы здѣлаемъ ошенъ прекрасни урокъ — сто розги.

Какъ воротился Иванъ домой, совѣстно ему стало, да перемогъ онъ себя, взялъ Настасью за руку и говоритъ:

— Пойдемъ къ управляющему.

А Семеновна имъ вслѣдъ:

— Выбьетъ онъ дурь-то!

У Настасьи — показалось Ивану — будто рука похолодѣла. Идетъ она съ нимъ, и головы не подымаетъ, и только чуть слышно проговорила:

— Теперь можно меня бить....

Иванъ и руку ея выпустилъ.

— Что́ ты сказала? спрашиваетъ.

— Говорю: жену ты билъ, отвѣчаетъ Настасья: — такъ ужъ какъ же тебѣ рабу не бить?

Сбросилъ Иванъ съ себя шапку, воротился въ горницу и ужъ къ Карлъ Иванычу не пошелъ.

XI.

Не по днямъ, а по часамъ чахла Настасья, и къ осени ея не стало. Умерла она тихо, словно заснула.

Съ нею будто умерло и счастье Ивана. Межъ нимъ и матерью ссоры не прекращались. Онъ не могъ ей простить смерти Настасьи, и стали они грызться, какъ и звѣри въ берлогѣ не грызутся. Съ горя принялся Иванъ пить, да кутить, и все богатство, а съ нимъ и гордость его, пошли прахомъ.

Говорятъ, Семеновна подъ конецъ, какъ придетъ, бывало, въ село къ обѣднѣ, хоронится въ самый темный уголъ, чтобы не увидали ее люди, да не сказали, что у нея и такой жалкой одежонки нѣтъ, какою срамила ее когда-то Матрена.

Мих. Михайловъ.

VIII.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

А и красно ты солнце вѣшнее,
А и красно ты и радостно,
А и свѣтишь ты не по зимнему,
А и свѣтишь ты и тепло даешь.
И съ тепла твоего весенняго
Въ поляхъ, лугахъ цвѣты цвѣтутъ,
Во темныхъ лѣсахъ пташки поютъ.

А и красна ты волюшка,
Ты волюшка, свободушка;
А отъ тебя-ль, волюшка, свободушка,
Людъ православный веселъ живетъ,
Веселъ живетъ, пѣсни поетъ,
. . . . . .

А идетъ къ намъ волюшка, свободушка,
Богомъ данная, царемъ жалованная;
А идетъ она ни скоро, ни мешкотно,
Какъ ей волюшкѣ надобно,
По царскому хотѣнію,
По боярскому радѣнію.

А и встрѣтимте волюшку
Трудомъ, добромъ, да молитвою;
А помолимтесь за царя батюшку,
За бояръ радѣтелей,
А потрудимся на самихъ себя.

А и волюшка любитъ трудъ,
Лѣни хмѣлю не жалуетъ.
А и вольный лѣнтяй горше невольнаго,
А и пьяная воля неволи злѣй.
А и вольному кормителя нѣтъ,
А и вольный самъ кормится,
Самъ кормится, обувается, одѣвается,
Самъ ставитъ дворишечко;
У вольнаго нѣтъ барина,
И дать ему не кому
Ни коровушки, ни лошадушки,
Все самъ купи, все самъ добудь,
Своимъ трудомъ, своимъ разумомъ;
Такъ вольному не приходится
Въ кабаки ходить да пьянствовать,
Вино пьяное лукавое разумчиво, —
Первая чарка коломъ идетъ,
А другая за ней соколомъ,
А тамъ, гляди, корову съ двора,
А что дальше, — ни кола, ни двора,
Жена, дѣти съ сумой пошли,
А самъ горемыка подъ чужую клѣть.
За чужимъ добромъ не съ своимъ топоромъ;
А хозяинъ гостя непрошенаго
Коломъ дубьемъ, да въ тюрьму ведетъ
А и горькая воля пьяная,

Старшая неволи сестра
Младшую сестру за собой ведетъ
Вольнаго пьяницу въ цѣпи куетъ.

Такъ-то, родимые, мотайте на усъ:
Надоѣло кому въ неволѣ жить,
Тотъ въ кабакъ не ходи, вина не пей;
Воля съ виномъ въ ладу не живетъ,
Лукаво вино неволю ведетъ.
Сколько ни жалуй царь волюшкой,
Горькому пьяницѣ въ прокъ не пойдетъ,
Пропьетъ, промотаетъ и волюшку,
Не токмо волюшку да и головушку.

Волюшка, свободушка,
Большая заботушка, —
Вольному пить не приходится;
Такъ думайте родимые!
Думайте, мерекайте,
Какъ бы бросить дурь хмѣльную,
Дурь хмѣльную некорыстную.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Сербская.

Дѣвушка у моря сидѣла,
Говорила она, вопрошала:
«Господи сильный и правый!
Что шире синяго моря?
Что просторнѣе чистаго поля?
Что коня лихаго быстрѣе?
Что меду сотоваго слаще?
Что милѣе брата роднаго?»

Молвила ей рыбка морская:
«Дѣвушка, зеленъ твой разумъ.
Шире синяго моря небо,
А просторнѣй чиста̀ поля море,
Взоръ быстрѣе коня лихаго,
Слаще меду сотоваго сахаръ,
Милый другъ милѣй брата роднаго.»

Перевелъ Мих. Михайловъ.

II.

Литовская.

Какъ въ лѣсъ меня послали
По ягоду чернику,
Я въ лѣсъ не заходила
И ягодъ не сбирала:
Пошла я на кладбище,
Къ родимой на могилу;
Надъ нею залилася
Горючими слезами.
«Кто плачетъ надъ могилой?
Меня въ могилѣ будитъ?»
— Я, матушка родная,
Пришла къ тебѣ поплакать
Сиротскими слезами.
Кто косы мнѣ расчешетъ?
Кто личико умоетъ?
Кто лаской приголубитъ?
«Иди домой ты, дочка!
Тамъ мать тебѣ другая
И волосы расчешетъ,
И личико умоетъ;
А суженый молодчикъ
И лаской приголубитъ.»

Перевелъ Мих. Михайловъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Правительственныя распоряженія: стр.

а) Объ учрежденіи въ Соломбалѣ приходскаго училища. 4
б) О межевыхъ ученикахъ. 5
в) О воскресной школѣ въ Екатеринославлѣ. 12
г) О поселянахъ слободки близь города Умани. . . . 14
д) О коннозаводскихъ крестьянахъ. 15
е) О водвореніи въ селеніяхъ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ. . . . . —
ж) О льготахъ переселенцамъ между Верхнеудинскомъ и Читою. 19
з) О раскладкѣ оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ. 20
и) О ярманкахъ. 25

II. Законы относящіеся до торговли мѣщанъ и крестьянъ:

а) О вступленіи въ гильдію. 26
б) О торговлѣ по свидѣтельству. 27
в) Роспись товарамъ, которые могутъ быть продаваемы въ мелочныхъ лавкахъ. 30
г) О торговлѣ безъ свидѣтельствъ. 32
д) О торговлѣ мѣщанъ безъ свидѣтельствъ. 34
е) О торговлѣ крестьянъ безъ свидѣтельствъ. 40
ж) Роспись товарамъ, кои вымѣниваются на щетину. . 43
з) О прикащикахъ и сидѣльцахъ. 45
и) О мѣрахъ и вѣсахъ. 48
і) О торговлѣ на ярмаркахъ. 54

стр.

III. Разсказы о землѣ. Лучницкаго 57

IV. Разсказы изъ Русской исторіи. И. Бѣляева. 70

V. Нѣсколько словъ о Кузьмѣ Мининѣ Сухоруком. И. Троицкаго 129

VI. Нѣсколько словъ о Славянскихъ народахъ въ Австріи и Турціи. Александра Ѳедорова. 147

VII. Шелковый платокъ, деревенская быль. М. Михайлова 169

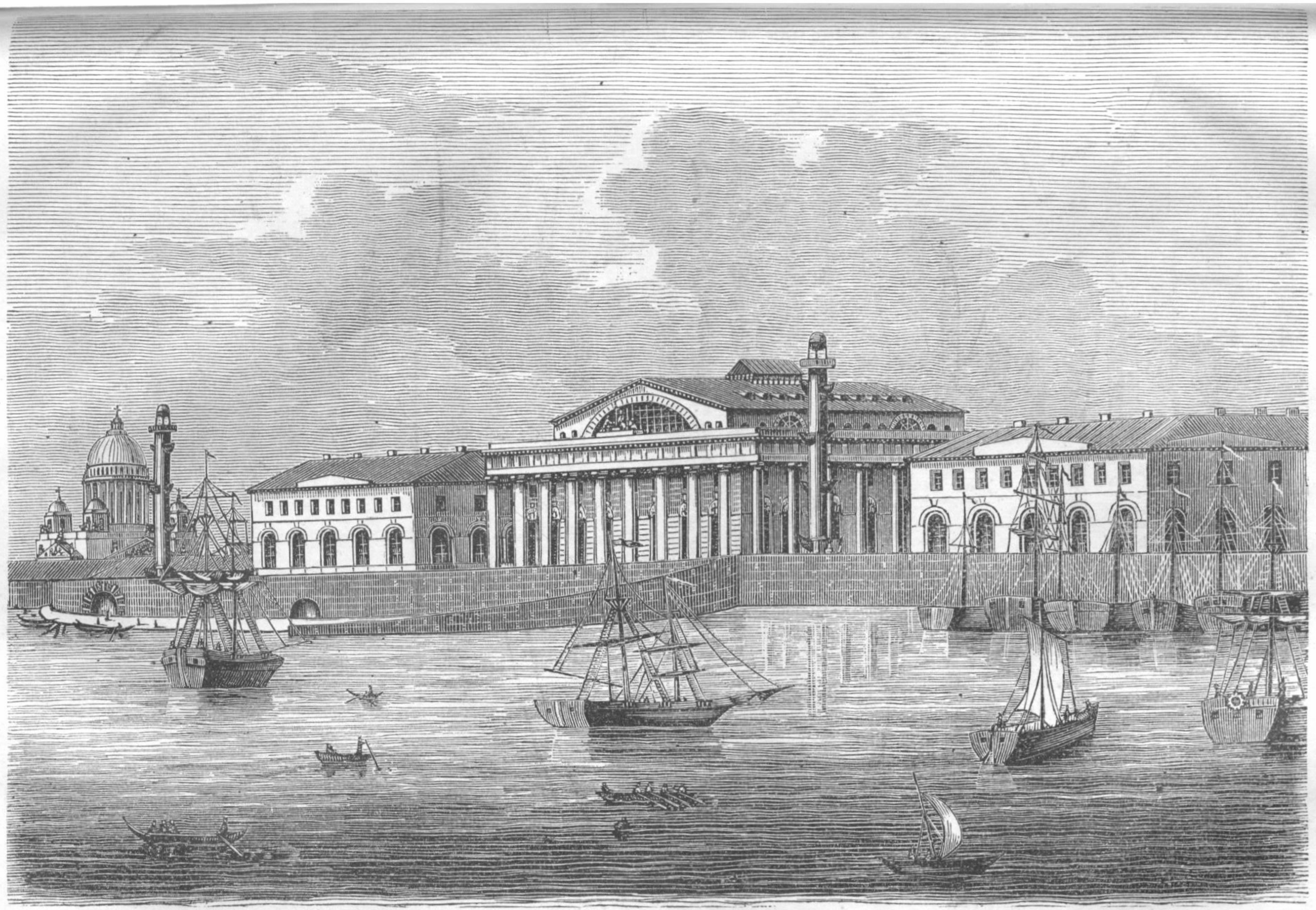
VIII. Стихотворенія:

А и красно ты солнце вѣшнее 203

Народныя пѣсни:

Сербская 206

Литовская 207

Петербургская Биржа и Таможня.

НАРОДНОЕ

ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ПЯТАЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ

А. ОБОЛОНСКИМЪ И Г. ЩЕРБАЧЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 6 октября 1859 года.

Цензоры: *К. Обертъ* и *П. Новосильскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,

на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ, въ домѣ Лея.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Слишкомъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, у самаго края тогдашняго русскаго царства, по рѣкамъ Уда, Айдару, Осколъ, Тихой Соснѣ, вплоть до Дону, на пустопорожнихъ, вольныхъ земляхъ стали селиться разные пришлые люди. Мѣста были привольныя, лѣсистыя, рѣки рыбныя, земля хорошая, край богатый и всѣмъ хорошъ, только опасенъ. Къ полудню отъ того края жили Татары, которые тогда были еще сильны: царство ихъ было въ Крыму, и они часто воевали съ Русскими. Отъ этакихъ-то сосѣдей и было опасно, особливо тѣмъ, кому приходилось жить *у края* русскаго царства, на границѣ. Ближніе къ границѣ, *у-крайные* жители прежде всѣхъ попадались подъ бѣшеный набѣгъ татарскій, но Украинцы всегда были готовы на свирѣпый набѣгъ от-

вѣтить жесточайшимъ отпоромъ. Для русскаго царства это было очень выгодно, что нашлись для него такіе смѣлые, даровые слуги и сторожа.

Между тѣмъ, край былъ такъ хорошъ, столько въ немъ было приволья, что народу тамъ все прибывало. Этотъ народъ украинскій вскорѣ соединился въ полки; сначала былъ основанъ Острогожскій полкъ, а потомъ еще три полка: Сумскій, Харьковскій и Ахтырскій. Это поселенное войско жило богато, привольно, держало въ страхѣ Татаръ и настроило себѣ деревень, слободъ, городовъ и всѣ три полка назывались *Слободскими, Черкасскими полками.*

Начальникъ этихъ полковъ избирался народомъ и назывался полковникомъ. Полковникъ имѣлъ большую власть — распоряжался въ военное время какъ хотѣлъ, а въ мирное время онъ раздавалъ порожнія украинскія земли своимъ воинамъ, давалъ на эти земли грамоты за своимъ подписомъ и за своею печатью и укрѣплялъ ихъ въ потомственное владѣніе.

Царь Алексѣй Михайловичъ обратилъ вниманіе на этихъ храбрыхъ защитниковъ русскихъ границъ, на слобожанъ, и 23-го апрѣля 1669 года послалъ имъ грамоту, въ которой благодарилъ ихъ за вѣрность Руси и подтвердилъ всѣ ихъ права и льготы и постановилъ, чтобы жи-

тели въ слободскихъ полкахъ навсегда безоброчно и безпошлинно промышляли въ своихъ городахъ и селахъ всякими промыслами и всякою торговлею.

Край мало по малу все богатѣлъ и оживалъ. Одинъ изъ тамошнихъ жителей, по имени Григорій Ерофеевичъ Донецъ, построилъ новый городъ Изюмъ и потомъ получилъ на это грамоту отъ царя Ѳеодора Алексѣевича. Въ этой грамотѣ разрѣшено ему въ новый городъ призывать Черкасъ изъ слободскихъ полковъ на вѣчное житье.

Императоръ Петръ первый подтвердилъ всѣ льготы, которыми пользовались слободскіе полки и вѣчное потомственное владѣніе землями, не общиной, а лично, такъ чтобы свое у всякаго своимъ и было, и избраніе полковниковъ, и безоброчные и безпошлинные промыслы въ городахъ.

Въ то время при всякомъ полку было по канцеляріи. Чтобы не было споровъ о землѣ, о томъ, чья такая-то полоса и чья другая, императрица Анна Іоанновна повелѣла при каждой полковой канцеляріи устроить по *крѣпостной* конторѣ, для записыванья записей на земли, данныя отъ полковниковъ. Положено было, что ежели у кого полковничья запись и затерялась, то и безъ записи укрѣплять за нимъ ту землю,

которою онъ владѣетъ. И тутъ же указомъ запрещено занимать новыя, а прежде занятыми землями, *старозаимочными* владѣть наслѣдственно.

Императрица Екатерина II, устроивая по всей Руси губерніи, устроила и въ слободской украйнѣ губернію Слободско-Украинскую, что нынѣ Харьковская. Она отдѣлила военную службу отъ гражданской, губернскую канцелярію открыла въ Харьковѣ, а провинціи или уѣздные города были въ Ахтыркѣ, въ Сумахъ, въ Острогожскѣ и въ Изюмѣ. Полки только въ военныхъ дѣлахъ стали управляться военнымъ начальствомъ, а въ прочихъ гражданскимъ.

Съ давняго времени въ благословенную Украйну стали переселяться жители изъ Россіи; они занимались земледѣліемъ и разными промыслами, нанимали себѣ землю, или покупали, или такъ занимали пустопорожнюю, и жили хорошо.

По указу 1765 года слободскіе поселенцы, за исключеніемъ пришлыхъ людей, переименованы въ войсковые обыватели.

Нынче, указомъ 20 мая, войсковымъ обывателямъ Харьковской губерніи предоставляется право собственности на тѣ старозаимочныя земли, которыя состоятъ въ личномъ ихъ владѣніи и распоряженіи и достались имъ по наслѣдству отъ предковъ, или пріобрѣтены покупкой. Первыя, т. е. доставшіяся по наслѣдству, дозволяется войсковымъ обы-

вателямъ продавать, по примѣру потомственныхъ земель малороссійскихъ козаковъ, только равнымъ себѣ обывателямъ, а послѣднія, т. е. пріобрѣтенныя *до настоящаго времени,* покупкою, предоставляются въ полную собственность войсковыхъ обывателей и съ правомъ отчуждать оныя кому пожелаютъ. Правило сіе не распространяется на старозаимочныя земли, находящіяся нынѣ въ общественномъ пользованіи войсковыхъ обывателей по числу душъ. Старозаимочныя земли, какъ перешедшія отъ войсковыхъ обывателей къ лицамъ другихъ состояній, такъ и удержанныя за собою лицами, выслужившимися изъ войсковыхъ обывателей, остаются въ неприкосновенной собственности у настоящихъ владѣльцевъ и ихъ наслѣдниковъ (1).

Отставнымъ воинскимъ чинамъ и семействамъ ихъ продоженъ срокъ на подачу ревизскихъ сказокъ еще на шесть мѣсяцевъ съ 8 іюня, такъ что теперь имъ послѣдній срокъ 8 декабря сего года. Сверхъ того разрѣшено имъ подавать ревизскія сказки на установленныхъ для ревизіи бланкахъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, на простой бумагѣ, безъ взысканія пени (2).

Слишкомъ два года тому назадъ, когда Россія заключила миръ съ Франціею, Англіею Турціею и Сардиніею, то отъ насъ отошелъ участокъ земли

---

(1) Сен. Вѣд. № 47.
(2) Сен. Вѣд. № 49.

Бессарабской области къ княжеству Молдавіи. Этотъ участокъ былъ на самомъ устьѣ рѣки Дуная. Отошло такимъ образомъ нѣсколько селъ, городовъ и деревень. Многіе изъ тамошнихъ жителей стали проситься оттуда въ Херсонскую губернію, чтобы опять быть въ Россіи. Теперь разрѣшено, чтобы отъ жителей сказанной части Бессарабіи, которые, желая сохранить россійское подданство, переселяются въ Россію, не требовать ни увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ прежнихъ ихъ обществъ, ни пріемныхъ отъ тѣхъ обществъ, къ коимъ они желаютъ быть перечисленными, а въ видахъ предоставленія имъ возможныхъ облегченій, дозволять перечислять ихъ куда пожелаютъ, по однимъ только просьбамъ и письменнымъ видамъ. Въ пресѣченіе же возможности перечисляться въ Россію людямъ, не принадлежащимъ къ вышеупомянутой части Бессарабіи, казеннымъ палатамъ тѣхъ губерній, въ которыя они желаютъ перейти, сноситься съ бессарабскою казенною палатою о томъ, дѣйствительно ли они принадлежатъ къ сказанной части. Лицамъ свободнаго податнаго состоянія, переселяющимся изъ отшедшей части Бессарабіи на казенныя земли, или въ города, даровать льготы, а именно: выдавать на водвореніе въ видѣ пособія по 35 руб. на семью и освободить ихъ отъ платежа податей и повинностей на 8 лѣтъ. Переписки о недоимкѣ на перечисляющихся, въ податяхъ и другихъ сборахъ, по прежнему ихъ со-

стоянію, никикой не возбуждать; и наконецъ въ предупрежденіе распространенія и усиленія вредныхъ сектъ, требовать отъ переселенцевъ подписки о непринадлежности ихъ къ духоборцамъ, малаканамъ и другимъ вреднымъ сектамъ, съ тѣмъ, что если кто изъ нихъ объявитъ себя принадлежащимъ къ какой либо изъ сихъ сектъ, таковаго, не причисляя, отправлять, по предварительномъ сношеніи съ намѣстникомъ кавказскимъ, для поселенія въ закавказскій край, или же, буде не изъявитъ на то согласія, высылать обратно за границу. Скопцамъ же предлагать для поселенія Туруханскій край енисейской губерніи и если на сіе согласятся, то отсылать ихъ туда, а въ противномъ случаѣ также возвращать за границу (1).

Государственные крестьяне С. Петербургской губерніи, поселенные на землѣ, принадлежавшей адмиралтейскому вѣдомству за Большою Охтой, платили въ казну по 8 р. 58 коп. сер. за десятину, или по 17 руб. 12½ коп. съ души въ годъ на уплату всѣхъ издержекъ, употребленныхъ казною на осушеніе и приготовленіе участковъ земли, имъ предоставленной, и на постройку для нихъ домовъ. Всего они платили 1164 руб. 48 к. въ годъ. По окончаніи этой уплаты, они должны были столько-же платить въ доходъ села Большой Охты, кромѣ податей и прочихъ сборовъ, слѣдующихъ съ нихъ по званію поселянъ, водворенныхъ

---

(1) Сен. Вѣд. № 50.

на собственныхъ земляхъ. Теперь, когда они внесли все, что издержала казна на ихъ устройство, имъ облегчены платежи: оставленъ на нихъ оброкъ 1164 р. 48 к. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ денегъ отчислять и подати, и прочіе сборы, а остальное обращать въ доходъ села Большой Охты (1).

6-го іюня сего года постановлено, чтобы въ Западной Сибири, въ случаѣ непомѣрнаго возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ, продажа хлѣба дозволялась изъ сельскихъ магазиновъ въ количествѣ, простирающемся до $^1/_2$ четверти на каждую ревизскую душу, при чемъ опредѣленіе случаевъ, въ которыхъ возвышеніе это можетъ быть признано непомѣрнымъ, предоставляется ближайшему усмотрѣнію генералъ-губернатора, подъ наблюденіемъ котораго производится самая продажа хлѣба, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: 1) въ продажу должно быть обращаемо такое количество хлѣба, которое превышаетъ одну четверть ржи и полчетверти яроваго на каждую душу, если, впрочемъ, мѣстные крестьяне сами не будутъ имѣть надобности въ пособіи; 2) изъ вырученныхъ денегъ потребная часть обращается на возмѣщеніе проданныхъ запасовъ, преимущественно хлѣбомъ, годнымъ для сѣмянъ; а остающаяся, за пополненіемъ запасовъ, прибыль обращается въ общественный продовольственный капиталъ. Хлѣбъ, проданный

---

(1) Сен. Вѣд. № 59.

изъ сельскихъ магазиновъ въ Западной Сибири, пополняется вообще при упадкѣ цѣнъ на оный, съ условіемъ пріобрѣтенія въ общественный продовольственный капиталъ прибыли не менѣе 10 процентовъ противъ той цѣны, по которой хлѣбъ былъ проданъ (1).

Положено, что если, при отдачѣ съ торговъ крестьянскихъ оброчныхъ статей въ содержаніе, цѣны на оныя будутъ возвышены вдвое противъ прежняго, то слѣдующая, на основаніи Устава о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ, часть, а именно 20 процентовъ, единовременно изъ суммы возвышенія за одинъ годъ, распредѣляется по приговору общества и съ утвержденія палаты государственныхъ имуществъ, между членами волостнаго правленія и прочими должностными лицами, содѣйствовавшими возвышенію цѣнъ, и производится изъ той половины дохода, которая обращается въ мірской капиталъ (2).

Разрѣшено открыть ярмарки: 1) въ Екатеринославлѣ, трехъ-дневную въ день Св. Георгія, 23 апрѣля, въ замѣнъ Срѣтенской, которая отмѣнена; 2) въ Самарѣ, съ среды на 3 недѣлѣ поста пятнадцатидневную; 3) въ городѣ Балашовѣ, Саратовской губерніи, семидневную, съ 1 ноября.

---

(1) Сен. Вѣд. № 58.
(2) Сен. Вѣд. № 60.

II.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

По очищеніи Москвы отъ Поляковъ, рѣшено было созвать земскій соборъ со всего россійскаго государства и для этого разосланы были грамоты по всѣмъ городамъ, чтобы выборные люди собирались въ Москву на избираніе государя. Когда выборные собрались въ Москву, то назначенъ былъ трехдневный постъ. «Всѣ православные христіане молилися Богу, постящеся три дня ни ядуще съ женами, и съ дѣтьми, и съ сущими младенцами.» Потомъ приступили къ избранію государя. Сперва было много споровъ: одни хотѣли того, другіе другаго; дѣлались даже подкупы,—многимъ хотѣлось получить царство; но Богъ не соизволилъ ни одному изъ желающихъ, а внушилъ людямъ избрать въ цари шестнадцатилѣтняго юношу Михаила Ѳедоровича Романова, который въ это время не былъ и въ Москвѣ, а жилъ съ своею

матерью въ костромскомъ уѣздѣ въ своихъ вотчинахъ. Первую мысль объ избраніи Михайла подалъ собору на письмѣ, какой-то галицкій дворянинъ, потомъ другое письмо о томъ же подалъ козачій атаманъ, а за ними послѣдовали и всѣ бывшіе на соборѣ. Но какъ на соборъ не успѣли съѣхаться изъ дальныхъ городовъ, то рѣшеніе остановлено еще на двѣ недѣли; и въ послѣдній срокъ 21 февраля 1613 года, въ сборное воскресенье, было послѣднее избирательное засѣданіе собора, на которомъ всѣ подавали письменныя мнѣнія, и всѣ опять единогласно избрали Михаила. Послѣ чего рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспаскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, посланные соборомъ на лобное мѣсто, спросили у собравшагося на Красной площади народа, кого они хотятъ въ цари; и народъ отвѣчалъ тоже — Михаила Ѳедоровича Романова. И такимъ образомъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, даже ве зная объ этомъ, былъ всенародно провозглашенъ царемъ Русской земли.

Теперь пужно сказать, кто же былъ этотъ новый царь, изъ какого рода онъ происходилъ и почему особенно всѣ согласились избрать его царемъ. У московскихъ государей давно уже, лѣтъ триста и даже больше, служилъ одинъ пріѣзжій боярскій родъ, происходившій отъ Андрея Кобылы или Камбилы, который изъ Прусской земли пришелъ служить великому князю Александру Нев-

скому; потомки этого Андрея были всегда въ приближеніи у Московскихъ государей и были весьма славны своею усердною службою. Царь Иванъ Васильевичъ женился на дочери Романа Юрьевича, одного изъ Андреевыхъ потомковъ. Эта Романова дочь была знаменитая Московская царица Анастасія Романовна, памятная всему русскому народу, своими добродѣтелями и благодѣяніями. У Анастасіи былъ родной братъ Никита, а у него былъ сынъ Ѳедоръ, племянникъ Анастасіи, и по ней двоюродный братъ царя Ѳедора Ивановича. Этотъ Ѳедоръ Никитичъ былъ самый знаменитый бояринъ при царѣ Ѳеодорѣ. Когда бояринъ Годуновъ сдѣлался царемъ, то всѣхъ Романовыхъ отправилъ въ ссылку по разнымъ городамъ, а Ѳедора Никитича, отъ живой жены, постригъ въ монахи, подъ именемъ Филарета. У этого Ѳедора Никитича былъ единственный сынъ Михаилъ Ѳедоровичъ, доводившійся царю Ѳедору Ивановичу двоюроднымъ племянникомъ. И сіе-то родство съ древнимъ царскимъ домомъ было одною изъ важныхъ причинъ къ избранію Михаила Ѳедоровича на царство.

Я уже сказалъ, что когда въ Москвѣ выбирали царя въ это время Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ проживалъ въ одной изъ своихъ костромскихъ вотчинъ. А тогда отъ Поляковъ и измѣнниковъ козаковъ была очищена только одна Москва, по прочимъ же городамъ еще таскались разныя шайки Поляковъ и козаковъ, и грабили, и

жгли села и деревни. Одна изъ сихъ шаекъ, грабившая въ костромскомъ уѣздѣ, послышавши, что Михаила Ѳедоровича въ Москвѣ избрали царемъ, вздумала захватить его въ плѣнъ или убить; но не зная въ какой вотчинѣ онъ живетъ, поймала одного крестьянина, изъ села Домнина, Ивана Сусанина, и стала его допрашивать: гдѣ живетъ господинъ его, Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Крестьянинъ Сусанинъ долго отговаривался открыть жилище Михаила, потомъ послѣ страшныхъ пытокъ, сказалъ Полякамъ: «хорошо, паны, я вамъ укажу, гдѣ скрывается государь Михаилъ Ѳедоровичъ, идите за мною», и повелъ ихъ по непроходимымъ костромскимъ лѣсамъ со всѣмъ въ другую сторону отъ Романовскихъ вотчинъ и когда завелъ ихъ далеко и въ такую лѣсную глушь, что они уже не могли выбраться оттуда, то остановясь сказалъ Полякамъ: «ну, паны, теперь рѣжьте меня, я васъ обманулъ, Михаилъ Ѳедоровичъ спасся, а вамъ не выбраться изъ этого лѣса.» Обманутые Поляки страшными муками умертвили добраго Сусанина. По смерти Сусанина осталась одна только дочь, бывшая замужемъ за крестьяниномъ Богданомъ Собининымъ. Когда царь Михаилъ Ѳедоровичъ узналъ о вѣрной службѣ и мученической смерти Сусанина, то зятю его, Богдану Собинину, пожаловалъ въ вотчину, въ вѣкъ въ потомство, половину деревни Деревнищь и въ вѣки вѣчные весь родъ освободилъ отъ всѣхъ податей и повинностей. Потомки Собинина и теперь живутъ

въ селѣ Коробовѣ, костромской губерніи и подъ именемъ бѣлопашцевъ, освобождены отъ всѣхъ податей и рекрутской и другихъ повинностей; а мученику, крестьянину Сусанину, въ недавніе годы, государь императоръ поставилъ памятникъ въ Костромѣ на Сусанинской площади.

Московскій земскій соборъ, избравши Михаила Ѳедоровича, не зналъ даже, гдѣ онъ жилъ въ то время; а посему, нарядивши посольство съ прошеніемъ принять царство, наказалъ посламъ ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ государь будетъ. Московскіе посланники нашли Михаила Ѳедоровича въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, куда онъ съ матерью, инокинею Марѳою, вѣроятно, удалился изъ своихъ вотчинъ, укрываясь отъ нападенія польскихъ грабителей. Московское посольство пріѣхало въ Кострому 13-го марта вечеромъ, и на другой день поутру, съ крестнымъ ходомъ отправилось въ Ипатьевскій монастырь; Михаилъ съ матерью встрѣтилъ образа за монастыремъ, гдѣ послы и объявили имъ за чѣмъ присланы, и получили отъ Михаила отвѣтъ, что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать прибавила, что она его не благословляетъ на царство. Потомъ послы упросили Михаила и мать его взойти въ церковь, гдѣ подали грамоты отъ собора и говорили по наказу рѣчи; и получили прежній отвѣтъ. Инокиня Марѳа говорила, что у сына ея и въ мысляхъ не было быть государемъ, что онъ еще

не въ совершенныхъ лѣтахъ, что Москвитяне многимъ уже государямъ присягали и измѣняли имъ и что отецъ Михаила, митрополитъ Филаретъ, теперь у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣсненіи, а какъ король узнаетъ, что на Московскомъ государствѣ учинился Филаретовъ сынъ, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое либо зло. Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрилъ; но Михаилъ все еще не соглашался. Наконецъ послы стали грозить Михаилу, что Богъ взыщетъ на немъ конечное раззореніе государства; тогда Михаилъ и мать его сказали, что они во всемъ положились на праведныя судьбы Божіи; Марѳа благословила сына, Михаилъ принялъ посохъ отъ архіепископа Ѳеодорита, бывшаго главою посольства, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

Михаилъ выѣхалъ изъ Костромы 19-го марта, но ѣхалъ очень медленно, останавливаясь по городамъ, и требуя отъ собора разныхъ приготовленій и распоряженій. Наконецъ въ Москву пришла вѣсть, что государь съ матерію пріѣдутъ 2-го мая. Всѣ Москвичи отъ мала до велика бросились за городъ встрѣчать государя. Въѣхавши въ Москву, Михаилъ и мать слушали обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, потомъ всякихъ чиновъ люди подходили къ царской рукѣ и здравствовали великому государю. Отъ въѣзда въ Москву прошло слишкомъ два мѣсяца въ приготовленіяхъ къ коронованію. На-

конецъ 11-го іюля Михаилъ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ въ Успенскомъ соборѣ.

Медленно было шествіе Михаила въ Москву, продолжительны приготовленія къ коронованію; но по тогдашнему времени этого скорѣе нельзя было и сдѣлать. Москва тогда была раззорена и походила больше на пожарище, чѣмъ на царскій городъ, даже дворецъ государевъ не совсѣмъ былъ отстроенъ; государева казна была разграблена Поляками и измѣнниками; по всѣмъ городамъ были неустройство, польскіе, козачьи и разбойничьи шайки грабили по селамъ и городамъ; въ Новгородѣ сидѣли Шведы и навязывали въ Московскіе цари своего королевича, Смоленскъ былъ занятъ Поляками и польскій королевичъ Владиславъ искалъ московскаго престола; въ рязанской украйнѣ стоялъ Заруцкій съ женою самозванцевъ Мариною и искалъ русскаго царства для Маринина сына; со всѣми ими нужно было воевать, а не было ни достаточнаго войска, ни запасовъ. Михаилъ еще до пріѣзда въ Москву повелѣлъ боярамъ отправить воеводъ на Заруцкаго, потомъ самъ изъ Ярославля отправилъ воеводъ подъ Тихвинъ на Шведовъ, далѣе уже изъ Москвы послалъ войско къ Смоленску; въ сѣверской сторонѣ также продолжалась война съ Литовцами и Поляками. Всѣ войны сіи съ начала были малоуспѣшны, а потому и продолжительны, по малочисленности русскаго войска и по скудости

запасовъ, Русскіе долго нигдѣ не могли скоро выгнать непріятелей.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ князь Одоевскій былъ отправленъ противъ Заруцкаго, который и сошелся съ нимъ у Воронежа, здѣсь козаки бились два дня безъ отдыху, и наконецъ разбитые бѣжали съ Заруцкимъ въ степь за Донъ къ Медвѣдицѣ, и ушли къ Астрахани, гдѣ Заруцкій утвердился и сталъ ссылаться съ донскими и волжскими козаками, и приманивалъ къ себѣ ногайскихъ Татаръ намѣреваясь идти подъ Казань; но ни донскіе, ни волжскіе козаки не успѣли помочь ему надлежащимъ образомъ, а между тѣмъ Астраханцы противъ него вооружились и заставили запереться въ Кремлѣ; къ Астраханцамъ пришелъ на помощь изъ Терекъ съ отрядомъ стрѣльцовъ голова Хохловъ; и Заруцкій, не надѣясь отсидѣться въ астраханскомъ кремлѣ, бѣжалъ въ верхъ по Волгѣ; но Хохловъ нагналъ его, разбилъ, и принудилъ бѣжать къ Каспійскому морю. Къ этому времени подошелъ къ Астрахани царскій воевода князь Одоевскій; онъ послалъ въ погоню за Заруцкимъ двухъ стрѣлецкихъ головъ, Пальчикова и Онучина, которые и нагнали его на Яикѣ на острову, гдѣ козаки послѣ упорной битвы выдали Заруцкаго и Марину съ сыномъ царскому войску. Это было уже на другой годъ, по выходѣ князя Одоевскаго изъ Москвы, 25 іюня. Заруцкаго, Марину и ея сына отправили сперва въ Казань а потомъ въ Москву. Въ Москвѣ Заруцкаго посадили на колъ, сына

Марины повѣсили, а самую Марину заключили въ тюрьму, гдѣ она и умерла. Такъ новому царю удалось покончить съ однимъ изъ своихъ злѣйшихъ враговъ, послѣ упорной войны продолжавшейся слишкомъ годъ.

Въ то же время, какъ Одоевскаго изъ Москвы отправили противъ Заруцкаго, изъ Ярославля былъ отправленъ князь Прозоровскій противъ Шведовъ, пришедшихъ изъ Новгорода осаждать Тихвинъ монастырь. Прозоровскому съ Тихвинцами удалось отбить Шведовъ отъ Тихвина и отнять у нихъ пушки. Послѣ этого успѣха Государь, по совѣту съ боярами, рѣшился въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1613 года отправить противъ Шведовъ войско подъ самый Новгородъ, гдѣ Шведы укрѣпились. Начальниками этого войска были назначены князья Трубецкой и Мезецкой; они укрѣпились въ Броницахъ не далеко отъ Новгорода, но не умѣли устроиться и шведскій генералъ Делагарди, вышедши изъ Новгорода, осадилъ ихъ въ станѣ и принудилъ отступить къ Торжку; при этомъ отступленіи Русскіе потеряли много людей, и воеводы едва ушли пѣшкомъ. Послѣ этого война со Шведами продолжалась около четырехъ лѣтъ, Русскіе не только не могли выгнать Шведовъ изъ Новгорода, но даже потеряли Гдовъ, который занялъ самъ шведскій король послѣ двухъ сильныхъ приступовъ въ 1614 году. Но въ 1615 году король шведскій не имѣлъ успѣха подъ Псковомъ, онъ осаждалъ городъ около трехъ мѣсяцевъ, три дни билъ изъ

пушекъ, потомъ пошелъ на приступъ, но былъ отбитъ. Послѣ неудачнаго нападенія на Псковъ король уѣхалъ въ Швецію, и Шведы и Русскіе продолжали вести мелкую войну, а между тѣмъ начали пересылаться о мирѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, миръ былъ заключенъ въ деревнѣ Столбовѣ. По этому миру Шведы возвратили Русскимъ Новгородъ и другіе тамошніе города, которыми они владѣли во время войны, а Русскіе за это отдали имъ города Иванъ-городъ, Ямы, Копорье и Орешекъ, такъ что по этому миру Русскіе потеряли всѣ берега Балтійскаго моря. Тяжелъ былъ этотъ миръ для царя Михаила Ѳедоровича, но продолжать войну не было возможности, ибо съ одной стороны, въ это же время, у него шла жестокая война съ Польшею, а съ другой стороны Русская земля была опустошаема разбойничьими шайками козаковъ, которые жгли и опустошали села и деревни, по всѣмъ дорогамъ то и дѣло были видны или пылающія деревни, или одни пожарища, или опустѣлыя разграбленныя деревни и села, жители которыхъ или были убиты и непохороненные валялись по улицамъ и избамъ, или скрывались въ лѣсахъ. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ столбовскій миръ былъ особою Божіею милостію для царя и народа.

Въ одно время съ шведскою войною у царя Михаила Ѳедоровича шла самая жестокая война съ козаками, разсыпанными по лучшимъ областямъ Русской земли. Почти не было ни одного

города, ни одного уѣзда, гдѣ бы не являлись большія и малыя шайки козаковъ грабителей; то и дѣло въ Москву шли вѣсти, что такой-то городъ ограбленъ козаками, что такія-то деревни выжжены, а крестьяне побиты, даже царскимъ посланникамъ не было проходу и проѣзду, и ихъ грабили и побивали козаки. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1614 года царь Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ боярина князя Лыкова на козаковъ, грабившихъ около Ярославля и въ поморскихъ городахъ, наказавши Лыкову, чтобы онъ сперва попытался уговорить козаковъ, чтобы они шли на службу государеву; но козаки на это не согласились, и Лыковъ долженъ былъ съ ними воевать; козаки, разбитые въ нѣсколькихъ мѣстахъ Лыковымъ и его отрядами, объявили, что идутъ въ государевы полки на службу къ Тихвину. Изъ Москвы къ нимъ прислали воеводъ, но козаки, вмѣсто того, чтобы идти къ воеводамъ на смотръ и для записки, пошли опустошать окрестныя деревни, и даже приходили грабить воеводъ. Потомъ всѣ двинулись къ Москвѣ; Государь приказалъ Лыкову идти за ними также къ Москвѣ. Пришедши въ село Ростокино на троицкой дорогѣ, козаки прислали къ Государю бить челомъ, что хотятъ ему служить и воровать впредь не станутъ. А между тѣмъ по дорогѣ отъ Ростокина къ Москвѣ разставляли сторожи днемъ и ночью, и стали провѣдывать про князя Лыкова, и просили государя, чтобы далъ имъ торгъ. Государь повелѣлъ пере-

вести ихъ изъ Ростокина къ Донскому монастырю; отсюда стали они пріѣзжать въ Москву ратнымъ обычаемъ и говорить, что будутъ московскихъ людей грабить. Государь приказалъ Лыкову идти подъ Москву проселочными дорогами и стать утаясь отъ козаковъ, а воеводѣ Измайлову повелѣлъ въ то же время выйдти изъ Москвы къ Симонову монастырю и стать противъ козачьихъ таборовъ. Только что козаки замѣтили Измайлова подъ Симоновымъ монастыремъ, то немедленно бросились бѣжать изъ подъ Москвы серпуховскою и другими дорогами, за ними погнались князь Лыковъ и Измайловъ, и нагнали ихъ въ мало-ярославецкомъ уѣздѣ, и въ жестокой битвѣ у рѣки Лужи, разбили на голову. Козаки, не видя для себя спасенія, сдались воеводамъ, которые и привели ихъ въ Москву, гдѣ главнаго козачьяго атамана Баловня повѣсили, другихъ разослали по тюрьмамъ, а козаковъ всѣхъ простили и отправили на службу.

Когда князь Лыковъ и Измайловъ управлялись съ козаками, въ то же время князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій гонялся за литовскимъ наѣздникомъ полковникомъ Лисовскимъ, который съ Литовцами, Поляками, Черкасами и разною вольницею опустошалъ сѣверскую страну, захватилъ уже Карачевъ и тѣснилъ Брянскъ. Князь Пожарскій двинулся изъ Бѣлева черезъ Болховъ къ Карачеву. Лисовскій, узнавши объ этомъ, зажегъ Карачевъ и пошелъ къ Орлу; Пожарскій двинулся ту-

да же, здѣсь они скоро столкнулись, и большая часть Русскихъ не устояла и обратилась въ бѣгство; но Пожарскій съ 600 человѣкъ не тронулся съ мѣста, и огородясь телѣгами, долго отбивался отъ 3,000 Лисовчиковъ, наконецъ и бѣглецы воротились, и Пожарскій, видя около себя достаточно войска, двинулся на Лисовскаго, тотъ отошелъ къ Кромамъ, потомъ въ одни сутки прошелъ 150 верстъ и явился передъ Болховомъ, но отбитый отсюда, сжегъ Бѣлевъ, приступилъ было къ Лихвину, но потерпѣвъ неудачу сталъ въ Перемышлѣ; Пожарскій гнался за нимъ по пятамъ, но вдругъ занемогъ тяжелою болѣзнію и отвезенъ въ Калугу. Съ отъѣздомъ Пожарскаго преслѣдованіе Лисовскаго кончилось, и Лисовскій свободно пошелъ подъ Ржевъ Володиміровъ, но не могши взять его пустился къ Кашину, потомъ къ Угличу, но нигдѣ не имѣлъ успѣха. Послѣ этого Лисовскій уже не приступалъ къ городамъ, а пробирался между ними, опустошая все на пути. Такимъ образомъ онъ прошелъ между Ярославлемъ и Костромою въ суздальскія волости, потомъ между Владиміромъ и Муромомъ, между Коломною и Переславлемъ Рязанскимъ, и между Тулою и Серпуховымъ до Алексина. Высылаемые противъ Лисовскаго воеводы нигдѣ не могли настигнуть его; только въ Алексинскомъ уѣздѣ нагналъ его князь Куракинъ, но уже не могъ перехватить ему дороги въ Литву, куда и удалился Лисовскій, опустошивъ и разграбивъ столько мѣстъ въ русской землѣ. Въ одно

время съ Лисовскимъ также воевали на отдаленномъ сѣверѣ близь Бѣлаго моря малороссійскіе козаки или Черкасы, непонятнымъ образомъ туда пробравшіеся; много они произвели опустошеній по Сѣверной Двинѣ и Вагѣ и по бѣломорскому берегу; но ихъ участь была несчастнѣе Лисовскаго, на нихъ даже, кажется, не высылали царскихъ воеводъ, сперва ихъ поколотили въ заонежскихъ погостахъ, и потомъ Олончане добили и остальныхъ.

Такимъ образомъ Богъ привелъ царю Михаилу Ѳедоровичу раздѣлаться съ внутренними и внѣшними врагами; но у него еще оставался одинъ сильный и упорный врагъ Польша и Литва. Королевичъ польскій Владиславъ еще не отказывался отъ московскаго престола, и въ Польшѣ Михаила не признавали царемъ. Города, захваченные Поляками въ смутное время, еще оставались за ними, даже государевъ отецъ митрополитъ Филаретъ томился въ польскомъ плѣну, и пограничные города были въ войнѣ.

Еще въ слѣдъ за избраніемъ Михаила на русскій престолъ, московскій соборъ отправилъ къ польскому королю Сигизмунду дворянина Аладьина съ грамотою, въ которой требовалъ размѣна плѣнныхъ; на это польскіе паны отвѣчали своею грамотою, въ которой требовали, чтобы московскіе бояре прекратили непріятельскія дѣйствія противъ Поляковъ, до тѣхъ поръ пока пріѣдутъ послы отъ нѣмецкаго императора, при посредствѣ которыхъ

будутъ говорить о мирѣ. Отъ таковаго отвѣта не чего было ждать добраго, и московскій соборъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1613 года выслалъ войска противъ литовскихъ людей, которые воевали въ бѣлевскихъ, мещевскихъ, калужскихъ и козельскихъ мѣстахъ; но эта рать отъ розни воеводъ не имѣла успѣха. Литовцы и Черкасы или малороссійскіе козаки проникли до Калуги и Можайска и взяли уже шесть городовъ. Царь, узнавши объ этомъ, по приговору съ соборомъ послалъ новыхъ воеводъ съ новымъ войскомъ. Литовцы и Черкасы, прослышавъ ихъ походъ оставили захваченные города, и удалились къ Вязмѣ и Дорогобужу; царскіе воеводы двинулись за ними, захватили Дорогобужъ и Вязму, потомъ взяли Бѣлую. Послѣ чего царь приказалъ имъ идти подъ Смоленскъ; но подъ Смоленскомъ воеводы простояли болѣе года безъ всякой пользы, ибо у нихъ недостаточно было войска, чтобы взять такой крѣпкій городъ. Во время сихъ военныхъ дѣйствій шли съ Поляками переговоры о мирѣ, но безъ всякаго успѣха; польскіе паны въ переговорахъ только оскорбляли государя Михаила Ѳедоровича, говоря, что онъ не настоящій царь; что настоящій царь московскій королевичъ Владиславъ; а московскіе бояре высказывали неправды короля польскаго Сигизмунда и Поляковъ; было семь посольскихъ съѣздовъ и кончились ничѣмъ, не только не заключили мира, но и о перемиріи не условились. Польскіе послы упрямились, требовали сѣверскихъ

городовъ и всего смоленскаго княжества, и сверхъ того просили заплатить деньги польскому войску, которое грабило Россію, и не отказывались отъ правъ Владислава на московскій престолъ. Разумѣется, московскіе послы не могли согласиться на такія условія.

Послѣ неудачныхъ переговоровъ опять приня-лись воевать. Послѣдній посольскій съѣздъ былъ въ концѣ января 1616 года, а 1-го іюля того же года московскіе воеводы уже воевали литовскую землю и доходили до Витебска, а съ другой стороны Литовцы подходили къ Стародубу, Курску и Бѣлгороду и воротились за рубежъ. Но важнѣе были дѣла подъ Смоленскомъ, тамъ все еще продолжалась осада, и московскіе воеводы такъ было успѣли стѣснить Смоленскъ, что уже туда нельзя было доставить съѣстныхъ припасовъ. Но Гонсевскій съ польскими и литовскими полками успѣлъ обойти Смоленскъ, и ставши между Смоленскомъ и Дорогобужемъ такимъ образомъ отнялъ всѣ дороги для провоза запасовъ въ московское войско подъ Смоленскомъ, такъ что московскіе полки сами очутились въ осадѣ и терпѣли сильный голодъ. А между тѣмъ Литовцы осадили Дорогобужъ, стали воевать въ ржевскомъ уѣздѣ, прошли Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ и Угличъ и устремились въ вологодскія и бѣлгородскія мѣста, и въ то же время пришли вѣсти, что самъ королевичъ Владиславъ идетъ прямо на Москву.

Дѣйствительно, въ то время какъ московскіе

воеводы были стѣснены подъ Смоленскомъ, Владиславъ уже началъ свой походъ, величая себя царемъ московскимъ и его сопровождали многіе московскіе измѣнники, проживавшіе въ Литвѣ; въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1617 года онъ уже оставилъ Смоленскъ и соединился съ Ходкевичемъ, который осаждалъ Дорогобужъ. Страхъ напалъ на московскихъ воеводъ, когда они узнали, что самъ королевичъ въ войскѣ. Дорогобужскій воевода немедленно сдалъ ему городъ и вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ присягнулъ Владиславу, какъ царю московскому, и присоединился къ его войску; потомъ Владиславъ вступилъ торжественно въ Вязму, ибо тамошніе воеводы бѣжали въ Москву, не дожидаясь его прихода. Изъ Вязмы Владиславъ отправилъ въ Москву двухъ русскихъ измѣнниковъ съ грамотою къ жителямъ, думая возмутить Москвичей, какъ это было при самозванцахъ; но теперь уже было не то время. Москвичи, вѣрные своему государю, не обратили и вниманія на Владиславову грамоту и не думали возмущаться. А между тѣмъ въ самомъ войскѣ Владислава произошло возмущеніе; солдаты, не получая долго жалованья, отказались идти далѣе, и Владиславъ долженъ былъ оставаться на зиму въ Вязмѣ, и ждать жалованья изъ Польши. Такъ прошелъ 1617 годъ и первые пять мѣсяцевъ 1618 года, наконецъ въ іюнѣ мѣсяцѣ Владиславъ двинулся къ Можайску, гдѣ сидѣлъ воевода князь Лыковъ; у этого воеводы Владиславъ, не имѣя осадныхъ пушекъ, не могъ

взять города, хотя и подходилъ къ нему нѣсколько разъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ; и наконецъ, когда войско у него стало возмущаться, то онъ рѣшился на отчаянное средство идти прямо къ Москвѣ. Москвитяне, узнавши объ этомъ, всполошились, но не въ пользу Владислава, какъ онъ надѣялся, а чтобы драться съ нимъ не на животъ, а на смерть. Всякихъ чиновъ люди поклялись царю Михаилу Ѳедоровичу, что они единодушно будутъ стоять за православную вѣру и за него, государя, не щадя головъ своихъ.

Въ одно время съ Владиславомъ шелъ къ Москвѣ, съ другой стороны, гетманъ Сагайдачный съ 20-ю тысячами малороссійскихъ козаковъ; они соединились подъ Москвою и въ ночь на 1 октября повели приступъ; но Москвичи были предъувѣдомлены объ этомъ, и послѣ жаркой битвы у Арбатскихъ воротъ принудили Поляковъ и козаковъ отступить. Потерпѣвъ неудачу, королевичъ не осмѣлился на новый приступъ къ Москвѣ, и изъ Тушина, гдѣ былъ его станъ, потянулся по переяславской дорогѣ, подошелъ къ Троицкой лаврѣ и потребовалъ, чтобъ ему сдали монастырь; но архимандритъ съ братіею отвѣчали на это требованіе стрѣльбою изъ пушекъ по польскимъ войскамъ, и королевичъ, отступая отъ монастыря, сталъ за 12 верстъ въ селѣ Рогачевѣ и распустилъ своихъ людей грабить и опустошать галицкія, костромскія, ярославскія и бѣлозерскія мѣста. Въ бѣлозерскомъ уѣздѣ воевода князь Тюфякинъ разбилъ

Поляковъ на голову, да и въ другихъ мѣстахъ, съ наступленіемъ холодовъ, Полякамъ приходилось туго: имъ пришлось мерзнуть на тѣхъ же пожарищахъ, которыя сами выжгли. Гетманъ Сагайдачный отъ Москвы пошелъ къ Серпухову и Калугѣ, выжегъ тамошніе остроги, но самыхъ городовъ взять не могъ. Между тѣмъ, съ самаго отступленія королевича отъ Москвы, начались мирные переговоры, сперва подъ Москвою на Прѣснѣ, а потомъ въ деревнѣ Деулинѣ, въ 3 верстахъ отъ Троицкой лавры. Переговоры эти, послѣ долгихъ споровъ, наконецъ, 1 декабря 1619 года, кончились заключеніемъ перемирія на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, по которому Россія уступила Литвѣ Смоленскъ и еще семь городовъ и обѣ державы обязались размѣняться плѣнниками. При этомъ размѣнѣ возвратился въ Москву и государевъ отецъ, митрополитъ Филаретъ, восемь лѣтъ томившійся въ плѣну у польскаго короля. Такъ на время кончилась тяжкая война съ Поляками, и Россія, управившись съ послѣднимъ и самымъ жестокимъ своимъ врагомъ, хотя на 14 лѣтъ, могла быть спокойна.

По окончаніи послѣдней войны, царь Михаилъ Ѳедоровичъ могъ на свободѣ заняться внутренними дѣлами государства, къ которымъ мы теперь и обратимся. Митрополиту Филарету, отцу государеву, возвращавшемуся изъ плѣна, государь сдѣлалъ три встрѣчи. Первая встрѣча была въ Можайскѣ, куда былъ посланъ для этого архіепископъ рязанскій съ княземъ Дмитріемъ Михай-

ловичемъ Пожарскимъ; на второй встрѣчѣ въ Звенигородѣ встрѣчали Филарета, митрополитъ крутицкій Іона и князь Дмитрій Тимофѣевичъ Трубецкій, а на послѣднемъ стану подъ Москвою встрѣтили всѣ бояре. Наконецъ самъ царь со всѣми царедворцами встрѣтилъ отца своего на Прѣснѣ, и палъ ему въ ноги, тоже самое сдѣлалъ Филаретъ передъ царемъ и сыномъ. Потомъ Филаретъ сѣлъ въ сани, а государь со всѣмъ народомъ шелъ пѣшкомъ напереди. Такъ радостно и благочестно сынъ, царь встрѣчалъ отца, возвращавшагося изъ долгаго и горькаго плѣна.

Черезъ десять дней по пріѣздѣ въ Москву, т. е. 24 іюня 1619 года, митрополитъ Филаретъ посвященъ былъ въ всероссійскіе патріархи, іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ и русскими архіереями. Θеофанъ для этого случая дожидался въ Москвѣ возвращенія Филарета. Вскорѣ по посвященіи Филарета, царь, по обѣщанію, по случаю возвращенія своего родителя изъ плѣна, отправился на богомолье къ Макарію чудотворцу на Унжѣ, а на возвратномъ пути ходилъ на поклоненіе чудотворцамъ переяславскимъ, ростовскимъ, ярославскимъ, былъ на Костромѣ у иконы Пресвятыя Богородицы Θедоровскія, и въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, и въ Никольскомъ монастырѣ на Угремѣ и воротился въ Москву уже осенью, послѣ Дмитріева дня.

Еще въ 1615 году, царь Михаилъ Θедоровичъ повелѣлъ печатать церковныя книги и для этого

были вызваны въ Москву изъ Троицкаго Сергіева монастыря старецъ Арсеній и клементьевскій священникъ Иванъ, чтобы для печати исправить по лучшимъ рукописямъ церковный потребникъ; но тѣ на это одни не рѣшались; и посему въ ноябрѣ 1616 года, государь приказалъ завѣдывать симъ дѣломъ съ тѣми же двумя справщиками знаменитому защитнику Троицкой лавры, архимандриту Діонисію, и другимъ разумнымъ старцамъ. Но прежній справщикъ печатныхъ книгъ троицкій монахъ Логгинъ, человѣкъ невѣжественный и неученый, недовольный тѣмъ, что не ему поручили исправленіе книгъ, обвинилъ Діонисія въ ереси за одну поправку въ потребникѣ; и завѣдывавшій тогда патріаршими дѣлами крутицкій митрополитъ Іона, человѣкъ неспособный на разсмотрѣніе дѣла, въ 1616 году, осудилъ Діонисія, какъ еретика, и назначилъ въ заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; а какъ туда, по смутнымъ обстоятельствамъ, нельзя было провезти Діонисія, то его содержали, какъ преступника, въ Новоспаскомъ монастырѣ. Но когда Филаретъ поставленъ былъ въ патріархи, то разсмотрѣлъ это дѣло вмѣстѣ съ патріархомъ Іерусалимскимъ Θеофаномъ, и нашедши поправку Діонисія въ требникѣ справедливою, оправдалъ Діонисія на соборѣ, и возвратилъ въ Троицкій монастырь. Такимъ образомъ первымъ же дѣломъ патріарха Филарета, по возвращеніи въ Москву, было оправданіе знаменитаго подвижника архимандрита Діонисія и стараніе при-

вести церковныя книги въ порядокъ, которыя въ послѣднее время страшно были искажены невѣжественными переписчиками и справщиками, и смущали народъ.

Вторымъ важнымъ дѣломъ Филарета было предложеніе царю и земскому собору сдѣлать новую народную перепись, и послать по всѣмъ городамъ дозорщиковъ и писцовъ, чтобы государь зналъ, кто можетъ нести какія подати; ибо старыя переписи послѣ смутъ самозванщины и послѣднихъ войнъ и опустошеній уже негодились, по нимъ нельзя уже было знать какіе уѣзды населены и какіе опустошены.

Въ третьихъ, при Филаретѣ и по его указаніямъ, было издано много новыхъ законовъ, относительно суда и расправы и о введеніи разныхъ порядковъ въ управленіи. До возвращенія Филарета царь Михаилъ не издалъ ни одного закона; когда же Филаретъ возвратился въ Москву, то было обращено особенное вниманіе на внутреннее устройство государства и появилось много новыхъ узаконеній.

Патріархъ Филаретъ, участвуя съ царемъ въ управленіи государствомъ, вездѣ старался ввести строгій порядокъ и удалилъ отъ двора государева недостойныхъ людей. О немъ современники говорили, что онъ не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ, многихъ освободилъ отъ насилія. При немъ никого не было сильныхъ людей, кромѣ самихъ государей; кто

служилъ государю, и въ безгосударное время и былъ не пожалованъ, тѣхъ всѣхъ онъ взыскалъ, пожаловалъ, держалъ у себя въ милости и никому не выдавалъ. Но при этомъ онъ былъ очень строгъ, и, какъ говорятъ другіе современники, вѣроятно нежалованные имъ: «нравомъ онъ былъ опальчивъ и мнителенъ, ... бояръ и всякаго чина людей изъ царскаго синклита, томилъ заточеніями необратными и другими наказаніями, къ духовному сану былъ милостивъ и несребролюбивъ.» Вообще съ пріѣздомъ Филарета дѣла управленія сильно измѣнились, вездѣ стали вводить порядокъ и правду, и народъ Русскій отдохнулъ, какъ отъ прекращенія войнъ и опустошеній, такъ и отъ того, что послѣ переписи, подати стали собираться правильнѣе, слѣдовательно, съ меньшимъ отягощеніемъ, и судъ и управа противъ обидъ и притѣсненій стали доступнѣе; при строгости патріарха, любившаго правосудіе, сильнымъ уже трудно стало притѣснять слабыхъ.

Первые десять лѣтъ послѣ Деулинскаго перемирія прошли въ мирѣ и спокойствіи для Россіи, и ни въ Москвѣ, ни въ городахъ не было особыхъ несчастій; только въ 1626 и 1629 годахъ были два сильные пожары въ Москвѣ. Въ первый пожаръ, начавшійся въ преполовеньевъ день, выгорѣли въ Китаѣ-городѣ всѣ ряды и почти всѣ домы и церкви, а въ Кремлѣ сгорѣло нѣсколько церквей, государевъ и патріаршій дворы и всѣ

приказы, въ которыхъ погорѣло множество дѣлъ. Во второй же пожаръ, случившійся въ пятницу на свѣтлой недѣли, выгорѣли улицы отъ Пречистенской до Тверской, слободы за Бѣлымъ-городомъ, Занеглимье и Покровка, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Отъ этихъ пожаровъ Москва долго не могла оправиться; Занеглимье по прошествіи десяти лѣтъ, еще было пожарищемъ. Но пожары сіи не произвели никакого смятенія въ народѣ, государь и патріархъ заботились о призрѣніи погорѣвшихъ и все было спокойно.

Въ продолженіи мирнаго времени, царь Михаилъ Ѳедоровичъ успѣлъ два раза вступить въ бракъ, въ первый разъ съ княгинею Маріею Владиміровною Долгоруковой, въ 1625 году, которая, къ несчастію, скончалась черезъ 4 мѣсяца послѣ брака,—и во второй разъ съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою, въ 1626 году, отъ которой родился царевичъ Алексѣй Михайловичъ, въ 1629 году.

Между тѣмъ неудовольствія съ Польшею не прекращались и въ мирное время. Польскіе паны и пограничные державцы, во всѣхъ грамотахъ къ московскимъ пограничнымъ воеводамъ, Михаила Ѳедоровича не называли царемъ, и даже иногда давали ему названія оскорбительныя; а нѣкоторые державцы требовали, чтобы и московскіе бояре не называли его царемъ въ сношеніяхъ съ Поляками, и постоянно грозили высылкою самозванца, или говорили: Владиславъ еще не оставилъ своихъ правъ на московское государство и

не освободилъ Русскихъ отъ крестнаго цѣлованія. Пограничнымъ спорамъ и захватамъ земель со стороны Литовцевъ и Поляковъ не было счету. Изъ Москвы бояре нѣсколько разъ посылали съ жалобами къ разнымъ панамъ въ Польшу, но удовлетворенія никакого не было, и сами радные паны въ своихъ отвѣтныхъ грамотахъ писали съ укоризною, называли королевича Владислава царемъ московскимъ, а о Михаилѣ Ѳедоровичѣ писали безъ царскаго наименованья. Всѣ сіи неудовольствія увеличивались годъ отъ году, наконецъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ, послѣ напрасныхъ стараній покончить съ Поляками мирно, въ 1631 году началъ войну съ Польшею. Война началась счастливо, Русскіе отрядные воеводы взяли Серпейскъ, Дорогобужъ, Бѣлую, Рославль, и еще девятнадцать городовъ, а главная рать осадила Смоленскъ. Воеводы Шеинъ и Измайловъ, осаждавшіе Смоленскъ, такъ стѣснили его, что Поляки, отбиваясь цѣлые восемь мѣсяцевъ, готовы уже были сдать городъ. Но въ это время король Сигизмундъ умеръ, и въ короли выбранъ Владиславъ, который немедленно собралъ войско на выручку Смоленска, а Черкасамъ и Крымцамъ дозволилъ напасть на русскую Украйну. Ратные люди, стоявшіе подъ Смоленскомъ, услыхавши о нападеніи Крымцевъ на Украйну, разъѣхались отъ Смоленска для защиты своихъ помѣстій, и при такомъ разстройствѣ московскаго войска, осаждавшаго Смоленскъ, вдругъ прибылъ съ войскомъ Владиславъ,

и послѣ нѣсколькихъ битвъ обернулъ дѣло такъ, что Шеинъ съ войскомъ не только принужденъ былъ снять осаду Смоленска, но и самъ въ своемъ лагерѣ очутился въ осадѣ, и подписалъ договоръ, по которому ему дозволялось со всѣмъ войскомъ возвратиться въ Москву, оставивъ во власти Поляковъ станъ, пушки и всѣ запасы. Освободивши Смоленскъ, Владиславъ двинулся къ Бѣлой, надѣясь легко взять этотъ городъ; но тамошніе воеводы сдѣлали сильный отпоръ, и король послѣ двухъ неудачныхъ приступовъ, потерявши до 4,000 своего войска, принужденъ былъ отступить, и велѣлъ начать переговоры о вѣчномъ мирѣ. Послѣ нѣсколькихъ съѣздовъ на рѣчкѣ Поляновкѣ, русскіе и польскіе уполномоченные 5 іюня 1634 года заключили миръ, по которому Владиславъ отказался отъ царскаго титула и отъ притязаній на московскій престолъ, а Михаилъ уступилъ Полякамъ Сѣверу, Дорогобужъ и нѣкоторыя другія мѣста, пограничныя съ Литвою. Для окончательнаго утвержденія мира были отправлены въ Варшаву московскіе послы, которымъ, между прочимъ, было наказано требовать тѣла умершаго въ плѣну царя Василья Ивановича Шуйскаго, и даже дать за него выкупъ до десяти тысячь рублей. Король Владиславъ принялъ пословъ честно, утвердилъ миръ присягою и отпустилъ тѣла царя Василья Ивановича Шуйскаго, его брата и жены съ честію, не взявши и выкупа; но сенаторамъ и ближнимъ королевскимъ людямъ за этотъ

отпускъ дано соболей на 3,674 рубля. Когда тѣло Шуйскаго подвезли къ Москвѣ, то еще съ утра въ московскомъ кремлѣ начался благовѣстъ въ большой колоколъ, а народъ повалилъ къ Дорогомилову встрѣчать тѣло царя Василья. Отъ Дорогомилова до церкви Николы явленнаго тѣло несли дѣти боярскіе изъ городовъ, а за тѣломъ шелъ епископъ коломенскій Рафаилъ, игумены и протопопы, которые были назначены встрѣчать тѣло въ Вязьмѣ. У церкви Николы явленнаго встрѣчалъ Павелъ митрополитъ крутицкій, городское духовенство, многіе бояре въ траурномъ платьѣ, служилые люди, гости и купцы. У церкви Николы Зарайскаго встрѣчалъ патріархъ Іоасафъ съ освященнымъ соборомъ; тѣло внесли въ Кремль Расположенскими воротами и въ это время зазвонили во всѣ колокола; самъ государь встрѣчалъ у Успенскаго собора, за государемъ были бояре и всѣ думные люди въ траурномъ платьѣ; по внесеніи тѣла въ Архангельскій соборъ, тамъ пѣли большую панихиду, а на другой день было погребеніе.

Такъ кончились продолжительныя войны съ Польшею вѣчнымъ миромъ и возвращеніемъ въ Москву тѣла царя Василья Ивановича, и Россія успокоилась, но не надолго; въ 1637 году донскіе козаки вмѣстѣ съ запорожскими, въ числѣ 4,400 человѣкъ, взяли приступомъ турецкій городъ Азовъ и истребили всѣхъ тамошнихъ жителей. Турки три года медлили отмстить козакамъ, и

наконецъ въ 1641 году султанъ Ибрагимъ двинулъ подъ Азовъ огромное войско въ 240,000 человѣкъ съ сотнею орудій; козаковъ въ Азовѣ едва ли было 10,000 человѣкъ, но они встрѣтили Турокъ мужественно; и Турки послѣ 24-хъ неудачныхъ приступовъ должны были отступить, потерявъ 20,000 войска. Козаки, прогнавши Турокъ, отправили посольство въ Москву, чтобы царь принялъ Азовъ подъ россійскую державу и помогъ имъ защищаться отъ Турокъ. Царь принялъ козацкихъ пословъ ласково, послалъ на Донъ 5,000 рублей денегъ, и велѣлъ стоять крѣпко и неподвижно за вѣру христіанскую и надѣяться на царскую милость и жалованье; и вмѣстѣ съ козацкими послами отправилъ дворянина и подьячего досмотрѣть Азовъ, переписать и на чертежѣ начертить. Вслѣдъ за тѣмъ созвалъ въ Москвѣ земскій соборъ для разсужденія — брать ли Азовъ и поэтому начать войну съ Турками, или приказать козакамъ, чтобы они возвратили Азовъ султану. На соборѣ выборные не отказывались отъ войны съ Турками и находили нужнымъ удержать Азовъ; но въ то же время выставляли всѣ затрудненія для веденія войны. А посему азовское дѣло кончилось тѣмъ, что государь послалъ повелѣніе козакамъ очистить Азовъ, и козаки, исполнили царское повелѣніе, вышли изъ города, но напередъ обратили его въ груду камней. Такимъ образомъ царь отклонился отъ опасной и тяжелой войны съ Турками.

Азовское дѣло было послѣднимъ замѣчательнымъ событіемъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. 12-го іюня 1645 года государь, давно уже чувствовавшій болѣзнь, скончался въ день своихъ имянинъ, послѣ 32-хъ-лѣтняго царствованія, благословивъ на царство 16-ти-лѣтняго сына своего Алексѣя Михайловича. Въ трудное и безпокойное царствованіе Михаила Ѳедоровича, Россія принуждена была уступить Шведамъ и Полякамъ нѣсколько областей на западныхъ границахъ; но за то отстояла свою самостоятельность и независимость и окрѣпла прекращеніемъ внутреннихъ смятеній и раздоровъ, такъ что сосѣди рѣшительно были отстранены отъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, и европейскія и азіатскія государства спѣшили вступать въ связи съ московскимъ царемъ; кромѣ того Россія въ это время пріобрѣла огромныя земли въ Сибири, гдѣ Русскіе служилые и промышленные люди, подвигаясь быстро въ глубь страны, постепенно облагали ясакомъ тамошніе народцы одинъ за другимъ, строили остроги и заводили поселенія, и такимъ образомъ проникли до границъ Китая, и въ Сибири уже понадобилось устроить особую епархію съ своимъ архіереемъ.

Шестнадцати-лѣтній царь Алексѣй Михайловичъ, на другой же годъ своего царствованія, предписалъ важную государственную мѣру — новую народную перепись; по всѣмъ городамъ и уѣздамъ были посланы писцы, которые должны были опи-

сать подробно всѣ города и селенія, съ показаніемъ числа жителей и сколько за кѣмъ земли; мѣра эта была самая необходимая, ибо по смерти Михаила Ѳедоровича царская казна была очень бѣдна, а расходы требовались большія и сборъ податей былъ затруднителенъ и тягостенъ для плательщиковъ. Но и новая перепись не достигла желаемаго, т. е. народнаго облегченія въ податяхъ, и особенно были недовольны черные люди въ Москвѣ, гдѣ, при тягости податей, народъ еще терпѣлъ отъ корыстолюбивыхъ любимцевъ молодаго царя и неудовольствіе на нихъ, въ 1648 году, дошло до того, что 2-го іюня въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ. Чернь въ огромныхъ толпахъ собралась ко дворцу и просила государя выдать государева любимца боярина Морозова да его клевретовъ Леонтья Плещеева и Петра Траханіотова; и когда царь на это не согласился, то начали грабить боярскіе и другіе богатые дворы, и произвели страшный пожаръ, обратившій въ пепелъ большую часть Москвы, отъ Петровки до Пречистенки, чѣмъ мятежъ еще болѣе усилился; на другой день выданы Плещеевъ и Траханіотовъ, которые тутъ же и были убиты; Морозова же государь успѣлъ спасти, тайно выпроводивъ изъ Москвы. Тѣмъ и кончилось возмущеніе.

Черезъ мѣсяцъ послѣ бунта, девятнадцатилѣтній царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ и боярами, для успокоенія народа и для большаго устрой-

ства, собралъ земскій соборъ, на который въ Москву съѣхались выборные со всѣхъ значительныхъ городовъ. На этомъ соборѣ царь рѣшилъ собрать и пересмотрѣть всѣ бывшіе законы и въ какихъ случаяхъ понадобится, сочинить новые общимъ совѣтомъ; и такимъ образомъ составить общее уложеніе, которое и было поручено сдѣлать боярамъ, князьямъ Одоевскому и Прозоровскому, окольничему князю Волконскому и дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. Черезъ три мѣсяца Одоевскій съ товарищами представилъ вновь составленное уложеніе царю, который, по выслушаніи въ думѣ, велѣлъ его передать на прочтеніе и разсмотрѣніе земскому собору. Соборъ, прочитавши и разсмотрѣвши вновь составленное уложеніе, одобрилъ; и по указу государеву уложеніе сіе было подписано патріархомъ, боярами и всѣми выборными людьми, бывшими на соборѣ. Послѣ чего государь повелѣлъ утвержденное соборомъ уложеніе напечатать въ типографіи, и разослать по всѣмъ приказамъ и въ города, чтобы по этой книгѣ рѣшать всѣ судебныя дѣла и чтобы судъ и управа всѣмъ отъ великаго до малаго были равны и безобидны.

Между тѣмъ еще въ 1646 году, государю была подана общая челобитная отъ всѣхъ торговыхъ людей русскаго царства, въ которой торговые люди жаловались, что Англичане, обманомъ выхлопотавъ себѣ грамоту у покойнаго царя Михаила Ѳедоровича, захватили себѣ всѣ торги въ русскомъ царствѣ, и въ Архангельскѣ, и въ

Холмогорахъ, и въ Москвѣ, и въ Ярославлѣ, и въ иныхъ городахъ; построили себѣ дворы, и анбары, и погребы, и стали жить безъѣздно и торговать безпошлинно, и всѣ торги у русскихъ людей отбили; заговоромъ и скопомъ свои товары продаютъ дорого, а на русскіе товары ставятъ цѣну малую, и тѣмъ русскихъ торговыхъ людей въ конецъ разорили, и своимъ безпошлиннымъ торгомъ государевой казнѣ дѣлаютъ большой убытокъ. А въ прежнее время, при прежнихъ царяхъ, русскимъ торговымъ людямъ отъ иноземцевъ такого утѣсненья не было; торговали Англичане только въ Архангельскѣ и въ Москвѣ на одномъ дворѣ у Максима исповѣдника, а по городамъ не ѣздили и торгу у русскихъ людей не отнимали. И государю бы смиловаться, русскихъ торговыхъ людей защитить, и Англичанамъ и другимъ Нѣмцамъ повелѣть, чтобы торговали только въ корабельной пристани у города Архангельска, а по другимъ бы городамъ не ѣздили и торгу бы у русскихъ людей не отнимали. Снисходя на сіе челобитье русскихъ торговыхъ людей, государь, вслѣдъ за изданіемъ Уложенія, далъ указъ, чтобы Англичане, торгующіе въ Россіи, немедленно всѣ уѣхали домой, со всѣми своими товарами. А кто изъ нихъ хочетъ торговать впередъ, тѣ бы пріѣзжали для торгу только въ Архангельскъ и, исторговався, немедленно уѣзжали домой, а въ Москву и другіе города не ѣздили, и своихъ торговъ тамъ не заводили, а по торгамъ бы своимъ платили у

Архангельска торговыя пошлины, а безъ пошлинъ бы не торговали, и даже въ Архангельскѣ не жили.

Въ 1650 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, пришли въ Москву вѣсти, что въ Новгородѣ произошло возмущеніе. Бѣдный народъ, терпѣвшій въ продолженіи 1648 и 1649 годовъ страшный голодъ и дороговизну хлѣба, былъ возмущенъ однимъ посадскимъ человѣкомъ, по прозвищу Волкъ. Этотъ Волкъ сперва тайно увѣдомилъ Нѣмцевъ, торговавшихъ въ Новгородѣ, чтобы они скорѣе уѣзжали съ своими товарами, ибо народъ на нихъ злобится и хочетъ ограбить и предать смерти, какъ лазутчиковъ и друзей ненавистнаго боярина Морозова; испуганные Нѣмцы немедленно поклали свои товары на возы и пустились бѣжать изъ Новгорода; а Волкъ въ земской избѣ и на торгу сказалъ народу, что Нѣмцы, друзья Морозова, бѣгутъ изъ Новгорода съ большими деньгами, которыя далъ имъ Морозовъ, ограбивши бѣдныхъ людей, и что Нѣмцевъ надобно остановить и судить, какъ измѣнниковъ. Народъ бросился за Нѣмцами, нагналъ ихъ обозы и сталъ грабить и бить; а когда богатые купцы Новгородскіе, желая спасти Нѣмцевъ отъ смерти, успѣли засадить ихъ въ тюрьму за крѣпкую стражу, то возмущенный народъ бросился грабить домы купцовъ. Тщетно воевода князь Хилковъ посылалъ дьяковъ и стрѣлецкихъ головъ уговаривать мятежниковъ: уговоровъ никто не слушалъ; черные люди, и вое-

воду подозрѣвая въ измѣнѣ и соединясь съ стрѣльцами и козаками, недовольными своимъ начальствомъ, бросились на воеводскій дворъ; воевода успѣлъ убѣжать въ домъ къ митрополиту Никону. Бунтовщики, узнавши объ этомъ, ударили въ набатъ и пошли къ митрополичьему двору и стали бить митрополичьихъ служителей, требуя, чтобы выдали имъ воеводу. Митрополитъ, скрывши воеводу, вышелъ самъ увѣщевать мятежниковъ, но раздраженная толпа не слушая увѣщаній, кинулась на самаго митрополита съ дубьемъ и каменьями и такъ его избила, что онъ упалъ замертво. Мятежники, почитая митрополита убитымъ, ужаснулись и разбѣжались по домамъ, и митрополичьи служки отнесли бездыханнаго Никона въ келью. Тамъ, пришедши въ память, избитый и окровавленный Никонъ, немедленно созвалъ духовенство, исповѣдался и причастился, и такимъ образомъ приготовившись къ смерти, велѣлъ везти себя на саняхъ къ земской и таможенной избамъ, гдѣ находились мятежники. Кровь текла у него изо рта, изъ ушей, и онъ едва сидѣлъ въ саняхъ, но подъѣхавши къ мятежникамъ, онъ приказалъ поднять себя и, собравшись съ силами, повелъ такую рѣчь: «Дѣти мои духовные! я всегда проповѣдовалъ вамъ правду безъ страха, и теперь готовъ умереть, убейте меня, ежели я виноватъ въ какой неправдѣ передъ государемъ и отечествомъ; но, какъ пастырь, пришелъ спасти васъ отъ духа вражды и мятежа, и прошу васъ перестаньте мятежничать и будьте

покорны властямъ, поставленнымъ отъ государя по волѣ Божіей.» Мятежники, пораженные мученическимъ видомъ митрополита и кроткою его рѣчью, и вспоминая его прежнія благодѣянія къ народу, которыя онъ дѣлалъ во время голода, устыдились и разошлись. А Никонъ отъ земской избы прямо поѣхалъ въ соборную церковь св. Софіи и предъ многочисленнымъ народомъ — заводчиковъ мятежа предалъ анаѳемѣ.

Но возмущеніе тѣмъ еще не кончилось; мятежники, прикрывая себя, составили просьбу къ царю, будто бы отъ всего Новгорода, а между тѣмъ выбрали себѣ въ воеводы митрополичьяго дворецкаго Ивана Жеглова, сидѣвшаго въ то время въ тюрьмѣ за свои преступленія, и по всѣмъ дорогамъ поставили караулы, чтобы не пропускать вѣстей изъ Новгорода въ Москву, и замышляли уже поддаться шведскому или польскому королямъ. Но митрополичій посланецъ успѣлъ тайно пробраться въ Москву, и принесть государю подробное донесеніе и ходатайство митрополита за несчастныхъ простолюдиновъ, возмущенныхъ и обманутыхъ злыми людьми. Царь Алексѣй Михайловичъ по сему доношенію немедленно отправилъ въ Новгородъ князя Хованскаго съ достаточнымъ войскомъ, и тутъ же послалъ въ земскую избу свою грамоту, чтобы Новгородцы просили милости у митрополита и выдали главныхъ мятежниковъ; а также написалъ другую грамоту къ митрополиту, въ которой называлъ Никона новымъ

страстотерпцемъ и мученикомъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ народъ нѣсколько успокоился, и толпами стали ходить къ митрополиту и просить, чтобы онъ ходатайствовалъ о царской милости. Когда же пришли царскія грамоты, то митрополитъ вышелъ къ народу, три часа бесѣдовалъ отъ священныхъ книгъ, и въ такое всѣхъ привелъ чувство, что всѣ со слезами разскаялись и выдали митрополиту 300 человѣкъ заводчиковъ, которыхъ и велѣно посадить въ тюрьму до прихода князя Хованскаго. Хованскій, пришедши въ Новгородъ и разобравши дѣло, присудилъ Волку отрубить голову, Жеглова съ десятью товарищами, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь; изъ прочихъ же, бывшихъ въ тюрьмѣ, иныхъ наказали слегка, а другихъ отпустили вовсе безъ наказанія, и въ Новгородѣ стало все тихо и покорно.

Въ одно почти время съ Новгородомъ вспыхнулъ бунтъ и во Псковѣ. Тамъ народъ возсталъ противъ купца Ѳедора Емельянова, который закупалъ хлѣбъ для Швеціи и поэтому поднялъ цѣну къ явному отягощенію бѣдныхъ людей. Но во Псковѣ не было Никона и не кому было уладить мирно; посланы были судьи изъ Москвы, но и тѣ не разсудили. Когда-же прошелъ слухъ, что изъ Новгорода идетъ князь Хованскій съ ратными людьми, то Псковичи заперли свой городъ, вооружились и стали воевать по уѣздамъ и отбивать запасы, шедшіе къ войску Хованскаго, а потомъ начали побивать и ратныхъ людей. Узнавши объ этомъ, царь назначилъ

походъ новымъ войскамъ къ Пскову, а между тѣмъ послалъ къ Псковичамъ увѣщательныя грамоты отъ себя и отъ патріарха чрезъ почтенныхъ духовныхъ лицъ. Грамоты сіи подѣйствовали на Псковичей, они смирились, раскаялись въ своемъ заблужденіи и выдали главныхъ мятежниковъ Хованскому; тѣмъ бунтъ и кончился, и государь простилъ Псковичей, и смѣнилъ воеводу Собакина.

Между тѣмъ съ Польшею хотя не было войны, но Поляки постоянно оскорбляли царя въ своихъ грамотахъ, и печатали у себя ругательныя книги на покойнаго царя Михаила Ѳедоровича, патріарха Филарета и весь царскій домъ и бояръ. Царь Алексѣй Михайловичъ нѣсколько разъ посылалъ въ Польшу своихъ гонцовъ и посланниковъ, требуя удовлетворенія; но Поляки только смѣялись надъ симъ и не исполняли московскихъ требованій, а потомъ стали дѣлать грабежи и опустошенія въ пограничныхъ русскихъ областяхъ. Въ то же время они страшно тѣснили Малороссіянъ, состоявшихъ въ ихъ подданствѣ; принуждали ихъ оставить православную христіанскую вѣру и перейти въ латинство; отдали всѣ православныя церкви въ Кіевѣ и другихъ тамошнихъ городахъ на откупъ жидамъ, которые держали у себя ключи отъ церквей и за всякую христіанскую требу брали съ православныхъ Малороссіянъ большія деньги. А польскія войска, разставленныя въ Малороссіи, производили страшные грабежи и разоренія бѣднымъ людямъ. Обманомъ взяли малорос-

сійскаго гетмана Остряницу въ Варшаву и тамъ его колесовали вмѣстѣ съ другими начальниками малороссійскими; иныхъ сажали на колъ, другихъ, прибивши гвоздями къ доскамъ, жгли на медленномъ огнѣ; потомъ въ самой Малороссіи производили неописанныя лютости: варили живыхъ въ котлахъ, жгли дѣтей на угольяхъ передъ глазами родителей. Наконецъ Малороссіяне, въ 1647 году, подъ предводительствомъ своего знаменитаго гетмана Богдана Хмельницкаго, вооружились противъ Поляковъ, выгнали ихъ изъ Малороссіи и разбили въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Но Хмельницкій, не надѣясь совсѣмъ отдѣлаться отъ Поляковъ одними малороссійскими силами, въ 1652 году обратился къ царю Алексѣю михайловичу и прислалъ съ своимъ посланцомъ Искрою письмо, въ которомъ писалъ, что онъ Хмельницкій и все Запорожское войско и народъ малороссійскій предаются въ милость царскаго величества, государя православнаго. Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ посланца съ честію и обѣщалъ защищать Малороссіянъ; впрочемъ, не желая войны съ Польшею, онъ отправилъ посла въ Польшу и требовалъ, чтобы Поляки прекратили свои гоненія на Малороссіянъ, чтобы не разоряли ихъ и не нудили перемѣнять вѣру; но Поляки не уважили ходатайства царя и опредѣлили побить всѣхъ православныхъ.

Тогда царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ въ 1654 году земскій соборъ, представилъ собору всѣ неправды Поляковъ и ихъ притѣсненія право-

славныхъ Малороссіянъ; соборъ, выслушавъ это, единогласно отвѣтствовалъ царю, что всѣ готовы воевать съ Поляками и защищать православныхъ Малороссіянъ. Государь, получивъ такой отвѣтъ отъ земскаго собора, приказалъ боярину Василью Васильевичу Бутурлину съ товарищами ѣхать къ Хмельницкому немедленно и всю Малороссію, по ея желанію, привесть къ присягѣ, а войскамъ повелѣлъ сбираться къ походу въ Литву и Польшу. Соборъ, на которомъ была рѣшена война съ Польшею, происходилъ 1-го октября 1653 года, а въ декабрѣ мѣсяцѣ передовые полки уже были отправлены подъ начальствомъ князей Куракина и Волконскаго для обереганія Кіева; потомъ въ началѣ 1654 года и другіе полки потянулись къ литовскимъ границамъ. 10-го мая царь, сдѣлавъ смотръ на Дѣвичьемъ полѣ полкамъ, собраннымъ въ Москвѣ, отпустилъ ихъ въ походъ; наконецъ 18 мая и самъ двинулся изъ Москвы. Первымъ дѣйствіемъ царскихъ войскъ въ непріятельской землѣ было взятіе Дорогобужа, потомъ взяты Невель и Бѣлая, а самъ государь приступилъ къ Смоленску; осада продолжалась слишкомъ два мѣсяца и кончилась тѣмъ, что Поляки, тамъ сидѣвшіе, сдали Смоленскъ. А между тѣмъ московскіе полки быстро шли впередъ по Литовской землѣ, разбили въ двухъ большихъ сраженіяхъ литовскаго гетмана князя Радзивила, взяли Оршу, Усвятъ и другіе города. Послѣ взятія Смоленска, походъ продолжался еще два мѣсяца и съ одной стороны

московскіе воеводы дошли до Витебска и взяли его приступомъ, а съ другой стороны посланный отъ Хмельницкаго наказный гетманъ Золотаренко и бывшіе въ той же сторонѣ московскіе воеводы взяли Могилевъ, Чечерскъ, Новый Быховъ и Пропойскъ. Наконецъ зима прекратила военныя дѣйствія и царь приказавъ воеводамъ держаться въ занятыхъ мѣстахъ и готовиться къ новому походу на весну, возвратился въ Москву. На весну слѣдующаго года снова начались военныя дѣйствія съ двухъ сторонъ, какъ и въ прошедшемъ году. Съ одной стороны московскіе воеводы взяли Вильну, Гродно и Ковно; съ другой стороны гетманъ Хмѣльницкій съ бояриномъ Батурлинымъ взяли Люблинъ и пожгли всѣ польскія селенія до Вислы. Тѣмъ и кончилась война съ Поляками, въ продолженіе которой Русскіе и Малороссіяне взяли до 200 городовъ и разбили Поляковъ и Литовцевъ въ нѣсколькихъ большихъ битвахъ; Русское и Малороссійское войско постоянно дѣйствовали съ такою храбростію и силою, что Поляки нигдѣ не могли противостоять имъ. Когда государь возвратился въ Москву, то тамъ уже ожидали его послы отъ нѣмецкаго императора съ просьбою, чтобы государь пощадилъ Польшу и заключилъ съ нею миръ. По ходатайству сихъ пословъ царь согласился заключить съ Польшею перемиріе и назначилъ съѣздъ для преговоровъ о мирѣ.

Между тѣмъ императорскіе нѣмецкіе послы, помогая Полякамъ, успѣли поссорить царя Алексѣя

Михайловича съ Шведами; и онъ, по заключеніи перемирія съ Поляками, двинулъ войска и вмѣстѣ съ ними самъ отправился къ Ригѣ, взялъ города Динабургъ и Кокенгаузенъ со многими незначительными мѣстами и осадилъ Ригу. Но осада была неудачна: осажденные сдѣлали вылазку и сильно побили нѣкоторые русскіе полки; между тѣмъ началась ненастная осень и прошелъ слухъ, что самъ шведскій король идетъ на помощь своимъ, и посему русское войско отступило отъ Риги, но за то успѣло взять Дерптъ, другой важный городъ въ той сторонѣ. А на другой годъ Шведы, оправившись, стали тѣснить Русскихъ въ Лифляндіи, и царь, по начавшимся неустройствамъ въ Малороссіи по смерти Хмельницкаго, поспѣшилъ заключить съ Шведами перемиріе въ Нарвѣ, а въ послѣдствіи заключилъ и миръ въ Кардисѣ, по которому Русскіе возвратили Шведамъ всѣ города, занятые во время войны, и остались при старыхъ границахъ.

Въ то время, какъ тянулась война со Шведами, въ августѣ 1657 года скончался знаменитый малороссійскій гетманъ Богданъ Хмельницкій и на его мѣсто Запорожскіе козаки избрали сына его Юрія. Этотъ новый гетманъ, еще молодой человѣкъ, былъ слабаго характера. Онъ, по совѣту генеральнаго писаря Ивана Виговскаго, вступилъ тайно въ сношеніе съ Поляками и условился, что Малороссія отступитъ отъ московскаго царя и соединиться съ Польшею, и на этомъ условіи на-

писалъ уже договоръ. Но когда этотъ договоръ онъ объявилъ Малороссіянамъ, то всѣ возстали на него, лишили гетманства и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Запорожскую сѣчь и скрываться тамъ. Между тѣмъ Виговскій, научившій Юрія передаться на сторону Поляковъ, самъ отправилъ гонца въ Москву съ донесеніемъ о злыхъ замыслахъ Хмельницкаго. Царь послалъ въ Малороссію для разбора дѣла боярина Хитрова, который, будучи обманутъ Виговскимъ, передалъ гетманство Виговскому и объявилъ бывшимъ на лицо начальникамъ и козакамъ, чтобы они признали его гетманомъ, устроеннымъ по волѣ и милости царской, и чтобы повиновались ему. Но Малороссіяне были недовольны такимъ нарушеніемъ ихъ правъ, относительно выбора гетмановъ, и не хотѣли повиноваться Виговскому. Особенно возсталъ противъ него полковникъ Пушкаренко, къ которому пристали всѣ недовольные. Этотъ Пушкаренко успѣлъ увѣдомить царя о неправдахъ Виговскаго и о его замыслахъ передаться къ Полякамъ. Донесеніе Пушкаренка вполнѣ оправдалось: Виговскій дѣйствительно вступилъ въ переговоры съ Поляками и привелъ въ Малороссію нѣсколько польскихъ войскъ, съ которыми напалъ на московскаго военачальника, князя Трубецкаго, и разбилъ его подъ Конотопомъ. Царь, узнавши объ этомъ, двинулъ въ Малороссію новую рать, подъ начальствомъ князя Ромодановскаго. Послѣ чего Виговскій явно началъ войну, которая продолжалась два года съ

перемѣннымъ счастіемъ. Поляки, нарушивъ перемиріе, приняли дѣятельное участіе въ этой войнѣ и послали одно войско къ Вильнѣ, а другое на помощь Виговскому. Крымскіе Татары также были приглашены Виговскимъ, и производили большое опустошеніе. Наконецъ Виговскій, нѣсколько разъ разбитый московскими воеводами и оставленный Малороссіянами, бѣжалъ въ Польшу; и Малороссіяне опять выбрали въ гетманы Юрія Хмельницкаго. Въ Литвѣ между Вильною и Гродно князь Хованскій разбилъ и взялъ въ плѣнъ литовскаго гетмана Гонсѣвскаго, и такимъ образомъ возвратилъ Вильно, Гродно и другіе тамошніе города, отнятые Поляками. Послѣ чего всю зиму не было военныхъ дѣйствій; но на весну 1660 года дѣла приняли другой оборотъ для царскаго войска: гетманъ Литовскій Сапега разбилъ Хованскаго съ одной стороны, а съ другой стороны гетманы Польскіе — Потоцкій и Любомирскій, вмѣстѣ съ Крымскими Татарами и Юріемъ Хмельницкимъ, передавшимся къ Польшѣ, разбили боярина Шереметева и взяли въ плѣнъ со всѣмъ войскомъ, при чемъ самъ Шереметевъ достался Татарамъ и отвезенъ ими въ Крымъ. Юрій Хмельницкій послѣ побѣды надъ Шереметевымъ, осадилъ Чигиринъ; но здѣсь разбитый княземъ Ромодановскимъ и наказнымъ гетманомъ Сомкомъ, потянулся къ Каневу для соединенія съ Поляками. Соединившись съ ними, онъ обратился къ Переяславлю и осадилъ Сомка; но Ромодановскій, пришедшій на вы-

ручку Сомка, принудилъ Хмельницкаго отступить, и преслѣдуя разбилъ его на голову подъ Кане дымъ; послѣ чего Хмельницкій бѣжалъ тайно въ Лубенскій монастырь, гдѣ и постригся въ монахи.

Послѣ постриженія Хмельницкаго, безпорядки въ Малороссіи не прекратились, Малороссіяне раздѣлились на двѣ стороны: одна сторона, жившая на лѣвомъ берегу Днѣпра, избрала въ гетманы Ивана Брюховецкаго и держалась Московскаго государства, а другая сторона выбрала гетманомъ Дорошенка и передалась Польшѣ. А посему война съ Польшею продолжалась еще пять лѣтъ. Наконецъ въ 1667 году было заключено въ Андрусовѣ перемиріе на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. По этому перемирію уступлены Россіи: Смоленскъ, Сѣверскій край, Черниговъ, Заднѣпровская Малороссія и Кіевъ; Польша же получила обратно всѣ Литовскія владѣнія, завоеванные царемъ въ продолженіе войны.

Къ внутреннимъ безпорядкамъ, порожденнымъ продолжительными войнами, принадлежали и злоупотребленія иноземныхъ купцовъ. Злоупотребленія сіи наконецъ вызвали общее челобитье къ царю отъ всѣхъ торговыхъ людей. Въ челобитьѣ семъ они писали: «которые происходили въ московскомъ государствѣ и Великія Россіи въ порубежныхъ городѣхъ помешною продолжительныя войны и того ради пріѣзжіе иноземцы учали безстрашно товары худые, поддѣльные какъ въ серебрѣ и въ золотѣ, въ литомъ и пряденомъ, такъ

и въ поставахъ сукнахъ и въ иныхъ заморскихъ товарахъ въ Москву и въ иные русскіе города привозить, и русскимъ торговымъ людямъ въ заповѣдехъ и въ промытѣхъ многіе убытки и домовыя раззоренья учинились.» По этому челобитью царь Алексѣй Михайловичъ въ 1667 году повелѣлъ написать статьи, въ которыхъ бы было изложено, какимъ порядкомъ русскіе люди должны торговать съ иноземцами, чтобы иноземцы ихъ въ торгахъ не обижали. Статьи сіи были сочинены торговыми людьми и за руками гостей и лучшихъ торговыхъ людей, и за руками духовныхъ отцовъ вмѣсто чернослободскихъ торговыхъ людей представляли государю, который, утвердя ихъ, повелѣлъ подлинныя статьи передать въ новгородскую четверть, завѣдывавшую таможенными сборами по торговлѣ, а списки съ статей разослать по порубежнымъ городамъ и въ Архангельскъ для руководства. Въ статьяхъ сихъ положено, чтобы, для обороны русскихъ торговыхъ людей и для правильнаго сбора таможенныхъ пошлинъ, торговые люди выбирали по очереди изъ гостей и изъ лучшихъ торговыхъ людей, выборныхъ головъ и цѣловальниковъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ порубежныхъ городахъ, а выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ за ихъ службу давать вспоможенье изъ московской таможни и изъ земскихъ избъ по городамъ. Выборные головы и цѣловальники должны смотрѣть накрѣпко, чтобы никто изъ другихъ головъ мимо торговыхъ людей съ ино-

земцами торга и подрядовъ не чинили, а свои товары прикладывали къ русскимъ торговымъ людямъ, къ высокой цѣнѣ и къ добрымъ прибылямъ, также и торговые маломочные люди у гостей и изъ лучшихъ людей, чтобы были въ береженьѣ, чѣмъ имъ торгами завестись межъ русскими людьми складомъ, компаніею, къ большимъ товарамъ, а собою врознь въ продажѣ иноземцамъ цѣны не портили и въ подрядъ денегъ у иноземцевъ не брали. А въ Архангельскѣ и въ другихъ порубежныхъ городахъ, гдѣ идетъ торгъ съ иноземцами, воеводы выборныхъ головъ и ихъ товарищей ни въ чемъ въ торговыхъ дѣлахъ не вѣдали, а всякая полная расправа въ торговыхъ дѣлахъ русскимъ людямъ и иноземцамъ чтобы чинилась въ таможнѣ выборными головами и ихъ товарищами. И смотрѣть накрѣпко, чтобы иноземцы пріѣзжимъ торговымъ людямъ товаровъ своихъ не продавали и у нихъ ничего не покупали, а продавали бъ въ тѣхъ городахъ купецкимъ людямъ того города, въ коихъ они станутъ торговать, и покупали бы всякіе товары только у нихъ, а не у пріѣзжихъ, и подрядовъ бы и записей иноземцы съ пріѣзжими людьми никакихъ не чинили; и тѣмъ бы у московскихъ и городовыхъ купецкихъ людей промысловъ не отымали. А будетъ иноземцы товары свои мимо мѣстныхъ купцовъ будутъ продавать пріѣзжимъ людямъ, или у нихъ покупать, хотя и сваломъ, и тѣ товары писать въ государеву казну.

Въ томъ же году царь Алексѣй Михайловичъ для большей помощи русскимъ торговымъ людямъ заключилъ вѣчный договоръ съ Армянскою торговою компаніею, по которому договору армянскіе купцы обязались привозить въ Россію шелкъ и другіе персидскіе товары, и торговать ими въ Астрахани, Москвѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ и Архангельскѣ; и только въ случаѣ неразпродажи сихъ товаровъ русскимъ купцамъ, дозволялось Армянамъ отпускать свои товары за границу. Для торговыхъ же и дружественныхъ сношеній государь, въ томъ же году, отправилъ свое посольство въ Испанію и Францію.

Въ то время какъ въ Москвѣ царь заботился объ улучшеніи русской торговли, и только что раздѣлался съ мѣдными деньгами, надѣлавшими столько безпорядковъ и затрудненій, на Дону между козаками затѣвалась сильная сумятица. Донскіе козаки вообще были народъ безпокойный, между ними всегда можно было найти бездомныхъ голышей, готовыхъ пограбить и повоевать съ сосѣдями, а коли нельзя съ сосѣдями, то и съ своими. Особенно таковыхъ охотниковъ до чужаго добра много бываетъ во время дороговизны хлѣба и вскорѣ послѣ какой нибудь продолжительной войны. То и другое какъ разъ случилось въ 1667 году, когда козаки, въ слѣдствіе Андрусовскаго перемирія съ Польшею, остались безъ дѣла, и когда переворотъ въ цѣнахъ, по случаю уничтоженія мѣдныхъ денегъ отозвался и

на Дону дороговизною хлѣба, ибо къ козакамъ хлѣбъ преимущественно шелъ изъ московскаго края. Одинъ донской козакъ Зимовейской станицы Стенька Разинъ съ братомъ своимъ Фролкомъ еще зимою 1667 года началъ прибирать шайку удальцовъ, чтобы идти на Азовское море пограбить; но старшины войсковые, не желая нарушить мира съ Крымцами, не совѣтовали Разину пускаться въ Азовское или Черное море. И Разинъ воротился съ похода и потянулъ вверхъ Дономъ, къ Паншину городку, разоряя прибрежныя села и деревни. Въ Москву объ этомъ дано было извѣстіе отъ царицынскаго воеводы и отъ войсковаго атамана; но тамъ не обратили на это особеннаго вниманія, какъ на обычное дѣло между козаками, только велѣли быть осторожнѣе.

Мѣжду тѣмъ Стенька Разинъ присталъ къ Паншину городку съ 800 козаковъ, съ четырьмя большими черноморскими стругами и множествомъ мелкихъ судовъ, и взялъ насильно въ городѣ оружіе, порохъ, свинецъ, телѣжныя колеса и деготь, и поручилъ городовому атаману извѣстить царицинскаго воеводу, чтобы онъ не посылалъ противъ него стрѣльцовъ; иначе онъ перебьетъ ихъ всѣхъ, а городъ велитъ сжечь. Прошедъ Паншинъ, Разинъ на нѣсколько времени остановился между рѣчекъ Тишины и Ловли, поджидая, пока соберутся къ нему охотники изъ разныхъ козачьихъ городковъ; а когда охотники собрались, то переволокся на Волгу и началъ грабить шедшія по

Волгѣ торговыя суда съ товарами; его козаки начальныхъ людей на судахъ вѣшали, или отрубивъ руки отпускали, а черныхъ людей побрали съ собою силою, а другіе переходили къ нимъ добровольно. Таковые поступки козаковъ навели ужасъ на окрестныхъ жителей; и Разинъ безпрепятственно прошелъ мимо Царицына и Чернаго Яра, направляясь къ Астрахани; но, не доходя до этого города, свернулъ въ Волгскій протокъ Бузунъ и вышелъ незамѣченный въ Каспійское море, въ началѣ іюня мѣсяца. Каспійскимъ моремъ Разинъ пустился къ Яицкому городку, разбилъ высланныхъ противъ него стрѣльцовъ и взялъ городъ обманомъ. Занявши Яицкій городокъ, онъ грабилъ окрестныхъ кочевниковъ и моремъ доходилъ до устья Терека и ограбилъ нѣсколько селеній; у него уже собралось до 1600 козаковъ, а къ веснѣ онъ ждалъ новыхъ охотниковъ съ Дона. Между тѣмъ астраханскій воевода, князь Хилковъ не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ и даже не посылалъ вѣстей въ Москву. Въ Москвѣ уже стороной узнали чрезъ царицинскаго воеводу о походахъ Разина, и послали въ Астрахань новаго воеводу князя Прозоровскаго, и съ нимъ ратныхъ людей, пушки, гранаты и другіе военные припасы. Съ тѣмъ вмѣстѣ царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ испытать мѣры кротости, обѣщая Разину простить его вины, только бы отсталъ отъ воровства, и для сей цѣли послана была къ нему милостивая

царская грамота. Но грамота не имѣла никакого успѣха, Разинъ не обѣщалъ и не отказывалъ изъявить раскаянія, и протягивалъ только время до зимы; а когда прошла зима, то съ первымъ открытіемъ весны, опять пустился въ море на 24 стругахъ съ пушками и военными снарядами. Въ морѣ съ нимъ соединился другой предводитель разбойниковъ, пришедшій съ Дона, Сережка Кривой; они, миновавъ Астрахань, пустились къ персидскимъ берегамъ, имѣя уже сорокъ вооруженныхъ струговъ и 2,000 козаковъ. Первое нападеніе они сдѣлали на Дербентъ, Баку и Шемаху; и ограбивъ нѣсколько тамошнихъ деревень, пошли къ Гиляни; тамъ они причалили къ берегу и, высадивши значительный отрядъ, разграбили городъ Решъ и перебили всѣхъ тамошнихъ жителей. Отъ Реша козаки никѣмъ незамѣченные прошли 70 верстъ моремъ и высадились близь Ферабата и вошли въ городъ подъ видомъ купцовъ, которые хотятъ продать свои товары и купить новые. Они дѣйствительно пять дней торговали и продавали все такъ дешево, что Персіяне очень охотно у нихъ покупали; но на шестой день, когда по прежнему продолжался торгъ, Разинъ, ходя по площади, поправилъ шапку. Это былъ условный знакъ, по которому козаки бросились на жителей, перерѣзали всѣхъ, кто не успѣлъ скрыться, и разграбивъ городъ, отплыли въ море; потомъ укрѣпились на одной песчаной косѣ и остались тамъ зимовать, а на весну пустились грабить трухмен-

скія поселенія. Наконецъ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ Персіяне, собравшись съ силами, напали на козаковъ, бились отчаянно, но были разбиты и бѣжали. Однако побѣда эта дорого стоила и козакамъ; они, послѣ трудной зимовки и послѣ битвы съ Персіянами уже не досчитывались у себя 500 человѣкъ молодцовъ, между тѣмъ Персіяне снова вооружались,—и Разинъ почелъ за лучшее возвратиться съ награбленною добычею на Донъ.

Пока Разинъ грабилъ персидскіе города, въ Астрахани воевода князь Прозоровскій собралъ значительное войско; и когда Разинъ въ августѣ мѣсяцѣ 1669 года появился въ устьяхъ Волги, то Прозоровскій выслалъ противъ него князя Львова съ 3,000 стрѣльцовъ на 50 стругахъ, и послалъ съ нимъ присланную вновь изъ Москвы милостивую царскую грамоту къ Разину, чтобы онъ отсталъ отъ воровства. Разинъ, видя сильное царское войско, и зная какъ изнурены козаки, изъявилъ покорность царской волѣ, и чрезъ выборныхъ козаковъ сказалъ Львову: «Великій государь ихъ пожаловалъ, вины имъ отпустилъ, и потому они просятъ, чтобъ позволили имъ со всѣми пожитками идти на Донъ, а они готовы служить государю, гдѣ ему угодно, а пушки и плѣнныхъ служилыхъ людей сдадутъ воеводамъ въ Астрахани. Августа 22 князь Львовъ пришелъ въ Астрахань и за нимъ козаки въ 22 стругахъ. Разинъ съ своими козаками пробылъ въ Астрахани 13 дней, и въ продолженіе этого времени, прихо-

дя въ городъ, сыпалъ деньгами; его казаки за безцѣнокъ продавали товары, являлись въ дорогихъ одеждахъ и волновали народъ, а въ своемъ станѣ пировали съ атаманомъ, который былъ постоянно пьянъ. Наконецъ 4-го сентября козаки были отпущены изъ Астрахани вверхъ Волгою до Царицина, и съ ними былъ посланъ въ приставахъ жилецъ Леонтій Плоховъ съ 50 стрѣльцами, провожать ихъ до Царицына, чтобы козаки, идучи Волгою, дурна какого не учинили. Лишь только Разинъ вышелъ изъ Астрахани, какъ разные астраханскіе люди побѣжали для соединенія съ нимъ, и по дорогѣ также бѣжали къ нему изъ разныхъ стрѣлецкихъ приказовъ, многіе стрѣльцы, оставляя своихъ головъ. Разинъ, прибывши въ Царицинъ, прожилъ тамъ пять дней, разграбилъ проходившія мимо Царицына суда, и едва не убилъ тамошняго воеводу. Изъ Царицына Разинъ перебрался на Донъ, и тѣмъ кончились, по видимому, всѣ его затѣи; но на дѣлѣ они только приготовлялись. Ежели прежнему безпріютному бѣдняку Разину удалось поднять за собою столько народа и надѣлать такихъ безпорядковъ, то теперешнему богачу Разину, окруженному преданными ему козаками, конечно, можно уже было затѣять, что либо и побольше.

Дѣйствительно Разинъ, возвратившись на Донъ, не распустилъ своихъ товарищей, и чтобъ они не разошлись, поселился не въ городѣ, а на острову близъ Качальника, и подѣлалъ тамъ землянки,

вывезъ изъ Черкаска свою жену и брата, укрѣпилъ островъ, и началъ принимать всѣхъ, кто бы не явился, снабжалъ оружіемъ и деньгами. Бродяги, козаки называли его отцомъ и бѣжали къ нему съ Дона, Хопра и Запорожья. Онъ останавливалъ суда, шедшія по Дону, и заставлялъ торговать въ своемъ городкѣ: у него къ ноябрю мѣсяцу уже набралось 2,000 сорванцевъ, а зимою шайка его увеличилась болѣе нежели вдвое. Когда въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ царскій посланецъ Евдокимовъ съ царскими грамотами къ донскому войсковому начальству въ Черкаскъ, то и Разинъ явился туда съ своими товарищами и пришедши въ кругъ, велѣлъ своимъ козакамъ убить Евдокимова и бросить въ Донъ; и войсковое начальство, боясь его, не могло воспрепятствовать ему силою, хотя и уговаривало не трогать царскаго посланца. Пробывъ въ Черкаскѣ нѣсколько времени и умноживъ еще болѣе свою шайку, Разинъ пустился въ верхъ по Дону, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, переволокшись въ Волгу съ шайкою въ 7,000 человѣкъ, взялъ Царицынъ безъ боя, Царицинскіе жители и стрѣльцы сами передались къ нему, а воеводу козаки утопили. Въ слѣдъ затѣмъ козаки захватили огромный караванъ съ товарами, хлѣбомъ и воинскими запасами, шедшій по Волгѣ мимо Царицына; а въ іюнѣ мѣсяцѣ разбили и уничтожили отрядъ стрѣльцовъ, шедшихъ изъ Москвы и нечаянно наткнувшійся на Царицынъ, не зная, что въ немъ уже сидѣлъ Разинъ съ козаками.

Усиливши свою шайку въ Царицынѣ пришлыми козаками и разными измѣнниками, Разинъ двинулся къ Астрахани, взялъ по дорогѣ Черный Яръ, гдѣ стрѣльцы и другіе служилые люди измѣнили государю и поступили въ шайку Разина; посланныя княземъ Прозоровскимъ войска изъ Астрахани также большею частью передались козакамъ съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ ними идти на Астрахань, побить тамошнихъ воеводъ, приказныхъ людей и богатыхъ гражданъ; они увѣрили Разина, что черные люди въ Астрахани примутъ его сторону и сдадутъ городъ. Дѣйствительно, лишь пришли вѣсти о приближеніи козаковъ, то народъ въ Астрахани началъ волноваться. Тщетно князь Прозоровскій старался утишить волненіе и готовился къ битвѣ; волненіе народа не унималось, а когда Разинъ подступилъ къ городу и козаки полѣзли на стѣны, то многіе стрѣльцы не только не стрѣляли въ нихъ, но еще помогали козакамъ. Прозоровскій съ начальными людьми и нѣкоторыми преданными стрѣльцами пытались еще защищаться; но все было напрасно: козаки, поддерживаемые астраханскими же измѣнниками, заняли городъ, и Разинъ приказалъ израненаго Прозоровскаго бросить съ раскату на копья и всѣхъ начальныхъ людей изрубить. По городу только и слышны были крики козаковъ и астраханской черни, убивавшихъ и грабившихъ все и всѣхъ. Утвердившись въ городѣ, Разинъ захватилъ казну въ приказной избѣ и ограбилъ домы воеводъ, служилыхъ людей, гостин-

ные дворы русскій, индѣйскій, гилянской и бухарской, не пощадилъ и самыхъ храмовъ; а козаки его буйствовали и ежедневно производили убійства.

Наконецъ, оставивши въ Астрахани отрядъ козаковъ подъ начальствомъ своихъ эсауловъ Васьки Уса и Ѳедьки Шалудяка, Разинъ пошелъ верхъ по Волгѣ къ Саратову и Самарѣ, распуская слухи, что онъ идетъ противъ бояръ измѣнниковъ, которые держатъ царя въ неволѣ, что съ нимъ идутъ въ стругахъ царевичъ Алексѣй, (умершій 1670 году) и патріархъ Никонъ, (сосланный въ Ферапонтовъ монастырь), и для сего между его посадами одинъ былъ обитъ краснымъ сукномъ, будто царевичевъ, а другой чернымъ сукномъ, будто патріаршій. Мало этого, онъ разсылалъ письма, приглашая всѣхъ соединиться съ нимъ; его шайки проникали всюду, многіе вѣрили его обману, крестьяне возставали противъ господъ, города сдавались козакамъ, сами жители убивали воеводъ и начальныхъ людей. Взявши безъ боя Саратовъ и Самару, Разинъ двинулся къ Симбирску.

Между тѣмъ въ Москвѣ приняли болѣе сильныя мѣры противъ Разина; послали въ Казань воеводу князя Урусова съ значительнымъ войскомъ и въ товарищи ему придали князя Юрія и Данилу Барятинскихъ. Урусовъ, узнавши о движеніи Разина къ Симбирску, 15-го сентября отправилъ Юрія Барятинскаго на помощь къ симбирскому воеводѣ Милославскому, который уже съ 5-го сентября сидѣлъ въ осадѣ, и послѣ нѣсколькихъ козачь-

ихъ приступовъ, не могши удержать за собою города, заперся въ кремлѣ, отбиваясь отъ 20-ти тысячнаго войска Разина. Въ это время Барятинскій подошелъ къ Симбирску. Разинъ только что увидалъ войска Барятинскаго, бросился на нихъ, но былъ отбитъ и раненый чуть не попался въ плѣнъ; но осады не снялъ, и бой продолжался до вечера. На другой день Барятинскій, перешедъ Свіягу, ближе подвинулся къ городу и опять началась битва; осажденные отбили нѣсколько приступовъ въ разныхъ мѣстахъ, но казачьи войска не оставляли своихъ укрѣпленій, и ночью Разинъ сдѣлалъ общее нападеніе на городъ; и разбитый—до свѣта сѣлъ съ донскими казаками на суда и побѣжалъ внизъ по Волгѣ, сказавъ остальнымъ своимъ сообщникамъ астраханцамъ, алатырцамъ и саратовцамъ, чтобъ они продолжали осаду, и что онъ идетъ отъ нихъ за тѣмъ, чтобы сдѣлать нападеніе на станъ Барятинскаго. Поутру Барятинскій и Милославскій дружно ударили на мятежниковъ, остававшихся подъ Симбирскомъ, разбили ихъ окончательно; и такимъ образомъ Симбирскъ былъ освобожденъ.

Освобожденіе Симбирска съ одной стороны, побудило сосѣдніе возмутившіеся города покориться государю; но за то, съ другой стороны, полчище Разина, разбитое подъ Симбирскомъ, разсыпалось безчисленными шайками въ разныя стороны и вездѣ произвели страшный мятежъ, для утушенія котораго царскіе воеводы должны были воевать цѣлую зиму. Юрій Барятинскій, преслѣдуя мятежни-

ковъ по пятамъ, одержалъ надъ ними еще три важныхъ побѣды, и очистилъ отъ нихъ всю пограничную черту отъ Симбирска до Алатыря. Другой отрядъ царскихъ войскъ, посланный изъ Казани подъ начальствомъ князя Даніила Барятинскаго къ Свіажску, также разбилъ нѣсколько разъ мятежниковъ, очистилъ города Цивильскъ, Чебоксары, Василь-городъ и Кузмодемьянскъ, гдѣ и остановился, не имѣя предписаній идти далѣе. Въ это время въ Москвѣ назначили главнымъ начальникомъ для войны съ мятежниками князя Долгорукаго; царь приказалъ ему спѣшить къ Алатырю. Но вся страна между Нижнимъ Новгородомъ, Арзамасомъ, Муромомъ и внизъ по Волгѣ была взволнована мятежниками; ихъ шайки бродили повсюду и жгли села. Впрочемъ Долгорукій въ половинѣ октября уже успѣлъ разбить значительный отрядъ мятежниковъ, осаждавшихъ макарьевскій Желтоводскій монастырь и раззорить главный ихъ притонъ въ селѣ Мурашкинѣ; потомъ двинулся къ Мурому и далѣе къ Арзамасу, и снова разбилъ мятежниковъ близь села Панова. Въ Арзамасѣ князь Долгорукій основалъ свою главную квартиру и оттуда разсылалъ отряды въ разныя стороны для преслѣдованія мятежниковъ; преслѣдованіе это продолжалось до генваря мѣсяца. Отрядные начальника Долгорукаго, князья Барятинскіе, князь Щербатовъ, Леонтьевъ, Панинъ и другіе всюду поражали мятежниковъ и бросаясь за ними въ разные уѣзды и въ нижегородскій, и въ муромскій, и въ

тамбовскій, и въ шатскій, и въ темниковскій, и въ ядринскій и въ курмышскій, и въ алатырскій, и въ пензинскій, и въ другіе поволгскіе и понизовые города, и только къ генварю мѣсяцу покончили преслѣдованіе и уничтожили мятежниковъ въ тамошнемъ краю.

Но въ то же время, какъ князь Долгорукій съ своими войсками дѣйствовалъ въ поволгскихъ и понизовыхъ городахъ, другія партіи мятежниковъ разсыпались въ украинныхъ городахъ, и волновали народъ въ Харьковѣ, Коротоякѣ, Чугуевѣ, Борисовѣ, даже въ Тулѣ, Коломнѣ и Богородскѣ. Въ этомъ краю противъ мятежниковъ дѣйствовалъ князь Ромодановскій, и его отряды, также какъ и отряды Долгорукаго, вездѣ поражали нестройныя толпы противниковъ. Хотя донскіе козаки бездомники нѣсколько разъ приходили съ разными атаманами, но и это не помогало мятежникамъ, и этотъ край также былъ успокоенъ, какъ и понизовый. Наконецъ и самъ Разинъ, набиравшій новую шайку на Дону въ Кагалышинѣ, по распоряженію козацкихъ старшинъ, былъ осажденъ въ своемъ убѣжищѣ, и разбитый на голову и пойманный въ плѣнъ подъ стражею отправленъ къ царю въ Москву, и тамъ на площади четвертованъ: ему сперва отрубили правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно и наконецъ голову.

Но казнію Разина еще не кончилось возмущеніе, имъ произведенное; его товарищи Васька Усъ и Ѳедька Шелудякъ еще владѣли Астраханью и

Царицынымъ, и производили тамъ страшныя убійства и грабежи, даже дѣлали вторичный набѣгъ на Симбирскъ, но были разбиты тамошнимъ воеводою Шереметевымъ. Наконецъ изъ Москвы посланъ былъ противъ нихъ прежній симбирскій воевода Милославскій, и къ 1-му сентября явился подъ Астраханью. Ѳедька Шелудякъ вышелъ было противъ него на стругахъ, но былъ разбитъ и воротился въ городъ. Милославскій, не желая излишняго кровопролитія, не дѣлалъ приступа къ Астрахани, а только держалъ ее около трехъ мѣсяцовъ въ тѣсной осадѣ. Козаки, не видя ни откуда помощи и потерявъ своихъ атамановъ, сдали городъ; и Милославскій 27 ноября, въ день знаменія Богородицы, мирно вступилъ въ Астрахань, занялъ всѣ укрѣпленія, и торжественно отслужилъ благодарственный молебенъ въ соборной церкви. Такъ кончилось возмущеніе Стеньки Разина, продолжавшееся почти пять лѣтъ, стоившее столько крови и взволновавшее большую часть Россіи.

Наконецъ въ 1675 году прекратился бунтъ въ Соловецкомъ монастырѣ, продолжавшійся семь лѣтъ. Въ этомъ монастырѣ собрались многіе недовольные исправленіемъ церковныхъ книгъ, захватили монастырь и островъ, выгнали архимандрита и не признавали надъ собою ни царской, ни церковной власти, и пользуясь неприступностію монастыря, и также помощію своихъ сообщниковъ въ поморьѣ, упорно противились высылаемымъ противъ нихъ воинскимъ отрядамъ; пока

наконецъ воевода Мещериновъ взялъ монастырь приступомъ и перевѣшалъ мятежниковъ, какъ монаховъ, такъ и бѣльцовъ.

Въ началѣ января мѣсяца 1676 года царь Алексѣй Михайловичъ занемогъ, и 29 января скончался, благословивъ на престолъ старшаго сына Ѳеодора Алексѣевича. Послѣ царя Алексѣя Михайловича, кромѣ наслѣдника, остались еще два сына Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи и восемь дочерей, и вторая супруга, царица Наталья Кириловна.

По смерти царя Алексѣя Михайловича взошелъ на престолъ сынъ его Ѳедоръ Алексѣевичъ, на шестнадцатомъ году отъ рожденія. Это былъ государь предпріимчивый и дѣятельный, но постоянно слабый и больной. Онъ даже во время похоронъ царя Алексѣя Михайловича не могъ идти за гробомъ, его несли въ креслахъ. Съ первыхъ же дней царствованія Ѳедора Алексѣевича въ Москвѣ и во всемъ государствѣ начались перемѣны. Любимецъ Царя Алексѣя Михайловича боярин Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ былъ удаленъ отъ очей царскихъ и сосланъ въ Пустозерскъ, а въ слѣдъ за Матвѣевымъ и всѣ его друзья потеряли свою силу. У новаго царя явились и новые любимцы, и между ними главные воспитатель царскій Языковъ и родственники царя по матери Милославскіе; всѣ высшія должности были розданы имъ и ихъ пріятелямъ, и особенно возвысился князь Василій Васильевичь Голицынъ и князья Долгорукіе. Самые враги государства

перемѣнились: при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ главнымъ врагомъ Россіи была Польша, а при Ѳедорѣ Россія съ Польшею была въ мирѣ и упорно воевала съ Турками и крымскими Татарами.

Война съ Турціею и Крымомъ началась по случаю вмѣшательства ихъ въ дѣла Малороссіи. Малороссія по смерти Хмѣльницкаго не могла успокоиться: то и дѣло возставали новые гетманы, выбранные то тою, то другою партіею. Гетманы сіи держались то московской стороны, то польской, и наконецъ явился гетманъ Петръ Дорошенко, который отдалъ себя и Заднѣпровскую Малороссію подъ покровительство турецкаго султана. Это было еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а въ концѣ его царствованія, именно въ послѣднемъ году, Дорошенко, тѣснимый со всѣхъ сторонъ гетманомъ Самойловичемъ, наконецъ сдалъ ему свой главный городъ Чигиринъ. За этотъ Чигиринъ вздумалъ вступиться турецкій султанъ. Онъ выпустилъ изъ тюрьмы прежняго гетмана Юрія Хмельницкаго и объявивъ его княземъ Малороссійскимъ и гетманомъ козацкимъ, отправилъ съ турецкими и крымскими войсками для завоеванія не только Чигирина, но и Кіева и всей Заднѣпровской Малороссіи. Но этотъ замыселъ султана не удался. Хмельницкій съ турецкими и крымскими войсками только прошелся по Заднѣпровью и услыхавъ, что противъ него выслано большое московское войско подъ начальствомъ князя Ва-

силья Васильевича Голицына, и что передовые полки этого войска уже подъ Чигириномъ, обратился въ бѣгство съ турецкими и крымскими войсками. Раздосадованный такою неудачею, султанъ отправилъ Хмельницкаго въ ссылку. А царь Ѳедоръ Алексѣевичъ отозвалъ Голицына въ Москву и богато наградилъ и его, и бывшихъ съ нимъ въ походѣ начальныхъ людей.

Но первая неудача не остановила турецкаго султана. Онъ на другой годъ собралъ вновь многочисленное войско и вмѣстѣ съ крымскими татарами велѣлъ ему взять Чигиринъ, и потомъ идти на Кіевъ. Царь, получивши вѣсти о турецкомъ походѣ, по опредѣленію земскаго собора, послалъ указъ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу идти на выручку Чигирина. Но прежде нежели Ромодановскій успѣлъ переправиться черезъ Днѣпръ, Турки осадили Чигиринъ со всѣхъ сторонъ, сдѣлали нѣсколько неудачныхъ приступовъ къ городу, гдѣ крѣпко защищались малороссійскіе козаки подъ начальствомъ козачьяго полковника Коровки. Ромодановскій и Самойловичъ тайно переслали вѣсть къ Коровкѣ, что къ нему будетъ подмога въ такой-то день, и чтобы онъ, услыша тревогу въ турецкомъ станѣ, сдѣлалъ вылазку. Какъ сказано, такъ и сдѣлано; въ ночь на Успеньевъ день, семь тысячь московской рати подошли къ городу, ударили на турецкій станъ, а Коровка въ то же время бросился на Турокъ изъ города. Такое двойное нападеніе такъ смутило ту-

рецкихъ начальниковъ и войско, что Турки, послѣ жаркой схватки, обратились въ бѣгство и бросили весь свой лагерь и запасы. На другой день Турки опять двинулись къ Чигирину и на этотъ разъ удачно. Они сперва разбили въ полѣ князя Ромодановскаго и гетмана Самойловича, потомъ осадили Чигиринъ; и хотя тамошніе начальники стольникъ Ржевскій и козачій полковникъ Коровка защищались храбро и дѣлали вылазки, но когда Турки взорвали стѣну подкопомъ, то защитники Чигирина принуждены были оставить городъ и, прорвавшись сквозь турецкое войско, соединились съ Ромодановичемъ и Самойловичемъ, которые и отступили къ Днѣпру. Турки нѣсколько разъ нападали на нихъ при этомъ отступленіи, но были отбиты.

На другой годъ огромная русская и малороссійская рать подъ начальствомъ гетмана Самойловича и разныхъ московскихъ воеводъ собралась у Кіева и простояла цѣлое лѣто, ожидая нападенія отъ Турокъ. Но ни Турки, ни Татары не осмѣлились подойти къ Днѣпру всей своей ратью, а только выслали отрядъ подъ начальствомъ какого-то козацкаго старшины Яненка, который и покорилъ было нѣсколько городовъ въ Заднѣпровьи; но потомъ былъ разбитъ гетманскимъ сыномъ Стародубскимъ полковникомъ Семеномъ Самойловичемъ, и убѣжалъ къ главнымъ турецкимъ силамъ; а Семенъ Самойловичъ разорилъ взятые Яненкомъ города, а жителей перевелъ внутрь

Малороссіи. Наконецъ крымскій ханъ, по султанскому приказанію, прислалъ въ Москву гонца, который донесъ царю, что султанъ и ханъ желаютъ вступить въ мирные переговоры, и чтобы царь прислалъ для сего полномочныхъ въ Крымъ. По этой присылкѣ и были отправлены къ крымскому хану стольникъ Тяпкинъ и дьякъ Зотовъ, которые и заключили перемиріе на 20 лѣтъ. По этому перемирію Турки уступили въ московскую сторону Кіевъ и всѣ земли по той сторонѣ Днѣпра до Запорожья, и самое Запорожье; а которыя пустыя земли за Днѣпромъ во владѣніи турецкаго султана, и на тѣхъ земляхъ ни султану турецкому, ни крымскому хану городовъ и городковъ не дѣлать и людьми не населять. Такъ кончилась турецко-крымская война, продолжавшаяся пять лѣтъ.

Продолжительная война съ Турками не мѣшала государю дѣятельно заниматься внутренними дѣлами. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, любя самъ во всемъ простоту и порядокъ, строго требовалъ, чтобы и въ управленіи государствомъ былъ строгій порядокъ, и въ народѣ не было бы особой роскоши и пышности. Съ этою цѣлію онъ издалъ нѣсколько указовъ объ искорененіи роскоши въ одеждѣ и экипажахъ; одежду онъ приказывалъ носить или русскую стараго покроя или польскую, но отнюдь не дорогую азіятскую или татарскую. А относительно экипажей сдѣлалъ росписаніе, какого чина люди могли ѣздить въ какихъ экипажахъ и

на сколькихъ лошадяхъ. Относительно порядка въ управленіи Ѳеодоръ Алексѣевичъ еще въ первые годы своего царствованія повелѣлъ сдѣлать новую народную перепись и описаніе и межеваніе земель, издалъ нѣсколько указовъ о порядкѣ и строгости суда, и не взирая на слабость здоровья, самъ почти ежедневно присутствовалъ въ боярской думѣ. Двери его дворца были отворены для всѣхъ, кто хотѣлъ лично объяснить государю свои дѣла; онъ даже далъ указъ, чтобы ему непремѣнно докладывали о важныхъ уголовныхъ дѣлахъ. Но при строгости, государь былъ милосердъ: онъ первый отмѣнилъ прежній законъ, рубить руки ворамъ, и приказалъ вмѣсто того ссылать въ Сибирь. Онъ также во многомъ облегчилъ подати, и для распространенія торговли издалъ новый таможенный уставъ, предпринималъ много и другихъ полезныхъ учрежденій. Но смерть прекратила его благодѣтельную дѣятельность; онъ скончался на двадцать первомъ году отъ рожденія и на шестомъ году царствованія. Послѣ царя Ѳеодора Алексѣевича дѣтей не осталось, и на престолъ долженъ былъ взойти кто либо изъ двухъ его братьевъ, Іоаннъ или Петръ; первый уже 16-ти-лѣтній былъ слабъ и болѣзненъ, а второму было невступно десять лѣтъ отъ роду.

По смерти Ѳеодора Алексѣевича, какъ мы уже видѣли, остались два брата, отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей. Первый — Іоаннъ Алексѣевичъ шестнадцати-лѣтній, но больной и слабый, отъ Марьи Ильиничны Милославской; а второй по де-

сятому году—Петръ Алексѣевичъ, отъ Натальи Кириловны Нарышкиной. Родственники той и другой царицы. разумѣется, старались, чтобы престолъ достался тому царевичу, который имъ ближе по родству. Но такъ какъ Наталья Кириловна была въ живыхъ и жила во дворцѣ, то, естественно, ея сторона должна была имѣть болѣе успѣха. И когда, вслѣдъ за смертію царя Ѳеодора Алексѣевича, поднятъ былъ вопросъ, кого изъ двухъ царевичей выбрать въ цари? то какъ бояре и духовенство, такъ и приглашенные на государевъ дворъ московскіе гости, и черныхъ сотенъ и иныхъ чиновъ люди, единогласно отвѣчали, что быть царемъ царевичу Петру Алексѣевичу; и тутъ же въ присутствіи патріарха передъ святымъ Евангеліемъ дали присягу служить и прямить и во всемъ добра хотѣть ему, государю, его матери и всему царствующему дому.

Но вѣрность присягѣ не продолжалась и мѣсяца. Царевна Софія—одной матери съ Іоанномъ—была недовольна тѣмъ, что обошли ея брата, и замышляла перевернуть дѣло по своему, и воспользовалась своеволіемъ стрѣльцовъ, стоявшихъ въ Москвѣ, и слабостію нового правительства. Не прошло и недѣли по смерти царя Ѳеодора Алексѣевича, какъ московскіе стрѣльцы и солдаты подали государю жалобу на своихъ полковниковъ, которые ихъ слишкомъ притѣсняли. Бояре, засѣдавшіе въ царской думѣ, имѣли неосторожность отрѣшить полковниковъ и отдать ихъ стрѣльцамъ головами.

Стрѣльцы, такъ легко успѣвшіе въ одномъ требованіи, стали замышлять и противъ другихъ начальниковъ, и для этого начали сходиться по полкамъ на совѣщаніе. Царевна Софія, узнавши о стрѣлецкихъ замыслахъ, поспѣшила привлечь къ себѣ стрѣлецкое войско разными денежными подарками и обѣщаніями; а между тѣмъ, чрезъ своихъ приближенныхъ стала распускать слухи, что готовится какой-то бунтъ. Встревоженные стрѣльцы начали сходиться толпами, строиться безъ приказанія начальства и бить въ набатъ. Наконецъ утромъ 15-го мая посланные отъ Александра Милославскаго, разнесли вѣсть по стрѣлецкимъ полкамъ, что Нарышкины удушили царевича Іоанна, и чтобы стрѣльцы спѣшили въ кремль. Стрѣльцы, по этимъ вѣстямъ, вмѣстѣ съ Бутырскими солдатами ударили въ набатъ, и съ барабаннымъ боемъ, знаменами, оружіемъ и пушками бросились къ дворцу и начали кричать: «выдайте намъ измѣнниковъ, губителей царскихъ Нарышкиныхъ». Тщетно начальники стали уговаривать, объявляя что царевичъ Іоаннъ живъ, напрасно царица Наталья Кириловна съ обоими царевичами выходила на красное крыльцо. Ничто не помогало. Стрѣльцы, подпоенные царевною Софіей, кричали: «ежели злодѣи не успѣли еще убить царевича, то убьютъ послѣ; выдайте намъ злодѣевъ Нарышкиныхъ!» И въ слѣдъ за тѣмъ ворвались во дворецъ искать Нарышкиныхъ, и стали бить бояръ. Этотъ мятежъ и убійство продолжались цѣлый день, и тоже было на другой и на третій

день. Стрѣльцы ходили и по дворцу, и по городу, и били кого хотѣли, грабили и безчинствовали и никто не могъ унять ихъ. Большая часть Нарышкиныхъ и ихъ пріятелей была уже перебита; красная площадь завалена была трупами, богатые домы въ городѣ, большею частію, разграблены. Наконецъ 18-го мая сами стрѣльцы, конечно, по тайному приказанію Софіи, остановили грабежъ и убійства и потребовали, чтобы Іоаннъ царствовалъ вмѣстѣ съ Петромъ, а за ихъ малолѣтствомъ управляла государствомъ царевна Софія. Этому требованію буйнаго войска никто не осмѣлился противорѣчить, и такимъ образомъ царевна Софія получила то, чего искала: правленіе государствомъ изъ рукъ Нарышкиныхъ перешло въ ея руки — она торжественно объявлена правительницею.

Принявъ правленіе Софія поручила стрѣлецкій приказъ преданнымъ ей людямъ, князьямъ Ивану и Андрею Хованскимъ, перемѣнила начальниковъ въ полкахъ, позволила поставить на красной площади столбъ съ мнимыми винами убитыхъ бояръ, и пожаловала стрѣльцамъ похвальную грамоту за вѣрную ихъ службу при казни бояръ и возведеніи Іоанна на царскій престолъ. Эту грамоту стрѣльцы отъ дворца до своего приказа несли на головахъ при звонѣ колоколовъ во всей Москвѣ и при звукахъ полковой музыки. А князья Хованскіе, задобривая стрѣльцовъ, раздавали имъ большія деньги изъ царской казны и изъ имущества погибшихъ бояръ.

Но правленіе царевны Софіи Алексѣевны не успокоило стрѣлецкихъ бунтовъ; они продолжались до конца 1682 года. Князь Иванъ Хованскій, поставленный въ начальники всѣхъ стрѣлецкихъ приказовъ самою Софіею, первый началъ мутить стрѣлецкимъ войскомъ. Онъ, сговорясь съ расколоучителями, протопопомъ Аввакумомъ и разстрыгою Никитою Пустосвятымъ, поднялъ раскольниковъ противъ патріарха и церковныхъ властей. Раскольники въ 5 день іюля собрались во множествѣ къ Успенскому собору и дворцу и требовали съ шумомъ допустить прѣніе о вѣрѣ на лобномъ мѣстѣ, имѣя тайное намѣреніе побить патріарха и архіереевъ камнями, для чего и наклали камней полные пазухи. Патріархъ Іоакимъ въ это время былъ въ Успенскомъ соборѣ, и князь Хованскій нѣсколько разъ посылалъ къ нему, какъ будто бы по указу государей, чтобы онъ шелъ во дворецъ чрезъ красное крыльцо, гдѣ раскольники ждали его съ каменьями; но царевна Софія, узнавши объ этомъ, прислала сказать патріарху, чтобы пришелъ во дворецъ Разноложенскою лѣстницею, которая не была занята раскольниками. Раскольники, узнавши, что патріархъ прошелъ во дворецъ не тою дорогою, гдѣ его ждали, сами съ шумомъ бросились во дворецъ, и тамъ нашли патріарха съ архіереями и царей, царицу и двухъ царевенъ, окруженныхъ боярами и выборными отъ солдатскаго, пушкарскаго и стрѣлецкаго приказовъ. Царевна Софія встрѣтила ихъ

вопросомъ: за чѣмъ они пришли во дворецъ съ такою наглостію и шумомъ! Они отвѣчали: «пришли затѣмъ, чтобы утвердить старую вѣру.» Послѣ этого царевна велѣла читать челобитную, поданную раскольниками. Во время этого чтенія Никита Пустосвятъ началъ кричать и ругать патріарха, и когда архіепископъ холмогорскій Аѳанасій сталъ его останавливать, то Никита бросился на него, произошелъ шумъ, который насилу уняли. А когда патріархъ началъ увѣщевать непокорныхъ, ссылаясь на принесенныя во дворецъ древнія книги, то раскольники подняли такой шумъ и крикъ, что царевна Софія обратилась къ выборнымъ стрѣльцамъ съ просьбою, чтобы они не допустили мятежниковъ оскорблять царей и царское семейство. Послѣ чего раскольниковъ отпустили по домамъ, объявивъ, что они получатъ царскій указъ въ иное время. А на другой день, по приказанію Софіи, стрѣлецкіе выборные схватили Никиту Пустосвята и другихъ зачинщиковъ мятежа, и Никитѣ отрубили голову на Красной площади, а другихъ его товарищей высѣкли кнутомъ и сослали въ заточеніе по разнымъ городамъ. Тѣмъ этотъ мятежъ и кончился. Царевна Софія здѣсь показала свой умъ и твердость воли; безъ нее этотъ мятежъ имѣлъ бы пагубныя послѣдствія, ибо князь Хованскій съ своими единомышленниками затѣевалъ побить всѣхъ, которые не слѣдуютъ раскольническому ученію.

Но князь Хованскій на этомъ не остановился. Онъ продолжалъ задабривать стрѣльцовъ; мимо царскаго указа дозволилъ имъ править подможныя лишнія деньги съ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. И когда такой беззаконный правежъ велѣно было остановить, то Хованскій не объявилъ объ этомъ царскаго указа, а сказалъ стрѣльцамъ: «дѣти! вѣдайте, что уже и мнѣ, вашему доброжелателю, грозятъ бояре; и мнѣ стало дѣлать нечего, какъ хотите, такъ и промышляйте.» Послѣ сего вступилъ съ стрѣльцами въ заговоръ — сдѣлать возмущеніе во время крестнаго хода въ праздникъ Донскія Божія Матери, перебить бояръ и избрать другаго царя или посадить на царство самаго Хованскаго. Но заговоръ этотъ не удался: царевна Софія, предупрежденная о немъ, ни сама не явилась, ни царей не пустила въ крестный ходъ. Потомъ цари и все царское семейство переѣхали жить въ село Коломенское, и жили тамъ съ большою осторожностію до 4 сентября, а въ этотъ день, предувѣдомленные вновь о заговорѣ Хованскаго, перебрались въ село Воробьево; оттуда въ Павловское, далѣе въ звенигородскій Савинъ монастырь. Изъ Савина монастыря государи послали указы въ Москву и во всѣ ближніе города, чтобы дворяне и всякихъ чиновъ ратные люди шли къ Троицкому Сергіеву монастырю для обороны государей отъ стрѣльцовъ, а сами поѣхали въ село Воздвиженское и оттуда въ Троицкій Сергіевъ мо-

настырь. По царскимъ указамъ, къ Троицкому монастырю быстро собралась многочисленная рать. Софія, видя усердіе дворянъ къ царскому семейству, послала къ Хованскому ласковое письмо, приглашая его въ село Воздвиженское для совѣта, какъ принять ѣхавшаго въ Москву гетманскаго сына Самойловича. Хованскій, узнавши о многочисленной рати около царскаго семейства, не осмѣлился противиться и поѣхалъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Андреемъ. Но еще не доѣзжая до Воздвиженскаго, онъ былъ схваченъ по приказанію Софіи, и привезенный въ Воздвиженское казненъ смертію вмѣстѣ съ сыномъ, 17-го сентября.

Другой сынъ Хованскаго, бѣжавшій съ дороги, объявилъ стрѣльцамъ, что его отецъ съ братомъ казнены безъ царскаго указа. Стрѣльцы зашумѣли, ударили въ барабаны и набаты, взяли ружья и пушки, и пошли къ Троицкому монастырю. Но узнавши о многочисленной царской рати, воротились и стали укрѣплять Москву, приготовляясь къ осадѣ, а царское семейство въ тоже время укрѣплялось въ Троицкомъ монастырѣ. Потомъ стрѣльцы, не надѣясь противиться царямъ, стали просить патріарха, чтобы онъ вступился за нихъ и выпросилъ прощеніе. Патріархъ, сдѣлавши имъ поученіе, обѣщался ходатайствовать у царей, и дѣйствительно нѣсколько разъ посылалъ въ Троицкій монастырь разныхъ архіереевъ молить царей о прощеніи стрѣльцовъ. Наконецъ, 1-го ноября, государи прислали къ стрѣльцамъ

указъ, что они ихъ прощаютъ, но чтобы выдали начальниковъ бунта. Стрѣльцы, по прочтеніи сего указа, выстроились въ строй и обявили, чтобы заводчики бунта отдѣлились и не надѣялись ни на какое прикрытіе. По этому объявленію немедленно вышли изъ строя 2,700 человѣкъ и, ставши отдѣльно, сказали остальнымъ товарищамъ, что они по царскому повелѣнію, сами пойдутъ въ Троицкій монастырь, только бы дали имъ время приготовиться. А когда это было имъ дозволено, то они всѣ исповѣдались и причастились святыхъ таинъ, и, простясь съ женами и дѣтьми, отправились въ Троицкій монастырь, надѣвши петли на шею и неся въ рукахъ плахи и топоры, какъ осужденные на смерть; и когда пришли въ монастырь, то передъ царскимъ домомъ, положа плахи и воткнувъ въ нихъ топоры, сами пали на землю и просили прощенія. А между тѣмъ патріархъ, также пріѣхавшій въ монастырь, успѣлъ изходатайствовать прощеніе. Посему выданъ былъ царскій указъ, что, по ходатайству патріарха, царицы матери и царевенъ, цари прощаютъ виновныхъ стрѣльцовъ и повелѣваютъ идти имъ въ Москву и служить вѣрою и правдою, и быть въ послушаніи у начальства.

8-го Ноября цари со всѣмъ царскимъ домомъ возвратились въ Москву, и выдали указъ, чтобы стрѣльцовъ не называть бунтовщиками, давать имъ полное жалованье съ прибавкою, и къ работамъ не принуждать; а московскихъ стольниковъ, стряп-

чихъ, жильцовъ и дворянъ разпредѣлить на пять частей, чтобы каждая служила по четверти года въ Москвѣ и караулили сотнями на постельномъ крыльцѣ понедѣльно, и чтобы Бѣлый городъ запирать въ началѣ четвертаго часа ночи (т. е. въ 9-мъ часу вечера) и отпирать за три часа до свѣта. Но стрѣльцы тѣмъ еще не успокоились; въ самый день Рождества Христова забунтовалъ стрѣлецкій полкъ Павла Бохина. Но посланные противъ него полки Данилова и Цыклера усмирили бунтовщиковъ и главнымъ заводчикамъ отрубили головы, — тѣмъ и кончился этотъ бунтъ. Въ послѣдствіи царевна Софія, по совѣту Ѳедора Шакловитаго, главнаго начальника стрѣлецкаго приказа, мало по малу выпроводила изъ Москвы опасные стрѣлецкіе полки, оставивъ при себѣ только тѣхъ, на вѣрность которыхъ могла положиться. И такимъ образомъ мятежи въ Москвѣ кончились и царевна правительница могла свободно заняться другими государственными дѣлами.

При Софіи Алексѣевнѣ особенною довѣренностію пользовались и имѣли большую силу боярин князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и начальникъ стрѣлецкаго приказа, окольничій Ѳедоръ Шакловитый. Оба они пользовались довѣренностію еще царя Ѳеодора Алексѣевича: Голицынъ при немъ былъ уже бояриномъ, а Шакловитый думнымъ дьякомъ. Это были старые слуги царскаго дома и приверженцы фамиліи Милославскихъ. Особенно замѣчательныя дѣла въ правле-

ніе Софіи Алексѣевны: были въ 1-хъ, вѣчный миръ съ Польшею, заключенный въ 1686 году. Переговоры объ этомъ мирѣ велись весьма долго еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича: они то начинались, то прерывались. Поляки долгое время не хотѣли отступиться отъ Малороссіи, хотя малороссіяне давно уже соединились съ Москвою, и, какъ мы знаемъ, тамъ уже стояли московскія войска. Наконецъ царевна Софія поручила вести переговоры о мирѣ боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, и этотъ искусный вельможа такъ умѣлъ устроить дѣло, что Поляки наконецъ согласились заключить вѣчный миръ, по которому уступили Россіи Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлую, Рославль и всю Малороссію до Чернаго моря, и навсегда отказались вступаться въ сіи мѣста. Царевна Софія и государи за такой славный и выгодный миръ, покончившій долголѣтнюю вражду съ Польшею, щедро наградили боярина князя Василья Васильевича Голицына и его товарищей.

Потомъ въ томъ же году царевна Софія отправила большое посольство, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева, къ нѣмецкому императору въ Вѣну, гдѣ это посольство заключило дружбу и союзъ съ императоромъ противъ Турокъ. И въ слѣдъ за симъ, было собрано огромное войско и подъ начальствомъ князя Василья Васильевича Голицына отправлено въ походъ на Крымцовъ и Турокъ, и къ этому войску велѣно присоединиться малороссійскому гетману

съ своими козаками. Войско сіе выступило въ походъ 22 февраля 1687 года, а 13 іюня перешло рѣку Конскія воды слишкомъ за 1000 верстъ отъ Москвы. За Конскими водами ратниковъ встрѣтили густыя облака дыма, несшіяся съ юга, наполняя воздухъ нетерпимымъ смрадомъ; всѣ ясно увидали, что степь горитъ. Князь Голицынъ задумался, не зналъ идти ли впередъ по степи, опустошенной пожаромъ, или воротиться назадъ. Онъ созвалъ совѣтъ, долго разсуждали и спорили; наконецъ рѣшили продолжать походъ, и на слѣдующій день войско двинулось, и въ двое сутокъ едва могло пройти 12 верстъ: степь дымилась во многихъ мѣстахъ, травы вовсе не было, воды также; люди и лошади, изнуренные жаждою и зноемъ, едва передвигали ноги; въ войскѣ оказалось много больныхъ. На третій день проливный дождь освѣжилъ воздухъ, дымъ и пыль улягліись, появилась и вода. Но благодѣтельный дождь не повторился, и войско, сдѣлавъ еще дневный переходъ, остановилось усталое и утомленное зноемъ. Главнокомандующій сдѣлалъ новый совѣтъ съ своими товарищами, на которомъ было рѣшено: воротить войско назадъ; а для безопасности, чтобы Татары не сдѣлали нечаяннаго нападенія на отступающихъ, отрядить къ низовьямъ Днѣпра 20,000 московскихъ и 20,000 малороссійскихъ войскъ. Послѣ таковаго рѣшенія, ополченіе двинулось назадъ въ стройномъ порядкѣ, и Татары нигдѣ его не тревожили. На рѣкѣ Мерлѣ встрѣ-

тилъ ополченіе посланный отъ государей и правительницы бояринъ Шереметевъ; онъ привезъ указъ о разпущеніи войска, и царскія награды воеводамъ. Главнокомандующій князь Голицынъ, по разпущеніи войска, самъ поѣхалъ въ Москву; а для охраненія границъ оставилъ въ Бѣлгородѣ князя Ромодановскаго и думнаго дворянина Хитрово съ 20,000 ратниковъ.

Осенью того же года пришли вѣсти, что въ Крымъ прислано отъ султана нѣсколько янычаръ, и что крымскій ханъ сбирается идти на Украйну. По этимъ вѣстямъ, для наблюденія за Татарами и Турками, высланъ изъ Запорожья генеральный эсаулъ съ 1,000 человѣкъ конныхъ козаковъ. А въ началѣ слѣдующаго года пронеслась молва, что ханъ уже выступилъ изъ Крыма и идетъ прямо на Украйну. По этой молвѣ, на военномъ совѣтѣ въ Москвѣ было положено выстроить при устьи рѣки Самары крѣпость, которая и была построина подъ именемъ новобогородицкой и снабжена Русскимъ гарнизономъ. Между тѣмъ Татары въ мартѣ мѣсяцѣ напали на Волынь, принадлежащую тогда Польшѣ, и вывели оттуда 60,000 плѣнниковъ; а въ сентябрѣ того же года ворвались въ Украйну, и прошли съ одной стороны до Балаклеи, а съ другой до Полтавы и захватили довольно лошадей и людей. Въ отплату за этотъ набѣгъ малороссійскіе козаки разграбили Очаковъ.

Между тѣмъ король Польскій, неудачно воевав-

шій съ Турками и Татарами, просилъ о продолженіи военныхъ дѣйствій; посему назначенъ былъ новый походъ въ Крымъ, собрано огромное войско и опять главнокомандующимъ объявленъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Войско пришло на сборныя мѣста къ февралю мѣсяцу 1689 года; 17-го марта двинулось въ походъ, а 20-го апрѣля было уже на Самарѣ и оттуда потянулось по лѣвому берегу Днѣпра, и 15-го мая встрѣтилось съ передовымъ отрядомъ Татаръ, а на другой день показался и самъ крымскій ханъ и сперва ударилъ на правое крыло Русскихъ, но былъ отбитъ. Далѣе бросился на лѣвое крыло и также потерпѣлъ пораженіе, и Русскіе безпрепятственно дошли до рѣчки Колончака; потомъ въ два дня дошли до Перекопа. Но здѣсь недостатокъ воды и степной пожаръ, произведенный Татарами, принудили начать отступленіе. Отступленіе началось 21-го мая и Татары цѣлые восемь сутокъ тревожили отступающее войско до самой рѣчки Коирки, гдѣ Татары отстали, и войско расположилось лагеремъ для отдыха и для поправленія силъ послѣ осьмидневнаго похода по безводной степи въ самые знойные дни. Послѣ краткаго отдыха, войско потянулось къ берегамъ рѣки Мерли, гдѣ его встрѣтилъ посланный изъ Москвы окольничій Нарбоковъ, который привезъ царское милостивое слово и повелѣніе разпустить ратныхъ людей по домамъ. Такъ кончился и второй крымскій походъ, непринесшій никакой пользы и стоившій большихъ издер-

жекъ. Впрочемъ, несмотря на безъуспѣшность похода, правительница отъ имени царей щедро наградила Голицына и его сотрудниковъ.

Между тѣмъ царю Петру Алексѣевичу наступилъ 19-й годъ отъ рожденія и онъ, не нуждаясь уже въ пособіи правительницы, крайне былъ недоволенъ тѣмъ, что царевна Софія Алексѣевна продолжаетъ управлять государствомъ безъ его участія. Онъ нѣсколько разъ изъявлялъ неудовольствіе, какъ на безъуспѣшность крымскихъ походовъ Голицына, такъ и на незаслуженныя награды, разсыпаемыя этому боярину отъ царскаго имени. Первый явный признакъ размолвки царя Петра съ правительницею послѣдовалъ 8-го іюля 1689 года. Оба царя пришли въ Успенскій соборъ, чтобы оттуда идти съ крестнымъ ходомъ въ храмъ Казанскія Божія Матери; туда явилась и царевна Софія, чтобы идти въ ходу вмѣстѣ съ царями. Петръ замѣтилъ ей, что это не прилично, но она не послушалась; и онъ, вмѣсто крестнаго хода, прямо изъ Успенскаго собора уѣхалъ въ Коломенское, а потомъ переѣхалъ въ Преображенское, гдѣ у него была своя особая артиллерія, два полка потѣшныхъ и почти весь стрѣлецкій полкъ Сухарева. Когда князь Василій Васильевичъ Голицынъ воротился изъ втораго крымскаго похода, и съ своими сотрудниками явился въ Преображенское благодарить за награды, то Петръ не принялъ ни его, ни его товарищей. Это было второе явное несогласіе Петра съ Софіею. Наконецъ,

8-го августа 1689 года, два стрѣльца Мелковъ и Ладогинъ около полуночи прискакали въ Преображенское и объявили, что противъ царя Петра Алексѣевича и матери его, царицы Натальи Кириловны, составленъ заговоръ царевною и Шакловитымъ, что уже въ Кремлѣ собраны стрѣльцы для нападенія на Преображенское. Этотъ доносъ произвелъ окончательный разрывъ царя Петра съ Софіею.

Выслушавъ донесеніе стрѣльцовъ, Петръ немедленно въ ту же ночь уѣхалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, куда вслѣдъ за нимъ отправилась царица мать, царица супруга, бояре, царедворцы, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка. Окруженный значительнымъ войскомъ и многими царедворцами въ твердыхъ стѣнахъ большаго и богатаго монастыря, Петръ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Софія приглашала его воротиться въ Москву, а онъ въ отвѣтъ на это приглашеніе послалъ свои грамоты во всѣ стрѣлецкіе и солдатскіе полки съ повелѣніемъ, чтобы всѣ полковники и урядники, взявъ съ собою по 10 человѣкъ рядовыхъ изъ каждаго полка, явились въ Троицкій монастырь къ 18-му августа, для великаго государева дѣла, которое будетъ имъ объявлено, когда они увидятъ пресвѣтлыя очи государя. Потомъ Софія просила патріарха, чтобы онъ съѣздилъ въ Троицкій монастырь и походатайствовалъ о примиреніи Петра. Патріархъ отправился въ монастырь и тамъ остался, не давъ никакого отвѣта. Между тѣмъ войска стрѣлецкіе и солдатскіе, а

также бояре и царедворцы мало по малу оставляли Москву и спѣшили въ Троицкій монастырь къ Петру. Наконецъ, 29-го августа, царевна Софія сама отправилась въ Троицкій монастырь, чтобы убѣдить брата къ примиренію; но посланные Петромъ Бутурлинъ и князь Троекуровъ, остановили ее въ селѣ Воздвиженскомъ, и объявили ей государевъ указъ, чтобы шла обратно въ Москву. А 2-го сентября Петръ прислалъ полковниковъ Спиридова и Сергѣева, съ наказомъ явиться къ царю Ивану Алексѣевичу и неотступно требовать выдачи Шакловитаго и другихъ заговорщиковъ. Царь Иванъ Алексѣевичъ не противорѣчилъ этому требованію; послѣ чего заговорщиковъ, поименованныхъ въ наказѣ, стали ловить въ Москвѣ и отвозить въ Троицкій монастырь, гдѣ ихъ допрашивали и пытали. 7-го сентября взяли и Шакловитаго и привезли также въ Троицкій монастырь. Шакловитый на первомъ допросѣ и на очной ставкѣ съ разными извѣтчиками, твердо стоялъ въ томъ, что заговора никакого не затѣевалъ и не мыслилъ никакого зла ни на государя царя Петра Алексѣевича, ни на царицу Наталью Кириловну; но когда на пыткѣ его подняли на дыбу, и дали 15 ударовъ, то онъ повинился во всемъ, что ни доводили на него извѣтчики.

По окончаніи допросовъ Шакловитому и его сообщникамъ царь Петръ Алексѣевичъ отправилъ письмо къ брату своему царю Ивану Алексѣевичу, въ которомъ писалъ: «теперь мы, государь-бра-

тецъ, въ совершенныхъ лѣтахъ, и намъ настоитъ время самимъ управлять врученнымъ отъ Бога царствомъ, а третьему зазорному лицу сестрѣ нашей царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, съ нашими мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ.» Царь Иванъ Алексѣевичъ не прекословилъ брату; и Петръ прежде всего далъ указъ исключить имя царевны Софіи изъ всѣхъ бумагъ, гдѣ оно доселѣ писалось съ именемъ обоихъ государей. Потомъ былъ отправленъ въ Москву бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ съ наказомъ привести царевну Софію изъ кремлевскаго дворца въ Новодѣвичій монастырь. Царевна долго не соглашалась исполнить волю брата и только къ концу сентября переселилась въ монастырь, гдѣ ей отдѣлены были особые покои съ окнами на Дѣвичье поле. Такъ кончилось правленіе Софіи.

И. Бѣляевъ.

III.

ВЫРАБОТКА КРАХМАЛА

КРЕСТЬЯНИНОМЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ ЯКОВОМЪ МИХАЙЛОВЫМЪ.

Было время, когда русской человѣкъ смотрѣлъ на картофель съ предубѣжденіемъ, не хотѣлъ садить его въ землю, называлъ его чортовымъ яблокомъ, не рѣшался употребить въ пищу, забывая, что все созданное природой—даръ Божій и дано на потребу людей. Благодаря Бога, предубѣжденіе это мало по малу разсѣялось и теперь картофель—*картошка,* какъ зовутъ его крестьяне, разводится въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ почти каждымъ поселяниномъ. Теперь уже поняли, что картофельный клубень—хорошее подспорье въ хозяйствѣ, что въ годы неурожая онъ можетъ замѣнить хлѣбъ, да и при урожаѣ составляетъ здоровую и пріятную пищу, особенно постомъ. Подгородные крестьяне разводятъ его тѣмъ болѣе охотно, что на городскихъ рынкахъ выручаютъ за него даже большую прибыль, чѣмъ за зерновый хлѣбъ. Нужно прибавить еще къ сказанному, что картофель

имѣетъ весьма важное достоинство: обильно родится на землѣ песчаной, гдѣ всякой другой хлѣбъ даетъ самый тощій колосъ, или не родится вовсе.

Въ послѣдніе десять лѣтъ картофель пріобрѣлъ еще большее значеніе въ нашей отечественной промышленности; его стали разводить уже не для одного употребленія въ пищу; изъ него начали работать спиртъ, т. е. гнать вино, которое ни чемъ не отличается отъ хлѣбнаго; изъ него начали работать крахмалъ, который оказался отличнымъ загустителемъ красокъ при печатаніи тканей, и выгоднѣйшимъ матеріаломъ для выработки патоки. А паточные заводы множатся у насъ съ каждымъ годомъ. Вотъ почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть запросъ на картофель, онъ разводится въ большомъ количествѣ, предпочитается другому хлѣбу, потому что даетъ большую выручку. Сначала поселянѣ только разводили картофель и продавали его богатымъ людямъ, имѣющимъ картофельные или паточные заводы, теперь, во многихъ мѣстахъ они поняли, что работать крахмалъ дѣло немудреное, что гораздо выгоднѣе сбывать картофель крахмаломъ, нежели клубнемъ, и—кого Богъ благословитъ хотя небольшимъ достаткомъ—начали сами заниматься этимъ производствомъ, даже прикупать со стороны картофель. Такимъ образомъ выработка крахмала становится у насъ промысломъ крестьянскимъ—и въ добрый часъ, дай Богъ ему успѣха.

Примѣры такого промысла можно видѣть въ

московской губерніи и въ московскомъ же уѣздѣ, гдѣ песчаный грунтъ земли особенно благопріятствуетъ разведенію картофеля, и гдѣ поля поэтому, преимущественно подъ Москвою, засаживаются главнымъ образомъ этимъ клубнемъ. Въ этой сторонѣ, картофельно-крахмальный промыслъ развитъ въ особенности у крестьянъ вотчинъ князя Голицына-Прозоровскаго. Такъ въ Клешевѣ находится два завода, въ Троицко-Раменскомъ—одинъ, въ Новомъ Селѣ—четыре, въ Диргаевкѣ—два, Дементьевѣ—два, въ Дониной—два, въ Захаровѣ—одинъ, въ Загориной—три, въ Кузнецовой—два, въ Малышевой—два. Итого 21 заводъ въ десяти селеніяхъ, расположенныхъ въ недальномъ растояніи другъ отъ друга. Наименьшіе изъ этихъ заводовъ переработываютъ картофеля по четыре тысячи мѣръ, а есть и такіе, гдѣ эта цыфра доходитъ до 14 тысячь. Принимая среднюю цыфру обработки въ 8,000 мѣръ, увидимъ, что въ сказанныхъ мѣстахъ 160,000 мѣръ картофеля передѣлываются на крахмалъ.

Между этими заводами я имѣлъ случай осмотрѣть принадлежащій Троицко-Раменскому крестьянину Якову Михайлову, по устройству относящійся къ числу лучшихъ. Объ этомъ-то заводѣ я и намѣренъ поговорить теперь, представить его описаніе, достоинство и недостатки, и въ заключеніе показать денежный оборотъ и мѣру выгодности для крестьянина выработки крахмала. Но прежде необходимо сказать нѣсколько словъ

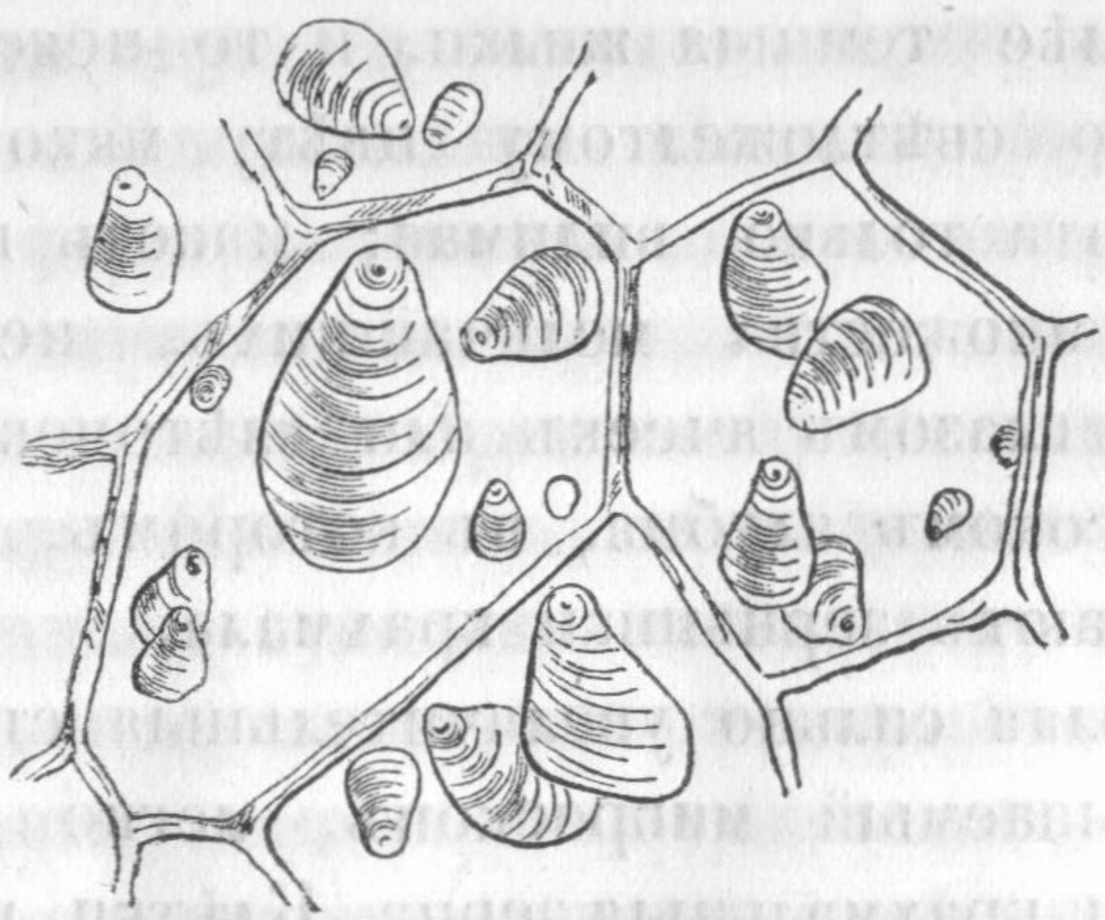
о самомъ картофелѣ, разобрать на чемъ основывается приготовленіе изъ него крахмала.

Картофельный клубень, такъ хорошо извѣстный каждому, представляетъ шишкообразное тѣло, различной величины, цвѣта и формы, смотря по возрасту и породѣ; но всегда снабженное по поверхности такъ называемыми глазками. Эти глазки луновидныя ямки; на самомъ днѣ ихъ виднѣется маленькая почка, изъ которой выходитъ побѣгъ, когда картофель положенъ въ землю или лежитъ въ сыромъ мѣстѣ. Поверхность картофеля состоитъ изъ кожицы, которую трудно отдѣлить отъ сыраго клубня и такъ легко отъ варенаго. Внутренность картофелины заключаетъ болѣе или мѣнѣе плотную мякоть, но всегда сочную, отдѣляющую особенный запахъ, свойственный сырому картофелю. Эта мякоть при разрѣзѣ ножемъ кажется цѣльною и однородною, только кое гдѣ видны болѣе темныя жилки, и то неясно различаемыя по свѣтложелтому цвѣту мякоти. Однородность эта только видимая; мякоть вся состоитъ изъ множества мельчайшихъ, невидимыхъ простымъ глазомъ ячеекъ или клѣточекъ, наполненныхъ сокомъ клубня, въ которомъ, такъ сказать, плаваютъ зернышки крахмала.

Употребляя сильно увеличительныя стекла, или такъ называемый микроскопъ, легко различить и клѣтки и крахмальныя зерна. Клѣтки, при этомъ разсматриваніи, оказываются какъ бы пузырьками, но не округленными; ихъ ограничиваютъ шесть,

восемь, а иногда и болѣе стѣнокъ, состоящихъ изъ тонкой и прозрачной кожицы или перепонки. Чѣмъ ближе эти клѣтки къ серединѣ картофелины, тѣмъ онъ крупнѣе и чѣмъ дальше отъ середины, —тѣмъ мельче. Въ такихъ-то клѣткахъ заперты, заключены крахмальные зернышки, которыя раждаются и растутъ по мѣрѣ того какъ зрѣетъ самъ картофель. Вотъ почему въ молодомъ клубнѣ эти зерна круглы, шарообразны и чѣмъ болѣе вырастаетъ картофель, тѣмъ болѣе растетъ и зерно крахмала. Но зерно это растетъ не правильно: у него утолщается одинъ бокъ и оно принимаетъ форму весьма похожую на огуречное семя, т. е. одинъ конецъ его узокъ, а другой широкъ. Но какова бы ни была форма крахмальнаго зерна, оно всегда заперто въ клѣткѣ, а клѣтки прикрыты общей кожицей клубня.

Чертежъ 1.

Прилагаемый рисунокъ показываетъ картофельную клѣтку съ ея крахмальными зернышками.

Изъ него видно также, что каждое крахмальное зернышко имѣетъ въ узкомъ концѣ точку, отъ которой кругомъ идутъ слои.

И такъ всякій картофельный клубень состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

1) Наружной кожицы, 2) картофельнаго сока, 3) клѣточекъ и 4) запертыхъ въ нихъ крахмальныхъ зеренъ.

При переработкѣ картофеля въ крахмалъ нужны только зерна; сокъ, кожица и клѣтки идутъ въ отбросъ, который тоже имѣетъ свое полезное примѣненіе, какъ узнаемъ объ этомъ ниже.

Но чтобъ достать изъ клубня крахмалъ, т. е. крахмальныя зерна, понятно—нужно прежде всего разорвать наружную кожицу картофелины, а потомъ разорвать и всѣ клѣтки, въ которыхъ заключены эти зерна. То и другое достигается растираніемъ картофеля на теркахъ, и это растираніе составляетъ самую главную и самую важную работу въ приготовленіи крахмала. Положимъ теперь, что картофель растертъ, превращенъ въ кашеобразную массу, такъ называемую *мязгу;* но эта мязга еще не крахмалъ, изъ нее надобно отдѣлить крахмальныя зерна, которыя теперь свободны, потому что клѣтки, въ которыхъ они были заключены, дѣйствіемъ терки разорваны. Прибавимъ, что въ этой мязгѣ кромѣ разорванныхъ клѣтокъ и кожицы примѣшанъ къ крахмалу еще картофельный сокъ. Все это легко раздѣляетъ вода; если мы возьмемъ растертую картофель, бросимъ

на сито и, поливая водой, будемъ протирать его, то вода вымоетъ крахмальныя зерна, растворитъ сокъ и все это протечетъ сквозь сито, а разорванныя клѣтки и кожица останутся на ситѣ. Если за тѣмъ протекающую сквозь сито воду, увлекающую и крахмалъ и картофельный сокъ, мы соберемъ въ кадку и оставимъ въ покоѣ, то очень скоро крахмальныя зерна сядутъ на дно крѣпкимъ слоемъ крахмала, изъ котораго остается только слить воду, растворившую сокъ. Этимъ простымъ пріемомъ отдѣляется крахмалъ отъ сока; но ежели мы хотимъ приготовить его чистымъ, то стоитъ только еще разъ промыть водою, дать отстояться, слить воду и собрать крахмалъ, который часто продается сырымъ, когда есть близко паточные заводы, или сушится, когда нужно сохранять его долго или отправлять въ дальній путь.

Вотъ краткій очеркъ картофельно-крахмальнаго производства, которому, впрочемъ, всегда предшествуетъ одна предварительная работа—это промывка картофеля. Если клубень въ томъ видѣ, какъ онъ вынутъ изъ земли, мы будемъ прямо обработывать въ крахмалъ, то приставшая къ нему земля протечетъ, при промывкѣ, тоже сквозь сито и дастъ товаръ сорный, нечистый; да сверхъ того попадающія гальки и камешки испортятъ терку. Эти причины заставляютъ промывать картофель, прежде нежели начнутъ растирать его. Такимъ образомъ всѣ работы крахмальнаго производства расположатся въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Промывка картофеля.
2) Растираніе картофеля.
3) Промывка на ситахъ мязги.
4) Отмывка крахмала.
5) Набивка въ кули или сушка, смотря по запросу.

Такъ какъ картофель поспѣваетъ одновременно и приходится это въ концѣ августа, а вдругъ переработать его въ крахмалъ невозможно, нельзя и въ полѣ держать дольше заморозовъ,—то необходимо при заводѣ должны находиться помѣщенія для сохраненія картофеля, въ которыхъ бы могъ онъ пролежать до конца работъ, заканчивающихся, по обыкновенію, къ Рождеству. Эти помѣщенія составляютъ важную статью въ производствѣ; картофельный клубень—такой припасъ, который легко портится: гніетъ или проростаетъ. Въ томъ и другомъ случаѣ всего болѣе страдаютъ крахмальныя зерна: они уничтожаются, и выходъ крахмала становится меньше, а съ тѣмъ вмѣстѣ и выработка безвыгоднѣе. Самое дешевое и простое помѣщеніе составляютъ вырытыя въ землѣ ямы, куда сваливается картофель и прикрывается сверху соломой, хворостомъ и землею, чтобы морозъ не могъ дѣйствовать; но такое сохраненіе—самое худшее: здѣсь всего скорѣе образуется въ картофелѣ порча.

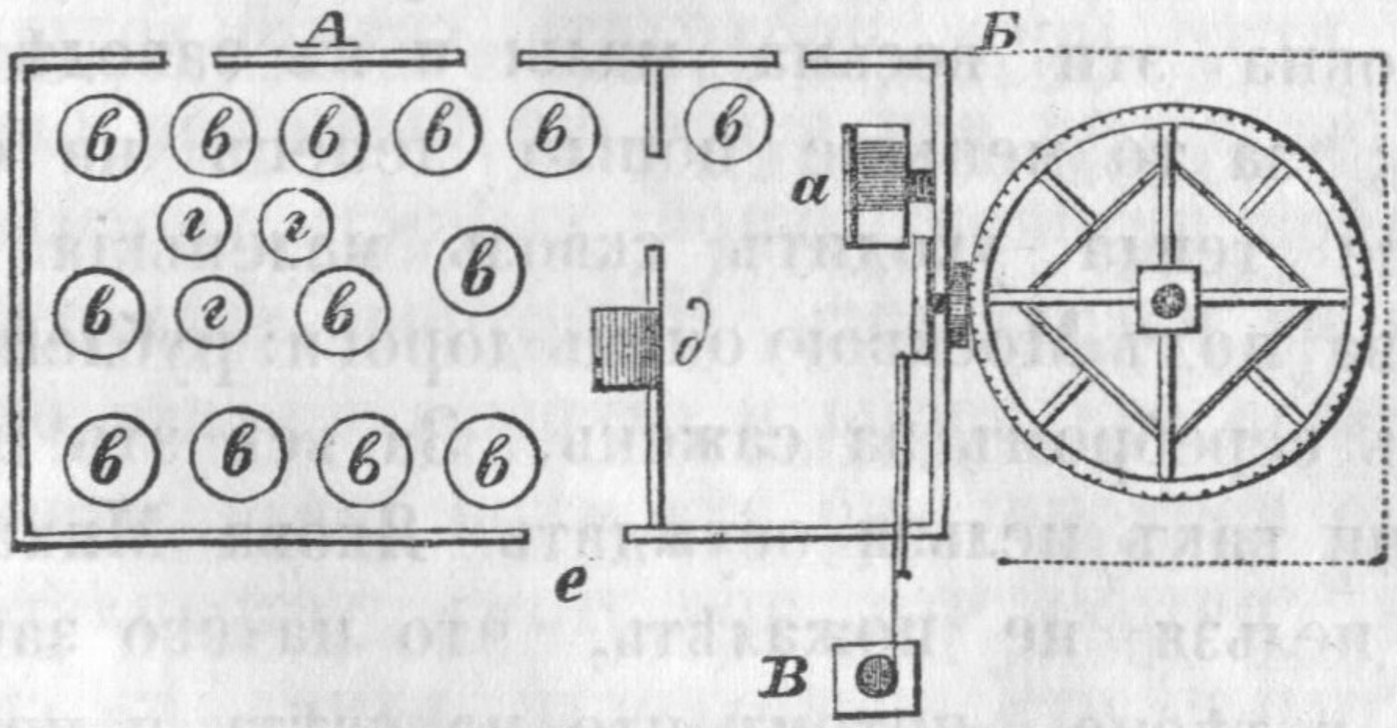
У Якова Михайлова, въ селѣ Троицко-Раменскомъ, для этой цѣли устроены въ землѣ подвалы. Конечно, они лучше ямъ, но и въ нихъ неизбѣжна

порча, а съ нею и малый выходъ крахмала подъ конецъ заводской работы. Въ нашемъ, впрочемъ, холодномъ климатѣ ничего и нельзя совѣтовать кромѣ подваловъ; но было бы лучше, если бы работа не тянулась до Рождества, т. е. четыре мѣсяца, а кончалась въ два; тогда бы порча картофеля была меньше, а барышъ съ крахмала больше. Это обстоятельство понимаютъ и наши мужички-заводчики, да недостатокъ денежныхъ средствъ для завода съ двойнымъ ходомъ, недостатокъ въ водѣ, заставляютъ ихъ отказываться отъ скорой работы и лишней ея выгоды. Говоря о сохраненіи картофеля въ подвалахъ, не могу удержаться отъ одного совѣта: порча его, главнымъ образомъ, происходитъ отъ того, что клубень валится въ подвалъ цѣльною кучею, изъ которой некуда дѣваться сырости, отъ нея отдѣляющейся; куча нагрѣвается и картофель проростаетъ и гніетъ. Если бы сквозь кучу могъ проходить свѣжій воздухъ, то такой бы порчи или вовсе не было или была бы она самой незначительной: сырость уносилась бы и куча не нагрѣвалась. Нѣкоторые дѣлаютъ вверху подвала отдушины и открываютъ ихъ отъ времени до времени; но эта мѣра мало приноситъ пользы, потому что при этомъ устраняется сырость только отъ поверхности кучи; въ срединѣ же ея она стоитъ и портитъ картофель. Если бы въ такомъ подвалѣ вывести съ самаго дна одну или двѣ кирпичныя трубы, смотря по величинѣ подвала, подѣлавши въ бокахъ ихъ сквозныя диры,

поднять эти трубы даже сверхъ земли (подвала) аршина на два, то сырость будетъ тянуться трубой изъ всей кучи, и порча будетъ несравненно меньшею. Разумѣется, что трубы должны быть на верху закрыты и открываться только по временамъ, и въ это время полезно даже пріотворять двери подвала или сдѣлать въ нихъ тоже отдушины. Постройка такихъ трубъ не обойдется дорого, да притомъ ихъ можно сдѣлать и изъ кирпича глиномятнаго, т. е. необозженаго; и во всякомъ случаѣ этотъ расходъ будетъ только единовременный, который скоро окупится пользой отъ лучшаго сбереженія картофеля.

Переходя теперь къ самой выработкѣ крахмала, я опишу сначала помѣщеніе завода у Якова Михайлова, какъ образчикъ крестьянскаго хозяйства въ подобномъ случаѣ.

Чертежъ 2.

Заводъ помѣщается на задахъ, въ огородѣ, тоже засаженномъ картофелемъ, и состоитъ изъ двухъ строеній: одного теплаго *А*, крытаго тесомъ, въ которомъ собственно и находится заводъ, и дру-

таго холоднаго *Б*, съ плетенымъ заборомъ и соломенной крышей, гдѣ помѣщается конный приводъ, приводящій въ движеніе терку и накачивающій насосъ колодца *В*, который вырытъ тутъ же около завода. Теплое строеніе разгорожено на двѣ неравныя части: меньшую, гдѣ установлена терка *а* и промывной чанъ *б*, и большую, въ которой помѣщены двѣнадцать промывныхъ кадокъ *ввв* и три отмывныхъ *ггг*. Около стѣны устроена печь *д* съ желѣзною трубою, идущею для большаго тепла вдоль завода. Помѣщеніе это такъ тѣсно, что едва можно пройти между кадками; понятно, что и работа крайне отъ этого неудобна. Но противъ тѣсноты говорить нечего: лѣсъ подъ Москвою не дешевъ и болѣе просторная постройка обошлась бы дороже.

Заводъ освѣщается тремя окнами, два въ промывномъ отдѣленіи, одно въ терочномъ (гдѣ терка); окна эти весьма малы и въ заводѣ очень темно; за то меньше пошло денегъ на стекла, меньше тепла уходитъ сквозь маленькія рамы; а дрова подъ Москвою очень дороги: рублей шесть и семь серебромъ за сажень. За всѣ эти неудобства ни какъ нельзя осуждать Якова Михайлова, хотя нельзя не пожалѣть, что на его заводѣ и темно и тѣсно, потому что на свѣту и просторѣ всякая работа идетъ лучше, успѣшнѣе.

Дверь въ заводъ *е* сдѣлана довольно широкая, въ два полотна, чтобъ черезъ нее удобно было выносить кули, набитые крахмаломъ; она ведетъ

въ промывное отдѣленіе. Весь заводъ съ обоими его отдѣленіями не длиннѣе шести саженъ и не шире трехъ.

Я не буду говорить теперь о правильности и удобствѣ описаннаго расположенія завода, они будутъ видны изъ разсказа самаго производства, которое и изложу по порядку.

1. Промывка картофеля.

Выше уже было сказано, почему эта промывка необходима: картофель при вынутіи изъ земли, особенно въ сырую погоду и изъ глинистаго грунта, удерживаетъ на своей поверхности много земли, которая непремѣнно попадетъ въ крахмалъ и засоритъ его. Промывая клубни водою, легко отдѣлить отъ нихъ землю. На заводѣ Якова Михайлова эта промывка идетъ очень просто: въ терочномъ отдѣленіи ставится довольно большая кадка *в* (чертежъ 2), куда наливается вода и бросается картофель; работникъ веселкомъ мѣшаетъ его, причемъ земля отстаетъ и садится на дно. Когда вода сдѣлается сорною, ее выливаютъ и замѣняютъ новой. Этимъ и заканчивается первая работа. Какъ ни проста она, но въ ней очень много недостатковъ, о которыхъ нельзя промолчать.

Картофель, при такой промывкѣ, не можетъ выйти чистымъ, или нужно мыть его на нѣсколькихъ водахъ, что усложнитъ и затруднитъ работу; мѣшая веселкомъ, работникъ мутитъ воду и не

даетъ легко садиться землѣ на дно кадки. Для поправки этого недостатка, промывная кадь Якова Михайлова снабжена рѣшеткой, которая ставится вершка на четыре выше дна; но и это улучшеніе не даетъ такой чистой промывки, какой достигаютъ на хорошихъ заводахъ другими средствами.

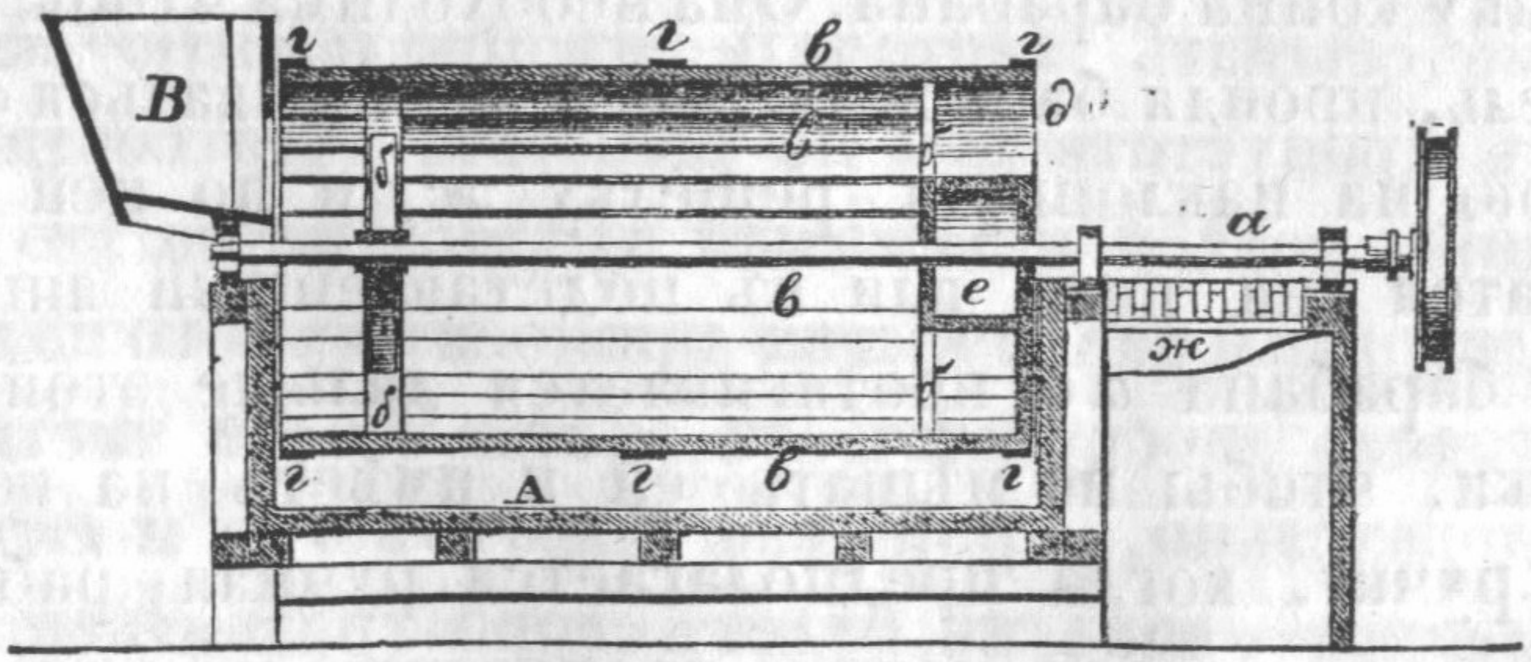
Тамъ картофель, прежде мытья, перегоняется сухимъ по рѣшеткѣ, устроенной очень просто: это есть длинный ящикъ (чѣмъ длиннѣе тѣмъ лучше), поставленный немножко покато на подпорахъ, такъ, чтобъ подъ нимъ было пустое мѣсто. Вмѣсто дна этого ящика устроено изъ деревянныхъ брусковъ, поперегъ положенныхъ, рѣшетка; бруски вставлены ребромъ вверхъ и на такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы самая мелкая картофелина не проскакивала. Картофель насыпается на приподнятый конецъ ящика и метлой перегоняется по рѣшеткѣ; причемъ, прыгая по брускамъ, очищается отъ прильнувшей кучками земли, которая проваливается подъ рѣшетку. Конечно, легче прямо ссыпать картофель въ промывную кадку, чѣмъ пропустить его по решеткѣ, что составитъ лишній, хотя и нетяжелый трудъ, но за то эта предварительная очистка приноситъ много пользы: картофель поступаетъ въ мытье болѣе чистымъ, слѣдовательно, промывка идетъ легче и скорѣе, а главное—вода не будетъ скоро грязниться и ее израсходуется меньше. Конечно, вода не дорога; но ее и безъ промывки требуется слишкомъ много на заводѣ, а накачиваніе ее требуетъ труда и

времени. Сверхъ того перепусканіе картофеля по рѣшеткѣ представляетъ еще другія немаловажныя выгоды: при этомъ камешки болѣе мелкія проскочатъ сквозь рѣшетку, а болѣе крупные, какъ тѣла тяжелыя засядутъ между брусками и могутъ быть удобно выбраны; слѣдовательно, въ терку камень уже не попадетъ и не испортитъ ее, что нерѣдко случается теперь при одной промывкѣ въ кадкѣ.

На хорошихъ заводахъ мытье картофеля водой производится тоже иначе, кадка и веселко не употребляются, а замѣняются такъ называемымъ промывнымъ барабаномъ, который скоро и чисто моетъ картофель. Этихъ барабановъ придумано нѣсколько устройствъ; я разскажу здѣсь то, которое легче всего приложимо въ простомъ хозяйствѣ.

Прилагаемый рисунокъ показываетъ этотъ барабанъ въ разрѣзѣ.

Чертежъ 3.

Въ деревянный ящикъ *А*, куда до половины наливается вода, вставляется барабанъ; этотъ бара-

банъ состоитъ изъ оси *а а*, которая можетъ быть и деревянною съ желѣзными концами или вся желѣзною, смотря по средствамъ завода. На оси этой, нѣсколько отступая отъ краевъ барабана, укрѣплены два круга или обода; помощію четырехъ крестообразныхъ ступицъ *б, б;* на ободы положены вдоль деревянные *бруски в, в,* которые и составляютъ самый барабанъ. Бруски врѣзаны въ ободъ и размѣщены на такомъ разстоянiи другъ отъ друга, чтобы картофель не могъ проскакивать въ ящикъ. Для крѣпости барабанъ окованъ тремя обручами *г, г, г.* Съ передняго конца такой барабанъ совершенно открытъ и къ нему примыкаетъ ковшъ *В,* въ который и засыпается картофель; задній конецъ, наоборотъ, глухой, и только въ одномъ мѣстѣ *д* оставлено отверстiе для выпуска картофеля; къ этому отверстiю, внутри барабана, придѣлана перегородка *е,* которой данъ выгибъ улитки; перегородка можетъ быть собрана изъ брусочковъ же, вставленныхъ въ глухую стѣнку конца барабана. Она необходима чтобы картофель, пройдя барабанъ, могъ выкидываться самъ собою на наклонную решетку *ж,* и по ней скатывается на полъ или въ подставленный ящикъ. Ось барабана *а а* протягивается дальше этой рѣшотки, чтобы не мѣшать ей и имѣетъ на концѣ или ручку, когда предполагается ручная работа, или шкивъ, когда можно пропустить на него ремень отъ привода.

Какъ видно изъ сдѣланнаго мною описанiя,

устройство такого барабана довольно просто; можетъ быть сдѣлано даже домашними средствами; по крайнѣй мѣрѣ оно отнюдь не труднѣе терки. Промывка въ немъ картофеля самая полная, каждый клубень разъ сотню окунется въ воду ящика—пока дойдетъ до конца барабана, и всѣ землистыя частицы унесутся ею сквозь промежутки между брусками. Здѣсь работа не зависитъ отъ усердія или внимательности рабочаго, который нуженъ только, чтобы разбрасывать картофель въ ковшъ, что онъ можетъ дѣлать и изъ за другой работы.

Было бы весьма желательно, чтобы напи поселяне, занимающіеся выработкой крахмала, устроили у себя такіе промывные барабаны, тѣмъ болѣе, что всѣ они почти имѣютъ конные приводы, которые теперь только трутъ картофель, а тогда будутъ и мыть его, на что потребуется уже немного лишней силы, а она обойдется дешевле рабочаго, моющаго теперь въ чану веселкомъ. Сверхъ того, хорошо вымытый картофель меньше тупитъ терку и даетъ гораздо чище самый крахмалъ.

2. Растираніе картофеля.

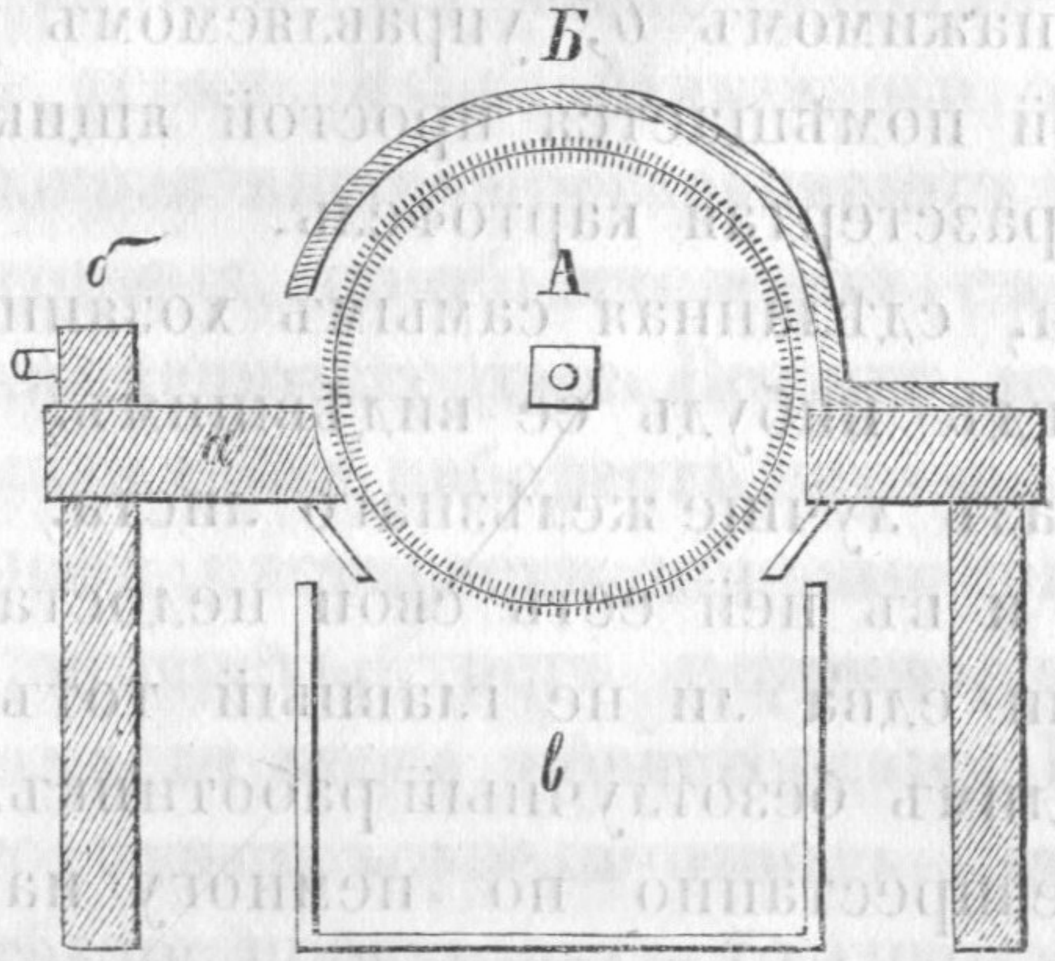
Вторая работа при выработкѣ крахмала состоитъ въ растираніи картофеля, имѣющемъ цѣлью, какъ было замѣчено выше, разорвать клѣточки, заключающія въ себѣ крахмальныя зерна. Терка устроевается именно для этой цѣли; но устройство ея бываетъ разное, и достоинство его

чрезвычайно важно для производства: чѣмъ лучше терки, тѣмъ легче промывка мязги и тѣмъ больше выходъ крахмала. Если терка работаетъ дурно, не разрываетъ ровно клѣтокъ, оставляетъ нѣкоторыя изъ нихъ цѣлыми, или даже, какъ это часто случается, пропускаетъ куски нерастертые вовсе, то, понятно, — крахмала получится меньше, слѣдовательно и меньше выгоды.

Самая простѣйшая изъ терокъ, употребляемая еще многими крестьянами, состоитъ изъ свернутаго въ цилиндръ (барабанъ) толстаго желѣзнаго листа, пробитаго множествомъ дыръ, которыхъ острый, выдавившійся при пробиваніи край, обращенъ наружу. Барабанъ этотъ насаживается на валъ, устанавливаемый въ ящикѣ; сверху наставляется ковшъ, въ который бросается картофель и трется при вращеніи барабана. Это устройство, какъ не просто и ни сподручно по наружи, самое худшее и самое убыточное. Здѣсь растираніе не можетъ быть ни полнымъ, ни ровнымъ: трутъ выдающіеся острые края дыръ, которые не одинаковы—одни больше, другіе меньше. Кромѣ того, терка эта скоро затирается, заглаживается картофелемъ и ее надо часто промывать водой; острія краевъ легко тупятся и подточить ихъ нельзя уже — нужно бросать желѣзный листъ и пробивать новый. Наконецъ, этотъ листъ и ржавѣетъ; словомъ въ этой теркѣ столько неудобствъ и недостатковъ, что, при всей дешевизнѣ, она убыточна хозяину — служитъ худой недолго.

На заводѣ Якова Михайлова устроена терка, болѣе похожая на употребляемую въ хорошихъ хозяйствахъ, т. е. терка съ пилами. Чертежъ 4. представляетъ разрѣзъ этой терки.

Чертежъ 4.

А, деревянный дубовый валъ или сплошной (цѣльный) цилиндръ, крѣпко насаженный на желѣзную ось, лежащую въ чугунныхъ подшипникахъ, укрѣпленныхъ на станкѣ терки. Одинъ изъ концовъ оси длиннѣе и несетъ шкивъ, которому, при посредствѣ ремня, передается движеніе отъ провода. По окружности цилиндра всажено 106 желѣзныхъ пилъ, которыя, при вращеніи своими зубцами и растираютъ картофель, т. е. рвутъ клѣтки, заключающія крахмальныя зерна. Зубья въ пилахъ нарѣзаны прямо. Такъ какъ цилиндръ вращается скоро, дѣлаетъ около 210 оборотовъ въ минуту, то чтобы не разбрасывалъ растираемой картофели онъ прикрытъ колпакомъ *Б*, сдѣ-

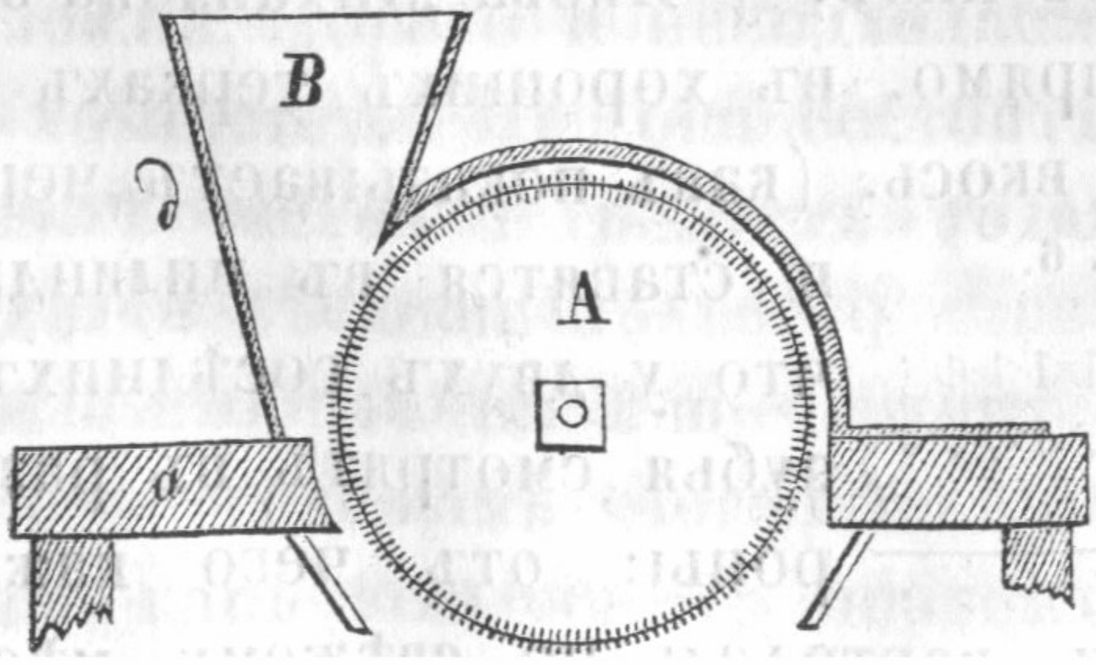
ланнымъ изъ довольно толстыхъ досокъ и легко снимаемымъ при осмотрѣ цилиндра. Этотъ колпакъ только спереди не закрываетъ цилиндра, оставляя пустое мѣсто, при которомъ на доску станка *а* накладывается картофель и прижимается къ теркѣ нажимомъ *б*, управляемомъ рабочимъ. Подъ теркой помѣщается простой ящикъ *в*, куда и падаетъ разстертая картофель.

Терка эта, сдѣланная самымъ хозяиномъ, безъ сомнѣнія, гдѣ нибудь ее видѣвшимъ, безспорно во много разъ лучше желѣзнаго листа, пробитаго дирами, но и въ ней есть свои недостатки, между которыми едва ли не главный тотъ, что при ней необходимъ безотлучный работникъ, который долженъ безпрестанно по немногу накладывать картофеля и потомъ прижимать его; между тѣмъ какъ хорошо устроенныя терки требуютъ труда гораздо меньшаго. Сверхъ того, при этомъ частомъ накладываніи неизбѣжны остановки въ работѣ, во время которыхъ валъ вертится даромъ и сила привода тратится безъ пользы. Такъ какъ здѣсь ручная прижимка, то картофеля кладется понемногу и слой его невеликъ, а отъ этого изъ 106 пилъ терки дѣйствуютъ на картофель заразъ не болѣе пяти, шести, а это очень мало; въ хорошихъ теркахъ работаетъ почти четверть цилиндра т. е. 24 пилы,—и понятно, что такая работа гораздо спорѣе. Такого устройства терка третъ картофель неровно, то мельче, то крупнѣе, потому что прижимъ работника, при всей его при-

вычности, не можетъ быть постоянно одинаковымъ. Чѣмъ сильнѣе нажимаетъ рабочій, тѣмъ зубья пилокъ забираются въ картофель глубже и трутъ его крупнѣе, и наоборотъ, чѣмъ меньше употреблено силы при надавливаніи, тѣмъ мельче разрываются клѣтки. Къ числу существенныхъ недостатковъ терки Якова Михайлова относится и то, что безпрестанно проскакиваютъ плоскіе кусочки картофеля, по обыкновенію съ наружной кожицей, вовсе нерастертые. Все это доказываетъ, что описанная терка работаетъ неудовлетворительно; а именно: растираетъ меньше того, сколько могла бы растереть, третъ неровно, и наконецъ оставляетъ части вовсе нерастертыя. Первое изъ этихъ обстоятельствъ увеличиваетъ цѣну работы, а два послѣдніе производятъ то, что много крахмала теряется, т. е. выходъ его меньше.

На хорошихъ заводахъ употребляются терки весьма похожія на только что описанную, но нѣсколько измѣненныя, Эти измѣненія, какъ показываетъ чертежъ 5, заключаются въ слѣдующемъ:

Чертежъ 5.

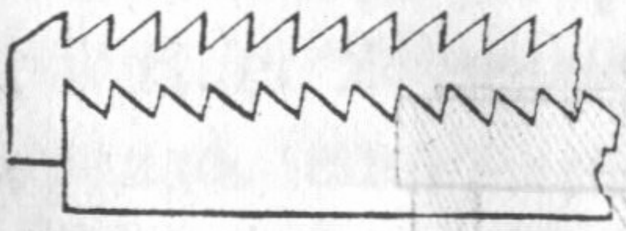

Точно такой же цилиндръ *A*, снабженный пилками, покрытъ колпакомъ, къ которому сбоку придѣланъ ковшъ *B*. Слѣдовательно, здѣсь не нуженъ работникъ для прижиманія картофеля, и весь трудъ состоитъ въ накладываніи клубня въ ковшъ, что можно сдѣлать и при другомъ занятіи, напримѣръ при промывкѣ картофеля. Это сбереженіе труда немаловажно. При ковшѣ нажиманіе устраняется тѣмъ, что картофель давитъ на терку самъ своимъ грузомъ, сверхъ того ковшъ даетъ возможность дѣйствовать на картофель несравненно большему числу пилокъ, что сильно увеличиваетъ работу терки.

Второе и весьма важное измѣненіе заключается въ томъ, что въ доску *a*, называемую башмакомъ, вставлена, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она обращена къ трущему цилиндру, пять или шесть такихъ же пилокъ, которыя, впрочемъ, не должны задѣвать запилки цилиндра. Эти пять или шесть пилъ, своими зубьями удержатъ всякой проскакивающій нерастертый кусокъ и дадутъ ему время растерѣться.

Наконецъ третіе измѣненіе заключается въ самой формѣ пилъ; у Якова Михайлова зубья ихъ нарѣзаны прямо, въ хорошихъ теркахъ они напиливаются вкось, (какъ показываетъ чертежъ 6), и ставятся въ цилиндръ такъ, что у двухъ сосѣднихъ пилокъ зубья смотрятъ въ разныя стороны; отъ чего каждый изъ нихъ беретъ картофель по свѣжему мѣсту, а не

Чертежъ 6.

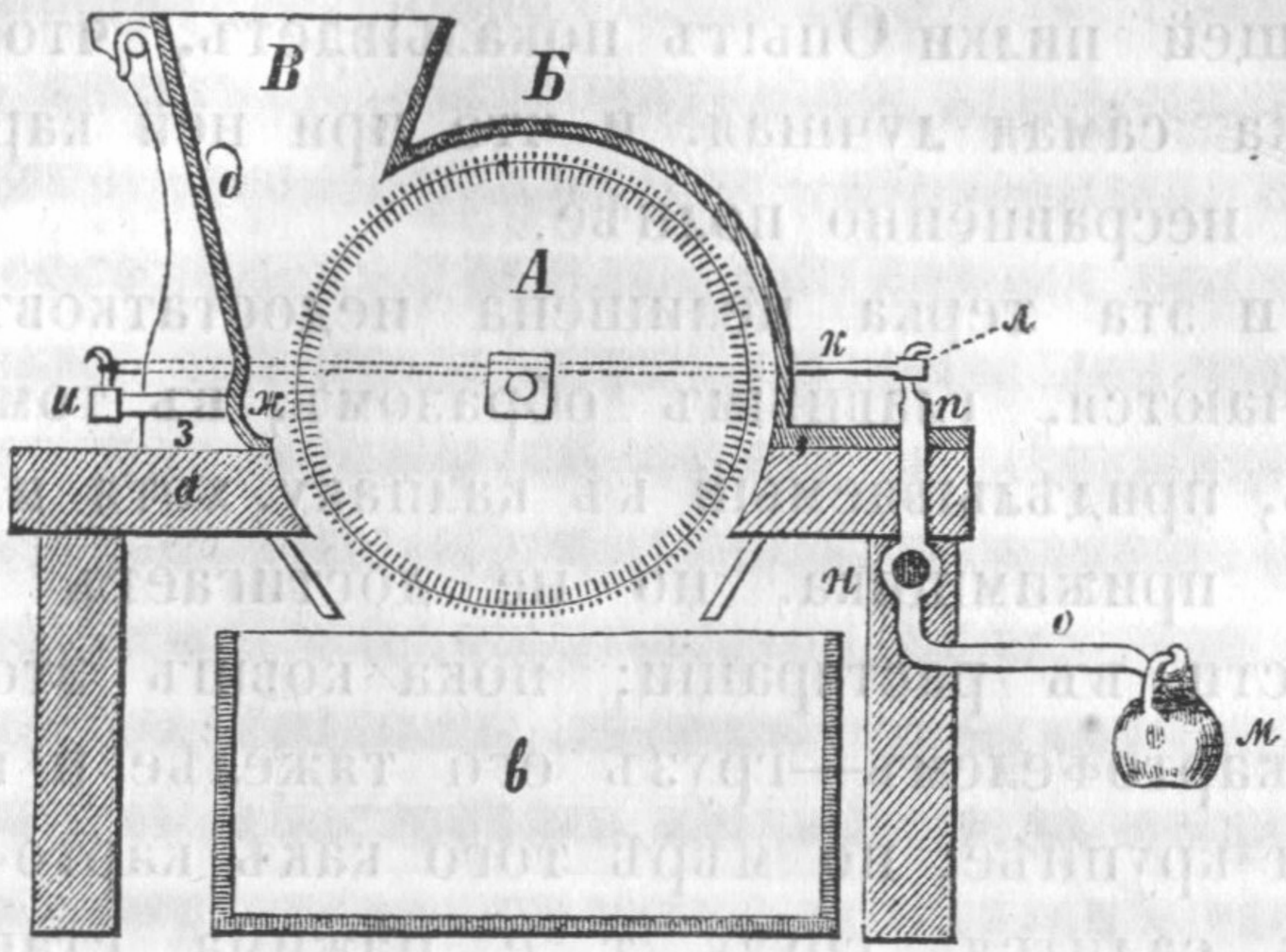
по той чертѣ, которую положили зубья предшествующей пилки Опытъ показываетъ, что такая нарѣзка самая лучшая, и что при ней картофель трется несравненно полнѣе.

Но и эта терка нелишена недостатковъ; они заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что ковшъ, придѣлываемый къ калпаку, хотя и устраняетъ прижимщика, но не достигаетъ полной ровности въ растираніи; пока ковшъ этотъ полонъ картофелемъ—грузъ его тяжелѣе и клубень трется крупнѣе; по мѣрѣ того какъ картофель въ ковшѣ садится, грузу, т. е. нажима, становится меньше и трѣніе мельче. Неменѣе важный недостатокъ состоитъ въ томъ, что если съ клубнемъ попадетъ въ ковшъ камень, то онъ испортитъ терку и перебьетъ зубья пилокъ, прежде нежели снимется ковшъ и вынется этотъ камень.

Эти недостатки заставили за границей искать улучшеній, и теперь придумана г. Гукомъ такая терка, противъ которой, кажется, уже сказать нечего. Я бы не началъ здѣсь и говорить объ этой теркѣ, ежели бы устройство ея было слишкомъ сложно, дорого и неподходяще къ крестьянскому хозяйству. Но она состоитъ изъ тѣхъ же главныхъ частей и требуетъ только маленькой передѣлки въ ковшѣ.

Въ теркѣ, изображенной на чертежѣ 5, ковшъ *B* сдѣланъ изъ цѣльныхъ четырехъ бочковъ; въ теркѣ Гука, какъ показываетъ чертежъ 7, задняя

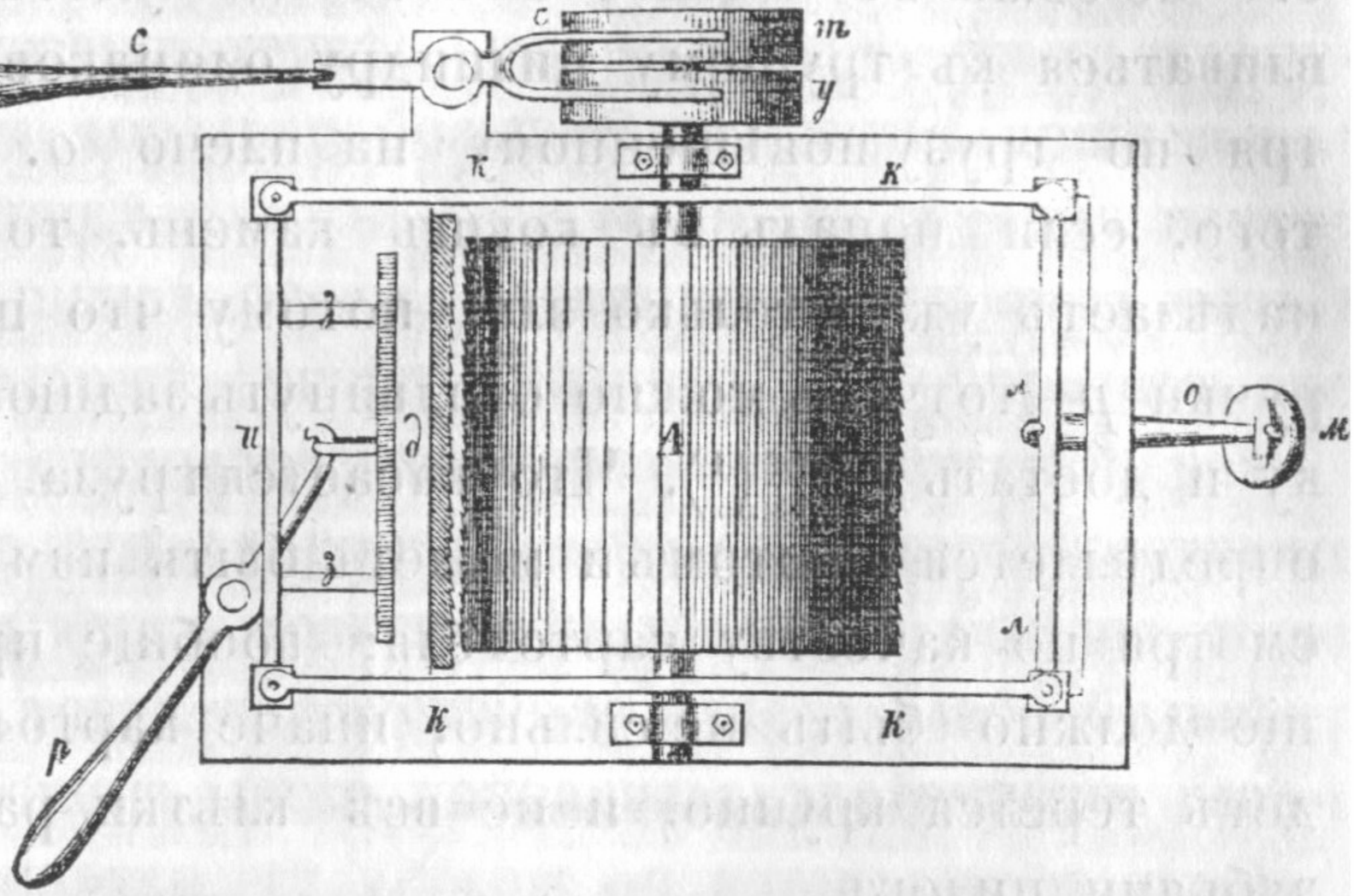
Чертежъ 7.

стѣнка ковша подвижная; она подвѣшена на два крючка боковыхъ стѣнокъ, между которыми удобно можетъ двигаться. Форма этой задней стѣнки тоже измѣнена немного: внизу ковша она имѣетъ ложбинку *ж* съ цѣлью, чтобы въ ней ложилось больше картофеля. Эта подвижная стѣнка должна нажимать заброшенные въ ковшъ клубни; для этой цѣли внизу упираются въ нее два коротенькіе бруска, *з, з*, которые лучше видно въ планѣ терки, изображенномъ на чертежѣ 8.

Бруски эти соединены поперечнымъ брускомъ *и*, довольно длиннымъ, такъ что концы его выдаются изъ за боковъ ковша; эти концы соединены, въ свою очередь, съ двумя длинными брусками, *к, к*, идущими по бокамъ всей терки и на противуположномъ концѣ снова соединенные поперечнымъ брускомъ *л*. Такимъ образомъ бру-

Чертежъ 8.

ски *и*, *к*, *к*, *л*, составляютъ четырехъ-угольную рамку, которая брусочками *з*, *з* скрѣплена съ задней стѣнкой ковша и должна прижимать ее къ трущему цилиндру, что достигается помощію груза *м*. Чтобы этотъ грузъ тянулъ рамку, въ станкѣ терки помѣщается ось *н*, которая можетъ свободно вращаться; на ней укрѣпленъ неподвижно двуплечій рычагъ, согнутый колѣномъ, подъ прямымъ угломъ; на колѣно *о* навѣшивается грузъ *м*, т. е. гиря, а колѣно *п*, захватываетъ по срединѣ брусокъ *л* и тянетъ всю рамку; слѣдовательно заставляетъ заднюю стѣнку ковша *д* придавливать картофель къ теркѣ. Бруски эти въ теркѣ Гука сдѣланы желѣзные, но они также хорошо могутъ исполнять свое дѣло, ежели будутъ приготовлены и изъ дерева.

Такимъ устройствомъ достигается полная рав-

номѣрность въ растираніи картофеля; сколько бы его не было въ ковшѣ, онъ всегда будетъ придавливаться къ трущему цилиндру одинаково, смотря по грузу повѣшенному на плечо *o*. Сверхъ того, если попалъ въ ковшъ камень, то онъ не надѣлаетъ уже столько зла, потому что помощію ручки *p* тотчасъ можно отодвинуть заднюю стѣнку и достать его (1). Что касается груза, то онъ опредѣляется опытомъ и можетъ быть измѣняемъ, смотря по качеству картофеля; вообще прижиманіе должно быть не сильно, иначе картофель будетъ теретъся крупно, и не всѣ клѣтки разорвутъ зубьями пилокъ.

Заграничные заводчики отзываются о теркѣ Гука съ самой отличной стороны и она тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ нее легко передѣлать нашу обыкновенную терку: станокъ и трущій цилиндръ останутся безъ перемѣны, вставить же пять пилокъ въ доску *a* и наставить ковшъ съ подвижной стѣнкой и нажимомъ — дѣло вовсе нетрудное.

На заводѣ Якова Михайлова терка приводится въ движеніе коннымъ приводомъ, который, какъ видно на чертежѣ 2, помѣщается подлѣ терочной въ сараѣ. Приводъ этотъ имѣетъ обыкновенное устройство: зубчатое колесо, или правильнѣе назвать, кругъ съ пальцами, насажено на вертикальномъ

---

1) Ручкой *c* слѣдуетъ въ это время перевести ремень съ дѣйствующаго шкива *y* на лапатки *m*.

(стоячемъ) валу, вверху, т. е. выше лошадей, и перебираетъ пропускную шестерню оси, передающей движеніе теркѣ. Ось проходитъ сквозь стѣну и несетъ довольно большой, до двухъ аршинъ въ поперечникѣ, шкивъ, съ котораго ремень идетъ уже на шкивъ терки, почти въ десять разъ меньшій. Большой шкивъ дѣлаетъ 20 оборотовъ въ минуту, слѣдовательно терка повернется 200 разъ. Скорость эта, впрочемъ, не слишкомъ быстрая; хорошая терка должна дѣлать вдвое больше оборотовъ, тогда и дѣйствіе ея будетъ вдвое больше; это впрочемъ легко поправить, увеличивши главный шкивъ.

Растертая картофель собирается въ подставленный подъ теркой ящикъ и по мѣрѣ накопленія поступаетъ въ слѣдующую работу.

3. Промывка мязги.

Терка только разрываетъ клѣтки картофельной мякоти, и такимъ образомъ дѣлаетъ возможнымъ извлеченіе изъ нихъ крахмальныхъ зеренъ, что достигается промываніемъ водою. Это промываніе на заводѣ Якова Михайлова производится очень просто, а именно:

У каждаго работника имѣются четыре большія кадки, вмѣстимостію ведеръ до 25; кадки сбоку, вершковъ на 6 выше дна, имѣютъ диру заткнутую деревяннымъ гвоздемъ. На кадкѣ устанавливается обыкновенное волосяное сито, какое упо-

требляется для просѣянія муки въ домашнемъ хозяйствѣ; на это сито бросается растертая картофель и промывается водою. Сначала она протекаетъ бѣлою, какъ бы молоко, отъ вымываемыхъ зеренъ крахмала, но потомъ становится болѣе и болѣе прозрачною и наконецъ совсѣмъ чистою; это значитъ, что весь крахмалъ вымытъ.

Тогда мязга выкидывается и на сито кладется новое количество растертаго картофеля, и промывка продолжается, пока не наполнится кадка. Тогда работникъ переходитъ на вторую, третію и наконецъ четвертую кадку.

Вода доставляется по жолобу изъ насоснаго колодца, и что хорошо на заводѣ Якова Михайлова, то это то, что у него для накачиванія насоса не требуется особыхъ рабочихъ, какъ на другихъ подобныхъ заведеніяхъ,—работаетъ тотъ-же конный приводъ. Для этой цѣли придуманъ заводчикомъ довольно сложный, правда, механизмъ передачи движенія, но тѣмъ не менѣе достигающій цѣли, а главное—не требующій ни зубчатыхъ колесъ, ни шкивовъ, ни ремня. По бокамъ колодца врыты два столба, по которымъ идетъ деревянный валъ, съ желѣзными подшинниками, который слѣдовательно можетъ вращаться; но этому валу дано не полное круговое движеніе, а только качательное, помощію длиннаго отвѣснаго бруска, къ нижнему концу болѣе толстаго, пропущеннаго сквозь валъ вблизи одного изъ его концовъ. Этотъ-то отвѣсный брусъ и качается приводомъ, сообщеніе съ

которымъ, т. е. передача движенія, устроено такъ: на томъ же самомъ шкивѣ, съ котораго идетъ ремень къ теркѣ, укрѣпляется, пропускнымъ гвоздемъ (т. е. не наглухо) мотыль, брусокъ, который имѣетъ наклонное положеніе и другимъ концомъ скрѣпляется опять не наглухо съ лежачимъ деревяннымъ же брускомъ, который ходитъ въ желобкѣ; этотъ послѣдній брусъ высовывается изъ стѣны и помощію третьяго бруса скрѣпляетъ пропускными гвоздями съ отвѣснымъ брусомъ вала. Понятно, что когда приводъ дѣйствуетъ, т. е. шкивъ вертится, то мотыль заставитъ лежачій брусокъ ходить взадъ и впередъ, а отвѣсный качается какъ маятникъ у часовъ. Размахи маятника могутъ быть и больше и меньше, смотря потому, на которымъ мѣстѣ лежачаго бруска прикрѣпляется передатель движенія качающемуся брусу, — ближе ли къ концу или дальше; чѣмъ ближе, тѣмъ розмахи больше и наоборотъ. Этой различной установкой можно управлять подаваемымъ изъ колодца количествомъ воды.

Всѣмъ сказаннымъ, мы объяснили только, что валъ, лежащій надъ колодцемъ, можетъ качаться, лежа на двухъ столбахъ, врытыхъ по бокамъ. Теперь остается расказать, какъ этотъ валъ качающійся заставляетъ двигаться въ насосѣ поршень, и подымать воду. Тутъ изобрѣтательнымъ Яковомъ Михайловымъ придумана передача движенія совершенно особенная: поверхъ вала, надъ самымъ поршнемъ, укрѣплена пара лежачихъ брусковъ, на

которые надѣланы еще, къ сторонѣ къ заводу, довольно длинные концы, съ небольшимъ положеннымъ на нихъ камнемъ, для лучшаго хода. Съ другой стороны соединяются съ этими лежачими брусками, помощію пропущеннаго свободно гвоздя, два бруска, идущіе отвѣсно къ поршню насоса и съ нимъ соединяющіеся, тоже сквознымъ болтомъ. На концы этого болта надѣты двѣ упорки, направленныя къ стѣнѣ завода, у которой укрѣплены на ушахъ, такъ что могутъ тоже качаться — и вотъ этими-то тремя парами брусковъ, при дѣйствіи привода, т. е. при качаніи вала, поршень насоса то опускается, то подымается—и стакалъ его подаетъ въ заводъ воду.

Конечно, проще было бы помощію ремня и шкива заставить валъ вертѣться и насадить на него надъ поршнемъ, такъ называемый эксцентрикъ, т. е. кружокъ, пропущенный не чрезъ центръ (середину) и обхваченный свободно кольцомъ; тогда бы кольцо это тоже заставило бы подыматься и опускаться поршень; но эксцентрикъ надо бы дѣлать металлическій, хорошо смазывать—все это не совсѣмъ сподручно крестьянину.

Но вернемся опять къ промывкѣ растертаго картофеля. Изъ сказаннаго выше видно, что она очень проста, но ни какъ нельзя сказать, чтобы она была хороша и выгодна. Не будемъ уже говорить о томъ, что при такой промывкѣ не зависитъ отъ радѣнія рабочаго, разберемъ другіе недостатки, а ихъ не мало:

1) Ручная промывка неровна—одинъ и тотъ же работникъ одно сито отмываетъ лучше, другое хуже, какъ ему покажется; а въ заводѣ темно, слѣдовательно и винить его нельзя.

2) Ручная работа требуетъ много труда, потому что чѣмъ усерднѣе переминается растертый картофель на ситѣ, чѣмъ полнѣе вымывается крахмалъ, тѣмъ выходъ его больше....

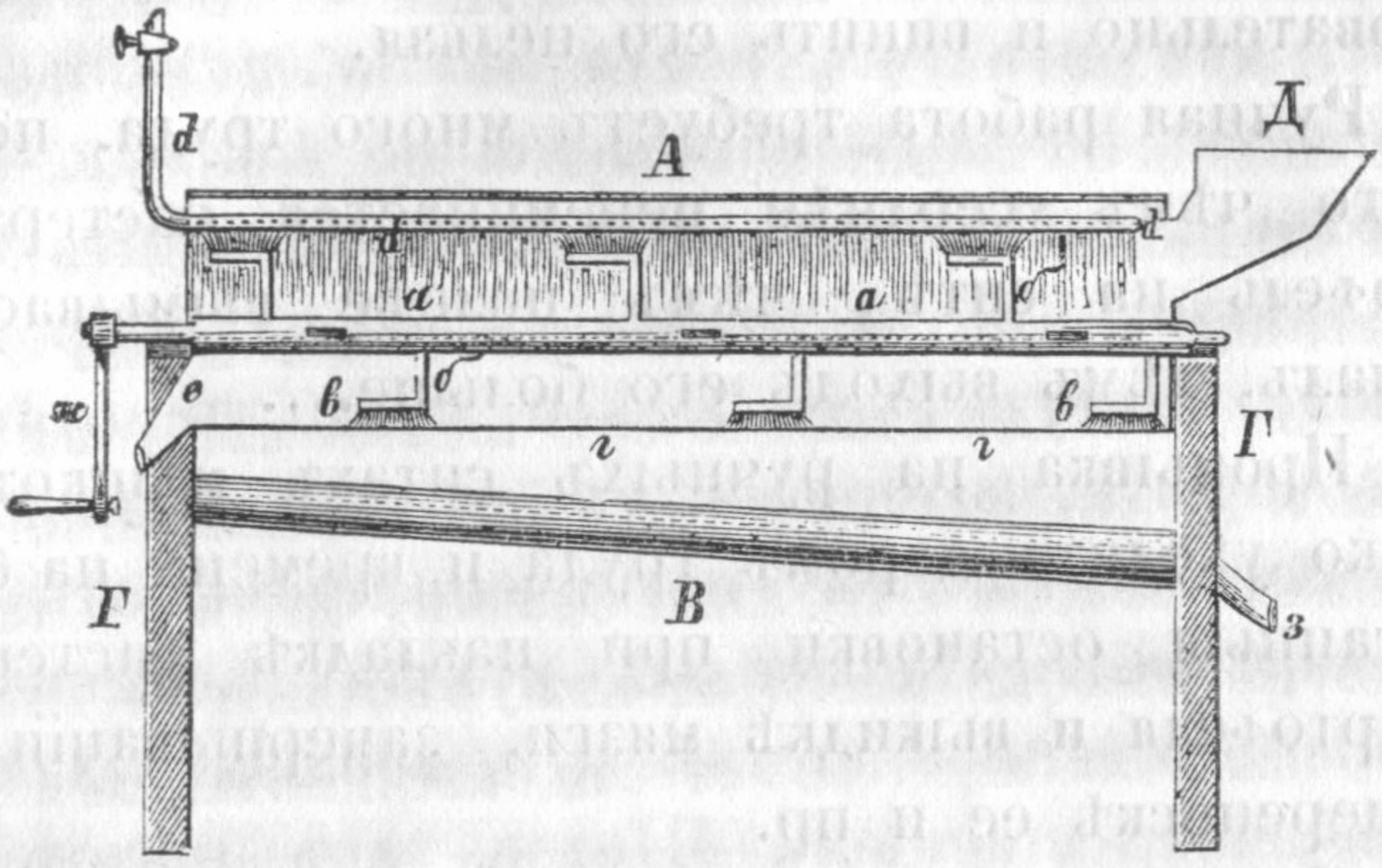
3) Промывка на ручныхъ ситахъ мѣшкотна; сколько уходитъ даромъ труда и времени на безпрестанныя остановки при накладкѣ растертаго картофеля и выкидкѣ мязги, зачерпываніи воды, переноскѣ ее и пр.

4) При такой работѣ требуется слишкомъ много воды, потому что количество ея ни чемъ не установлено; вода, конечно, недорога, когда ее вдоволь въ колодцѣ; но подача ея, выпускъ, требуютъ и труда, и времени.

Всѣ эти причины въ совокупности весьма важныя, заставили хорошихъ заводчиковъ давно уже бросить промывку на простыхъ ситахъ и замѣнить ее ситами механическими, приводимыми въ движеніе приводомъ или руками. Съ этой цѣлью придумано много различныхъ устройствъ, но всѣ они такъ сложны и неподходящи къ крестьянскому хозяйству, что я не буду говорить о нихъ; но порекомендую, одно сито, устроенное мною почти домашними средствами въ 1854 году въ Казани, и оказавшееся въ работѣ очень хорошимъ. Оно такъ просто и недорого, что безъ затрудне-

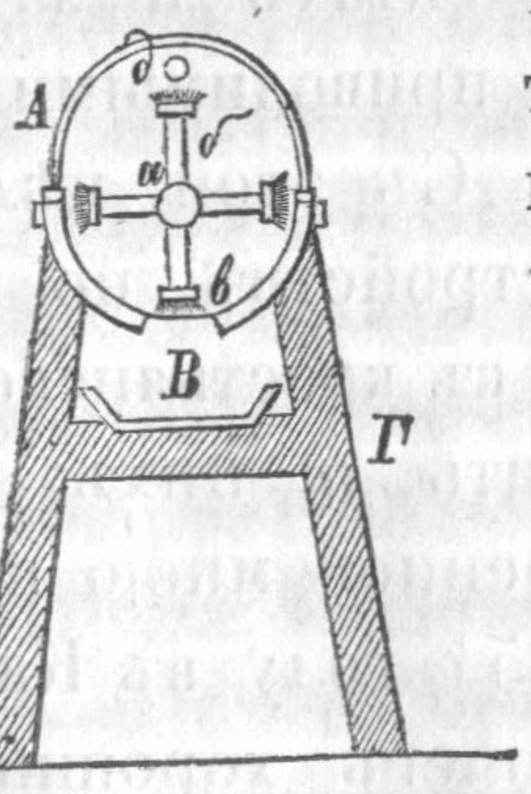
нія можетъ быть приложено къ заводу поселянина, особенно подгороднаго.

Чертежъ 9.

Сито это состоитъ изъ корыта, сдѣланнаго изъ досокъ; корыто это видно въ продольномъ разрѣзѣ на чертежѣ 9 и поперечномъ на 10-мъ. На послѣднемъ чертежѣ видно, что оно имѣетъ форму въ разрѣзѣ полукруга; но не бѣда, если стѣнки будутъ и прямыя; тогда нужно будетъ только сдѣлать его развалистѣе. Дно этаго корыта, какъ можно видѣть изъ чертежа 10-го, вдоль прорѣзано вершка на два много на два съ половиною, и въ этотъ прорѣзъ вставлено мелкое изъ мѣдной проволоки сито *г, г,* пришитое гвоздемъ въ пазъ корыта. Мѣдное сито можно замѣнить и волосянымъ, если мѣднаго взять негдѣ. Такое корыто устанавливается въ дере-

Чертежъ 10.

вянномъ станкѣ *Г*, *Г*, нѣсколько наклонно. Вдоль корыта идетъ легкой деревянный валъ *а*, *а*, въ нижнемъ концѣ снабженный ручкой для вращенія *ж*, или шкивомъ, когда можно пользоваться приводомъ. Въ валъ вставлены по спирали, т. е. оборотомъ, деревянные же кулаки *б*, *б*. Въ каждомъ оборотѣ по 4 кулака, а всѣхъ оборотовъ по валу можетъ быть 3, 4 и болѣе, смотря по длинѣ корыта, которое тѣмъ должно быть длиннѣе, чѣмъ больше ему назначено промывать тертаго картофеля. На каждый кулакъ насажено по хорошей щетинной щеткѣ *в*, *в*, вершка 4 длиной и 1 вершокъ шириной. Щетки такъ насажены, что ни одно мѣсто сита не останется безъ того, чтобы по немъ не прошла щетка. Корыто въ нижнемъ концѣ открыто и кончается рыльцомъ *е*, чрезъ которое сама собой выкидывается вымытая мязга; въ верхнемъ концѣ, къ корыту прикрѣпленъ ковшъ *Д*, куда забрасывается тертый картофель (1).

Чтобы при вращеніи вала мязга не раскидывалась и крахмалъ не терялся, все корыто вдоль прикрыто легкимъ колпакомъ *А*. Я дѣлалъ его такъ: сначала рамку, которая ложилась бы на корыто и могла съ одной стороны быть соединена съ нимъ шалнеромъ, и съ другой для запора имѣть задвижку или крючокъ; на этой рамкѣ изъ деревяннаго обруча нужно укрѣпить дуги

---

(1) Въ 9 и въ 10 чертежахъ однѣ и тѣже буквы.

и обтянуть всего лучше черной клеенкой, глянцевой стороной внутрь, а если не гдѣ взять клеенки, то можно употребить и холстъ смоченный масломъ, чтобы не промокалъ. Подъ самымъ колпакомъ вводилъ я въ мое сито жестяную трубку *д* (а еще лучше мѣдную) въ ½ вершка въ поперечникѣ, пробитую снизу и съ боковъ дирами. Трубку эту я укрѣплялъ на двухъ желѣзныхъ дужкахъ, упертыхъ въ корыто, такъ, чтобы они не мѣшали открывать колпакъ. Трубка, понятно, сообщалась съ кадкой, поставленной немножко выше сита, куда накачивалась вода; разумѣется, что трубкѣ надо дать кранъ.

Подъ корытомъ, на 6 вершковъ ниже, идетъ въ томъ же станкѣ жолобъ *В*, тоже наклонный, но уже обратно корыту, т. е. въ другую сторону.

Дѣйствіе моего сита таково: растертая картофель забрасывается безостановочно въ ковшъ, помѣрѣ выходящей изъ сита мязги. Эта работа такъ легка, что можетъ быть поручена мальчику или дѣвочкѣ; въ то же время приводъ или работникъ приводитъ въ вращеніе валъ. Такъ какъ здѣсь сила расходуется самая малая, то естественно слѣдуетъ пользоваться приводомъ, гдѣ онъ есть; вращеніе вала *а а* не должно быть очень быстрымъ; достаточно будетъ если онъ сдѣлаетъ отъ 40 до 50 оборотовъ въ минуту. Кранъ трубки *д, д* во время работы долженъ быть открытъ и сама трубка чиста, т. е. диры ея не засорены, чтобы вода свободно разбрасывалась брызгами; и чѣмъ

выше стоитъ кадка съ водою, льющеюся въ эту трубку, тѣмъ лучше, — тѣмъ вода будетъ вытекать съ бо́льшею силою, легче вымывать крахмалъ и лучше обмывать щетки. Заброшенная растертая картофель поочередно протирается каждой щеткой подъ дождемъ воды, и разумѣется, чѣмъ больше щетокъ, тѣмъ протираніе, а съ нимъ и промывка совершеннѣе. Наклонность корыта, а также и спиральное расположеніе щетокъ производятъ то, что мязга сама собою подвигается по ситу, достигаетъ наконецъ его отверстія и по рыльцу *e* выкидывается вонъ. Вода же, льющаяся изъ трубки *дд*, растворяя въ себѣ сокъ картофельный и выдѣливъ крахмальныя зерна протекаетъ сквозь сито, падаетъ на жолобъ и проводится отъ него въ кадки.

Конечно, мое сито сложнѣе, нежели обыкновенное, домашнее и будетъ значительно дороже; но зато расходъ на него, единовременный, при томъ неслишкомъ большой; а между тѣмъ преимуществъ такъ много, что онѣ въ первыя же двѣ-три недѣли покроютъ издержки. Эти преимущества главнымъ образомъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) При моемъ ситѣ, если оно управляется приводомъ, нуженъ только одинъ мальчикъ, а не три хорошихъ работника. Уже одно это вернетъ расходъ постройки сита.

2) Сито работаетъ противу ручнаго труда вдвое скорѣе, потому что здѣсь нѣтъ остановокъ.

3) Промываніе идетъ правильно и лучше, независимо отъ радѣнія и опытности рабочаго.

4) Промывка требуетъ меньше воды.

Всѣ эти преимущества такъ важны, что я позволяю себѣ особенно рекомендовать замѣнить ручную промывку описаннымъ ситомъ.

4. Отмывка крахмала.

Когда дневная пропорція картофеля растерта, промыта и всѣ кадки наполнены водой, тогда даютъ нѣсколько часовъ покоя, и крахмалъ садится въ кадкахъ на дно плотнымъ бѣлымъ слоемъ, прикрытымъ сверху, тонкимъ слоемъ сѣраго грязнаго крахмала. Этотъ сѣрый слой происходитъ отъ того, что чрезъ сито, кромѣ крахмальныхъ зеренъ, уносятся водой мельчайшія частички клѣточекъ, легкая пыль и проч. мелкія примѣси, особенно если картофель былъ дурно промытъ. Нужно крахмалъ очистить отъ этого сѣраго слоя. Сверхъ того вода увлекаетъ картофельный сокъ, отъ котораго она скоро дѣлается краснаго и даже бураго цвѣта; нужно крахмалъ очистить и отъ этого сока. Оба эти дѣла достигаются отмывкою; для чего гвозди въ кадкахъ оттыкаются и промывная вода выпускается; потомъ лопатами достаютъ осѣвшій крахмалъ изъ четырехъ кадокъ и бросаютъ въ пересѣкъ (полукадку, полубочку, т. е. бочку, разсѣченную поперегъ на двое) и здѣсь промываютъ на чистой водѣ, а потомъ

опять даютъ нѣсколько часовъ покоя. Тутъ крахмалъ чистый садится на дно, а слой сѣрый, который былъ раздѣленъ по четыремъ кадкамъ, соединяется въ одинъ. По отстоѣ крахмала, воду спускаютъ на-чисто, сѣрый слой соскабливаютъ и собираютъ особо во второй сортъ, а бѣлый крахмалъ, промывши еще разъ, набиваютъ сырымъ въ кули и сдаютъ на паточные заводы, когда они близки, какъ это имѣетъ мѣсто при заводѣ Якова Михайлова; въ противномъ случаѣ, когда крахмалъ долженъ лежать долгое время или быть отправленъ въ дальній путь, необходимо сушить его. Сырой на морозѣ не портится; поэтому можетъ лежать на немъ нѣсколько дней безъ сдачи на паточный заводъ; но никакъ не въ самомъ заводѣ, не въ теплѣ— иначе онъ погніетъ и паточный заводчикъ его обракуетъ.

Сушка на описываемомъ нами заводѣ не употребляется, а потому и я не буду говорить о ней; не отказываясь, впрочемъ, сообщить ея описаніе, ежели заинтересованный выработкой крахмала читатель пожелаетъ познакомиться съ нею.

Я перейду теперь къ ходу работъ на заводѣ Якова Михайлова.

Заводъ этотъ переработываетъ съ одною теркой, пятью рабочими и однимъ мальчикомъ 140 мѣръ въ сутки; рабочіе распредѣлены такъ, что одинъ находится при теркѣ, имѣя своей обязанностію накладывать и прижимать картофель; другой рабочій промываетъ картофель. Трое рабо-

чихъ, имѣя каждый по четыре кадки и при нихъ по одному пересѣку, промываютъ растертый картофель и отмываютъ крахмалъ. Шестой рабочій, т. е. мальчикъ, погоняетъ лошадей, въ приводѣ которыхъ двѣ.

Каждый день работа идетъ въ такомъ порядкѣ: въ 4 часа утра пускается въ ходъ терка; работаетъ она часъ. Въ это же время накачивается вода и промывается растертый картофель кадка за кадкой, пока каждый работникъ не наполнитъ своихъ четырехъ кадокъ. За тѣмъ терка останавливается; водѣ въ кадкахъ даютъ отстояться, а рабочіе управляютъ другую работу, какъ: то приносятъ картофель изъ подвала и отмываютъ крахмалъ, выработанный въ предшествующій день. Въ 11 часовъ утра, спускаютъ изъ кадокъ воду съ крахмала; снова пускаютъ въ ходъ терку и въ тѣ же кадки начинаютъ вторично промывать растертый картофель. И на этотъ разъ терка работаетъ часъ. Въ 4 часа пополудни спускаютъ воду въ третій разъ и снова часъ трутъ картофель и въ тѣ же кадки намываютъ крахмалъ, оставляя для отстоя на ночь. Слѣдовательно, въ каждой кадкѣ набирается по три слоя крахмала. На другой день, спустивши воду, выбираютъ изъ четырехъ кадокъ крахмалъ въ полукадку (пересѣкъ), гдѣ сбалтываютъ съ водою и оставляютъ стоять до вечера. Разумѣется, что растираніе картофеля, промываніе на ситахъ идетъ своимъ порядкомъ, а сказанная отмывка дѣлается изъ-за другой работы. Ве-

черомъ спускаютъ воду съ отмытаго крахмала начисто, сгребаютъ сверху сѣрый слой нечистотъ, который идетъ во второй сортъ, а чистый крахмалъ перекидываютъ во второй пересѣкъ, безпрестанно мѣшая съ водой и даютъ стоять ночь. На третій день, спустивши на-чисто воду съ крахмала, уже два раза отмытаго, снимаютъ опять сѣрый слой, который на этотъ разъ очень малъ, т. е. тонокъ, а чистый крахмалъ вынимаютъ и набиваютъ въ кули.

Рабочіе, занятые вышеописаннымъ дѣломъ, получаютъ на заводѣ Якова Михайлова по 7 р. с. въ мѣсяцъ, при хозяйскихъ харчахъ, да сверхъ того каждый день ихъ поятъ еще чаемъ, чтобы упущенія не было, т. е. чтобы изъ растертаго картофеля былъ вымытъ весь крахмалъ, а потомъ, чтобы и послѣдній былъ хорошо отмытъ отъ втораго сорта; да и какъ не поить ихъ чаемъ, когда отъ ихъ старанія, главнымъ образомъ, зависитъ успѣхъ дѣла, а съ нимъ и барышъ хозяйской. Конечно, введеніе на заводѣ механическаго сита, о которомъ разсказано выше, сдѣлало бы иной порядокъ, сократило бы число рабочихъ, убавило бы также и ихъ важность въ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи промывки мязги, которая на моемъ ситѣ не зависитъ отъ рабочаго. Для удобства нужно только, чтобы сито это стояло выше кадокъ и чтобы крахмальная вода могла течь въ нихъ по желобамъ поочередно въ каждую. На рукахъ рабочаго осталась бы отмывка крахмала

водою; но и она можетъ быть устроена механической, стоитъ только въ отмывной кадкѣ поставить мѣшалку и заставить ее ворочаться силою привода же; тогда рабочему осталось бы только присмотрѣть, чтобы машинамъ было дѣло, да время отъ времени сливать воду и вынимать готовый крахмалъ.

Картофель на заводѣ Михайлова покупался въ прошломъ году по 25 к. с. мѣра (четверикъ), и эту цѣну вообще подъ Москвою нужно признать среднею. Покупка дѣлается обыкновенно, когда картофель уже поспѣлъ, но иногда покупаютъ, какъ говорится, на счастье — еще лѣтомъ, выдавая деньги впередъ и не зная дешевле или дороже будетъ цѣна осенью. Цѣна эта устанавливается не столько урожаемъ, сколько запросомъ крахмала на зиму крупными паточными заводчиками.

Чтобы судить о выгодности для крестьянина выработки крахмала, приведемъ приблизительный учетъ завода Якова Михайлова. Статьи расхода по этому заводу:

12,000 мѣръ по 25 к. с. . .	3,000 р. — к. с.
Жалованіе пяти робочимъ за $3^1/_2$ мѣсяца съ 1 сентября и по 15 декабря по 7 р. . .	122 — 50 —
Погоньщику по 3 р. въ мѣсяцъ.	10 — 50 —
Харчи съ чаемъ на шестерыхъ рабочихъ, считая по 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ	73 — 50 —
Содержаніе двухъ люшадей, ко-	

торыя впрочемъ только два часа работаютъ въ сутки, считая по ½ пуда сѣна на лошадь въ день, по 15 к. пудъ, и ¼ мѣры овса по 33 к. мѣра, т. е. круглымъ числомъ по 31 к. на пару лошадей въ день . . . . . 32 — 55 —

Отопленіе — саженъ дровъ въ мѣсяцъ по 6 р. . . . . 21 — — —

10 процент. въ возвратъ затраченнаго капитала на устройство завода, цѣна его въ 600 р. 60 — — —

Ремонтъ, считая по 5 процент. 30 — — —

Итого. . 3,350 р. 5 к. с.

Статьи дохода заключаются въ вырабатываемомъ продуктѣ, котораго среднюю цифру должно принять—пудъ крахмала 1-го сорта и 5 фунтовъ 2-го сорта съ трехъ съ половиною мѣръ картофеля.

Съ 12,000 мѣръ перерабатываемаго клубня получится крахмала 1-го сорта, продаваемаго по 1 р. 15 к. пудъ за 3,428 пудъ на сумму . 3,942 р.

375 пудъ крахмала 2-го сорта по 35 к. пудъ. . . . . 175 —

Итого . . 4,117 —

Выключая расходъ. 3,350 —

767 р.

Получимъ 767 р. с. чистаго дохода, что составитъ на капиталъ расхода свыше 22 процентовъ барыша. Изъ-за этого барыша похлопотать можно.

Къ статьямъ барыша нужно отнести еще побочный продуктъ—вымытую мязгу, которая идетъ на кормъ скоту, а иногда и продается даже копѣекъ по 20 съ воза. Другой побочный продуктъ составляетъ бурая промывная вода; но къ сожалѣнію, она у нашихъ поселянъ не приноситъ никакой пользы. Яковъ Михайловъ пробовалъ ее уваривать и получалъ густую кашевидную массу, съ которой не зналъ, что дѣлать. Эта бурая вода содержитъ въ себѣ картофельный сокъ, т. е. всѣ бѣлковыя вещества и всѣ соки, какія были только въ клубнѣ, и ей трудно найти другое примѣненіе, кромѣ удобренія огорода или ближняго поля, куда бы слѣдовало провести ее по канавамъ отъ завода. Конечно, въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, когда вода уже мерзнетъ, такой отводъ въ огородъ или поле—дѣло трудное; но въ сентябрѣ оно еще возможно. Скажемъ притомъ, что и замерзшая промывная вода могла бы въ видѣ льда быть развезена по полю или огороду и весной, растаявъ, она превосходно бы удобрила почву.

Модестъ Киттары.

IV.

ТРЕТІЙ ДЕНЬ СВѢТЛАГО ПРАЗДНИКА.

Свѣтлый праздникъ нынѣ былъ у насъ поздній, какъ вы и сами знаете, православные! Въ нашемъ мѣстѣ рѣчка прошла на Страстной и въ поляхъ почти что снѣгу не осталось; только развѣ гдѣ въ овражкѣ залежался онъ, и лежитъ себѣ да ждетъ, когда и его подточитъ вода, что сочится изъ-подъ него, да сбѣгаетъ подъ горку. Птичекъ ужъ многое множество прилетѣло: выйдешь изъ села — жаворонки такъ въ поляхъ и заливаются. За мельницей ребята дикихъ утокъ пугаютъ, а господскій егерь ужъ вечеромъ на пролетную дичь таскаться началъ. Было это дѣло на третій день праздника. Денекъ стоялъ теплый, претеплый; солнышко свѣтило во всю улицу; на небѣ ни тучки; развѣ нѣтъ-нѣтъ, да облачко пронесется, да такое бѣлое, да сквозное, да волнистое, что смотрѣть на него любо. Село, скажу я вамъ, у насъ большое — привольное: отъ рѣчки, какъ выйдешь въ гору, по берегу дворовъ около пятидесяти раскинулось, и тянутся они вплоть до самой церкви;

а церковь у насъ стоитъ на бугорку, и—такъ, не величекъ бугорокъ-то, а все храму Господню какъ будто попристатнѣе повыше нашихъ жилищъ людскихъ стоять. Посреди села и домъ питейный есть. Вездѣ на селѣ шумъ, да веселье: на рѣкѣ мужички перила къ мосту прилаживаютъ, дружно постукиваютъ топорами, да перекидываются веселыми шутками. Неподалеку отъ нихъ, мальчишки копышутся въ водѣ; а что они ловятъ, Богъ ихъ вѣдаетъ; вѣдь у нихъ круглый годъ рыба стоитъ. Станетъ мать унимать, такъ они ей: «Погоди, молъ, маменька, мы вотъ и того и другаго наловимъ, на господскій дворъ продавать понесемъ.» А глядишь,—поймать-то ничего не поймали, а только пришли домой по поясъ мокрые. Ну, дастъ мать затрещину-другую; да къ нимъ не привыкать стать: не прошло часа, они опять въ водѣ. На то ихъ и дѣло дѣтское,—пусть себѣ тѣшатся! Ишъ смѣхъ, да визгъ какой у нихъ на рѣкѣ. Иной разъ и старики-то слушаютъ-слушаютъ, да и ухмыльнутся на нихъ. И что у насъ на селѣ этихъ ребятъ малыхъ, и подросточковъ, и парней, и дѣвокъ молодыхъ, такъ я вамъ скажу, истинное благословеніе Божіе.

Убили они противъ старостинаго дома землю, поставили лубочекъ, да яица катаютъ. (Батюшка-то всѣ дворы со крестомъ обошелъ и въ тотъ день по деревнямъ отправился, такъ и рады ребята, что до яицъ дорвались). Вонъ столпились въ кружокъ, да одинъ за однимъ подходятъ къ

лубочку; присядетъ на корточки, да и цѣлится, и цѣлится — словно въ Турку какого попасть наровитъ; только и слышно у нихъ, что смѣшки, да шуточки. «Эхъ, братъ, Тереха, промахнулся! мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову.» — «Не туда заѣхалъ, Гришутка! не домахнуть тебѣ до моего битка. А каковъ битокъ-то, скажу вамъ ребята! ей-ей, за тѣмъ только поставилъ, что ужъ въ полонъ прокатался.» — «Ай Ванюха, молодецъ! ребята мотри! да онъ, шельмецъ, своимъ облупнемъ весь конъ оберетъ.»

А тамъ подальше-то, вонъ молодухи, да дѣвки хороводы водятъ, и всѣ-то онѣ нарядныя, да пестрыя такія, что глазамъ больно смотрѣть на нихъ, а пѣсни дерутъ такъ, что, кажется, верстъ за десять ихъ слышно. Чудно́й, право, голосъ у этихъ бабъ: говорятъ, кажется, не въ примѣръ тише мужика, а какъ въ пѣснѣ, повыше заберетъ, да взвизгнетъ, такъ оглушитъ совсѣмъ, право!

А вонъ у церкви мальчишки да дѣвки спорятъ, кому чередъ въ колокола звонить. А Андрюшка Пантелѣевъ себѣ на умѣ: звонитъ, да звонитъ во всѣ. «Вы, молъ, ребята, спорьте, а я пока вдоволь натѣшиться успѣю.» — И гудятъ колокола на все село, и весело всему люду православному. Высыпали всѣ на улицу. Кто постарше, усѣлись у избенокъ, кто помоложе, ходятъ, гуляютъ по селу, да пѣсни поютъ. Невеселъ стоитъ одинъ питейный домъ: окна въ немъ закрыты; не слыхать изнутри ни говора, ни крика, не видать возлѣ него ни пья-

ныхъ, ни трезвыхъ. Сидитъ на крылечкѣ цѣловальникъ одинъ съ молодой женой своей; она орѣшки щелкаетъ, да вдоль улицы посматриваетъ; а онъ, красный-раскрасный, сидитъ да трубку куритъ; пососетъ, пососетъ онъ ее, плюнетъ, разотретъ сапогомъ, да и опять за трубку, а на народъ и не глядитъ, словно и дѣла до нихъ нѣтъ. «Не хотите, молъ, идти водку пить, такъ песъ-же съ вами, наплевать я на васъ хотѣлъ.»—А мужики-то еще ходятъ мимо его, да посмѣиваются; иной и совсѣмъ будто къ кабаку направится, да вдругъ и повернетъ назадъ, словно дразнитъ цѣловальника; а бабы-то такъ и покатываются со смѣху, глядя на эти штуки. Вотъ, любезные вы мои, въ самое это время, возлѣ старостиной избы подъ окошечкомъ, сидѣли двѣ женщины; одна сама старостиха, баба немолодая — степенная и умница такая, что второй и на всемъ селѣ не найдешь; а рядомъ съ ней, племянница ея родная, Марья, молодая, красивая бабёнка, жена мельника изъ сосѣдней деревни. Сидятъ онѣ да калякаютъ, а передъ ними стоятъ обнявшись еще двѣ молодыя бабы, да мужиченко, такъ невзрачненькой, въ дырявомъ кафтанишкѣ. — Ну что, говоритъ старостиха, дядя Акимъ, вотъ обиждался ты въ ту-пору, какъ міръ положилъ отъ вина-то отстать, что-жъ-молъ въ праздникъ станемъ дѣлать, коли вина не пить? Еще баялъ тогда, что-молъ на похоронахъ и то пьютъ, а это, значитъ, ужъ хуже похоронъ будетъ. А погляди-ко, веселье-то, веселье-то какое на селѣ

стоитъ! то есть не въ примѣръ лучше прежняго.

— Вотъ ужъ истинно, что лучше, подхватила Марья. Бывало, идешь по улицѣ праздникомъ-то, пьяные на встрѣчу такъ тебѣ и валятъ. Тотъ идетъ — ругается, другаго носитъ по улицѣ изъ стороны въ сторону, такъ что, того и гляди, на тебя угодитъ; а иной и совсѣмъ поперегъ дороги въ лёжку лежитъ, да рычитъ себѣ что-то подъ носъ, словно песъ какой. А домой-то придутъ эти мужичищи, — крикъ, брань, не накажи Господи! А нонѣ благодать! ей Богу!

— Благодать-то оно, благодать, прошамкалъ сквозь зубы дядя Акимъ. — Да каково отъ него отставать, отъ винца-то!

— А что, перебила его Марья, — чай горько таково, горько тебѣ, дядя Акимъ, словно отца роднаго хоронишь? О, охъ! выпилъ бы ты, прибавила вострyха, — да больно спины-то, знать, своей жалко? Вѣдь міръ-то не зѣваетъ, какъ разъ притянутъ дядю Акима.

— Эхъ, жизть-то моя, жизть! проворчалъ дядя Акимъ, — и поплелся вдоль улицы; а бабы наши только смѣются ему вслѣдъ.

— Тётушка Мартыновна! говоритъ одна молодуха старостихѣ,—а долго ли же это зарокъ-то на вино будетъ?

— А Богъ его вѣдаетъ, отвѣчаетъ Мартыновна, — пока цѣны на вино не сбавятъ. Несходное дѣло и пить-то его по этимъ порядкамъ. Денегъ пропить нужно тьму тьмущую,

а силы тебѣ отъ него ничего не прибавится. Умно, умно это мужики задумали, чтобы отстать отъ него на время.

— Да и ну его къ Богу, совсѣмъ, заговорила тутъ Марья. Я это винище, терпѣть не могу. Натянутся его эти мужики, и драться наровятъ; а не то ласка на нихъ нападетъ — обниматься лѣзутъ. А мнѣ это ихъ милованье съ пьяну хуже доброй потасовки. Розитъ отъ него этто винищемъ, самъ какъ не въ умѣ словно; ну что ужъ онъ въ ту-пору за человѣкъ, когда ему бабы отъ помѣла не отличить? Вонъ объ масляницѣ нонѣ, какъ зароку на вино еще не было, нашъ пастухъ Архипка лежитъ этто пьяный на улицѣ; къ нему и подойдикоза, а онъ ей: «прости, говоритъ, матушка родимая, прости Христа ради, что я словъ твоихъ ослушался.» А самъ такъ слезами и обливается. Ужъ пытали мы въ ту́-пору смѣяться.

— Ну, а твой хозяинъ, Матрена, нонѣ какъ? Пьетъ аль не пьетъ? обратилась Марья къ одной изъ молодыхъ бабъ.

— Нѣтъ, благодаримъ Господа, не пьетъ, Марья Трофимовна, съ самой съ масляной отсталъ. А вѣдь, бывало, мнѣ съ нимъ и прозрѣнья никакова нѣту-ти. Людямъ праздникъ, а я слезами горючими обливаюсь. Какъ запьетъ, бывало,—готовъ лошаденку послѣднюю со двора свести; а не дашь, такъ холстишка изъ сундука вытащитъ, аль—глядишь, одежу какую въ кабакъ несетъ. А нонѣ какъ и путные праздникъ-то живемъ. Ѣздилъ на

страстной въ городъ, такъ еще платокъ мнѣ привезъ, себѣ сапожишки купилъ, ну и удоинки припасъ, чтобы было чѣмъ гостей поштвовать.

— Что сошлись четыре бабы, вѣрно вино ругаютъ, да хвалятъ, что нонѣ пить его не велѣно! заговорилъ вдругъ староста, высунувшись изъ окошка. И посмѣиваясь на бабъ, подперъ обѣими руками свою сѣдую голову.

— Да вотъ, я говорю, дядюшка, сказываетъ ему Марья, что, по мнѣ, этого дурацкаго вина хоть бы и не бывало. Пропало бы оно совсѣмъ, это чертово зелье!

— Вотъ не умно ты это сказала, племянница, вразумительно покачавъ головою, отвѣчаетъ ей старикъ. — Не чертово оно зелье, а даръ Божій, какъ и все прочее, что дано на питанье человѣку. И не дурацкое оно, вино-то, а дураки-то тѣ, кто его потребляютъ не въ мѣру. А я, такъ скажу тебѣ вотъ какъ: вино русскому человѣку на пользу: въ трудѣ—оно тебя подкрѣпитъ; въ стужу—согрѣетъ; а иной разъ и отъ боли какой избавитъ. Да только пить-то его надо рюмочкой, а не стаканами. Вотъ, какъ Богъ дастъ, подешевѣетъ она, водка-то, мы съ тобой и будемъ попивать ее рюмочкой, Марьюшка, добавилъ старикъ да усмѣхнулся на племянницу.

— Ну ужъ, благодаримъ покорно, дядюшка, живо отвѣтила Марья. Ты-то себѣ пей на здоровье, а по мнѣ, чтобъ ей и дешевой-то не быть. Кажись въ ту́ пору наши мужики такъ на него

навалются, что и работать забудутъ; еще, смотри, голодныя насидимся. Да вонъ, къ примѣру, дядя Акимъ, тотъ я чай, тогда тутъ надъ водкой и помретъ.

— Что жъ, коли его такая голова неразумная, пусть помираетъ, прости Господи, какъ собака, возразилъ старикъ.—Да вѣдь такихъ-то, какъ дядя Акимъ, благодареніе Богу, не много. Другіе-то все жъ сами себя чувствуютъ и соблюсти всякъ себя съумѣетъ.

А я такъ вотъ какъ посовѣтую всякому доброму домохозяину: какъ доживемъ мы, Богъ дастъ, до того, что сбавятъ цѣны-то хоть втрое, пусть каждый домохозяинъ возьметъ себѣ ведро вина на-домъ; да раза два въ недѣлю — въ воскресенье, да въ четвертокъ что ли, — какъ соберетъ къ обѣду всю семью свою, и поднесетъ каждому что слѣдуетъ: бабѣ столько-то, мужику поболѣе; да и самъ зарекись, да и съ нихъ зарокъ возьми— окромя этого не пить. Вотъ у работниковъ въ дому, силка-то прибавится и ума-то не убавится.

— Смотри-ка, Арина, заговорила Матреха,—кто эта вонъ по мосту ѣдетъ, кажись не нашъ?

Арина прикрыла глаза рукой отъ солнышка, старикъ тоже высунулся изъ окошка. — Э, да это десятскій изъ Воронкова. Знать въ городъ, на почту, господа посылали, проговорилъ староста: — вишь у него сумка-то черезъ плечо повѣшена. Какъ же это я его не запримѣтилъ, какъ онъ туда-то ѣхалъ? Знать, другой дорогой обогнулъ.

Въ Плевѣ-то, чай, онъ и теперь насилу черезъ рѣку перебрался. Тамъ еще мостъ-то, сказываютъ, не наведенъ.

Между тѣмъ десятскій, красивый дѣтина лѣтъ тридцати, успѣлъ и въ гору подняться и въ улицу въѣхать. Поровнявшись съ домомъ старосты, онъ остановилъ свою лошадку. Въ одну минуту телѣгу обступили мужички и бабы: всѣмъ имъ понадобилось развѣдать отколѣва Богъ несетъ Петруху, и какъ дорога, и что плотины да мосты. Слѣзъ Петруха съ телѣги, похристосовался съ ближайшими, поклонился тѣмъ, что стояли подоль и принялся поправлять сбрую на лошади.

— Что за дорога, я вамъ скажу, братцы мои, запропащенная, заговорилъ онъ,—такъ это просто изъ силъ выбьешься. Еще изъ города выѣдешь, верстъ съ пятокъ-себѣ, ѣхать можно; а какъ свернулъ на проселокъ, такъ тутъ, того и гляди, что себя и животину потопишь. Вѣдь, выѣхалъ до зари, а на силу, то есть эдакъ около обѣда, до Плевы дотащился. Ну, вижу, лошаденка заморилась совсѣмъ, даже шатается, православно. Неча дѣлать, отпрегъ. Пусть, молъ, хоть поопамятуется маленько, да сѣнца пожуетъ.

— А мостъ-то въ Плевѣ навели они, что-ли? спросилъ староста, выступая впередъ.

— А-а, Терентій Петровичъ, наше вамъ почтеніе! обратился къ нему съ привѣтомъ Петруха.— А мы вамъ поклонъ отъ куманька привезли. Я, въ Плевѣ-то, у самаго бурмистра приставалъ, такъ

онъ нижайше кланяться приказалъ, и какъ мостъ наведутъ, къ вамъ побывать обѣщается. Чудно́й человѣкъ, этотъ Михайло Савичъ, ей-ей! нонѣ просто со смѣху всѣхъ уморилъ.

— Ой-ли! чѣмъ такъ? спросило нѣсколько голосовъ изъ толпы.

А Петруха только тряхнулъ головой, прислонился къ телѣгѣ, да и говоритъ:

— Разскажу вамъ, братцы мои, такая тамъ была потѣха, что животики надорвали. Пріѣхалъ этта я, отпрегъ лошаденку, поставилъ ее во дворъ, задалъ ей сѣнца; накормилъ меня бурмистръ знатными щами, да пирогомъ съ яицами. Ну, и вышли мы этта послѣ обѣда посидѣть за ворота. Собралось тутъ около насъ мужичковъ человѣкъ шесть; сидимъ—калякаемъ. Вѣдь, Михайло Савичъ этотъ балагуръ такой, что какъ пойдетъ разсказни разсказывать, такъ только уши разставляй. Сидимъ мы эдакъ-то, и сказываетъ намъ Михайло Савичъ, какъ онъ объ вербной ѣздилъ въ городъ,—утопъ было въ Вершкѣ, что за Ключевкой, да и зашелъ въ кабакъ взять вина, ноги натереть, — оттого что сильно болятъ они; только этимъ и избавляется. Глядь, а въ кабакѣ-то сидитъ ихный писарь Микита—пьяный-разпьяный; одначе своего-то бурмистра призналъ, сильно оторопѣлъ, да и говоритъ: «ты не замай меня, Михайло Савичъ; ты, може, думаешь, что я вашъ Микитка Авдохинъ съ Плевы? ей-же-ей, не Микитка, вотъ-те Христосъ—не Микитка! Я такъ-себѣ прохожій, человѣкъ Божій.»

Смѣемся мы; глядимъ—причалилъ къ берегу плотъ, и на немъ тарантасъ тройкой, а въ тарантасѣ баринъ сидитъ. Ну, съѣхалъ этотъ тарантасъ, подкатилъ къ волостной избѣ; слѣзъ ямщикъ, толконулся въ дверь, толконулся въ окошко—нѣтъ никого, какъ есть ни души. Видимъ, велитъ баринъ ямщику садиться; подъѣхалъ къ намъ. Глядимъ—становой.—«Здравствуйте», говоритъ, «ребятушки! Христосъ воскресъ!» а самъ вылѣзаетъ.

«Воистинну воскресъ!» отвѣтствуютъ ему мужички.

А Михайло-то Савичъ подошелъ эдакъ къ тарантасу. «Добро», говоритъ, «пожаловать, Николай Иванычъ, какъ вашу милость Богъ носитъ?»

«Да помаленьку», говоритъ становой; «вотъ пріѣхалъ понавѣдаться, какъ вы живете-можете.»

«Да вашими молитвами живемъ», говоритъ бурмистръ, а самъ какъ-то чудно таково глаза щуритъ.

Вотъ подошли этто они къ избѣ, сѣлъ становой на заваленку—трубку набиваетъ.

«Чѣмъ же», говоритъ ему Махайло Савичъ, «мнѣ вашу милость поштвовать? Водка у насъ запрещена, такъ не прикажите-ли самоварчикъ поставить?»

Передернуло будто становова.

«Какъ», говоритъ «запрещена? А я», говоритъ, «и вѣрить не хотѣлъ, что и вы, плевскіе, на такую глупость подались. Чего же это ты-то смотришь, Михайло Савичъ? голова ты умная, на селѣ го-

лось имѣешь: неужели не можешь уговорить мужичковъ, что они не дѣло затѣяли?»

«Какъ не дѣло батюшка!» отвѣчаетъ ему Михайло Савичъ, а самъ простачкомъ такимъ прикинулся, что словно трехъ перечесть не умѣетъ. «Да почему-же это не дѣло? Нонѣ, ваша милость сами знаете, года-то какіе пошли: прошлое лѣто овсовъ, почитай, вовсе не было, да и рожь-то плохо уродилась; отколева же деньги-то на питье взять? а водка-то вишь какая дорогая.»

«Ну у кого денегъ нѣтъ, тотъ и не пей», говоритъ становой, «а у васъ село-то, слава Тебѣ Господи!»

«Да что-же, слава Тебѣ Господи», отвѣтствуетъ ему опять Михайло Савичъ. И такимъ этто тихимъ манеромъ, словно онъ и воды не замутитъ. «Знамо дѣло, есть мужички», говоритъ, «зажиточные, вотъ хоть бы я, Бога не гнѣвлю,—ничѣмъ не обиженъ. Да вѣдь, коли я, да другой, да третій пошли въ кабакъ, а бѣдному-то мужичку не на что выпить, ему этто какъ будто и обидно, да и намъ плохо будетъ питься.»

«А ты угости бѣднаго-то, коли такое ужъ твое желаніе есть», говоритъ становой.

«Гдѣ намъ этто, батюшка, угощать все село», отвѣчаетъ Михайло Савичъ. «Этто и никакого достатка не хватитъ; а лучше мы пить-то не станемъ, да прибережемъ деньгу на черный день. Вотъ пріѣдетъ, ваша милость, подушныя сбирать, мы все вамъ сполна и представимъ; оно и лучше

и вашей милости безъ хлопотъ, и намъ спокойнѣе будетъ.»

Коробитъ становаго, промолчалъ онъ; а Михайло Савичъ распорядился тѣмъ временемъ, чтобы самоварчикъ ставили.

«Ну, что-же», спрашиваетъ опять становой, «и долго вы это думаете не пить?»

«Да какъ потерпится, батюшка», отвѣчалъ бурмистръ.

«Вѣдь эдакимъ манеромъ вы, ребятушки, живота лишитесь», говоритъ становой: «отколѣ-же вамъ и силы-то взять, коли ужъ и водки не пить.»

«Да изъ нашей-то водки силы-то немного возьмешь», говоритъ Михайло Савичъ и ухмыляется. «Это все равно, что изъ рѣчки воды напиться, только та поздоровѣй будетъ, да и подешевле.»

Уставился нашъ становой въ землю, да и ни гугу,—только дымъ изъ трубки пускаетъ. Молчитъ и бурмистръ, за то глазами такія штуки выдѣлываетъ, что мы, вотъ того гляди, прыснемъ.

«Послушайте, ребята, вдругъ опять заводитъ рѣчь становой, «вѣдь это дѣло плохо будетъ, вѣдь это вы, значитъ, противъ начальства итти хотите?»

«Что вы? Христосъ съ вами, Николай Иванычъ», говоритъ ему Михайло Савичъ; а самъ какъ будто и впрямь испужался. «Какъ противу начальства? а мы-то такъ полагаемъ, что заслужимъ себѣ отъ начальниковъ нашихъ благоволеніе, тѣмъ что мы, по христіански, нонѣ жить порѣшили.

Пить вино — великій грѣхъ, и въ писаніи о томъ сказано, и отецъ Иванъ не разъ уговаривалъ народъ и унималъ, чтобы не предавались пьянству; ибо человѣкъ, напимшись, становится подобенъ твари презрѣнной. Слушаешь, бывало, его, да иной разъ и подумаешь: инъ впрямь брошу пить; да, слабъ человѣкъ, увидалъ чарочку — и прощай, и батьку забылъ. А чего вотъ отецъ Иванъ-то не сдѣлалъ, сдѣлали цѣны дорогія. Мы и говоримъ: «полно, молъ, братцы, пить, знать послѣднія времена пришли. Полно пить!» Вотъ и не пьемъ, батюшка, Николай Иванычъ... А начальству, то есть, что-же евтимъ обижаться: мы откупщиковъ-то нонѣ истинно братьями считаемъ; мало того—отцами родными, потому что видимъ теперича, безъ водки-то мы не въ примѣръ лучше стали.»

Не вытерпѣлъ тутъ становой, вскочилъ съ мѣста, хотѣлъ что-то сказать, да только стиснулъ зубы — и шасть въ избу, а мы тутъ такъ и покатились. Обозлилъ его больно Михайло-то Савичъ смиренствомъ своимъ, а самъ стоитъ, да посмѣивается. «Мѣлко», говоритъ, «братъ, плаваешь! Такъ нѣтъ, молъ, погоди, говоритъ; вѣдь мы, хотя и мужики, а тоже знаемъ, за что съ насъ начальство взыскивать можетъ, а за что нѣтъ.»

— Шустёръ, охъ шустёръ, этотъ бурмистръ, проговорилъ, ухмыльнувшись, староста и всѣ мужички разсмѣялись. А Петруха, довольный тѣмъ, что разсказъ его понравился слушателямъ, влѣзъ

на свою телѣгу, пошарилъ въ мѣшкѣ, вытащилъ изъ него связку баранокъ и принялся грызть ихъ.

Въ это время выступилъ изъ средины крестьянъ приземистый, широкоплечій мужичекъ съ быстрыми черными глазками и небольшой рыжей бородой.

— А вотъ, братцы, заговорилъ онъ тонкимъ, словно разбитымъ голоскомъ, — ономнясь приставалъ у меня здѣсь купецъ проѣзжій, на ярмарку въ селю Юрьино ѣхалъ, такъ вотъ, скажу я вамъ, разсказывалъ онъ мнѣ истинно занятную исторію, насчетъ этого зароку на вино, и сказывалъ онъ мнѣ, что была та исторія въ газетѣ напечатана.

«Проживалъ это, видишь ты, въ одной деревушкѣ мужичекъ, и сильно былъ тотъ мужичекъ до водки падокъ. А на ту бѣду за водкой-то ему недалечко ходить было; безъ мала полверсты отъ деревушки, держалъ жидъ шинокъ, и такой тотъ жидъ сговорчивый былъ, что не хватило у тебя денегъ, тащи хоть портишки старыя, веди хоть корову, — онъ на тоѐ тебѣ водки отпуститъ. Ну перешло эдакимъ манеромъ, почитай, все добро мужичково въ жидовскія руки. Вотъ вздорожала водка; положилъ, значитъ, почитай, весь уѣздъ не потреблять ее. Хорошо. Тянетъ одначе мужичка въ шинокъ. Да нѣтъ бóязно. Окромя того, на первыхъ-то порахъ будто и совѣсть беретъ, что вотъ-де, люди скажутъ, безъ году недѣлю зароку не выдержалъ. Проходитъ, братецъ ты мой, недѣля, другая,—обошелся мужикъ нашъ: объ шинкѣ ему

ужъ мало и думается. Да соскучился по мужикѣ жидъ-шинкарь. Дай, молъ, пойду къ нему понавѣдаюсь. Взялъ этто жидъ полштофа водки, натянулъ свои башмаки на дырявыя чулчонки, да и шасть къ мужику. Приходитъ онъ, братцы мои, сунулся носомъ въ избу, анъ видитъ баба тутъ, нельзя значитъ итти. А баба у мужика лютая, свирѣпая, значитъ, баба. И мужика обругаетъ, и жида вытолкать съумѣетъ, да еще и въ шею ему накладетъ. Притаился нашъ жидъ за дверью, жмется, да ждетъ не выйдетъ ли мужикъ. Вотъ стукнула щеколда; ежится мой жидъ, словно сквозь землю провалиться хочетъ. «Ну», думаетъ, «а коли это не онъ, а хозяйка его!» и самъ, со страху, только руками пейсы свои прикрываетъ, чтобъ не вцѣпилась въ нихъ лютая баба. Ну, одначе, вышелъ мужикъ. Жидъ нашъ и заговорить боится; только эдакъ пальцемъ его подманиваетъ. «Пойдемъ, молъ, братъ, въ клѣть!»

«Ну и пошелъ мужикъ. Пришли. Жидъ и дверь притворилъ. «А чего», говоритъ, «панъ Михайло, (извѣстно что жидъ всякаго, кого надуть захочетъ, паномъ обзыветъ), чего ты совсѣмъ ко мнѣ ходить пересталъ?»

«Пересталъ», мужикъ говоритъ, «водку пить, такъ и къ тебѣ мнѣ таскаться не за чѣмъ.»

«А за чѣмъ пересталъ?» вопрошаетъ жидъ.

«Э, да что тутъ толковать!» съ сердцемъ отвѣчаетъ мужикъ. «Согласились, ну и не пьёмъ.»

«Ну и не ноетъ этто у тебя сердце безъ вод-

ки?» вопрошаетъ опять жидъ, а самъ такъ мужику въ душу и лѣзетъ.

«Инымъ часомъ словно и ноетъ», отвѣчаетъ мужикъ, «да дѣлать-то нечего.»

«А какъ нечего!» говоритъ жидъ, «выпить надобно, такъ и ныть перестанетъ. Ей-ей перестанетъ. Вотъ я и водку принесъ.» И тащитъ жидъ изъ-подъ полы полуштофъ свой, кажетъ его мужику, а самъ ухмыляется, словно медку лизнулъ.

Посмотрѣлъ этто мужикъ и на водку, и на жида, и покажись ему, что, то есть, самый лукавый въ этомъ жидѣ сидитъ. «Нѣтъ», думаетъ, «не стану пить.» А самъ жиду-то: «что жъ» говоритъ, «выпить, такъ выпьемъ. Ты сперва отпей, а я пока пойду припасу, чѣмъ закусить.»

Выпилъ жидъ; стоитъ, облизывается; а мужикъ, пока вышелъ, да и назадъ пришелъ, и въ рукахъ у него ломоть хлѣба, и на немъ пребольшущій кусокъ ветчины. Подходитъ онъ къ жиду.

«Ну», говоритъ, «пріятель, выпилъ, такъ и закуси.»

«Ай-ай!» кричитъ жидъ, «какъ это возможно! нашъ законъ не велитъ намъ свиное мясо употреблять. Пей ты, панъ Михайло, да за насъ обоихъ закусишь.»

«Хорошо», говоритъ мужикъ, «твой законъ не велитъ тебѣ свинины ѣсть, а мой не велитъ водку пить; такъ ты вотъ пей за насъ обоихъ, а я буду закусывать и за тебя, и за себя.» И

сѣлъ мужикъ на кадочку, да принялся уплетать ветчину съ хлѣбомъ.

Видитъ жидъ—не выгораетъ его дѣло, —отворилъ дверь, да и шмыгъ въ нее. Глядитъ, за дверью-то мужикова хозяйка стоитъ. «Ай-ай!» кричитъ жидъ; подобралъ полы, ну-ка на утёкъ. Одначе угодила она ему въ догонку полѣномъ въ самыя его тонкія ноги. Только припрыгнулъ нашъ жидъ, взвизнулъ, да и былъ таковъ.

Замолкъ разскащикъ. Мужики посмѣялись промежъ себя, а староста только ухмыльнулся, да молвилъ: «Недурна побасенка, недурна!»

— Одначе, пора мнѣ и въ путь, промолвилъ Петруха. Лошаденка вздыхнула, а тамъ, я чай, меня теперича барыня ждетъ—не дождется. Она и то кажиный разъ, какъ на почту отправляетъ, оченно проситъ. «Ты», говоритъ, «Петръ, пожайлуста поскорѣй оберись. Я», говоритъ, «книжекъ, да писемъ жду.» То есть, такова этто охоча до книжекъ, что и Боже ты мой! а вѣдь добрѣющую, предобрѣющую душу имѣетъ. Запрошлый годъ все больницу строила у насъ въ селѣ, а нонѣ двѣ школы ставитъ,—значитъ мальчишекъ и дѣвчёнокъ грамотѣ обучать хочетъ.—Ну счастливо вамъ оставаться, братцы! — и Петруха поправился на телѣгѣ, взялъ въ руки возжи, махнулъ кнутикомъ и поѣхалъ вдоль улицы мелкой рысцей; только, не доѣзжая шаговъ двадцати до хоровода, отогнулъ онъ свою лошаденку, и лихо прокотилъ мимо молодухъ и дѣвокъ.

Между тѣмъ мужички стали расходиться, и передъ старостиной избой осталось только человѣкъ пять стариковъ, староста съ хозяйкой, да племянница ихъ. Зоря догорала на небѣ, съ мосту подымались въ гору крестьяне въ праздничной одеждѣ, носившіе по приходу святыя иконы. Хоругви развѣвались въ вечернемъ воздухѣ, и снова раздался въ селѣ звонъ. Вслѣдъ за образами ѣхала телѣжка, на которой сидѣли усталые причетники. Возлѣ телѣжки шелъ молодой еще священникъ. При появленіи иконъ въ концѣ улицы, староста и мужички обнажили головы, но бесѣда ихъ не прерывалась.

— Ужъ эти мнѣ школы, говорилъ старикъ лѣтъ шестидесяти съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородою. — Гоняютъ туда робятъ грамотѣ учиться, а тутъ работать некому. Вѣдь придетъ зима, робяты-то тоже хлѣбушка попросятъ. Развѣ на нихъ на всѣхъ наработаешь. А что въ ней, въ грамотѣ-то? вѣдь изъ нея пирога не испечешь, и кафтана не сошьешь.

— Эхъ, не путемъ ты это размыслилъ, Пантелѣичъ! возражаетъ ему староста. — А я тебѣ скажу, грамота великое дѣло. Научи ты свое дѣтище грамотѣ, и не въ примѣръ ему легче будетъ на свѣтѣ жить. Будетъ, примѣрно, твой сынъ мужичкомъ, какъ и ты, — грамота ему ничуть не помѣха. Вотъ ты нѣтъ-нѣтъ, да и запамятуешь, что ни на-есть. А грамотной-то можетъ для памятми записать всякую вещь. Отъѣхалъ онъ куда,

можетъ онъ самъ отписать въ домъ, когда надобность на то случится. Опять наѣхалъ какой ни на-есть чиновникъ,—примѣрно, подводы требуетъ и бумагу показываетъ, а что мужикъ знаетъ, что та за бумага, коли онъ читать не умѣетъ. Значитъ, посмотри-посмотри, да и поди закладывать; а грамотный-то прочитаетъ доподлинно, что въ той грамотѣ написано, да и узнаетъ: можетъ-ли тотъ. чиновникъ подводъ съ него требовать или нѣтъ. А затѣйся у мужичка тяжба, такъ тутъ онъ безъ грамоты совсѣмъ пропащій человѣкъ: лупятъ съ него всѣ, да толкуетъ ему всякъ по своему; а онъ, горемычный, только ходи, да кланяйся, да мошну развязывай. А теперь, къ примѣру, коли ты зажиточный мужичекъ и сыновъ у тебя довольно, — захотѣлъ ты одного хоть нàсторону послать для заработковъ, и того нужнѣй ему грамота. Въ подрядчики-ли пойдетъ, коли мастеровой онъ какой, въ лавочники-ли наймется, прикащикомъ-ли гдѣ приведется быть,—онъ съ грамотой-то вездѣ человѣкъ; а не умѣетъ читать, да писать, глядишь—тутъ что забылъ, тамъ его облопошили, и счетъ покажутъ, а онъ только стой, да глазами хлопай. А доведись ему теперь, сыну-то твоему, въ солдатахъ быть, грамота и тамъ ему подмога, и грамотный, какъ разъ въ унтера попадетъ, да глядишь и чистую возьметъ, да еще и съ пенсіей; а не грамотѣй, такъ — какой нибудь разудалый, тяни вѣкъ лямку въ рядовыхъ.

— Оно все-такъ, проворчалъ Пантелѣичъ въ

отвѣтъ на разумную рѣчь старосты, и, почесавъ въ затылкѣ, обратился въ ту сторону, съ которой подвигались св. иконы. Священникъ, опередивъ ихъ, подошелъ къ мужикамъ, благословилъ всѣхъ и, опустившись на заваленку, вынулъ изъ кармана бумажный клѣтчатый платокъ и отеръ потъ, катившійся по лицу его.

— Эхъ, сильно умаялись, батюшка, проговорила старостиха, — не вынести-ли вамъ бражки, аль квасу испить?

— Усталъ, усталъ, отвѣчалъ священникъ, — и отъ стаканчика квасу не отказался бы, хозяюшка.

Старостиха поспѣшила въ погребъ, а священникъ обратился къ мужичкамъ:

— О чемъ бесѣду вели, друзья мои? спросилъ онъ ихъ привѣтливымъ голосомъ.

— Да вотъ, батюшка, отвѣтилъ староста, — я говорилъ пора-бы, молъ, вездѣ школы заводить, да обучать робятъ грамотѣ.

— Благое-бы дѣло, замѣтилъ отецъ Александръ, и великую пользу принесло-бы оно народу русскому. Теперь онъ, такъ сказать, ходитъ во мракѣ, не знаетъ подъ часъ, что хорошо, что дурно; тогда же, учились бы слову Божіему, знали-бы заповѣди Господни, чтили бы законъ Божій, и, читая святое Евангеліе, пришли бы къ уразумѣнію, что всѣ мы братья и всѣ должны жить въ мирѣ и любви. А какъ станемъ-то мы во всякомъ дѣлѣ помогать другъ другу, такъ и всякое дѣло-то пойдетъ у насъ скорѣе, да успѣшнѣе. Священ-

никъ отпилъ изъ стакана, поданнаго ему старостихой, и продолжалъ: — Да, друзья мои, пора вамъ подумать о томъ, какъ-бы дѣтей вашихъ воспитать истинными людьми, какъ бы развить въ нихъ тѣ хорошія свойства, которыя вложены Богомъ въ ихъ сердце и умъ. Вы знаете, Государю Императору угодно было начать великое дѣло облегченія вашего быта. Совершится оно, это дѣло,— и на васъ падетъ новая обязанность—отвѣтственность за будущность дѣтей вашихъ. Старайтесь же обучать ихъ грамотѣ, числамъ,—словомъ всему, чему будетъ возможно, и, кто знаетъ, не выйдетъ ли изъ нашихъ безвѣстныхъ селъ великихъ мужей, которые прославятся въ цѣломъ мірѣ! А для всего этого начать надо съ школъ, прибавилъ священникъ, съ краткой улыбкой, и простившись съ мужичками, побрелъ къ своему домику.

Разошлись мужички, думая каждый свою крѣпкую думу. Въ душѣ каждаго изъ нихъ еще звучали слова ихъ добраго пастыря, и сладко замирало сердце при мысли о великомъ будущемъ.

А. Д. З.

V.

СКАЗКИ.

I.

ДУМЫ.

Выкопалъ мужикъ яму въ лѣсу, прикрылъ ее хворостомъ: не попадется ли какого звѣря.

Бѣжала лѣсомъ лисица. Заглядѣлась по верхамъ—бухъ въ яму!

Летѣлъ журавль. Спустился корму поискать, завязилъ ноги въ хворостѣ; сталъ выбиваться—бухъ въ яму!

И лисѣ горе, и журавлю горе. Не знаютъ, что́ дѣлать, какъ изъ ямы выбраться.

Лиса изъ угла въ уголъ мечется—пыль по ямѣ столбомъ; а журавль одну ногу поджалъ—и ни съ мѣста, и все передъ собой землю клюетъ, все передъ собой землю клюетъ. Думаютъ оба, какъ бы бѣдѣ помочь.

Лиса побѣгаетъ, побѣгаетъ, да и скажетъ:

— У меня тысяча, тысяча, тысяча думушекъ!

Журавль поклюетъ, поклюетъ, да и скажетъ:

— А у меня одна дума!

И опять примутся — лиса бѣгать, а журавль клевать.

— Экой, думаетъ лиса, глупый этотъ журавль! что́ онъ все землю клюетъ? Того и не знаетъ, что земля толстая и насквозь ея не проклюешь.

А сама все кружитъ по ямѣ да говоритъ:

— У меня тысяча, тысяча, тысяча думушекъ!

А журавль все передъ собой клюетъ да говоритъ:

— А у меня одна дума!

Пошелъ мужикъ посмотрѣть, не попалось ли кого въ яму.

Какъ заслышала лиса, что идутъ, принялась еще пуще изъ угла въ уголъ метаться, и все только и говоритъ:

— У меня тысяча, тысяча, тысяча думушекъ!

А журавль совсѣмъ смолкъ и клевать пересталъ. Глядитъ лиса — свалился онъ, ножки протянулъ и не дышетъ. Умеръ съ перепугу, сердечный!

Приподнялъ мужикъ хворостъ; видитъ — попались въ яму лиса да журавль: лиса юлитъ по ямѣ, а журавль лежитъ, не шелохнется.

— Ахъ! ты, говоритъ мужикъ,—подлая лисица! Заѣла ты у меня этакую птицу!

Вытащилъ журавля за ноги изъ ямы; пощупалъ его — совсѣмъ еще теплый журавль; еще пуще сталъ лису бранить.

А лиса-то бѣгаетъ по ямѣ, не знаетъ, за какую думушку ей ухватиться: тысяча, тысяча, тысяча думушекъ!

— Погоди жь ты! говоритъ мужикъ: — я тебѣ помну бока за журавля!

Положилъ птицу подлѣ ямы, да къ лисѣ.

Только что онъ отвернулся, журавль какъ расправитъ крылья, да какъ закричитъ:

— У меня одна дума была!

Только его и видѣли.

А лиса со своей тысячью, тысячью, тысячью думушекъ попала на воротникъ къ шубѣ.

II.

ДВА МОРОЗА.

Гуляли по чистому полю два Мороза, два родные брата, съ ноги на ногу поскакивали, рукой объ руку поколачивали.

Говоритъ одинъ Морозъ другому:

— Братецъ, Морозъ Багровый-носъ! какъ бы намъ позабавиться — людей поморозить?

Отвѣчаетъ ему другой:

— Братецъ, Морозъ Синій-носъ! коль людей морозить—не по чистому намъ полю гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ проѣзжія дороги замело; никто не пройдетъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше къ чистому бору! Тамъ хоть и меньше простору, да за то забавы будетъ больше. Все нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и встрѣтится по дорогѣ.

Сказано, сдѣлано. Побѣжали два Мороза, два

родные брата, въ чистый боръ. Бѣгутъ, дорогой тѣшатся: съ ноги на ногу попрыгиваютъ; по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ. Старый ельникъ трепщитъ, молодой соснякъ поскрипываетъ. По рыхлому ль снѣгу пробѣгутъ — кора леденая; былинка ль изъ-подъ снѣгу выглядываетъ — дунутъ, словно бисеромъ ее всю унижутъ.

Послышали они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой бубенчикъ: съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, съ бубенчикомъ—мужичокъ. Стали Морозы судить, да рядить, кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить.

Морозъ Синій-носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ:

— Мнѣ бы лучше за мужичкомъ погнаться. Его скорѣе дойму; полушубокъ старый, заплатанный, шапка вся въ дырахъ, на ногахъ кромѣ лаптишекъ ничего. Онъ же никакъ дрова рубить ѣдетъ.... А ужъ ты, братецъ, какъ посильнѣе меня, за бариномъ бѣги. Видишь, на немъ шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Гдѣ ужъ мнѣ съ нимъ! не совладаю.

Морозъ Багровый-носъ только подсмѣивается.

— Молодъ еще ты, говоритъ:—братецъ!... Ну, да ужъ быть по твоему. Бѣги за мужичкомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ, узнаемъ, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай, покамѣсть!

— Прощай, братецъ!

Свиснули, щелкнули, побѣжали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистомъ полѣ. Спрашиваютъ другъ друга:—что?

— То-то, я думаю, намаялся ты, братецъ, съ бариномъ-то, говоритъ младшій: — а толку, глядишь, не вышло никакого. Гдѣ его было пронять!

Старшій посмѣивается себѣ.

— Эхъ, говоритъ, — братецъ, Морозъ Синій-носъ, молодъ ты и простъ. Я его такъ уважилъ, что онъ часъ будетъ грѣться, не отогрѣется.

— А какъ же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?

— Не помогли. Забрался я къ нему и въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ зачалъ знобить!... Онъ-то ёжится, онъ-то жмется, да кутается; думаетъ: дай-ка я ни однимъ суставомъ не шевельнусь, авось меня тутъ морозъ не одолѣетъ. Анъ не тутъ-то было! Мнѣ-то это и съ руки. Какъ принялся я за него — чуть живаго въ городѣ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что со своимъ мужичкомъ сдѣлалъ?

— Эхъ, братецъ, Морозъ Багровый-носъ! плохую ты со мной шутку сшутилъ, что во-время не образумилъ. Думалъ—заморожу мужика, а вышло, онъ же отломалъ мнѣ бока.

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ. Ѣхалъ онъ, самъ ты видѣлъ, дрова рубить. Дорогой началъ-было я его пронимать; только онъ все не робѣетъ—еще ругается: такой, говоритъ, сякой этотъ морозъ. Совсѣмъ даже обидно стало; принялся я его пуще щипать, да колоть. Только не на долго была мнѣ эта за-

бава. Пріѣхалъ онъ на мѣсто, вылѣзъ изъ саней, принялся за топоръ. Я-то думаю: тутъ мнѣ сломить его. Забрался къ нему подъ полушубокъ, давай его язвить. А онъ-то топоромъ машетъ, только щепки кругомъ летятъ. Сталъ даже потъ его прошибать. Вижу: плохо—не усидѣть мнѣ подъ полушубкомъ. Подъ конецъ инда паръ отъ него повалилъ. Я прочь поскорѣе. Думаю: какъ быть? А мужикъ все работаетъ, да работаетъ. Чѣмъ бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу—скидаетъ съ себя полушубокъ. Обрадовался я. Погоди же, говорю: вотъ я тебѣ покажу себя. Полушубокъ весь мокрехонекъ. Я въ него — забрался вездѣ, заморозилъ такъ, что онъ сталъ лубокъ-лубкомъ. Надѣвай-ка теперь, попробуй! Какъ покончилъ мужикъ свое дѣло, да подошелъ къ полушубку, у меня и сердце взыграло: то-то потѣшусь! Посмотрѣлъ мужикъ и принялся меня ругать — всѣ слова перебралъ, что нѣтъ ихъ хуже. Ругайся! думаю я себѣ: ругайся! А меня все не выживешь! Такъ онъ бранью не удовольствовался. Выбралъ полѣно подлиннѣе, да посучковатѣе, да какъ примется по полушубку бить. По полушубку бьетъ, а меня все ругаетъ. Мнѣ бы бѣжать поскорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ—выбраться не могу. А онъ-то колотитъ, онъ-то колотитъ! На силу я ушелъ. Думалъ, костей не соберу. До сихъ поръ бока ноютъ. Закаялся я мужиковъ морозить.

— То-то!

III.

ВОЛГА И ВАЗУЗА.

Большая рѣка Волга, которую русскій народъ зоветъ и матушкой и кормилицей, и малая рѣчка Вазуза, про которую знаютъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она протекаетъ, вышли изъ земли по сосѣдству одна съ другой малыми ручьями, и заспорили, кто изъ нихъ будетъ больше, кто сильнѣе, кому будетъ почетъ и старшинство. Спорили-спорили, да какъ другъ-дружку не переспорили, такъ и рѣшили на томъ, чтобы лечь имъ вмѣстѣ спать, и которая раньше встанетъ, да прежде прибѣжитъ къ Хвалынскому морю, та и больше, и сильнѣе, той и почетъ и старшинство.

Легла Волга спать; легла и Вазуза. Волга заснула, а Вазуза не спитъ; думаетъ: какъ бы ей Волгу обогнать. Поднялась она ночью потихоньку, выбрала дорогу попрямѣе да поближе, и шибко-шибко пустилась съ горъ по долам къ морю Хвалынскому.

Проснулась Волга на зарѣ, и пошла себѣ ни тихо, ни скоро, а среднимъ ходомъ. Нечего было ей днемъ ни плутать, ни мѣстъ выбирать, и догнала она Вазузу у города Зубцова и грозно на нее напустилась за ея обманъ. Много Вазуза за ночь пути пробѣжала, не мало ей было труда себѣ дорогу торить, изустала она, измучилась, да какъ

увидала Волгу, что та и полна, и широка, и силы въ ней много, испугалась, притихла, назвалась меньшой ея сестрой и стала просить: «Прими меня, Волга, къ себѣ на руки, снеси меня, въ синё море!»

Не попомнила Волга зла, взяла Вазузу и понесла ее въ глубокое море Хвалынское, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы безсонная Вазуза по веснамъ ее раньше будила.

И держитъ Вазуза уговоръ крѣпко и вѣрно: Волга еще спитъ, а она ужъ пробуждается отъ тяжелаго зимняго сна и бѣжитъ къ старшей сестрѣ и зоветъ: «Вставай, Волга! пора!»

IV.

ТРОЕ ДОРОЖНЫХЪ.

Собрались въ путь-дорогу три пріятеля: пузырь, соломенка, да лапоть. Вздумалось имъ на свѣтъ посмотрѣть и себя показать.

Приходятъ они къ рѣкѣ, и стали; не знаютъ, какъ черезъ рѣку переправиться.

Говоритъ лапоть:

— Перевези насъ, пузырь, на себѣ!

А пузырь говоритъ:

— Нѣтъ, лучше пускай соломенка черезъ рѣку перетянется, съ берега на берегъ; а ты да я перейдемъ по ней, какъ по мосту.

— Ладно!

Легла соломенка поперегъ рѣки. Пошелъ по ней лапоть; она и подломилась. Лапоть упалъ въ воду и утонулъ. А пузырь надъ ними хохоталъ-хохоталъ — да и лопнулъ.

Мих. Михайловъ.

VI.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

УДАЛЬ И ЗАБОТА.

Таетъ забота, какъ свѣчка,
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе не горе —
Въ цѣпи закуй — распѣваетъ.

Ляжетъ забота — не спится,
Спитъ ли, пройди — встрепенется;
Спитъ молодецкая удаль,
Громомъ ударь — не проснется.

Клонится колосъ отъ вѣтра,
Вѣтеръ заботу наклонитъ,
Встрѣтится удаль съ грозою —
На ухо шапку заломитъ.

Всѣхъ-то забота боится,
Топнутъ ногой — поблѣднѣетъ;
Топнутъ ногою на удаль, —
Лѣзетъ на ножъ — не робѣетъ.

По смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочетъ;

Удаль, не думавъ, добудетъ,
Кинетъ на вѣтеръ — хохочетъ.

Пѣсня заботы — не пѣсня,
Слушать — тоска одолѣетъ;
Удаль присвистнетъ, притопнетъ,
Горе и думу развѣетъ.

Явится въ гости забота,
Въ домѣ и скука и холодъ;
Удаль влетитъ, да обниметъ —
Станешь и веселъ, и молодъ.

МОГИЛА ДИТЯТИ.

(Посв. Н. И. Второву.)

Надъ твоей могилкой
Солнышко сіяетъ;
Въ зелени сирени
Птичка распѣваетъ.

Вьются распѣваютъ
Пчелы надъ цвѣтами,
Вѣтерокъ лепечетъ
Съ темными листами.

Спишь ли ты, малютка,
Или такъ лежится?...
Встань и полюбуйся,
Что кругомъ творится.

Всталъ бы ты — нѣтъ воли:
Тѣсный домъ твой проченъ,

Выходъ на свѣтъ Божій
Крѣпко заколоченъ.

Спи дитя; едва ли
Стóитъ просыпаться;
На людское горе
Сердцемъ надрываться.

Наша жизнь земная
Право незавидна,
Спи, дитя родное,
Суждено такъ, видно.

Сонъ твой — сонъ отрадный:
Крестъ и камень бѣлой
Надъ твоей могилкой
Солнышко пригрѣло.

Перелетнымъ гостьямъ
Благодать святая,
Въ ямочкѣ на камнѣ
Влага дождевая.

Пьетъ шалунья птичка,
Брызги разсыпаетъ,
Чуткій слухъ малютки
Пѣснями ласкаетъ.

И. Никитинъ.

Негляди ты въ даль,
Въ даль туманную,
Ты не жди его,
Душа-дѣвица.

Ты не пой ему
Пѣснь любовную,
Пѣснь завѣтную,
Задушевную.

Не услышитъ онъ,
Не придетъ сказать:
«Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ
«Мнѣ милѣй тебя».

Ужъ давно твой другъ
Спитъ могильнымъ сномъ
Во сырой землѣ
Подъ большимъ крестомъ.

Зажигай свѣчу
Предъ иконою,
Да молись за его
Душу грѣшную....

Иванъ Мироновъ.

(Крестьянинъ-самоучка).

Таганрогъ. 1859 г.

МАЛОРОССІЙСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Якъ-бы́ мині черевики́,
То пішла́ бъ я на музи́ки...
Го́ренько моє́!

Черевіківъ не ма́е,
А музи́ка гра́е! гра́е!
Жа́лю завдае́!

Ой піду́ я бо́са по́лемъ,
Пошука́ю свою́ до́лю...
До́ленько моя́!

Глянь на ме́не чернобри́ву
Моя́ до́ле не-привди́ва...
Безтала́нна я!

Дівча́точка на музи́кахъ,
У черво́нихъ черевиках...
Я світомъ нужу́!

Безъ роско́ши, безъ любо́ви,
Зношу́ мої чо́рні бро́ви
У на́ймахъ зношу́!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Правительственныя распоряженія. СТР.

а) О войсковыхъ обывателяхъ. . . . . .

б) О подачѣ ревизскихъ сказокъ отставными воинскими чинами и ихъ семействами 5

в) О переселенцахъ изъ бессарабской области. 6

г) О сборѣ денегъ съ жителей Большой Охты. 7

д) О продажѣ хлѣба изъ сельскихъ магазиновъ Западной Сибири. 8

е) О распредѣленіи денегъ лицамъ содѣйствующимъ возвышенію цѣнъ крестьянскимъ оброчнымъ статьямъ, отдаваемымъ въ содержаніе съ торговъ. 9

ж) О ярмаркахъ. . . . . —

II. Разсказы изъ русской исторіи. И. Бѣляева. 10

III. Выработка крахмала крестьяниномъ московской губерніи Яковомъ Михайловымъ. Модеста Киттары 92

IV. Третій день свѣтлаго праздника. А. Д. З. . . . 133

V. Сказки, Мих. Михайлова:

1. Думы. 155

2. Два мороза. 157

стр.

3. Волга и Вазуза 161

4. Трое дорожныхъ 162

VI. Стихотворенія:

Удаль и Забота. И. Никитина 164

Могила дитяти. Его же 165

Не гляди ты въ даль. Ивана Миронова (крестьянина самоучки) 167

Малороссійское стихотвореніе. Т. Ш. 168

ОПЕЧАТКИ.

Въ четвертой книжкѣ:

Стран.	*строк.*	*напечатано:*	*должно быть:*
84	11	Вилинскаго	Волынскаго
88	2	по всему вѣроятно	по всему вѣроятію
105	13	на обовища	на обувища
109	30	измѣнники	измѣнили
123	20	и пошолъ самъ	пошолъ и самъ
144	17	боярина	дворянина

Въ пятой книжкѣ:

16	11	были	было
19	21	одни	однѣ
33	5	Занеглимье	Занеглинье
—	7	Занеглимье	
39	5	большія	большіе
41	3	безъѣздно	безвыѣздно
55	26	будетъ	буде
64	11	1670 году	въ 1670 году
66	27	начальника	начальники
72	13	Ромодановичемъ	Ромодановскимъ
86	19	устьи	устьѣ
93	18	поселянѣ	поселяне
107	27	достоинство его	достоинство ея
112	22	третіе	третее
113	2	пилки	пилки.
116	12	терется	тереться
128	13	какъ: то	какъ то:
138	9	Розитъ	Разитъ
151	30	для паятми	для памяти
154	16	съ краткой улыбкой	съ кроткой улыбкой

НАРОДНОЕ

ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ

А. ОБОЛОНСКИМЪ И Г. ЩЕРБАЧЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 15 ноября 1859 года.

Цензоръ *П. Новосильскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,

на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ, въ домѣ Лея.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ

ВЪ 1860 ГОДУ.

Годовое изданіе журнала «Народное Чтеніе» будетъ состоять изъ 6-ти книжекъ, каждая около 160 страницъ, и заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Правительственныя распоряженія, прямо относящіяся до интересовъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій; 2) Изложеніе законовъ гражданскихъ, полицейскихъ и уголовныхъ, по тѣмъ отдѣламъ, которые ближе всего касаются крестьянскаго и мѣщанскаго быта; 3) Отечественная исторія и описаніе событій чисто народныхъ; 4) Жизнеописаніе замѣчательныхъ по своимъ гражданскимъ доблестямъ и заслугамъ людей, вышедшихъ изъ простолюдія; 5) Литературныя бесѣды и разсказы, очерки нравовъ и разныя легкія сатирическія статьи, соотвѣтствующія цѣли изданія; 6) Стихотворенія, какъ чистонародныя, такъ и написанныя въ простонародномъ духѣ; 7) Бесѣды о природѣ

вообще и о человѣкѣ въ особенности; 8) Медицискіе совѣты, которыми крестьяне могутъ пользоваться при своихъ средствахъ, и 9) Разныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и торговлѣ.

Цѣна за годовое изданіе 6-ти книжекъ журнала «НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ» ДВА рубля серебромъ съ пересылкою во всѣ города и почтовыя конторы Россіи. Желая по возможности облегчить подписку людямъ небогатымъ, контора редакціи допускаетъ разсрочку подписной цѣны; достаточно при первоначальной подпискѣ внести 50 коп., а потомъ, по выходѣ каждой книжки, уплачивать по 30 коп.; за полугодовое же изданіе слѣдуетъ вносить 1 р. 10 коп. серебромъ.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ, въ конторѣ редакціи журнала «НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ» на Сергіевской улицѣ, близь Воскресенскаго проспекта, въ домѣ подъ № 38-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ: Базунова, Давыдова и Кожанчикова.

Въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Базунова, Свѣшникова и Щепкина и въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ.

Изданіе журнала «Народное Чтеніе» предпринято съ цѣлью способствовать развитію образованія въ многочисленномъ классѣ народа русскаго, въ томъ классѣ, который или не имѣетъ возможности добывать себѣ журналы и другія дорогія по цѣнѣ книги, или не въ состояніи пользоваться ими, по недостаточному знакомству съ науками: имѣя въ виду однихъ,мы назначили самую дешевую цѣну своему журналу — 2 р., съ пересылкою во всѣ концы Имперіи; имѣя въ виду другихъ, мы старались помѣщать въ немъ статьи, изложенныя языкомъ общепонятнымъ.

Мы, впрочемъ, далеки отъ мысли, что намъ надобно опускаться до умственнаго уровня читателей съ ограниченными свѣдѣніями и говорить языкомъ полудѣтскимъ; ибо, во-первыхъ, мы надѣемся, что кругъ нашихъ подписчиковъ не ограничится людьми развитыми очень мало; во-вторыхъ, думаемъ, что и для мало знакомаго съ науками должно быть нѣсколько обидно, когда для него перемѣняютъ тонъ своей бесѣды и начинаютъ говорить, какъ съ ребенкомъ. Всѣмъ извѣстно, что дѣти не любятъ дѣтскаго языка въ устахъ взрослыхъ и охотно вслушиваются въ серьезныя бесѣды старшихъ между собою. Многаго они не понимаютъ, многое понимаютъ по-своему, но ни то, ни другое не вредитъ ихъ умственному развитію. Мало того, — все для нихъ непонятное и загадочное возбуждаетъ ихъ пытливость; въ нихъ является желаніе добиться, что оно значитъ, а всякое знаніе, добытое съ настойчивостію, дѣлается ужъ на всю жизнь собственностію человѣка. Такъ мы смотримъ на дѣтей, такъ смотримъ и на тѣхъ, кто, по образованію, не достигъ еще возмужалости. Мы не выбираемъ для

нашего журнала, такъ сказать, дешевыхъ сотрудниковъ; мы обращаемся съ просьбою объ участіи въ немъ къ лучшимъ нашимъ писателямъ, предоставляя имъ вознагражденіе, соотвѣтствующее достоинству ихъ трудовъ. Мы назначаемъ журналъ нашъ для той части грамотнаго русскаго міра, которая, не будучи первою по своей умственной дѣятельности, должна считаться главною по надеждамъ на будущее; по этому считаемъ себя въ правѣ приглашать къ сотрудничеству тѣхъ авторовъ, которые доказали уже близкое знакомство свое съ этой частью грамотнаго русскаго міра и глубокое разумѣніе ея жизни. Кстати замѣтимъ, что, назвавъ свой журналъ Народнымъ Чтеніемъ, мы подъ именемъ народа разумѣли не однихъ простолюдиновъ. —Многіе изъ извѣстныхъ литераторовъ выразили полное сочувствіе къ нашимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ, и доказательствомъ, что слова этихъ литераторовъ нераздѣльны съ самымъ дѣломъ, служатъ статьи, помѣщаемыя въ журналѣ «Народное Чтеніе».

Мы не станемъ привлекать Гг. подписчиковъ обѣщаніями; — обязываемся только на будущее время исправить недостатки, вкравшіеся въ наше изданіе, улучшать его, сколько дозволятъ обстоятельства, отъ редакціи независящія, которыя часто служатъ помѣхой въ полезномъ дѣлѣ, и не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, сдѣлать «Народное Чтеніе» достойнымъ своего назначенія.

Мы сознаемъ всю важность принимаемаго на себя труда и убѣждены въ пособіи литераторовъ, дѣятелей, посвятившихъ себя на служеніе добру и истинѣ, почтительнѣйше приглашая ихъ и всѣхъ людей независимыхъ убѣжденій къ участію въ нашемъ изданіи.

Всѣ статьи, согласныя съ направленіемъ и программою «Народнаго Чтенія» будутъ напечатаны съ благодарностію. По желанію авторовъ, они получатъ такое же вознагражденіе, какое выдается лучшими нашими журналами. Статьи, присланныя въ редакцію, но не напечатанныя, авторы получатъ обратно лично, или чрезъ своихъ посланныхъ, или другимъ способомъ не сопряженнымъ съ издержками для конторы редакціи.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ КНИЖЕКЪ

НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ:

Книга 1-я. Правительственныя распоряженія. — Разсказы изъ русской исторіи, С. МАКСИМОВА.—Кто человѣкъ, тому сродно все человѣческое, П. НЕБОЛЬСИНА. — Надёжа, МАРКА-ВОВЧКА. — Отставной солдатъ Захаровъ, МАЕВА. — Разсказъ за чаемъ, Н. УСПЕНСКАГО. — Ѳедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ, И. МИХАЙЛОВА. — Радость и Кручина, И. НИКИТИНА. — Два стихотворенія, ЦЫГАНОВА.

Книга 2-я. Правительственныя распоряженія. — Разсказы изъ русской исторіи, С. МАКСИМОВА. — Атаманъкнязь Ермакъ Тимоѳеевичъ, И. ТРОИЦКАГО. — Нѣсколько словъ о Сибирѣ и рѣкѣ Амурѣ. — Какой благодатиждать отъ міра, А. РАЗИНА. — Говорятъ и спорятъ.— Кіевскіе богомольцы, П. КУЛИША. — Совѣтъ матерямъ, П. АЛАБУШЕВА. — Катерина, МАРКА ВОВЧКА.—Что такое поэзія и народная пѣсня, П. КУЛИША.—Народныя пѣсни.— Дѣдушка и Пѣсня Бобыля, И. НИКИТИНА. — Нива, МАЙКОВА.— Пѣсня, ИВАНА БѢЛЯЕВА.

Книга 3-я. Правительственныя распоряженія.—Законы, касающіеся крестьянскаго быта, А. ЗЕЛЕНАГО. — Какъ быть съ дорогой водкой, А. РАЗИНА.—Повѣсть о южной Руси, П. КУЛИША — Саша, МАРКА ВОВЧКА. — Стихотворенія, И. НИКИТИНА, Т. Ш. и ЩОГОЛЕВА, съ переводомъ Л. МЕЯ.—Крестьянскія письма.

Книга 4-я. Правительственныя распоряженія.—Законы, относящіеся до торговли мѣщанъ и крестьянъ.—Разсказы о землѣ, ЛУЧНИЦКАГО.— Разсказы изъ русской исторіи, И. БѢЛЯЕВА.— Нѣсколько словъ о Кузьмѣ Мининѣ Сухорукомъ, И. ТРОИЦКАГО. — Нѣсколько словъ о славянскихъ народахъ въ Австріи и Турціи, А. ѲЕДОРОВА. — Шелковый платокъ, М. МИХАЙЛОВА. — Стихотворенія.

Книга 5-я. Правительственныя распоряженія. — Разсказы изъ русской исторіи, И. БѢЛЯЕВА. — Выработка крахмала крестьяниномъ московской губерніи Яковомъ Михайловымъ, МОДЕСТА КИТТАРЫ. — Третій день свѣтлаго праздника, А. Д. З.—Сказки: Два мороза, Думы, Волга и Вазуза, Трое дорожныхъ, МИХ-МИХАЙЛОВА. — Стихотворенія, НИКИТИНА, ИВАНА МИРОНОВА и Т. Ш.

Книга 6-я. Правительственныя распоряженія. — Повѣсть о южной Руси, П. КУЛИША. — Зимніе кормы, Новгородскаго садовника. — Разсказы о землѣ, М. ЛУЧНИЦКАГО. — Что такое книга, С. МАКСИМОВА. — Сказка о дѣдушкѣ Январѣ и бѣдной сиротинушкѣ, М. КАМЕНСКОЙ.—Стихотворенія: И. НИКИТИНА.— Т. Ш. и ИВАНА МИРОНОВА. — Переписка редакціи. — Отвѣты редакціи.

Издатели Редакторы: **Александръ Оболонскій.**
Григорій Щербачевъ.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8-го сентября текущаго года, — въ день столь достопамятный въ лѣтописяхъ нашихъ пораженіемъ многочисленныхъ полчищъ Мамаевыхъ на Куликовомъ полѣ, — Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ достигъ установленнаго основными законами Имперіи совершеннолѣтія (шестнадцати лѣтъ).

Этотъ день ознаменованъ новою Монаршею милостію. Въ именномъ указѣ Сенату, данномъ сего числа, изображено:

«Признавая справедливымъ даровать нижнимъ чинамъ, поступающимъ въ военную службу, облегченіе въ исполненіи этой повинности сокращеніемъ сроковъ обязательной ихъ службы и избравъ для приведенія въ дѣйствіе сей мѣры торжественный день совершеннолѣтія Любезнѣйшаго сына Нашего и Наслѣдника престола Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича, всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1) Нижнимъ чинамъ, которые впредь поступятъ въ рекруты, опредѣлить общіе обязательные сроки службы для отставки: въ военномъ вѣдомствѣ и въ комплектуемыхъ отъ онаго командахъ другихъ вѣдомствъ 15-ти лѣтній, а въ морскомъ вѣдомствѣ—14-ти лѣтній.

2) Нижнимъ чинамъ, поступившимъ уже на службу до настоящаго времени, сократить сроки обязательной службы, назначивъ для сего общій 20-ти лѣтній срокъ, безъ различія, въ какихъ бы вѣдомствахъ они не состояли; а обязанныхъ по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ 20-ти лѣтнимъ и кратчайшими противу сего сроками увольнять въ отставку за эти же сроки и на будущее время; — и

3) Тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые подвергались или подвергнутся оштрафованіямъ, лишающимъ права на полученіе отставки наравнѣ съ безпорочно-служившими, подчинять при увольненіи отъ службы, независимо отъ выслуги ими установляемыхъ нынѣ общихъ обязательныхъ сроковъ, и всѣмъ прочимъ условіямъ, которыя дѣйствующими узаконеніями опредѣлены для увольненія въ отставку штрафованныхъ нижнихъ чиновъ» (*).

Установляемый этимъ указомъ сокращенный срокъ обязательной военной службы откроетъ нижнимъ воинскимъ чинамъ возможность возвратить-

(*) Сенат. Вѣд. № 73.

ся, по выслугѣ ими столь непродолжительнаго срока, въ прежнія общества, еще въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ развитіи силъ, и заняться, съ пользою, земледѣліемъ, ремеслами и другими промыслами, и тѣмъ самымъ содѣйствовать, въ извѣстной степени, увеличенію производительнаго труда въ государствѣ.

Въ ряду многихъ милостей, которыя были дарованы нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ разнымъ сословіямъ Россіи, 26 августа 1856 года, въ день Его коронованія, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, безспорно, дозволеніе возвращать изъ военнаго вѣдомства, для пособія родителямъ и родственникамъ и для причисленія затѣмъ въ свободныя податныя состоянія, всѣхъ солдатскихъ дѣтей, за исключеніемъ только тѣхъ изъ нихъ, которые находились уже на дѣйствительной службѣ. Этою мѣрою положенъ конецъ обязательному состоянію, въ которомъ находился дотолѣ многочисленный классъ людей въ Имперіи, причисленныхъ дѣйствовавшими законами къ потомственному, навсегда связанному службою, сословію солдатскихъ дѣтей. Въ концѣ того же года (25 декабря) были Высочайше утверждены правила объ исключеніи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей и кантонистовъ изъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, а 7 апрѣля слѣдующаго года изданы правила о производствѣ отъ казны денежнаго пособія солдатскимъ и матросскимъ дѣтямъ. Нынѣ,

по представленію г. министра государственных имуществъ, послѣдовало Высочайше утвержденное 22 іюня сего года мнѣніе государственнаго совѣта о распространеніи дѣйствія означенныхъ выше двухъ правилъ и на кантонистовъ лѣснаго вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, на слѣдующемъ основаніи: 1) Всѣ числящіеся въ лѣсномъ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ кантонистами, солдатскіе дѣти, непоступившіе по день изданія Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года въ дѣйствительную службу, а также зачисленные на службу, но недостигшіе по тотъ день 20-лѣтняго возраста, исключаются вовсе изъ сего вѣдомства, для причисленія въ сельскія и городскія податныя сословія, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 25 декабря 1856 года правилъ, объ исключеніи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей и кантонистовъ изъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, и съ тѣми правами, которыя сими правилами предоставлены солдатскимъ и матросскимъ дѣтямъ. 2) Родители и родственники, желающіе взять изъ лѣснаго вѣдомства на свое попеченіе солдатскихъ дѣтей, должны подать о семъ просьбу въ ту палату государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніи которой означенные дѣти состоятъ. Палаты, по разсмотрѣніи таковыхъ просьбъ, выдаютъ исключеннымъ по установленной формѣ билетъ и потомъ доставляютъ лѣсному департаменту мини-

стерства государственныхъ имуществъ общіе списки о всѣхъ тѣхъ кантонистахъ, кои на этихъ основаніяхъ будутъ уволены. Посторонніе благотворители, желающіе взять къ себѣ на воспитаніе кантонистовъ, обращаются съ просьбами объ этомъ къ гражданскимъ губернаторамъ. 3) Родители, родственники и воспитатели, на попеченіи коихъ состоятъ, или впредь будутъ находиться дѣти нижнихъ чиновъ лѣснаго вѣдомства, имѣютъ право получать на сихъ дѣтей, въ замѣнъ производимаго имъ провіантскаго и сиротскаго довольствія, денежное отъ казны пособіе, въ томъ же размѣрѣ и тѣмъ же порядкомъ, какіе постановлены Высочайше утвержденными 7 апрѣля 1857 года правилами, о производствѣ отъ казны денежнаго пособія солдатскимъ и матросскимъ дѣтямъ, съ тѣмъ только различіемъ, что а) выдача билетовъ для полученія такого пособія на дѣтей, въ лѣсномъ вѣдомствѣ состоящихъ, возлагается на палаты государственныхъ имуществъ, и б) пособіе сіе отпускается по выданнымъ билетамъ заимообразно изъ уѣздныхъ казначействъ на счетъ возврата изъ суммъ министерства государственныхъ имуществъ. Но на тѣхъ сыновей кантонистовъ, которые числятся или числились въ военномъ вѣдомствѣ, хотя отцы ихъ служатъ въ лѣсной стражѣ, билеты на полученіе денежнаго довольствія выдаются начальниками кантонистскихъ заведеній или командирами гарнизонныхъ баталіоновъ, смотря по тому, откуда полу-

чали по прежнимъ правиламъ провіантское довольствіе, съ отнесеніемъ издержки на счетъ суммъ военнаго министерства. 4) Родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ солдатскихъ сыновей, прижитыхъ нижними чинами во время нахожденія ихъ на службѣ, предоставляется право, по добровольному соглашенію и по просьбамъ, отдавать сихъ сыновей, по достиженіи установленнаго возраста, въ учебныя заведенія вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, съ обязанностію прослужить въ лѣсномъ вѣдомствѣ 12 лѣтъ, считая дѣйствительную службу не ранѣе какъ съ 16-лѣтняго возраста, если они поступятъ въ оную моложе сего возраста. 5) Тѣхъ кантонистовъ, находящихся нынѣ въ учебныхъ заведеніяхъ, о возвращеніи которыхъ въ теченіе одного года съ изданія сихъ правилъ, не поступятъ отъ родителей, родственниковъ и постороннихъ благотворителей просьбы, считать добровольно оставшимися въ лѣсномъ вѣдомствѣ, съ обязанностію прослужить въ ономъ вышеустановленный 12-лѣтній срокъ. 6) Дѣти нижнихъ чиновъ, рожденные по увольненіи отцевъ въ отставку, равно незаконнорожденныя дѣти солдатскихъ женъ, вдовъ, дѣвокъ и дочерей сихъ дѣвокъ, состоящіе нынѣ на счету министерства государственныхъ имуществъ, продолжаютъ пользоваться пособіемъ на прежнемъ основаніи; рожденные же по изданіи настоящихъ правилъ, ни на какое пособіе со стороны министерства права не

имѣютъ. 7) Всѣ сіи правила не распространяются на сыновей служащихъ стрѣлковъ и прочихъ членовъ семействъ постоянной лѣсной стражи изъ государственныхъ крестьянъ, ибо они считаются малолѣтками въ сихъ семействахъ, а не кантонистами (*).

Но такъ какъ многіе отставные и безсрочно-отпускные солдаты и ихъ вдовы, не имѣя, по бѣдности, никакой возможности дать порядочное направленіе своимъ дѣтямъ, исключеннымъ изъ военнаго вѣдомства, на основаніи упомянутыхъ выше правилъ 25 декабря 1856 года, стали обращаться съ просьбами о зачисленіи сихъ дѣтей, вновь въ военное вѣдомство, и такъ какъ независимо отъ того стали поступать просьбы о принятіи въ училища военнаго вѣдомства такихъ солдатскихъ дѣтей, кои не достигли десятилѣтняго возраста, съ котораго, существующими постановленіями, дозволенъ пріемъ воспитанниковъ въ сіи заведенія, то Государь Императоръ по всеподданнѣйшему о семъ докладу военнаго министра, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Исключенныхъ изъ военнаго вѣдомства въ податное званіе солдатскихъ дѣтей, коимъ родители, по бѣдности, не могутъ дать воспитанія, принимать, по просьбамъ, въ училища военнаго вѣдомства и школы на тѣхъ правилахъ, какія постановлены въ положеніи объ училищахъ, Высо-

(*) Сенат. Вѣд. № 73.

чайше утвержденномъ 10 іюня 1858 года, и Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству 15 декабря того же года (*). 2) Допустить пріемъ въ сіи училища и школы законныхъ дѣтей вдовъ солдатовъ и солдатскихъ круглыхъ сиротъ, по самой крайней бѣдности, *съ 7-лѣтняго возраста* (кромѣ с.-петербургскаго военнаго училища), ограничивъ число ихъ десятою частію штатнаго числа воспитанниковъ въ каждомъ училищѣ и школѣ. 3) Поименованныхъ въ предъидущихъ пунктахъ солдатскихъ дѣтей, коихъ отцы служили въ гвардіи, принимать единственно въ полковыя гвардейскія школы. 4) Вообще солдатскихъ дѣтей, которыя по неспособности къ обученію наукамъ, или недостатку вакансій, не могутъ быть приняты въ училища и школы, помѣщать, по желанію родителей, родственниковъ и воспитателей, въ с.-петербургскую и московскую мастеровыя команды военнаго вѣдомства, для отдачи въ обученіе мастерствамъ, на существующемъ положеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: дабы пріемъ означеннаго рода дѣтей производился съ строгою разборчивостью и не потребовалъ бы нисколько сверхъ-смѣтнаго расхода. Въ слѣдствіе сего, установлены слѣдующія дополнительныя правила: *По*

(*) Объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи см. Народное Чтеніе кн. III. стр. 5.

пріему солдатскихъ дѣтей въ училища военнаго вѣдомства и школы. Опредѣленіе въ училища и школы исключенныхъ изъ военнаго вѣдомства въ податное званіе солдатскихъ дѣтей, а равно опредѣленіе дѣтей вдовъ солдатокъ и круглыхъ солдатскихъ сиротъ съ 7-лѣтняго возраста, допускается не иначе, какъ по удостовѣренію о бѣдности родителей, родственниковъ и воспитателей солдатскихъ дѣтей, мѣстною полиціею, или обществомъ, къ коимъ они принадлежатъ, которое и дѣлается на самыхъ прошеніяхъ о пріемѣ дѣтей въ училища и школы. *По пріему солдатскихъ дѣтей въ мастеровыя команды военнаго вѣдомства.* 1) Въ мастеровыя команды принимаются вообще солдатскія дѣти, по желанію родителей, родственниковъ и воспитателей, отъ 14 до 18 лѣтъ отъ роду, въ такомъ случаѣ, если они не подвержены болѣзнямъ, препятствующимъ обученію какому либо мастерству. 2) О пріемѣ солдатскихъ дѣтей въ мастеровыя команды, родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ предоставляется обращаться съ просьбами во всякое время года, къ начальникамъ тѣхъ командъ, въ которыя желаютъ помѣстить дѣтей, съ приложеніемъ: а) метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи и крещеніи малолѣтняго или выданнаго ему билета на полученіе денежнаго пособія, по правиламъ 7 апрѣля 1858 г., буде солдатскій сынъ получалъ таковое пособіе, и б) медицинскаго свидѣтельства о томъ, что солдатскій сынъ не подверженъ такимъ бо-

лѣзнямъ, которыя препятствуютъ ему обученію мастерству. 3) Отправленіе въ мастеровыя команды солдатскихъ дѣтей, назначенныхъ къ пріему, производится тѣмъ порядкомъ, какой постановленъ для отправленія таковыхъ дѣтей въ училища военнаго вѣдомства. 4) По доставленіи солдатскихъ дѣтей въ мастеровыя команды, они распредѣляются немедленно въ мастерства, и содержатся во всемъ согласно существующему о сихъ командахъ положенію, а по окончаніи контрактнаго срока назначаются на службу въ войска и управленія военнаго вѣдомства, на пополненіе недостатка мастеровыхъ. Срокъ обязательной имъ службы за воспитаніе опредѣляется 12 лѣтъ (*).

Мысль объ устройствѣ ссылаемыхъ въ Сибирь за учиненныя ими преступленія уже съ весьма давнаго времени обращала на себя вниманіе правительства. Доказательствомъ тому могутъ служить разныя узаконенія, изданныя въ предшествовавшія царствованія, въ разрѣшеніе тѣхъ или другихъ случаевъ и вопросовъ по этому предмету, напечатанныя въ Полномъ Собраніи Законовъ (**). Но полный и подробный уставъ о ссыль-

---

(*) Сенат. Вѣд. № 70.

(**) Полное Собраніе Законовъ обнимаетъ всѣ постановленія, вышедшія въ Россія, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 года, Начало Полному Собранію Законовъ положено въ царствованіе Императора Николая; изданіе сего Собранія продолжается.

ныхъ, былъ изданъ только въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири былъ назначенъ тайный совѣтникъ Сперанскій. Вскорѣ по прибытіи въ Сибирь, Сперанскій обозрѣлъ этотъ обширный край, и собравъ на мѣстѣ подробныя и возможно вѣрныя свѣдѣнія о положеніи и нуждахъ его, составилъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, проектъ «учрежденія для управленія Сибирскихъ губерній», руководствуясь при начертаніи сего проекта, правилами, свойственными отдаленности этого края, пространству его и роду населенія. Въ этомъ «Учрежденіи», которое было удостоено утвержденія Императора Александра I, 22 іюля 1822 года, содержится, между прочимъ, и Уставъ о ссыльныхъ, въ коемъ съ весьма замѣчательною точностію опредѣлены правила объ отправленіи осужденныхъ въ ссылку, о препровожденіи ссыльныхъ въ Сибирь, о пріемѣ сихъ людей въ Сибири и о распредѣленіи ихъ. Бо́льшая часть постановленій сего Устава сохраняетъ силу закона до настоящаго вре́мени, что́ и служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ практической пригодности сего законоположенія и сообразности его съ мѣстными обстоятельствами и условіями. Въ нынѣшнемъ году, Высочайше утвержденнымъ, 15 іюня, мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлены, въ дополненіе и измѣненіе сего Устава, слѣдующія правила:

1. Всѣ прибывающіе въ Тобольскъ, сосланные или удаленные въ Сибирь, люди, для дальнѣйшаго ихъ распредѣленія, раздѣляются тобольскимъ приказомъ на слѣдующіе четыре разряда: 1) ссыльно-каторжныхъ, 2) ссыльно-поселенцевъ, 3) сосланныхъ на житье, по статьѣ 35-й Уложенія о наказаніяхъ и 4) переселенныхъ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ. Сверхъ сего, впредь до лучшаго устройства мѣстъ заключенія, существуетъ еще пятый временный разрядъ водворяемыхъ рабочихъ, переселяемыхъ въ Сибирь въ замѣнъ продолжительнаго заключенія въ арестантскихъ ротахъ и рабочихъ домахъ.

2. Каторжные, осужденные къ работамъ *въ рудникахъ* и *крѣпостяхъ*, распредѣляются порядкомъ, означеннымъ въ ст. 257-й Уст. о ссыльныхъ (*). Но каторжные, приговоренные, къ работамъ *на заводахъ*, впредь отсылаются всѣ въ Сибирь Восточную, гдѣ распредѣляются по заводамъ иркутской и енисейской губерній, по ближайшему усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства. Въ Восточную же Сибирь отправляются и всѣ женщины, принадлежащія какъ къ первому,

---

(*) На основаніи сей статьи, каторжные перваго разряда назначаются въ вѣдомство нерчинскаго горнаго округа; каторжные втораго разряда — въ крѣпости; каторжные третьяго резряда — на соловаренные и винокуренные заводы; женщины, принадлежащія къ первому разряду — на заводы въ Восточной Сибири; принадлежащія къ третьему разряду — на заводы въ Западной Сибири и на суконныя фабрики, въ обѣихъ частяхъ Сибири.

такъ и къ третьему разряду ссыльно-каторжныхъ; изъ числа ихъ приговоренныя къ наказанію въ низшей степени назначаются преимущественно на фабрики, а прочія на заводы, наравнѣ съ преступниками мужескаго пола.

3. При недостаткѣ мѣстъ на заводахъ иркутской и енисейской губерній, главному начальству Восточной Сибири предоставляется каторжныхъ, приговоренныхъ къ работамъ на сихъ заводахъ, обращать въ вѣдѣніе нерчинскаго горнаго округа, но съ уменьшеніемъ назначеннаго имъ по суду срока наказанія по такому расчету, чтобы за каждые полтора года пребыванія на заводахъ полагался одинъ годъ работъ въ нерчинскомъ округѣ.

4. Къ *ссыльно-поселенцамъ* тобольскій приказъ причисляетъ всѣхъ сосланныхъ въ Сибирь по судебнымъ приговорамъ на поселеніе, какъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, на основаніи статьи 22-й Уложенія о наказаніяхъ, такъ и за бродяжество.

5. Тѣ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые по прежнимъ правамъ ихъ, до осужденія, были изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, отправляются тобольскимъ приказомъ въ Восточную Сибирь и обращаются тамъ на водвореніе порядкомъ, указаннымъ ниже въ ст. 10-й.

6. Всѣ прочіе ссыльно-поселенцы предварительно должны пробыть опредѣленный срокъ въ *казенной работѣ*. Для того они распредѣляются по

винокуреннымъ заводамъ Западной Сибири и по другимъ заведеніямъ, которыя будутъ къ сему предназначены особыми распоряженіями правительства. Главнымъ начальствамъ Сибири и министру внутренныхъ дѣлъ вмѣняется въ обязанность изыскивать мѣры къ точному исполненію постановленнаго въ сей статьѣ правила и къ устройству съ сею цѣлью особыхъ учрежденій для употребленія ссыльно-поселенцевъ въ разныя общеполезныя работы. До распространенія оныхъ въ надлежащемъ числѣ, при недостаткѣ мѣста на винокуренныхъ заводахъ и вообще въ заведеніяхъ, нынѣ существующихъ, должны быть обращаемы во временную работу изъ означенныхъ здѣсь преступниковъ преимущественно тѣ, которые сосланы за преступленія болѣе тяжкія; прочіе, до времени, поступаютъ прямо по прибытіи на водвореніе въ Восточную Сибирь; и распредѣляются тамошнимъ начальствомъ всегда въ мѣста самыя отдаленныя и представляющія наименѣе удобствъ жизни.

7. Изъ числа означенныхъ въ предшедшей статьѣ ссыльно-поселенцевъ, при проходѣ партій чрезъ Пермь, составляется потребное число для тамошнихъ винокуренныхъ заводовъ. За тѣмъ обращеніе на сіи заводы осужденныхъ въ каторжныя работы отмѣняется.

8. Во временной работѣ ссыльно-поселенцы остаются *четыре года*. Но при неисправимомъ поведеніи срокъ сей можетъ быть увеличиваемъ по

усмотрѣнію губернскаго или областнаго начальства.

9. Ссыльно-поселенцы на заводахъ содержатся, примѣняясь къ порядку, установленному для содержанія тѣхъ каторжныхъ, кои по хорошему поведенію выпущены изъ острога. Въ прочихъ же заведеніяхъ порядокъ содержанія ихъ опредѣляется особыми положеніями.

10. По окончаніи срока временной работы, ссыльно-поселенцы подлежатъ обращенію на водвореніе. Тѣ изъ работавшихъ на заводахъ, которые, имѣя домообзаводство и будучи хорошаго поведенія, получатъ отъ надлежащаго начальства дозволеніе продолжать жить при заводѣ, оставляются на семъ мѣстѣ ихъ прежняго жительства. Всѣ же прочіе отправляются въ Сибирь Восточную, гдѣ распредѣляются по ближайшему усмотрѣнію главнаго и губернскихъ начальствъ и приселяются къ деревнямъ старожиловъ. Мѣстному главному управленію предоставляется дополнять означенныя въ сихъ статьяхъ правила подробными отъ себя наставленіями подчиненнымъ ему начальствамъ.

11. Обращенные на водвореніе ссыльно-поселенцы, происходящіе не изъ крестьянскаго званія и не могущіе снискивать себѣ пропитаніе земледѣльческимъ трудомъ, могутъ получать дозволеніе жить въ городахъ для занятія ремеслами и найма въ услуженіе. Они продолжаютъ и въ семъ случаѣ числиться въ тѣхъ волостяхъ, къ ко-

имъ приписаны, но поступаютъ подъ ближайшій надзоръ городскаго полицейскаго начальства. Людямъ симъ не запрещается выбирать себѣ занятія, получать вознагражденіе за оныя по своему усмотрѣнію, съ тѣмъ лишь, что занимающіеся ремеслами не могутъ держать у себя учениковъ. За силою сего правила, дѣйствующія узаконенія о цехѣ слугъ изъ ссыльнихъ должны считаться отмѣненными; но постановленія о ремесленныхъ работахъ, до времени, оставляются въ силѣ, и мѣстнымъ главнымъ управленіямъ Сибири предоставляется сообразить, не окажется ли полезнымъ или возможнымъ возстановленіе ремесленныхъ домовъ въ нѣкоторыхъ городахъ для обращенія туда ссыльно-поселенцевъ.

12. Ссыльно-поселенцы, какъ оставшіеся на жительствѣ при заводахъ, такъ и водворенные въ волостяхъ старожиловъ, и живущіе въ городахъ, перечисляются въ податное состояніе, согласно дѣйствующему нынѣ правилу не прежде истеченія десяти лѣтъ. Для тѣхъ изъ нихъ, которые предварительно находились во временной работѣ, срокъ сей считается со времени поступленія ихъ въ сію работу. Главному мѣстному начальству предоставляется право сокращать упомянутый 10-ти лѣтній срокъ для тѣхъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые въ теченіе 6-ти лѣтъ вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и пріобрѣли осѣдлость.

13. Изъ ссыльно-поселенцевъ, подлежащихъ

обращенію на водвореніе (ст. 5, 110), могутъ быть устроеваемы, по мѣрѣ средствъ, *новыя* казенныя селенія, въ слѣдствіе особыхъ о томъ распоряженій главнаго мѣстнаго начальства.

14. Всѣ въ ст. 11-й Устава о Ссыльныхъ и въ статьяхъ 294 — 340 люди (*), переселяемые въ Сибирь въ порядкѣ административномъ (не исключая переселенныхъ въ Сибирь въ слѣдствіе предоставленія ихъ бывшими ихъ владѣльцами въ распоряженіе правительства), распредѣляются въ Сибири *на житье*. Имъ назначается мѣсто жительства въ губерніяхъ тобольской и томской, если сами они не будутъ просить объ отправленіи въ Сибирь Восточную; о желаніи своемъ быть переселенными въ сію часть Сибири они должны заявить въ приказѣ о ссыльнихъ тотчасъ по прибытіи въ Тобольскъ. Находясь подъ надзоромъ полиціи, они записываются въ сельское или городское сословіе, съ правомъ причисленія къ обществу безъ согласія онаго; по истеченіи же установленнаго срока, при хорошемъ поведеніи, предоставляется имъ получать дозволеніе и на выѣздъ изъ Сибири. Однако и послѣ того имъ запрещается навсегда постоянное жительство въ той губерніи, изъ которой удалены, даже и въ сосѣдственныхъ съ нею, и самое временное въ

(*) Сюда относятся люди, удаляемыя въ Сибирь, за дурное поведеніе, по распоряженію обществъ, владѣльцевъ или начальствъ сихъ людей.

тѣхъ мѣстахъ пребываніе ихъ допускается не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія министерства внутренныхъ дѣлъ.

Примѣчаніе. Постановленныя въ семъ пунктѣ правила распространяются на всѣхъ переселенныхъ донынѣ въ Сибирь въ порядкѣ административномъ людей, поименованныхъ въ ст. 11-й Устава о ссыльныхъ, если только ими не было совершено какого либо преступленія, лишающаго ихъ правъ состоянія.

и 15. Относительно людей, сосланныхъ въ Сибирь *на житье* и *на водвореніе* подъ именемъ *водворяемыхъ рабочихъ* остаются въ силѣ дѣйствующія правила Устава о ссыльныхъ (*).

Въ 1847 году, Рыбинское и иногородное купечество обратилось къ главноуправлявшему въ то время путями сообщенія и публичными зданіями, графу Клейнмихелю, съ просьбою объ установленіи, на улучшеніе у насъ водяныхъ сообщеній, денежнаго сбора со всѣхъ отправляемыхъ грузовъ и товаровъ, сообразно цѣнности клади, по $^1/_4$ копѣйки съ каждаго рубля, а если этого сбора будетъ недостаточно, то о взысканіи еще по $^1/_4$ копѣйки, впредь до того времени, пока таковой денежный сборъ будетъ необходимъ. По разсмотрѣніи сего ходатайства въ комитетѣ гг. министровъ, Государь Императоръ, согласно положенію комитета, 18 сентября того же года, Высочайше

(*) Сен. вѣд. № 65.

повелѣлъ: означенный сборъ по 1/4 копѣйки съ каждаго рубля, сообразно цѣнности клади, взимать со всѣхъ грузовъ и товаровъ, отправляемыхъ по системамъ: (*) Вышневолоцкой (1), Тихвинской (2) и Маріинской (3), по рѣкѣ Волгѣ (4), и всѣмъ рѣкамъ, въ нее впадающимъ, со всѣми ихъ притоками; по рѣкамъ Мстѣ (5), и Волховѣ (6), по рѣкамъ за-Ильменскимъ (7) и по Ладожскому каналу, (8) при слѣдованіи грузовъ и товаровъ, какъ до С. Петербурга и попутныхъ мѣстъ, такъ и обратно по всѣмъ означеннымъ рѣкамъ. Этотъ сборъ былъ обращенъ въ особый капиталъ, подъ названіемъ *вспомогательнаго капитала на улучшеніе водяныхъ системъ*, съ тѣмъ, чтобы расходы изъ онаго были производимы собственно на предметъ его назначенія и не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія; для сего было предписано: означенному капиталу вести особый счетъ, не смѣшивая его съ другими суммами. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ упомянутаго сбора, было предоставлено главноуправляющему путями сообщеній и публичными зданіями, въ случаѣ если бы этого сбора оказалось недостаточнымъ для приведенія въ дѣйствіе заслуживающей особеннаго вниманія мысли объ улучшеніи судоходства, войти съ особымъ представленіемъ объ увеличеніи его, сообразно съ желаніемъ самаго купечества, до одной половины копѣйки серебромъ. Высочайше утвержденнымъ 31 декаб-

---

(*) См. примѣчанія стр. 25.

ря 1851 года мнѣніемъ государственнаго совѣта было признано нужнымъ взиманіе этого сбора распространить на грузы и товары, отправляемые и по другимъ важнѣйшимъ водянымъ сообщеніямъ въ Россіи, а именно (*) по рѣкамъ: Лугѣ (9), Наровѣ (10), Плюсѣ и Великой (11); по озерамъ, Псковскому (12), Чудскому (13) и Кубенскому (14), и по каналу герцога Александра Виртемберскаго (15); по рѣкамъ: Сухонѣ (16), Вологдѣ (17), Югѣ (18), Лузѣ (19), Сѣверной Двинѣ (20), Вычегдѣ (21), Кельтмѣ, Юлвѣ, Сысолѣ, Пинегѣ (22), Мезени (23), Онегѣ (24), Печорѣ (25), Березинѣ (26) и Березинской системѣ (27), Днѣпру (28), Сожѣ (29), Деснѣ (30), Сейму (31), Донѣ (32), Сѣверному Донцу (33), Воронѣжу (34), Хопру (35), Медвѣдицѣ (36), Днѣстру (37), Припети (38), Тетереву (39), Горынѣ (40), Случѣ (41), Стырѣ (42), Иквѣ (43), Пинѣ (44), Днѣпровско-Бугской системѣ (45); по рѣкамъ Мухавцу (46), Западному Бугу (47), Ясольдѣ (48) и Огинской системѣ (49); по рѣкамъ: Шарѣ (50), Нѣману (51), Вилiѣ (52), Касплѣ (53), Обшѣ, Межѣ (54) и Западной Двинѣ (55) со всѣми ея притоками. Наконецъ въ настоящемъ году, по всеподданѣйшему докладу ходатайства торгующаго купечества объ устройствѣ новаго Ладожскаго канала, вмѣсто существующаго, Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ повелѣть:

1) Въ дополненіе къ установленному въ 1847 году

(*) См. примѣчанія стр. 27.

1/4 процентному сбору съ судовъ и плотовъ, проходящихъ по Ладожскому каналу, учредить еще новый четверть-процентный же сборъ съ тѣхъ судовъ и плотовъ, съ тѣмъ, чтобы весь таковый ладожскій полупроцентный сборъ взимать впредь до погашенія суммы 4 милліона руб. сереб., исчисленной на устройство новаго Ладожскаго канала.

2) Сборъ этотъ начать въ текущемъ году и въ порядкѣ взиманія и расходованія его руководствоваться правилами о 1/4 процентной пошлинѣ на улучшеніе водяныхъ путей, постановленными положеніемъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 18-го сентября 1847 года (примѣчаніе I къ 87-й ст. Уставъ путей сообщенія XII Том. Св. Зак.) (*).

Изложеннымъ выше распоряженіемъ о взиманіи дополнительнаго четверть-процентнаго сбора на устройство новаго Ладожскаго канала не ограничилась, въ настоящемъ случаѣ, заботливость правительства объ улучшеніи у насъ водяныхъ путей сообщенія, столь необходимыхъ для большаго развитія и оживленія нашей торговли. Правительство обратило въ то же время вниманіе и на улучшеніе судоходства по Дону и признавъ полезнымъ поручить сіе дѣло обществу Волжско-Донской желѣзной дороги, постановило въ этомъ отношеніи слѣдующія правила:

(*) Сен. Вѣд. № 66.

1) Расчистка гирлъ рѣки Дона съ устройствомъ указательныхъ вѣхъ водомѣра и ледорѣза, а также двухъ сторожевыхъ судовъ, по составленному на этотъ предметъ и главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій утвержденному проэкту, отдается обществу Волжско-Донской желѣзной дороги за принимаемую правленіемъ сего общества цѣну *семьдесять семь тысячъ восемьсотъ шестьдесятъ четыре рубля.*

2) Сумма сія отпускается заимообразно изъ поступающаго въ вѣдѣніе главнаго управленія путей сообщенія четверть-процентнаго сбора на улучшеніе внутренныхъ водяныхъ системъ въ имперіи, предоставя главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями ближайшее опредѣленіе сроковъ и размѣра платежей, по мѣрѣ дѣйствительнаго успѣха выполненія обществомъ принимаемой имъ на себя обязанности.

3) Для возмѣщенія издержекъ по улучшенію Донскихъ гирлъ и для поддержанія въ послѣдствіи безпрепятственнаго по онымъ судоходства, учреждается согласно вызову Ростовскаго купечества и судохозяевъ, предположенный ими сборъ: съ судохозяевъ или шкиперовъ по одному руб. сер. съ 1,000 пудовъ каждаго груза за каждый рейсъ, а съ отправителей клади тѣхъ судовъ по $^3/_8$ процента съ цѣнности привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ чрезъ гирлы, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) Сбору сему подвергаются всѣ суда и грузы, проходящіе чрезъ устья Дона, не исклю-

чая мелкихъ, грузящихъ свыше 500 пудовъ мореходныхъ и рѣчныхъ судовъ, барокъ, плотовъ, съ провозимымъ на нихъ товаромъ и лѣса даже барочнаго. б) Съ проходящихъ въ Таганрогъ и другія мѣста порожнихъ барокъ взыскивается по *пяти рублей* съ каждой. в) Изъемлются отъ сбора: казенное имущество, антрацитъ, пароходы казенные и частные, кромѣ частнаго на пароходахъ имущества, составляющаго предметъ торговли, которое подвергнуть сбору по $^{3}/_{8}$ процента съ его цѣнности; наконецъ мелкія лодки, доставляющія въ Ростовъ и Таганрогъ продовольственные продукты, какъ то: крупу, муку, плоды, рыбу и проч. г) Взиманіе сбора возлагается въ Ростовѣ на таможенную Ростовскую заставу, съ тѣмъ, чтобы для облегченія заставы и наблюденія за взиманіемъ сбора назначить въ оную отъ города депутата по выбору гражданъ, а въ самомъ устьѣ Дона, отстоящемъ на 60 верстъ отъ Ростова, на особыхъ депутатовъ, избираемыхъ изъ ростовскихъ гражданъ на три года; и д) На жалованье симъ депутатамъ и на наемъ для нихъ яликовъ и рабочихъ назначается изъ суммъ сбора по тысячѣ трista руб. въ годъ.

3) Высшее наблюденіе за поступленіемъ сбора на сихъ основаніяхъ и самое завѣдываніе сборомъ поручается Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи каждой трети года полученный сборъ, за исключеніемъ опредѣленныхъ изъ онаго расходовъ,

былъ отсылаемъ въ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій, для возмѣщенія суммы на уплату обществу Волжско-Донской желѣзной дороги за первоначальную расчистку и прочія устройства въ Донскихъ гирлахъ; по совершенномъ пополненіи сей суммы съ банковыми процентами, остальной сборъ, въ отношеніи расходованія его подчиняется правиламъ, установленнымъ для четверть-процентнаго сбора, и на семъ основаніи расходуется оный не иначе, какъ на предметъ улучшенія судоходнаго пути въ Донскихъ гирлахъ, и съ Высочайшаго разрѣшенія (*).

Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, согласно представленію начальника симбирской губерніи, разрѣшилъ ярмарки симбирскую и саратовскую оставить, въ текущемъ 1860 году, при прежнихъ срокахъ; въ новые же сроки, назначенные для этихъ ярмарковъ въ указѣ сената отъ 5 іюня сего года, онѣ должны собираться въ 1861 году.

Сверхъ того господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ измѣнены сроки для ярмарокъ въ городахъ: Кинешнѣ (костромской губерніи) и Царевѣ (астраханской губерніи). Для первой изъ нихъ срокъ назначенъ съ 14 сентября по 1 октября, а для послѣдней, вмѣсто 8 ноября, назначено 22 сентября.

(*) Сен. Вѣд. № 74.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Вышневолоцкая* водяная система соединяетъ, вмѣстѣ съ Тихвинскою и Маріинскою системами, Балтійское море съ Каспійскимъ. Вышневолоцкая система проходитъ губерніи: с.-петербургскую, новгородскую, тверскую и ярославскую; длина ея, отъ С. Петербурга до Рыбинска, 1309 верстъ. Систему сію составляютъ: Нева, Ладожскій каналъ, (проведенный по берегу Ладожскаго озера, для его обхода, и соединяющій устье Волхова съ Невою; длина его 104 версты); Волховъ, Новгородскій или Сиверсовъ каналъ, (соединяющій истокъ Волхова съ устьемъ Мсты и проведенный на разстояніи 9 верстъ); Мста, озеро Мстино, Вышневолоцкій каналъ, (состоящій изъ двухъ каналовъ: Цнинскаго и Тверецкаго и имѣющій 4 версты длины: первый изъ сихъ двухъ каналовъ соединяетъ рѣчку Шлину, впадающую въ озеро Мстино, съ р. Цною, начинающеюся у Вышняго-Волочка; а Тверецкій соединяетъ Цну съ Тверцою); Тверца и Волга.

(2) *Тихвинская* система пролегаетъ губерніями: с. петербургскою, новгородскою и ярославскою, на протяженіи 847 верстъ. Систему сію образуютъ: Нева, Ладожскій каналъ, Сясскій каналъ (проведенный между устьями Волхова и Сяси, на протяженіи 10 верстъ); Сясь, Тихвинка, озеро Еглино, Тихвинскій каналъ (прорытый на протяженіи 6 верстъ 325 сажень, для соединенія озера Еглина съ рѣкою Волчиною); рѣка Волчина, озеро Сомино, рѣка Сомина, озеро Воженское, рѣки Горюнь, Чагодоща, Молога и Волга.

(3) *Маріинская* система идетъ чрезъ губерніи: с. петербургскую, олонецкую, новгородскую и ярославскую на пространствѣ 1054 верстъ. Систему сію составляютъ: Нева, Ладожскій каналъ, Сясскій каналъ, Свирскій каналъ, (соединяющій Сясь съ Свирью, длиною въ 10 верстъ); Свирь, Онежскій каналъ, (вырытый по южному берегу Онежскаго озера, отъ Свири до Вытегры, на разстояніи 60 верстъ); Вытегра, Маріинскій каналъ, (прорытый между Вытегрою, впадающею въ Онежское озеро, откуда вытекаетъ Свирь въ Ладожское и Ковжею, текущею въ Бѣло-озеро, откуда выходитъ Шексна, впадающая въ Волгу, длина его 7 вер. 250 саж.), рѣка Ковжа, Бѣлозерскій каналъ (выкопанный для обхода Бѣла-озера, длиною въ 63½ версты), Шексна и Волга.

(4) Волга есть величайшая изъ рѣкъ Европейской Россіи и Европы; вся длина ея простирается на 3077 верстъ. Она беретъ свое начало изъ болотистой равнины, лежащей на возвышенно-

сти Валдайскихъ горъ, близь деревни Волгино, тверской губерніи, осташковскаго уѣзда; протекаетъ 9 губерній и впадаетъ въ Каспійское море семюдесятью рукавами, изъ коихъ важнѣйшіе: Бахтемиръ, Ахтуба, Бузанъ и Болда. Волга судоходна на всемъ ея протяженіи; впрочемъ судоходству ея препятствуютъ, во многихъ мѣстахъ, наносные пески и каменныя гряды, а также деревья, которыя, бывъ вырваны съ ихъ корнями, стремленіемъ весенняго разлива, часто скопляются по ея руслу и нерѣдко разбиваютъ попадающія на нихъ барки. Въ Волгу впадаетъ 38 судоходныхъ и 157 несудоходныхъ рѣкъ, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, Кама, Ока и Вятка, принадлежатъ къ числу большихъ рѣкъ Европы. Болѣе важные и судоходные притоки Волги суть слѣдующіе: впадающіе—съ правой ея стороны: Вазуза, Дубна, Ока, Сура, Свіяга и Сарпа,—и съ лѣвой: Тверца, Мологa, Шексна, Кострома, Унжа, Ветлуга, Кама, Черемшанъ и Самара.

(5) Мста вытекаетъ изъ болотъ тверской губерніи, осташковскаго уѣзда, близь деревни Иванькова, и течетъ сначала подъ названіемъ рѣки Цны, а по выходѣ изъ озера Мстина подъ своимъ названіемъ до озера Ильменя, въ которое она впадаетъ близь Бронницъ. На рѣкѣ Мстѣ находится много пороговъ, изъ коихъ замѣчательнѣйшіе Боровицкіе.

(6) Рѣка Волховъ течетъ по новгородской и с.-петербургской губерніямъ и впадаетъ въ Ладожское озеро, близь города Новой-Ладоги. На ней есть также пороги.

(7) Къ за-Ильменскимъ рѣкамъ относятся: Ловать и Шелонь. Первая изъ нихъ беретъ начало въ невельскомъ уѣздѣ, витебской губерніи и течетъ по витебской, псковской и новгородской губерніямъ, а послѣдняя вытекаетъ изъ порховскаго уѣзда, псковской губерніи. Обѣ онѣ вливаются въ озеро Ильмень.

(8) Мысль объ устройствѣ Ладожскаго канала принадлежитъ Императору Петру Великому. Работы на этомъ каналѣ были начаты въ 1719 году и окончены при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Судоходство по нему началось съ 1-го мая 1731 года. Главный надзоръ за работами по прорытію Ладожскаго канала былъ порученъ въ 1719 году генералъ-маіору Писареву. Онѣ производились Малороссійскими козаками и калмыками, попеременно. По возвращеніи изъ персидскаго похода (въ 1723 году), Петръ Великій, съ негодованіемъ, узналъ, что каналъ отдѣланъ только на 12 верстъ и что работы на немъ произведены непрочно; поэтому онъ удалилъ Писарева и опредѣлилъ вмѣсто его Миниха, (бывшаго впослѣдствіи генералъ-фельдмаршаломъ), который съ

рѣдкою добросовѣстностію окончилъ сооруженіе сего канала въ 1731 году.

(9) Рѣка Луга беретъ свое начало изъ болотъ новгородской губерніи, протекаетъ по с.-петербургской и впадаетъ въ Финскій заливъ.

(10) Рѣка Нарова вытекаетъ изъ озера Чудскаго или Пейпуса и вливается также въ Финскій заливъ.

(11) Рѣки Плюса и Великая протекаютъ въ псковской губерніи. Послѣдняя изъ нихъ вливается въ псковское озеро.

(12) Псковское озеро лежитъ въ псковской губерніи и, посредствомъ широкаго протока, соединяется съ Чудскимъ озеромъ. Оно замѣчательно по рыбной ловлѣ и въ особенности по ловлѣ снѣтковъ.

(13) Чудское озеро или Пейпусъ лежитъ между лифляндскою, эстляндскою и с.-петербургскою губерніями. Оно принимаетъ въ себя рѣку Эмбахъ и выпускаетъ рѣку Нарову; посредствомъ большаго протока соединяяся, какъ замѣчено выше, съ Псковскимъ озеромъ.

(14) Кубенское озеро принимаетъ рѣку Порозовицу, а выпускаетъ Сухону.

(15) Каналъ сей названъ по имени герцога Виртемберскаго, который во время прорытія сего канала, былъ главноуправляющимъ путями сообщенія въ Россіи. Онъ соединяетъ рѣку Шексну съ рѣкою Порозовицею; длина его 14 вер. Посредствомъ этого канала Бѣлое море соединяется съ Балтійскимъ и Каспійскимъ. Водяной путь изъ Бѣлаго моря въ Балтійское соститъ: изъ Сѣверной Двины, Сухоны, Кубенскаго озера, рѣки Порозовицы, канала герцога Александра Виртембергскаго и рѣки Шексны, изъ коей путь идетъ направо къ Невѣ; водяной же путь изъ Бѣлаго въ Каспійское море, проходя тѣ же сообщенія, поворачиваетъ отъ рѣки Шексны налѣво къ Волгѣ.

(16) Рѣка Сухона беретъ начало въ вологодской губерніи изъ озера Кубенскаго, течетъ 525 верстъ и соединяется съ рѣкою Югомъ, при селѣ Благовѣщенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ города Великаго-Устюга (вологодской губерніи), образуя симъ соединеніемъ Сѣверную Двину.

(17) Рѣка Вологда протекаетъ въ вологодской губерніи; на ней лежитъ губернскій городъ Вологда.

(18) Рѣка Югъ вытекаетъ изъ болотъ никольскаго уѣзда, вологодской губерніи, течетъ на протяженіи 419 верстъ и, какъ замѣчено выше, соединеніемъ своимъ съ рѣкою Сухоною составляетъ Сѣверную Двину.

(19) Рѣка Луза составляетъ притокъ рѣки Юга и превосходитъ сію послѣднюю, какъ своею длиною (до 800 верстъ), такъ и судоходствомъ.

(20) Сѣверная Двина протекаетъ около 684 верстъ и вливается въ Бѣлое море четырьмя рукавами: Никольскимъ, Пудоженскимъ, Мурманскимъ и Березовскимъ, изъ коихъ только послѣдній судоходенъ. Она судоходна отъ самаго начала ея до устьевъ.

(21) Рѣка Вычегда вытекаетъ изъ болотъ устьсысольскаго уѣзда и впадаетъ въ Сѣверную Двину; длина ея простирается до 1000 верстъ.

(22) Рѣки Кельтма, Юлва, Сысоль и Пинега составляютъ притоки рѣки Сѣверной Двины. Послѣдняя изъ сихъ рѣкъ вытекаетъ изъ пустынь сольвычегодскаго уѣзда (вологодской губерніи).

(23) Рѣка Мезень беретъ свое начало въ болотахъ архангельской губерніи и вливается ниже города Мезени, двумя рукавами, въ Бѣлое море. Длина ея болѣе 400 верстъ; она на половину своего теченія судоходна.

(24) Рѣка Онега выходитъ изъ озера Воже (новгородской губерніи), подъ именемъ Свидь, протекаетъ чрезъ озеро Лаче и, по выходѣ изъ него, принимаетъ названіе Онеги. Длина ея 670 верстъ. Она впадаетъ семь верстъ ниже города Онеги въ Бѣлое море.

(25) Рѣка Печора протекаетъ въ архангельской губерніи и вливается въ Сѣверный океанъ.

(26) Рѣка Березина беретъ свое начало въ борисовскомъ уѣздѣ (минской губерніи) и впадаетъ въ могилевской губерніи въ Днѣпръ. Все теченіе ея простирается до 525 верстъ; судоходство по ней начинается въ 68 верстахъ отъ ея истока (у Березинскаго канала).

(27) Березенская водяная система соединяетъ, вмѣстѣ съ Огинскою и Днѣпровско-Бугскою системами, Балтійское море съ Черноымъ. Березинскую систему образуютъ: Западня Двина, Улла, озеро Леппель, рѣки Эсса и Берешта, озеро Берешта, Березинскій каналъ (соединяющій лежащія въ минской губерніи озера Плавіо и Берешта; длина его 20 верстъ 79 саженъ), озеро Плавіо и рѣки Сергучъ, Березина и Днѣпръ.

(28) Рѣка Днѣпръ есть одна изъ важнѣйшихъ рѣкъ въ Россіи. Она беретъ свое начало изъ лѣсистыхъ пригорковъ въ бѣльскомъ уѣздѣ (смоленской губерніи), протекаетъ смоленскую, могилевскую, минскую, на границѣ черниговской, кіевскую, таврическую, екатеринославскую и херсонскую губерніи, всего на про-

тяженіи 1540 верстъ, и впадаетъ въ Черное море, при городѣ Херсонѣ. Устья его образуютъ обширный *Днѣпровскій лиманъ*, длиною до 55, а шириною отъ 9 до 15 верстъ. Въ нижнихъ частяхъ Днѣпра находятся заборы (т. е. скалы, занимающія большую или меньшую часть рѣки) и пороги (т. е. также скалы, но пересѣкающія русло рѣки въ косвенномъ или въ прямомъ направленіи отъ одного берега до другаго). Всѣхъ пороговъ тринадцать. Самый опасный изъ нихъ есть Ненасытецкій, при деревнѣ Васильевской, имѣющій паденія 12 футовъ 2 дюйма. Въ Днѣпръ впадаетъ множество рѣкъ, изъ коихъ замѣчательнѣйшія суть: Березина, Припеть, Ингулецъ, Сожъ, Десна, Сула, Псіолъ и Ворскла.

(29) Рѣка Сожъ беретъ свое начало въ смоленской губерніи, протекаетъ до 500 верстъ и впадаетъ въ Днѣпръ.

(30) Рѣка Десна беретъ свое начало въ ельнинскомъ уѣздѣ (смоленской губерніи), протекаетъ орловскую и черниговскую губерніи и нѣсколько выше Кіева впадаетъ въ Днѣпръ.

(31) Рѣка Сеймъ течетъ въ курской и черниговской губерніи и вливается въ Десну.

(32) Рѣка Донъ беретъ свое начало изъ озера Ивановскаго, въ епифановскомъ уѣздѣ (тульской губерніи), и впадаетъ нѣсколькими рукавами въ Азовское море. Длина его слишкомъ 1300 верстъ. Судоходство по немъ производится лишь на разстояніи 700 верстъ отъ устья.

(33) Рѣка Сѣверный Донецъ беретъ свое начало въ корочанскомъ уѣздѣ, курской губерніи, и протекши около 1025 верстъ, вливается съ правой стороны въ Донъ.

(34) Рѣка Воронежъ вытекаетъ изъ тамбовской губерніи и, пройдя 220 верстъ, впадаетъ также въ Донъ. Эта рѣка замѣчательна тѣмъ, что Императоръ Петръ Великій повелѣлъ въ 1694 году заложить на ней корабельную верфь для Азовскаго флота, а въ 1796 году самъ спустилъ по ней въ Донъ флотилію; отъ того-то она и называется колыбелью Русскаго флота.

(35) Рѣка Хоперъ беретъ свое начало въ пензенскомъ уѣздѣ, протекаетъ 500 верстъ и впадаетъ въ Донъ.

(36) Рѣка Медвѣдица вытекаетъ изъ саратовскаго уѣзда и впадаетъ въ Донъ. Длина ея 525 верстъ.

(37) Рѣка Днѣстръ беретъ свое начало въ Галиціи (Австріи), протекаетъ по западной границѣ подольской губерніи и по восточной Бессарабской области и впадаетъ въ Черное море, образуя собою Днѣстровскій лиманъ.

(38) Рѣка Припеть вытекаетъ изъ владимірскаго уѣзда (волын-

ской губерніи), проходитъ губерніи: минскую и въ кіевской впадаетъ въ Днѣпръ. Длина ея 770 верстъ, изъ коихъ только 120 не судоходны.

(39) Рѣка Тетеревъ протекаетъ въ волынской и кіевской губерніяхъ и впадаетъ въ Днѣпръ.

(40) Рѣка Горынь беретъ свое начало въ кременецкомъ уѣздѣ (Волынской губерніи) и вливается въ Припеть.

(41) Рѣка Случь вытекаетъ изъ Старо-Константиновскаго уѣзда, (волынскойгуберніи) и впадаетъ въ Припеть.

(42) Рѣка Стырь беретъ свое начало въ Галиціи, близь мѣстечка Бродъ и вливается въ Припеть.

(43) Рѣка Иква составляетъ притокъ Припети.

(44) Рѣка Пина соединяется посредствомъ Днѣпровско-Бугскаго канала съ рѣкою Мухавцемъ.

(45) Днѣпровско-Бугская система соединяетъ, вмѣстѣ съ Березинскою и Огинскою системою, Балтійское море съ Чернымъ. Днѣпровско-Бугскую систему составляютъ: Висла (величайшая изъ рѣкъ, орошающихъ царство Польское, берущая свое начало въ Карпатскихъ горахъ, на границахъ Австрійской Силезіи, Венгріи и Галиціи; длина ея 950 верстъ, изъ коихъ 594 она протекаетъ по царству Польскому), Наревъ (вытекающій изъ гродненской губерніи и впадающій въ Западный Бугъ), Бугъ, Мухавецъ, Днѣпровско-Бугскій каналъ (соединяющій Мухавецъ съ Пиною, длина его 75 верстъ), Пина, Ясольда, Припеть и Днѣпръ.

(46) Рѣка Мухавецъ выходитъ изъ болотъ, лежащихъ близь города Пружанъ (гродненской губерніи) и вливается въ Западный Бугъ.

(47) Рѣка Западный Бугъ беретъ свое начало изъ Карпатскихъ горъ въ Галиціи, составляетъ границу Царства Польскаго съ губерніями волынскою и гродненскою и впадаетъ въ Вислу.

(48) Рѣка Ясольда или Ясельда вытекаетъ взъ волковысскаго уѣзда (гродненской губерніи) и впадаетъ въ Припеть. Она соединяетъ воды Днѣпровскія съ Нѣманскими и Вислянскими.

(49) Огинскую систему образуютъ: Нѣманъ, Шара, Огинскій каналъ (соединяющій Шару съ Ясельдою и имѣющій 48 верстъ длины), Ясельда, Припеть и Днѣпръ.

(50) Рѣка Шара начинается въ новогрудскомъ уѣздѣ (гродненской губерніи) и впадаетъ въ Нѣманъ. Длина ея 850 верстъ. Она большею частію судоходна; впрочемъ, судоходству препятствуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мели и подводные камни.

(51) Рѣка Нѣманъ вытекаетъ изъ игуменскаго уѣзда (минской губерніи), орошаетъ губерніи виленскую, гродненскую и гра-

ницы ковенской съ Царствомъ Польскимъ и подъ названіемъ Мемеля, впадаетъ въ Пруссіи въ Куришгафъ (заливъ Балтійскаго моря).

(52) Рѣка Вилія начинается въ борисовскомъ уѣздѣ (минской губерніи), протекаетъ виленскую и ковенскую губерніи и впадаетъ въ Нѣманъ, при городѣ Ковнѣ

(53) Рѣка Каспля беретъ свое начало въ смоленской губерніи и вливается въ Западную Двину.

(54) Рѣки Обша и Межа вытекаютъ изъ бѣльскаго уѣзда (смоленской губерніи) и впадаетъ также въ Западную Двину.

(55) Рѣка Западная Двина вытекаетъ изъ небольшаго озера Двинца, лежащаго въ осташковскомъ уѣздѣ (тверской губерніи). По выходѣ изъ этого озера она течетъ въ видѣ небольшаго ручья въ озеро Охватъ-Жаденье, изъ коего уже выливается большою рѣкою, которая и впадаетъ въ Рижскій заливъ, ниже города Риги, у Дюнаминде, двумя рукавами: *Старою* и *Новою Двиною*, изъ коихъ только послѣдній судоходенъ. Длина ея окол. 1000 верстъ; она судоходна, особенно весною, отъ самаго истока; впрочемъ, по верховью ея препятствуютъ судоходству подводные камни и отчасти мелководіе. Въ Западную Двину вливаются: Торопа, Дрисса, Еветъ, Межа съ Обшею, Каспля, Улла и Дисна.

II.

ПОВѢСТЬ О ЮЖНОЙ РУСИ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (1).

Лѣсистость древней Украины. — Обиліе водъ и болотъ. — Безлюдныя степи. — Рыболовство. — Звѣриные промыслы. — Множество птицъ. — Насѣкомыя и гады. — Пчеловодство. — Громадность деревъ. — Породы дикихъ животныхъ. — Охота. — Скотоводство. — Образъ жизни.

Оставимъ Червоную Русь въ сторонѣ и займемся тою частью старинной Южной Руси, которая извѣстна подъ именемъ Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра. Въ жизни народа, населяющаго этотъ край, случились многія событія, которыя для его сосѣдей были дѣломъ постороннимъ; эти событія составили его отдѣльную, никому больше не принадлежащую исторію, а потому и слѣдуетъ различать Южную Русь отъ Руси Червоной и отъ Руси Сѣверной, или Московской. Всѣ земли, не называющіяся Украиною, какъ напримѣръ Волынь и Подолія, но подвергавшіяся общимъ съ Украиною переворотамъ, мы будетъ разумѣть подъ

---

(1) Первыя главы напечатаны въ 3-й кн. *Народнаго Чтенія.*

именемъ *Южной Руси*. Вѣра, языкъ, нравы и обычаи сдѣлали ихъ землею, внутренно нераздѣльною, хотя существовали и существуютъ разныя, не отъ нея зависящія дѣленія. Вѣра, языкъ, нравы и обычаи были для всѣхъ этихъ земель главными причинами ихъ прошедшаго и нынѣшняго состоянія.

Обширный край между Днѣстромъ и Сѣвернымъ Донцомъ, за пятьсотъ лѣтъ до насъ, имѣлъ далеко не тотъ видъ, что нынѣ, какъ со стороны природы, такъ и со стороны самаго населенія. Чтобы событія, о которыхъ мы будемъ повѣствовать, представлялись воображенію читателя живѣе, взглянемъ на древнюю Украину обѣихъ сторонъ Днѣпра, или Южную Русь, что́ это былъ за край въ то время, когда перевелись въ немъ до остатку взимателі дани Варяги, когда вмѣсто нихъ брали съ народа, что́ могли, Татары, когда наконецъ и самые Татары уступили свою добычу Литовцамъ.

Мы уже знаемъ, каковы были наши старинные лѣтописцы и что́ почитали они достойнымъ письменной памяти. Отъ нихъ мы узнали слишкомъ мало подробностей, по которымъ видна жизнь тогдашняго невластвующаго, темнаго человѣка, много зависящая отъ самой мѣстности края. Заключать о тогдашнемъ видѣ Южной Руси остается намъ только изъ описанія сосѣднихъ странъ, Литвы и Польши, подъ именемъ которыхъ старинные люди не рѣдко разумѣли и соединенную

съ ними Украину. Самая выразительная особенность древней Южной Руси, бросавшаяся въ глаза иноземнымъ торговымъ и захожимъ людямъ, была ея малолюдность. Такъ, напримѣръ, мѣста, въ которыхъ теперь пахари считаются десятками тысячъ, въ пятнадцатомъ вѣкѣ едва имѣли какую-нибудь тысячу рабочихъ. Обыкновенная тогда подать *чиншъ*, или *десятина*, могла быть взимаема правительствомъ далеко не повсемѣстно въ Украинѣ по обѣ стороны Днѣпра. По необходимости, правительство оставляло огромныя пространства такъ называемыхъ *пустынь* или иначе *пущныхъ* (т. е пущенныхъ, оставленныхъ) *весей*, съ ихъ рѣдко разбросанными обитателями, безъ всякихъ налоговъ. Почти не стоило труда объѣзжать уединенныя селитьбы среди лѣсовъ и болотъ для какой-нибудь куньей шкуры, или незначительнаго количества дикихъ сотовъ и воску. Притомъ же обладателямъ страны дикой и безлюдной на огромныхъ разстояніяхъ, необходимо было заохочивать предпріимчивыхъ людей къ заселенію необитаемыхъ пространствъ. Цѣлые нынѣшніе уѣзды въ пятнадцатомъ и въ шестнадцатомъ еще вѣкѣ назывались *волею*, или *новиною*, и были свободны отъ чинша и десятинной подати. Королевская дорога, или *гостинецъ*, по которому съ купцовъ, или *гостей*, взималась пошлина, *мытъ*, легко могла быть объѣзжаема стороною, по глухимъ пустынямъ, въ которыхъ торговые люди не только не оплачивали своихъ возовъ, но даже не встрѣчались съ разбойниками, такъ какъ и разбойнику

не выгодно было гнѣздиться вдали отъ заселенныхъ мѣстъ. Разбои были въ отдаленную старину дѣломъ обыкновеннымъ, но совершались на торныхъ дорогахъ; по *мановцáмъ* же, которые тянулись черезъ лѣса и болота, черезъ дикія степи и песчаныя равнины, разгуливали тогда только дикіе звѣри.

Малонаселенность старосвѣтской, литовской Украины удерживала землю, можно сказать, въ ея природномъ видѣ. Большая часть ея шумѣла дремучими лѣсами, или колебалась подъ ногами путника зыбкою трясиною. Взглянемъ сперва на ея мокрыя, водяныя пространства.

Извѣстно, что воды по легкимъ наклонамъ къ Балтійскому и Черному морямъ въ послѣднія четыре-пять столѣтій убывали замѣтно для человѣческаго наблюденія. Народныя преданья сохранили воспоминанье о моряхъ, которыя заливали сухія нынѣ пространства, и, согласно съ этими темными преданіями, не рѣдко бывали находимы остатки большихъ судовъ въ изсохшихъ руслахъ рѣкъ, корыхъ старое теченіе обозначилось обширными песчаными, или зелеными котловинами. Разливаясь на далекое разстояніе, отдаленныя нынѣ другъ отъ друга воды, встрѣчались между собою — особенно въ весеннее половодье — и образовали множество огромныхъ острововъ, между которыхъ плавали парусныя суда, направляясь къ торговымъ греческимъ пристанямъ по нижнему Днѣпру и по морскому берегу. Это-то обиліе водъ въ Украинѣ и давало

возможность древнимъ Варягамъ проникать на судахъ съ сѣвера въ Грецію, въ качествѣ купцовъ и вмѣстѣ воиновъ, или просто — наѣздниковъ. Убыль воды произошла не отъ пониженія морскаго уровня, а отъ нѣкотораго колебанія почвы, которая, поднявшись и опустившись въ нѣсколькихъ мѣстахъ между двумя морями, дала новый видъ цѣлымъ областямъ поднѣпровскимъ. Неясная память объ этомъ физическомъ переворотѣ до сихъ поръ сохранилась въ народѣ подъ видомъ баснословныхъ преданій о цѣлыхъ городахъ, очутившихся подъ водою. Какъ бы то ни было, только Украина въ литовскую старину была несравненно мокрѣе и обильнѣе водами противъ нынѣшняго, и вотъ почему правившіе ею князья выѣзжали на полюдье для взиманья дани не иначе, какъ съ наступленіемъ морозовъ, когда болота и топи дѣлались для нихъ удобопроходимыми. Въ другую пору года они погрязли бы съ своими возами въ зыбкихъ долинахъ и зарослях, по которымъ умѣлъ пробираться въ легкой своей обуви изъ лыкъ только пчеловодъ, обходя свои лѣсныя борти. Торговля производилась тогда, и спустя много времени послѣ, преимущественно посредствомъ сплава, весной и лѣтомъ. Рыболовство преобладало надъ земледѣліемъ, которое въ однихъ мѣстностяхъ не могло процвѣтать по ихъ неизмѣримымъ зарослямъ, въ другихъ — по опасенію набѣговъ со стороны хищныхъ, кочующихъ ордъ и кромѣ того по вѣчному безпокойству, въ какомъ держали

страну безпрестанныя ссоры князей и князьковъ Варяговъ между собою. Надобно при этомъ вспомнить, какъ велико было обиліе рыбы въ южно-русскихъ водахъ нѣсколько столѣтій назадъ. Еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ одинъ заѣзжій къ намъ ученый Михалонъ Литвинъ, дивуясь, разсказывалъ землякамъ своимъ, что копье, брошенное въ стадо кишащей въ Днѣпрѣ рыбы, останавливалось какъ въ землѣ. Рыболовство было занятіемъ ежедневнымъ въ древней Украинѣ. Многочисленные и длинные посты, соблюдавшіеся тогда строго всѣми классами народа, особенно располагали Украинцевъ къ рыбачьему промыслу. Возы, нагруженные рыбою, тянулись во всѣ стороны, снабжая отдаленныя, маловодныя села дешевымъ и сытнымъ кормомъ. Въ весеннее половодье изъ моря заплывали во внутрь края лососи, осетры, чечуги. Имъ преграждали обратный путь заранѣе устроенными въ рѣчныхъ корытахъ плетнями и палисадами. Сѣти, обремененныя рыбою, вытаскивались изъ воды съ помощью лошадей. Никакая пора года не препятствовала рыбакамъ въ ихъ ремеслѣ. Напротивъ, чѣмъ суровѣе была зима, тѣмъ дольше можно было предаваться любимой ловлѣ рыбы по льду. А зима часто продолжалась отъ Всѣхъ Святыхъ до конца марта. Въ Литвѣ, также обильной водами въ старину, какъ и присоединенная къ ней Украина, при княжескомъ дворѣ существовалъ особый сановникъ, вѣдавшій и разбиравшій споры рыбаковъ. Впрочемъ владѣтель каждаго помѣстья за-

конодательствовалъ у себя дома надъ водами по собственному усмотрѣнію. Предоставляя собственно себѣ главный ловъ большими волоками и рыбную оптовую торговлю, онъ дозволялъ поселившимся на его землѣ слобожанамъ рыбачить въ ихъ пользу, подъ разными условіями. Одни изъ нихъ имѣли право разъѣзжать въ челнѣ на самой срединѣ озеръ и рѣкъ, другіе могли ловить рыбу только у береговъ *бреднями;* одни могли рыбачить сидя и лежа, другіе только стоя. Эти стѣснительныя мѣры въ панскихъ имѣніяхъ показываютъ, какую важную статью дохода составляла въ старину рыба. Свободный человѣкъ простаго званія, посредствомъ рыболовства, не рѣдко наживалъ богатство, или то, что́ тогда считалось богатствомъ, и потомъ обращался запросто съ старостою, то есть вѣдателемъ многихъ селъ, принадлежавшихъ только на бумагѣ казнѣ.

Но не одно рыболовство вознаграждало тогдашнихъ обитателей Украины за недостатокъ пахарскихъ работъ. Обильныя воды и топи давали роскошный пріютъ множеству разнаго рода звѣрей и звѣрьковъ. Напримѣръ, бобры водились тогда такими частыми семьями, что ловъ ихъ, по своей доходности, соотвѣтствовалъ рыбному промыслу. Письменныя преданья говорятъ, что въ болѣе отдаленную старину бобровые гоны были еще обильнѣе въ низменныхъ частяхъ Литовской земли, но и въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкѣ они всё еще были очень обильны.

Въ сосѣдствѣ съ бобрами водились безконечными стадами водяныя и лѣсныя птицы. Цѣлыя тучи разнообразнѣйшихъ пернатыхъ населяли каждую топь и дуброву. Орлиныя гнѣзда служили знаками, по которымъ разпознавали лѣсныя дороги. Южнорусскій міръ еще имѣлъ тогда видъ до того первобытный, что хищныя птицы нерѣдко нападали на одинокихъ странниковъ среди болотъ или степей. Поэтическій разговоръ бѣжавшаго изъ Азова козака съ орлами-чернокрыльцами и волками-сѣроманцами, по думѣ шестнадцатаго вѣка, взятъ изъ свѣжихъ еще тогда воспоминаній древняго украинскаго міра о войнѣ человѣка съ пернатыми обитателями пустыни, которую онъ покорялъ шагъ за шагомъ. Отсюда произошло тягостное постановленіе старопольскаго права касательно кормленья соколовъ и содержанья сокольниковъ. Истреблять вредоносныхъ птицъ было тогда одною изъ необходимостей для поддержанія хлѣбопашества, садоводства и домашняго хозяйства. Только аисты были свободны отъ ожесточенія тогдашняго осѣдлаго человѣка, какъ преслѣдователи ядовитыхъ и нечистыхъ гадовъ. Съ незапамятныхъ временъ аисты были друзьями сельской хаты украинской, и когда зимнія стужи становились чрезмѣрно жестокими, они довѣрчиво шли въ отворенную дверь къ поселянину, который считалъ грѣхомъ умертвить эту птицу. Съ возвращеніемъ весенняго солнца, дубровы, болота и то, что́ въ украинскихъ пѣсняхъ

называется лугами (1), оглашались безчисленными и разнообразными хорами птицъ, и всего больше — соловьевъ. Литовская земля, одинаковая со многими мѣстностями Украины, была до того полна весною голосами птицъ, что пришедшіе въ нее Крыжаки назвали первое свое укрѣпленье надъ Вислою Птичьимъ Пѣньемъ (2) а медицкіе соловьи были причиною смертельной простуды короля Владислава-Ягеллы. Французъ Бопланъ еще въ семнадцатомъ вѣкѣ не могъ надивиться обилію птицъ въ Украинѣ. Что́ же мудренаго, если въ двѣнадцатомъ вѣкѣ бѣжавшій изъ плѣна князь Игорь питался одною дичью, застрѣленною имъ на пути? что́ мудренаго, если древніе наѣздники-Варяги, какъ Святославъ и Мстиславъ Удалой, совершали далекіе походы къ Черному и Азовскому морямъ безъ всякаго обоза? Самъ гетманъ Хмельницкій, въ половинѣ семнадцатаго вѣка, грозя Полякамъ опустошительнымъ набѣгомъ, хвалился, что выступитъ въ походъ, не взявъ съ собой ни одного воза. Край былъ свѣжъ и богатъ рыбами, звѣрями и птицами при началѣ времени, которое мы считаемъ собственно исторіею Украины; не истощился онъ еще и въ ту эпоху, когда козаки достигли грозъ-

---

(1) *Лугъ* — не только низменный сѣнокосъ (собственно *сіножа́ть*), но чаще или почти всегда — лѣсъ, ростущій вдоль рѣкъ и вокругъ озеръ, на низинахъ. Оттого-то поется:

Ой не шуми́, лу́же,
Дубро́вою ду́же!

(2) Vogelsang.

наго развитія своей общественной силы. Это надобно помнить, чтобы понятны были необыкновенныя событія, совершившіяся въ семнадцатомъ вѣкѣ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, очемъ рѣчь будетъ впереди.

Но тѣ же свойства мѣстности, которыя способствовали размноженію рыбъ, звѣрей и пернатыхъ, и давали возможность народу въ его осѣдлой жизни, а ополченьямъ въ дальнихъ переходахъ, пополнять недостатокъ мучнистой пищи, съ другой стороны порождали цѣлыя міріады гадовъ и насѣкомыхъ, отъ которыхъ не было покою отдаленнымъ нашимъ предкамъ ни въ лѣсахъ, ни въ полѣ, ни въ домѣ. Когда, въ народной пѣснѣ, одинъ козацкій предводитель не соглашается на предложеніе другаго — возстать противъ Поляковъ, то главнымъ неудобствомъ возстанія онъ поставляетъ комаровъ, которыхъ уподобляетъ кровожаднымъ медвѣдямъ (1). Это была не совсѣмъ шутка, потому что насѣкомыя малѣйшую рану, полученную въ битвѣ, дѣлали вдвойнѣ опасною. Но, кромѣ того, богатая растительность Украины, питаемая влагою, привлекала изъ отдаленныхъ восточныхъ странъ необозримыя тучи саранчи, которую народъ не даромъ прозвалъ, въ своихъ пѣсняхъ, *гнѣвомъ Божіимъ*. Если хаты, такъ

---

(1) Вотъ эти слова, для знающихъ украинскій языкъ:

Аніжъ пійти́ лугівъ потира́ти,
Своімъ тіломъ комарівъ,
Якъ ведме́дівъ, годова́ти.

называемыя *холивы*, палатки и сѣтки, при пособіи безпрестаннаго курева, были спасеніемъ отъ летающей гадины, то уже ничто не спасало тогдашняго человѣка отъ гадины ползающей. Ежедневное обращенье съ змѣями породило даже мнимо-чародѣйскую науку, которая, утраченными нынѣ, или неизвѣстными намъ средствами, останавливала разлитіе яду въ тѣлѣ человѣка, или животнаго. Заклинатели змѣй, или такъ называемые *заговорники* и *шептуны*, до сихъ поръ не перевелись въ Украинѣ, и особенно въ полѣсьи украинскомъ, прилежащемъ къ болотистымъ частямъ древней Литвы. Что́ касается до лягушекъ и другихъ, безвредныхъ, но нечистыхъ обитателей влажныхъ мѣстностей, то объ ихъ множествѣ можно судить по народному повѣрью, сохранившемуся въ Литвѣ и на Украинѣ: что будто бы въ одномъ селѣ, расположенномъ среди озеръ, за кваканьемъ и скрекотаньемъ водяныхъ животныхъ, не было слышно въ церкви богослуженія — и священникъ принужденъ былъ произнести проклятіе, отъ котораго всякая гадина на вѣки замолчала въ окрестностяхъ. Общность подобныхъ повѣрій въ Литвѣ и на Украинѣ показываетъ, что эти страны находились подъ одинаковыми мѣстными условіями, отъ которыхъ зависитъ частію самый характеръ жителей и духъ ихъ обычаевъ, вѣрованій, поэзіи. Когда польскій поэтъ Мицкевичъ, начавъ свою знаменитую поэму словами: *Литва, моя отчизна!* внесъ въ нее многія украинскія воспоминанія, черты нра-

вовъ, обычаевъ, и даже украинскій холодецъ, подъ именемъ *литовскаго*,—никто не поставилъ ему этого въ упрекъ; напротивъ, почуялась въ поэмѣ полнота жизни въ ея проявленіяхъ, свойственныхъ мѣстности, и поэма, будучи, во многихъ оборотахъ, цвѣтахъ воображенія и характеристическихъ чертахъ, украинскою, признана вполнѣ литовскою. Понятно изъ этого сближенія двухъ странъ во времена новѣйшія, какъ онѣ должны были сойтись въ ту отдаленную эпоху, отъ которой не дошелъ до насъ ни одинъ крикъ жалобы на Гедимина и его сыновей, или ихъ воеводъ, ни въ лѣтописи, ни въ пѣснѣ, ни въ народномъ иносказательномъ преданіи. Послѣ уже, когда Польша привлекла къ себѣ католическою хитростью Литву, сталъ слышаться въ исторіи разладъ Руси съ Литвою, но и то изъ-за вражды Католицизма къ нашей Православной церкви. Но возвратимся къ описанію первобытнаго состоянія литовской Украины, едва памятнаго потомству.

Такъ какъ нѣтъ худа безъ добра, то, при множествѣ вредныхъ и надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, Украина кипѣла и множествомъ пчелъ, неразводимыхъ никѣмъ и размножавшихся одной силою сочной, благоухающей растительности. Каждое дупловатое дерево служило для нихъ ульемъ, каждый лѣсъ былъ пасикою. Литва и потомъ Польша, та и другая въ совокупности съ Украиною, добывали столько меду, что снабжали имъ всю Германію, Британію и самыя отдаленныя западныя

земли. Медъ въ глубокую старину, равно какъ и дорогіе мѣха, служилъ чѣмъ-то въ родѣ монеты, потому что нѣкоторыя пени судовыя платились медомъ, а восковые круги и восковыя свѣчи были взносимы въ извѣстныхъ количествахъ, какъ церковныя жертвы на церковь. Воскъ составлялъ важную отрасль южнорусской торговли. Отъ этого-то, перечитывая акты четырнадцаго и пятнадцатаго вѣковъ, относящіяся къ Южной Руси, безпрестанно встрѣчаешь *денежную* и *медовую дань* свѣтскихъ и монастырскихъ отчинъ (1).

Мѣстность стародавней Украины, какъ это видно и теперь, по удольямъ, на которыхъ изсякли воды, по обширнымъ пространствамъ, на которыхъ истреблены лѣса, по ровнымъ, какъ море, возвышеннымъ степямъ, до сихъ поръ невидавшимъ плуга, была далеко не однообразна. Одни части нашего края тонули въ водѣ, другія шумѣли густыми лѣсами, третьи волновались сочными травами, которыхъ некому было косить, на которыхъ некому было пасти стада, по которымъ скакали только бѣлорогіе сугаки да рыскали за добычею въ населенныя земли полудикіе кочевники, или бездомовныя дружины варяжскія, а по-

---

(1) Дань эту собирали особые *бирчіе*, разъѣзжая по отчинамъ тѣмъ же порядкомъ, что и князья Варяги на полюдье. Поэтому въ подтвердительныхъ королевскихъ грамотахъ обозначалось, сколько имъ брать дани и сколько времени угощать ихъ напитками. Все это выражалось кратко; напримѣръ: съ такой-то отчины *идутъ три ведра меду и поданье, а ночь пити*.

томъ татарскія и козацкія. Зато ужъ если стояли гдѣ лѣса, то это были первобытныя тысячелѣтнія семейства дубовъ и другихъ уже изчезнувшихъ въ Украинѣ крѣпкихъ и крупныхъ древесныхъ породъ, которыя, проходя полосами, или прокидываясь огромными пятнами между породами болѣе нѣжными и кратковѣчными, составляли какъ-бы хребты и рамена необъятныхъ лѣсныхъ зарослей, неодолимыя для топора, безопасныя отъ пожара, дававшія у своихъ окраинъ пріютъ для древесныхъ самосѣковъ и защищавшія отъ вѣтра и холоду молодыя деревца, которыя появлялись вокругъ падшихъ отъ старости и истлѣвающихъ своихъ предковъ. Множество крупныхъ звѣрей и недостатокъ житейскихъ побужденій удерживали тогдашняго человѣка отъ желанія проникнуть въ самую глубь этихъ лѣсовъ, и многіе изъ нихъ по всей справедливости назывались непроходимыми. Мало того: ихъ сторожилъ ужасъ, вселяемый въ каждаго съ самого дѣтства разсказами о лѣсныхъ свирѣпыхъ и коварныхъ божествахъ, которыя многимъ смѣльчакамъ не дали возвратиться домой и разсказать о лѣсныхъ тайнахъ, закрытыхъ отъ людей цѣлыми горами павшихъ отъ старости и молчаливо истлѣвающихъ громадныхъ деревьевъ. Туда, въ эти недоступныя для человѣка, наполненныя страшными чудищами мѣста, по народному повѣрью, убѣгали только дикіе звѣри и улетали птицы, почуявъ приближеніе смерти. На этихъ кладбищахъ непріязненнаго нашей при-

родѣ творенія, на грудахъ тлѣющихъ костей, засыпанныхъ сухими листьями, мохнатыми, оломанными бурею сучьями и наваленныхъ въ безпорядочномъ смѣшеніи цѣлыми гніющими остовами великановъ-деревьевъ, жили, какъ тогда вѣрилось, лѣсовики и зловѣщія дѣвы, зазывавшіе своими обманчивыми голосами въ топкія трущобы неосторожнаго путника, или въ цвѣтущую пору года разсылавшіе заманивать ихъ обольстительныхъ русалокъ. Воображеніе стародавняго Украинца, еще не вразумленное опытами далекихъ странствованій и наукою, творило изо всей природы чудо на чудѣ, и посреди міра существующаго создавало страшно уродливый, или ярко расцвѣченный привлекательными вымыслами міръ фантастическій; но въ самомъ дѣлѣ могущество тогдашняго царства прозябаемаго и животнаго должно было напоять воображеніе чарами, а величіе видимыхъ явленій — подмывать рѣчь тогдашнихъ разскащиковъ на преувеличенія. Въ тѣ времена, ближайшія къ первобытной природѣ, посреди перерождающихся, по извѣстному естественному закону, лѣсовъ должны были еще встрѣчаться или ужъ совсѣмъ неизвѣстныя, или чрезвычайно рѣдкія породы драгоцѣнныхъ великанскихъ деревъ, какъ это мы знаемъ изъ преданій сосѣднихъ странъ, которыя сохранили лишь письменныя воспоминанья о лѣсахъ, совершенно выродившихся. Уже въ четырнадцатомъ вѣкѣ находили надъ рѣками Вислою и Богомъ, слѣдовательно могли находить и

надъ Днѣпромъ, остатки вѣковѣчныхъ колодъ, которыхъ породы никто и тогда уже опредѣлить не могъ, не говоря объ окаменѣлостяхъ древесныхъ, поражающихъ насъ удивленіемъ. По средневѣковымъ сказаніямъ померанскимъ, было тогда обыкновеннымъ дѣломъ срубать дубы такой толстоты, до которой они могли достигнуть развѣ въ полторы тысячи лѣтъ. Какъ они широко раскидывались, какой громадный шатеръ образовали вокругъ подобнаго ствола безчисленныя вѣтви, можно судить по цѣнности строительнаго матеріала, добываемаго изъ одного дуба. Въ тѣ времена, когда цѣлая деревня продавалась иногда за два вола, за шесть локтей сукна и за нѣсколько лисьихъ шкурокъ, или за двадцать гривенъ серебра и за два жупана, встрѣчались дубы, которые цѣнили во сто гривенъ. Въ ихъ вытрухнувшемъ стволѣ не разъ могъ всадникъ удобно поворачивать кругомъ своего коня; а въ лѣта своей молодости и силы они на своихъ сучьяхъ держали цѣлую башню съ гарнизономъ рыцарей. Упомянутый выше крыжацкій замокъ Фогельзангъ былъ именно такою крѣпостью на раменахъ тысячелѣтняго дуба. Слѣды превращенья деревъ въ укрѣпленныя замки сохранились повсюду. Извѣстная сказка о Соловьѣ-разбойникѣ, который свилъ себѣ гнѣздо на трехъ дубахъ, указываетъ на этотъ родъ укрѣпленій. Дубы, до изобрѣтенія пороху, обыкновенно превращались въ великанскія боевыя машины, и разгромляли своею непомѣрною

тяжестью городскія стѣны. Эти-то машины, вмѣстѣ съ обычаемъ окружать укрѣпленныя мѣста дубовыми палями, и способствовали всего больше къ уничтоженію древнихъ лѣсовъ дубовыхъ. Но, исчезая въ глазахъ исторіи, остатки первобытныхъ растительныхъ чудесъ, великанскіе дубы, пользовались въ народѣ особеннымъ почетомъ и носили особыя имена. Такъ въ польскихъ актахъ упоминаются старый *Цынода* и необъятный *Плонъ*. Въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ вѣкахъ они были общеизвѣстными пограничными деревьями, которымъ, въ этомъ смыслѣ, воздавалась такая честь, что, кто дотронулся къ нимъ топоромъ, того на нихъ вѣшали. Близъ города Тарнова, въ Руси Червоной, указывали древній дубъ, существовавшій, по преданію, еще во времена язычества. Недалеко отъ Кракова возвышался вѣковѣчный вязъ пятнадцати локтей въ окружности, любимецъ первыхъ учителей христіанства въ тамошнемъ краю, которые въ житіяхъ назывались «любителями дикихъ древесъ.» Среди Неполомицкой пущи отдавали, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, почетъ сѣдымъ дубамъ, подъ которыми какой-то король чинилъ судъ и расправу. У подошвы Карпатскихъ, горъ въ Дубровицѣ червонорусской, по лѣтописному сказанію, стоялъ въчетыроадцатомъ вѣкѣ, «достойный удивленія дубъ», изъ-подъ корней котораго выходили истоки трехъ рѣкъ: Днѣстра, Сана и Тисы.

Густые и обширные лѣса наводятъ насъ на мысль объ ихъ естественныхъ обитателяхъ. Дѣй-

ствительно въ старосвѣтскихъ украинскихъ лѣсахъ водились несмѣтныя количества разныхъ звѣрей. Въ тѣни изчезающихъ древесныхъ породъ бродили нынѣ изчезнувшія, или изчезающія породы четвероногихъ. Климатъ въ то время, по множеству лѣсовъ и водъ, былъ суровѣе нынѣшняго въ Украинѣ, и потому-то въ литовско-русскихъ законахъ упоминаются между туземными звѣрями соболи. Существованье въ Украйнѣ туровъ, зубрей, рысей, дикихъ коней не подлежитъ сомнѣнію. Въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ въМазовецкихъ лѣсахъ спокойно паслись огромные, слоноподобные, черные туры, о которыхъ народныя украинскія пѣсни сохранили также воспоминанье. Тревожить ихъ запрещалось обыкновеннымъ звѣроловамъ; охотились за ними только князья съ своими приближенными и гостями. Послѣ тура, наиболѣе любимымъ звѣремъ былъ широколобый зубръ, у котораго между роговъ могло усѣсться три человѣка. Турьи и зубровы рога цѣнились тогдашними охотниками выше самого мяса этихъ животныхъ, составлявшаго лакомое кушанье при дворахъ князей и вельможъ литовско-русскихъ. Близь Новгородъ-Сѣверска, въ Черниговской губерніи, до сихъ поръ существуетъ Зубровскій, или, по мѣстному названію *Зубрицкій* яръ, о которомъ устное преданіе говоритъ, что въ немъ былъ княжескій звѣринецъ, — какихъ князей, неизвѣстно, — вѣроятно, еще Варяговъ. Рысь, похожій пятнистой шкурою на тигра и въ самомъ дѣлѣ

называвшійся тигромъ, привлекалъ охотниковъ дорого цѣнимымъ своимъ мѣхомъ. Во время польско-козацкихъ войнъ, рыцари-щеголи выѣзжали на битву, перевѣсивъ черезъ плечо рысью шкуру, другіе дѣлали изъ нея чапраки, возбуждая этою роскошью природную козацкую насмѣшливость и еще болѣе заохочивая убогихъ сѣромахъ (1) къ битвѣ. Дикій конь, расплодившійся въ тринадцатомъ вѣкѣ до береговъ Орды и еще въ пятнадцатомъ часто встрѣчавшійся въ литовско-украинскихъ лѣсахъ, мало помалу выродился, и слухи о немъ замолкли на Украинѣ. Лоси до сихъ поръ попадаются на лѣсистыхъ берегахъ Днѣпра, Десны и Припяти. Въ старину ихъ убивали цѣлыя стада и солили въ прокъ для продажи. Медвѣди и дикіе кабаны были искони невозбранною добычею каждаго звѣролова. Еще и теперь можно встрѣчать придесенскихъ жителей съ ручными медвѣдями по селамъ и панскимъ хуторамъ. Въ старину эта забава не подвергалась запрещенію. Медвѣдь участвовалъ очень часто въ свадебныхъ танцахъ, его угощали, посадивъ на пóкутѣ (т. е. въ переднемъ углу, за столомъ), и, по его пріемамъ, хата молодой четы считалась счастливою, или несчастною. При дворахъ старосвѣтскихъ литовско-русскихъ магнатовъ медвѣди были почти необходимою принадлежностью веселой жизни. Богатые настоятели

---

(1) Господствующій цвѣтъ въ козацкомъ, убогомъ ополченіи, былъ сѣрый, отчего козаки шутя называли себя *сѣрожахами*, также какъ и волковъ.

монастырей держали ихъ на конюшняхъ. Сколько опасенъ былъ этотъ звѣрь на свободѣ, столько забавенъ для старосвѣтскаго нашего общества на цѣпи. Вдали отъ медвѣдей, купались въ лѣсныхъ озерахъ и шныряли по непреходимымъ трущобамъ боязливыя стада рогатыхъ сернъ. Въ тѣ времена не было рѣдкостью видѣть на озерѣ, или на рѣкѣ цѣлый лѣсъ вѣтвистыхъ роговъ отъ плывущаго оленьяго стада. Множество волковъ, лисицъ и дикихъ козъ, можно сказать, тѣснились въ стародавнихъ украинскихъ лѣсахъ, и между ними, независимо отъ человѣка, шла вѣчная война. Тѣ самыя озера, которыя лѣтомъ доставляли быстрымъ сернамъ прохладу, съ наступленіемъ зимы дѣлались для нихъ ловушкою. Волки нагоняли ихъ на голый ледъ, гдѣ онѣ скользили и дѣлались легкою добычею этого хитраго и хищнаго звѣря. Но крупные и мелкіе обитатели лѣсовъ и болотъ причиняли еще большій вредъ человѣку. Зайцы, куницы, лисицы, выдры, снуя цѣлыми стаями по всему малонаселенному краю, опустошали ежегодно посѣвы и хлѣбные запасы. Стародавній хозяинъ по неволѣ былъ вмѣстѣ и охотникъ. Иногда эти мелкіе звѣри бросались даже на безоружныхъ людей, а волкъ не боялся и натянутаго противъ него лука. Отсюда охотничество развилось въ Литвѣ и Польшѣ до государственнаго постановленія, и образовались налоги для кормленія соколовъ, псовъ и странствующихъ королевскихъ охотниковъ. Все населеніе края должно́

было помогать охотникамъ, и въ извѣстные сроки цѣлыя деревни, въ видѣ государственной повинности, выходили на *облавы*, или *перелаи*. Что́ дѣлалъ король въ королевскихъ земляхъ, то дѣлали паны въ панскихъ, настоятели въ монастырскихъ и каждый землевладѣлецъ въ своихъ владѣніяхъ. Охота была важнымъ дѣломъ, а не вѣтренною забавою на Украинѣ со временъ князя Владиміра Мономаха, который и въ своемъ завѣщаніи убѣждалъ дѣтей не лѣниться преслѣдовать дикихъ звѣрей. Человѣкъ сознавалъ тогда во всѣхъ состояніяхъ необходимость отвоевать край у всякой дичи, которая не давала ему вести покойную и привольную жизнь. Между тѣмъ плоды трудовъ охотничьихъ приносили краю разнообразную пользу. Соленая въ бочкахъ, или вяленная звѣрина обращалась въ торговый матеріалъ. Въ военное время это мясо возили за войскомъ, какъ главный съѣстной запасъ. Окорока дикихъ кабановъ не разъ бывали взимаемы въ видѣ подати. Мѣха принадлежали къ любимѣйшимъ сокровищамъ, нарядамъ и предметамъ торговли. Нѣкоторыя судебныя платы назначались только мѣхами. Извѣстно, что куньи мордки служили нѣкогда вмѣсто нынѣшнихъ ассигнацій. До распространенія пражскихъ денегъ въ польскихъ провинціяхъ, на краковскихъ рынкахъ допускалась, за недостаткомъ звонкой монеты, плата куньими лобками и мордками. Но потомъ куницы сдѣлались гораздо рѣже и наконецъ совсѣмъ изчезли; только въ обрядныхъ

рѣчахъ, при украинскомъ сватовствѣ, невѣста называется до сихъ поръ куницею, а женихъ охотникомъ. Вмѣстѣ съ куницами перевелись въ украинскихъ лѣсахъ ласицы, попелицы, уменьшились почти до рѣдкости бѣлки и другія пушныя животныя, такъ что письменныя извѣстія о распространенной нѣкогда во всѣхъ классахъ населенія мѣховой одеждѣ кажутся теперь невѣроятными.

Изъ мокроты и лѣсистости нашего края легко вывести заключеніе, что онъ представлялъ множество зеленыхъ полянъ и луговъ, удобныхъ для пастьбищъ. Отсюда понятно, почему скотоводство преобладало въ старинномъ хозяйствѣ надъ земледѣліемъ. И теперь еще въ степныхъ малонаселенныхъ южно-русскихъ губерніяхъ хозяева извлекаютъ больше выгодъ изъ своихъ стадъ, чѣмъ изъ запашекъ. Въ вѣка же процвѣтанія рыболовства и охоты, въ ущербъ земледѣлію, естественно процвѣтало и скотоводство. На украинскомъ полѣсьи, въ верховьяхъ Днѣпра, по Деснѣ и Припяти луговое пространство цѣнилось наровнѣ съ пахатнымъ полемъ, и чѣмъ глубже въ старину, тѣмъ оно было сравнительно драгоцѣннѣе въ глазахъ хозяевъ. По лугамъ и лѣснымъ чагарамъ нерѣдко въ то время бродили табуны лошадей самопасомъ, какъ бродятъ теперь стада гусей и утокъ у прирѣчныхъ жителей. Старые кони были единственными ихъ вожаками и приводили весь табунъ къ хозяину съ наступленьемъ зимы. Лѣтописецъ четырнадцатаго вѣка разсказываетъ, что въ его время

одинъ конь, проданный хозяиномъ въ Венгрію, привелъ къ нему въ Польшу цѣлый табунъ кобылицъ и жеребятъ. Овцы водились на Украинѣ больше въ степныхъ мѣстахъ и составляли самое корыстное достояніе убогихъ поселянъ; рогатый скотъ также достигалъ наибольшаго росту въ отдаленьи отъ лѣсовъ, которые обыкновенно служатъ притономъ изнуряющимъ его оводамъ и другимъ насѣкомымъ. Зато свиньи блаженствовали въ прохладѣ дубоваго лѣса, осыпавшаго ихъ лакомымъ и утучняющимъ кормомъ — желудями. Кромѣ ветчины, вкусной солонины и свѣжаго мяса, свиньи доставляли Украинцамъ любимую приправу къ борщу и другимъ *стра́вамъ*, сало, которое съ такимъ удобствомъ пахарь бралъ съ собой на отдаленную ниву, рыбакъ держалъ на челнѣ, звѣроловъ носилъ въ котомкѣ за плечами и которое до сихъ поръ съ ломтемъ хлѣба составляетъ почти единственную пищу небогатаго Украинца вдали отъ дома. Сколько Жиды, эти вѣчные враги правдолюбиваго нашего народа, гнушались свиньями, столько православные поселяне дорожили разведеньемъ этого неразборчиваго въ пищѣ и легко жирѣющаго животнаго. Многіе города, какъ напримѣръ, Коропъ и Кролевецъ въ Черниговской губерніи, обязаны зажиточностью своихъ обывателей искусству выкармливать свиней, и въ такихъ мѣстахъ не разъ можно слышать произносимыя съ наивною гордостью слова: *Я зъ дiда, съ пра́дiда свина́ръ!*

Въ такой-то степени отличался человѣческій трудъ старыхъ временъ въ Украинѣ отъ нынѣшняго, сообразно особенностямъ тогдашняго вида страны. Вообще имѣла она болѣе дикій, болѣе суровый образъ. Топи и воды, съ восходящими къ верху, или неподвижно стоящими туманами, лѣса, съ долго лежащими въ тѣни снѣгами, много способствовали къ суровости климата. Зима тянулась долѣе нынѣшняго; морозы были сильнѣе. Люди зимою и лѣтомъ почти не снимали съ себя шубъ. Мѣха были необходимостью,—мѣха поэтому самому были и роскошью тогдашняго времени. *До Свято́го Ду́ха не ки́дай кожу́ха, а по Свято́му Ду́сі зновъ ду́май объ кожу́сі.* Эта нынѣ невѣрная пословица пошла въ ходъ на Украинѣ едва ли еще не до Татарщины. Но суровость и продолжительность зимы были тогда дѣйствіемъ природы, спасавшимъ человѣка отъ многихъ бѣдствій. Зима очищала воздухъ, истребляла надоѣдливые рои насѣкомыхъ, мостила мосты по водамъ и непроходимымъ трясинамъ. Нѣкоторыя поселенія старинной Украины, забивавшіяся часто въ самую глубь болотистой, недоступной для непріятелей трущобы, открывались для сообщенія съ другими селами только тогда, когда недостатокъ подножнаго корма лишалъ хищныхъ сосѣдей возможности вторгаться въ Украину. Странствующихъ купцовъ иначе тогда не называли, какъ *зимними гостями.* Вѣчная борьба съ водою, съ лѣсистою природою, съ дикими звѣрями и птицами дѣлала тогдашняго

человѣка необыкновенно крѣпкимъ, сносливымъ, предпріимчивымъ и подвижнымъ. Нынѣшніе сельскіе хозяева наши, при всей своей дѣятельности, далеко не похожи на тогдашнихъ. Вообще трудъ, и особенно земледѣльческій, считался занятіемъ почетнымъ. Купеческое ремесло именно потому не пользовалось уваженіемъ, что купецъ казался тогдашнему осѣдлому человѣку лѣнтяемъ и бродягою. До послѣднихъ временъ козачества сохранилось нѣкоторое пренебреженье къ этому ремеслу, выраженное между прочимъ и въ популярныхъ надписяхъ подъ извѣстными изображеніями Запорожца, который позволяетъ называть себя чѣмъ угодно, только *не крáмаремъ*. Даже тогдашніе кмети (крестьяне) считали себя людьми свободными именно потому, что отбывали повинность урочнымъ трудомъ. По тогдашнимъ понятіямъ о свободѣ платить за семью чиншъ считалось болѣе унизительнымъ, чѣмъ идти на работу (1). Работали

---

(1) Кому случалось проживать въ сосѣдствѣ съ вольными украинскими пахарями, козаками, въ удаленныхъ отъ торговыхъ мѣстъ захолустьевъ, тотъ знаетъ, что зажиточный поселянинъ охотнѣе отработаетъ, за какое-нибудь одолженіе, личнымъ трудомъ, нежели заплатитъ деньгами или пашнею,—и это вовсе не отъ бережливости. Работать сосѣду у него значитъ *помочь* сосѣду. Никогда поселянинъ козакъ не выразится иначе, какъ: *я вамъ поможу*. Онъ очевидно избѣгаетъ слова *робить*: оно тягостно для его слуха, какъ слово неволи, рабства. Если и старосвѣтскіе поселяне работали на своего пана въ смыслѣ *помощи*, то понятно, почему они считали для себя униженіемъ платить за семью чиншъ. Примемъ, кромѣ того, во вниманіе, что тогдашній работникъ трудился на ряду съ своимъ господиномъ, такъ сказать—плечо съ плечомъ (о чемъ говорится далѣе).

тогда дома, въ полѣ, въ лѣсу и на водахъ всѣ безъ исключенія, богатые и бѣдные, господа и слуги. Землевладѣлецъ, распоряжавшійся извѣстнымъ количествомъ кметей, отличался отъ нихъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ въ простонародьи на косовицѣ отличается *отáманъ* или хозяинъ отъ прочихъ косарей. Вести пéредъ, умѣть сработать лучше всѣхъ — вотъ чтó считалось достоинствомъ стародавняго украинскаго помѣщика. Ихъ давно изчезнувшій образъ жизни и способъ быть съ людьми подвластными можно видѣть до сихъ поръ на Украинѣ въ богатыхъ хозяевахъ, или чумакахъ свободнаго козачьяго званія. Пища богатаго хозяина была только вкуснѣе и обильнѣе, чѣмъ у простаго работника; но способъ ея приготовленья тамъ и здѣсь былъ одинъ и тотъ же. Одежда богатыхъ людей отличалась дороговизною матеріала, нововсе не покроемъ, или каками-нибудь вычурными украшеньями. Литовскій князь Ягелло обыкновенно носилъ простой тулубъ, безъ всякой покрышки. Деревянные дома знатныхъ людей съ маленькими окнами были не много развѣ свѣтлѣе убогихъ хижинъ. Проводя большую часть дня на открытомъ воздухѣ, тогдашніе домовладѣльцы не заботились о красотѣ своихъ жилищъ и цѣнили ихъ по крѣпости кровель и плотности стѣнъ, которыя бы хорошо держали теплоту противъ осенней и зимней стужи. Въ скудномъ освѣщеньи покоевъ, развѣшенное по убогимъ стѣнамъ оружіе сверкало усиленнымъ блескомъ. Золотое ожерелье на шеѣ

у хозяйки, серги въ ушахъ, кольцо на рукѣ да бѣлая сорочка, вотъ все, на чемъ останавливался тогда взглядъ, встрѣчавшій вездѣ въ домѣ только сѣрый и черный цвѣта. Природа однакожъ много помогала этой убогой обстановкѣ домашней жизни, оживляя всѣ лица здоровымъ румянцемъ, сохраняя бѣлизну зубовъ, неиспорченныхъ искусственною пищею, и здоровый блескъ очей, незатуманеннымъ еще болѣзнями нашего времени. Дѣятельная простота жизни, дружной съ природою, неоторванной отъ ея благотворныхъ вліяній изнурительными трудами и забавами, способствовала къ долголѣтію. Семидисятилѣтніе отцы. дѣтей-*немовля́токъ* (еще неговорящихъ) были тогда вовсе не рѣдки. Ста лѣтъ доживали многіе. При рѣшеніи давно возникшихъ тяжебныхъ дѣлъ, призывали иногда стариковъ, которыхъ судъ признавалъ стосорока- и стопятидесяти-лѣтними свидѣтелями.

Таковъ-то былъ въ глубокую старину характеръ нашей Украины. Богатая водами, растительностью и животными, но бѣдная населеніемъ, она отличалась здоровою простотою быта этого населенія, его привычкою къ перенесенію всякихъ неудобствъ жизни, жаровъ и стужи, его любовью къ труду и подвижности. Выйдя неизмѣнившеюся изъ-подъ обладанія захожихъ удальцовъ-Варяговъ и ихъ безспокойнаго потомства, освободясь отъ татарскихъ поборовъ и увеличивъ собою объемъ столь же мало населенной и дикой Литвы, она на нѣ-

сколько времени, такъ сказать, скрылась изъ виду у исторіи, какъ-будто все въ ней перестало жить и дѣйствовать. Но это отъ того, что не слышно было на ней громкихъ воплей народа страдающаго, какъ было часто до тѣхъ поръ, отъ войны и грабежа; что народу сдѣлалось уютнѣе прежняго на родной почвѣ; что предался онъ безъ помѣхи занятіямъ по-видимому ничтожнымъ, каковы домашнее хозяйство, рыбная ловля, охота. Сильные и слабые тѣломъ и духомъ, богатые и убогіе, задорные и уступчивые, всѣ утонули для насъ на много лѣтъ въ неизвѣстности. Но когда прошло это время случайнаго затишья и наступили событія, открывшіяся ранними попытками польскаго духовенства къ присоединенію греко-русской церковной паствы къ римской, Украина вдругъ оказалась краемъ несравненно болѣе прежняго населеннымъ, несравненно болѣе прежняго богатымъ произведеніями ремеслъ, а не одной природы, несравненно болѣе прежняго развитымъ въ отношеніи гражданственности и готовымъ стоять за свою народность противъ народности польской, отрозненной отъ нея и отъ другихъ славянскихъ земель искусственнымъ католичествомъ, противоположнымъ славянскому характеру, искреннему и прямому въ глубочайшихъ своихъ основаніяхъ.

П. Кулишъ.

III.

ЗИМНІЕ КОРМЫ.

Въ нынѣшнемъ году вездѣ жалуются на неурожаи и на недостатокъ сѣна. Во многихъ мѣстахъ, отъ засухи травы выгорѣли до корня, такъ что старинныхъ, коренныхъ покосовъ вовсе нечего было косить. Особливо дурны во многихъ губерніяхъ яровыя: мѣстами и семянъ не собрали. Отъ этого есть села, гдѣ самимъ-то еще можно будетъ кое-какъ прокормиться, а скотъ прокормить будетъ не легко.

Это дѣло важное; о немъ стоитъ поговорить. Можно сказать, что скотъ, въ нашемъ въ сельскомъ быту такъ же важенъ, какъ руки. Безъ него точно такъ же ничего не сдѣлаешь, какъ безъ рукъ: ни земли не поднимешь, ни зерна не свезешь на базаръ, ни ребятишекъ молокомъ не напоишь. Иной разъ мужикъ убивается, жалѣетъ свою скотину, или полосу земли въ десять вершковъ шириною — какъ самого себя. Умники ухмыляются, говорятъ, что это не хорошо, что легко можно уступить свою полосу или свою

скотину — сосѣду, что надо любить другъ друга. Легко имъ говорить это, когда они не обливали десять разъ въ годъ каждой своей борозды своимъ пóтомъ. Слова нѣтъ, любить другъ друга слѣдуетъ; мы и любимъ. Но когда съ этой узкой полосы, которую уступлю сосѣду, я собралъ-бы хлѣба своей семьѣ, хотя только на три дня — такъ десять разъ о ней подумаешь и десять разъ пожалѣешь. Стало-быть, три дня дѣти должны погодить, не ѣсть; три дня они будутъ, прижавшись другъ къ дружкѣ на печи, пищать какъ птенцы въ гнѣздѣ, когда горожанинъ охотникъ подстрѣлитъ мать безъ толку, только для хвастовства одного, что вотъ я какъ ловко палю. Когда послушаешь, какъ пищатъ птенцы на печи съ голоду, такъ о самой узкой полосѣ земли сто разъ подумаешь и сто разъ ее пожалѣешь.

Умники говорятъ — ничего. А подержать бы ихъ родныхъ птенцовъ безъ хлѣба дня три — то и своей, хотя небогатой головой, они поняли-бы, какъ похожа полоса хлѣбородной земли на наше собственное мясо. Но не дай Богъ и имъ узнать правду этой страшной дорогой.

Какъ бы то ни было, однако нынѣшніе недостатки кормовъ — не одна бѣда, а двѣ бѣды. Во-первыхъ это — нынче плохо, нынѣшнюю, зиму трудно будетъ извернуться; а во-вторыхъ — и впредь тоже самое можетъ случиться. Поэтому мы сначала поговоримъ о томъ, какъ теперь из-

ворачиваться, а потомъ, въ другой разъ, — какъ сдѣлать, чтобы впередъ не было неурожаевъ. Съ перваго разу можетъ показаться, что это вздоръ, что неурожай — не отъ насъ, а отъ погоды, что урожай и неурожай дѣлаетъ солнце и дождь, что отъ вымочки или отъ засухи ни чѣмъ не убережешься. Однако за границей, особливо въ Англіи, земля такъ обдѣлана, что тамошнему хорошему хозяину — почти все равно, какая стоитъ погода. Конечно, хорошая погода съ перемочками и для него выгодна, и доводитъ урожай, напримѣръ овса, до тридцати шести четвертей съ одной казенной десятины, однако при самой невыгодной погодѣ онъ все таки, навѣрно, соберетъ средній урожай. Надо замѣтить, что и тамъ не у всякаго хозяина земля такъ обдѣлана, а только у самаго исправнаго; и что такихъ исправныхъ хозяевъ тамъ съ году на годъ становится больше и больше. Но если тамъ это можно, такъ отчего-же у насъ нельзя? Не вдругъ, а понемногу и у насъ, конечно, заведется точно такое же хозяйство.

Итакъ — прежде всего о нынѣшнихъ кормахъ.

Какъ только скотъ становится на зимній кормъ, хорошій хозяинъ долженъ разсчитать, достанетъ ли ему корму до весны; а если нѣтъ, то насколько времени достанетъ. Навѣрно никто не знаетъ, когда будетъ подножный кормъ, и потому, при разсчетѣ, надо всегда полагать, что весенніе кормы начнутся двумя недѣлями позже,

чѣмъ въ средній годъ. У хорошаго хозяина корму должно остаться, чтобы перешло, хоть немного, на другую зиму. Да не всегда это можно, а въ нынѣшнемъ году это особенно трудно устроить. Однако, чѣмъ труднѣе извернуться, тѣмъ лучше надо разсчитать.

Когда сѣно сложено въ сараѣ, то въ каждой сажени его можно считать до восьмидесяти пудъ, если оно хорошее горное сѣно, довольно мелко и плотно утоптано, и сажень полная, какъ въ длину, такъ въ ширину и въ вышину. Крупнаго сѣна въ плотной сажени будетъ меньше, потому что его никогда не утопчешь такъ, какъ мелкое; можно считать его до 60 пудъ. Хорошо набитый сарай можно не перевѣшивать, а только вымѣрять и сказать, сколько въ немъ сѣна. Положимъ, что сарай внутри — $2^1/_2$ сажени шириной и 5 саженъ длиной; высота стѣнъ внутри полторы сажени, да отъ охлупнаго, верхняго бревна до конька — сажень. Пусть все это хорошо набито сѣномъ. Разсчетъ можно сдѣлать такъ:

Если бы кто срѣзавъ сѣна отъ полу равно на сажень, а потомъ нижнюю половину разрѣзалъ-бы на сажени, то вышли бы куски въ сажень шириной и вышиной, да въ $2^1/_2$ сажени длиной. Въ каждомъ такомъ кускѣ — по двѣ съ половиной кубическія сажени, а во всѣхъ пяти выйдетъ двѣнадцать съ половиной кубическихъ саженъ. Положимъ опять, что верхнюю половину опять разрѣзали, крышу особо, а стѣны особо. Стѣнъ ос-

талось полсажени, такъ какъ весь сарай у насъ полторы сажени. Стало быть, въ верхней части стѣнъ лежитъ, какъ и въ нижней, тоже двѣнадцать съ половиной, только ужъ не саженъ, а полусаженъ, а всего, значитъ, шесть съ четвертью саженъ. Подъ крышей надо положить столько же, а всего въ сараѣ 25 кубическихъ саженъ, которые однако не всѣ хорошо утоптаны. Въ нижней части, на сажень отъ полу, если сѣно хорошее надо положить по 80 пудъ въ сажени, а въ $12^1/_2$ саженяхъ 1000 пудъ. Полсажени выше этого, въ стѣнахъ, въ $6^1/_4$ куб. саженяхъ надо положить ужъ не по 80 пудъ, а по 65, хоть и того-же сѣна, потому что близко крыши его никакъ не утопчешь, какъ слѣдуетъ; во всѣхъ же $6^1/_4$ куб. саженяхъ — 406 пудъ. Въ крышахъ еще хуже бываетъ утоптано сѣно, и потому тамъ надо положить по 50 пудъ въ сажени, а въ $6^1/_4$ саженяхъ — 312 пудъ. Во всемъ же сараѣ выходитъ 1000 пудъ + 406 п. + 312 п., всего 1,718 пудъ сѣна. Изъ осторожности, чтобы въ разсчетѣ не вышло ошибки, надо 18 пудъ откинуть, и положить всего 1,700 пудъ. Бѣды большой нѣтъ, если 18 пудъ весной останется, а если ихъ не хватитъ, то бѣда большая.

Всякому извѣстно, что если сарай хоть не многимъ больше во всѣ стороны, и сѣно уложено въ немъ такъ же плотно, то его ужъ гораздо будетъ больше. Такъ, напримѣръ, если сарай будетъ не на пяти саженяхъ, а на шести, если ширина

его будетъ не $2^1/_2$, а 3 сажени, а вышина до крыши не $1^1/_2$ сажени, а двѣ, то сѣна въ немъ помѣстится, по тому же разсчету, не 1718, а 3000 пудъ.

Точно такъ же, съ небольшой снаровкой, можно разсчитать вѣсъ сѣна въ любомъ стогѣ, въ кругломъ или въ длинномъ.

Разсчитавши, сколько у насъ сѣна, надо сосчитать, сколько его нужно для всего наличнаго скота. На каждую лошадь средняго роста, на корову или на вола нужно зимою 25 фунтовъ сѣна въ день, а на яловую овцу 3 фунта, кромѣ соломы. На полный зимній кормъ скотъ становится съ Покрова. Отъ этого праздника до весенняго Николы, всего 210 дней по 25 фунтовъ въ день, это составитъ 5,250 фунтовъ или 131 пудъ сѣна на каждую крупную скотину, отъ Покрова до весенняго Николы, 1 октября до 9 мая. Въ тѣ же 210 дней на каждую яловую овцу надо 630 фунтовъ или 16 пудъ сѣна, кромѣ соломы.

На небольшое хозяйство въ пару лошадей, въ 6 коровъ, въ 25 овецъ и штуки три свиней, надо корму 1,544 пуда; да ежели прибавить сюда, что ни-будь на стельныхъ коровъ, которыхъ надо кормить хорошенько, да на пару телятъ, то на такое хозяйство придется набить полнехонекъ тотъ первый сарай, о которомъ мы говорили, 1,700 пудъ. Конечно, случается и у насъ, въ Новгородской губерніи, что скотъ раньше весенняго Николы найдетъ себѣ кормъ на лугахъ, а гдѣ потеплѣе, въ

Украйнѣ, и того раньше; такъ этотъ разсчетъ и дѣлается не для всѣхъ, а только для примѣра. За тѣмъ каждый сообразитъ по своему мѣсту. Только, чтобъ не ошибиться, надо не забыть къ обыкновенному счету зимнихъ кормовъ прибавить недѣли двѣ — на всякій случай.

Не всегда однакоже бываетъ такая удача, что можно прокормить скотъ всю зиму сѣномъ; да и не очень это нужно, Яровая солома тоже должна идти въ дѣло, а при нуждѣ можно разсчитывать и на ржаную, и на солому — другой разсчетъ. Въ каждой кубической сажени помѣстится не болѣе 55 пудъ соломы, да и пудомъ соломы — извѣстно — не накормишь такъ, какъ пудомъ сѣна. Сто разъ пробовали и считали умные и ученые хозяева: сколько надо соломы, чтобы замѣнить сѣно; да и дѣло это мы сами пробовали не разъ. Хуже всѣхъ для корму — солома ржаная; и такъ-же мало годна гречишная долго лежалая; немного лучше ея — озимая пшеничная, еще лучше — кукурузовая; еще лучше овсяная; лучше овсяной — свѣжая гречишная и ячменная, а еще лучше просяная. Но какая-бы ни была солома, изъ году въ годъ она не всегда бываетъ одинакова. Солома хороша тогда, когда она не перестоялась, когда хлѣбъ скошенъ или сжатъ во время, снопы не долго лежали на землѣ, погода во время уборки хлѣба хорошая и обмолоченная солома хранится въ хорошо сложенныхъ стогахъ, или, еще лучше, подъ крышей. Когда въ соломѣ много метлика,

костера, овсяницы, медунки, овсеца, кашки, мышинаго горошку, то отъ всего этого хлѣба, конечно, меньше, за то солома лучше кормитъ. Если-же въ хлѣбѣ много васильковъ, звонца, куколя, краснаго маку, дикой бузины, то солома не годится вовсе и даже можетъ быть очень вредна. Сверхъ того еще въ сухое лѣто солома бываетъ лучше, то есть сытнѣе, чѣмъ въ сырое лѣто.

Итакъ лучшая солома — просяная. Она не гибка, жестка, но это ничего: коровы, овцы и волы ѣдятъ ее охотно, особливо если во время налива зерна погода стояла сухая. Если давать ее скоту одну, то вмѣсто десяти пудъ сѣна пойдетъ 19 пудъ просяной соломы. Но это не всѣмъ будетъ хорошо; а если вмѣсто 25 фунтовъ сѣна на каждую скотину давать сѣна только десять фунтовъ, да просяной соломы фунтовъ двадцать восемь, то разницы не будетъ почти никакой, и скотъ будетъ такъ же здоровъ и такъ же въ тѣлѣ, какъ будто былъ на одномъ сѣнѣ. Конечно, рѣчь идетъ о рогатомъ скотѣ, о коровахъ, волахъ, быкахъ и овцахъ: лошади не станутъ охотно ѣсть этой соломы, если ее не изрѣзать.

Гречишная солома тоже очень сладка, вкусна и сытна, только не во всю зиму, а вначалѣ. Это говоритъ наука, да это-же мы видимъ на дѣлѣ. Свѣжую гречишную солому ѣдятъ охотно коровы и овцы, а какъ полежитъ — не берутъ. За десять пудъ сѣна отвѣчаютъ двадцать пудъ гречишной соломы. Поэтому надо стараться стравить ее

какъ можно раньше. Какъ только она пролежитъ мѣсяца три, четыре, то хоть вѣсомъ ее не убавиться, а сытностью убавится вдвое.

Ячменная солома тѣмъ лучше гречишной, что можетъ лежать всю зиму и не много теряетъ сытности. Ее охотно ѣстъ и лошадь, и корова, и овца; только овцамъ не годится ее давать, потому что цѣлыя ячменныя ости залѣзаютъ въ шерсть и портятъ ее. Еще замѣтить надо, что въ этой соломѣ есть горечь, такъ что ежели дойная корова ѣстъ одну ячменную солому, то молоко ея и масло бываютъ горьковаты. Можно смѣло считать, что въ серединѣ зимы можно давать коровѣ вмѣсто 25 фунтовъ сѣна — только десять фунтовъ, а на мѣсго остальныхъ 15 фунтовъ давать 30 фунтовъ ячменной соломы. Если еще соломy перемятъ въ рукахъ, да разрубить или разрѣзать на три или на четыре части, перемѣшать съ сѣномъ, да вспрыснуть ковшомъ теплой воды, въ которой распущена небольшая горсть соли, то скотъ будетъ ѣсть эту смѣсь лучше сѣна.

Овсяная солома очень немногимъ хуже ячменной. По сытности, десяти пудамъ хорошаго сѣна равны 21 пудъ овсяной соломы. Съ этой соломы рогатый скотъ бываетъ здоровъ, лошади тоже ѣдятъ ее, однако больше любятъ пшеничную. Чтобы лошади ѣли ее охотнѣе, надо изрубить ее или изрѣзать на кусочки не длиннѣе полувершка или, еще лучше, четверти вершка. Издали такая сѣчка похожа на овесъ въ зернѣ; но это дѣлается,

конечно, не для того, чтобъ обмануть лошадь, а для того, что ей такъ легче ѣсть.

За границей хорошіе хозяева мѣшаютъ къ этой сѣчкѣ всю дневную дачу овса, и лошади ѣдятъ это такъ же охотно, какъ овесъ. Да еще вотъ какая важная статья замѣчена: домашняя птица и дикая, напр. воробьи, овсянки любятъ копаться въ конскомъ навозѣ. Не мудрено догадаться, да это и видно, что они ѣдятъ овесъ, который прошелъ сквозь лошадь безъ перемѣны и стало быть безъ пользы для животнаго и для хозяина, и для работы. Одно, два зерна въ день — куда-бы ни шло; объ этомъ нечего и заботиться. Но зерна такимъ образомъ пропадаетъ много, и чѣмъ плотнѣе кожура, тѣмъ больше цѣльнаго зерна остается. Это случается оттого, что иная овсинка очень плотно заперта въ свою кожуру, и желудокъ ее не пройметъ. За границей давно это замѣчено, и хорошіе хозяева теперь тамъ ужъ вовсе не даютъ своимъ лошадямъ цѣльнаго овса, а давятъ его въ особыхъ машинахъ. Для небольшаго хозяйства такую машину покупать не изъ чего, да и не стоитъ. Но если нѣтъ особеннаго дѣла, то можно надавить овса своимъ лошадямъ очень легко и скоро. Этимъ сбережено будетъ зерна не мало. Разсчитано у хозяевъ-Англичанъ, которые, надо признаться, считать умѣютъ, что если надо искормить четверть цѣльнаго овса, то давленаго овса можно дать всего шесть съ половиною мѣръ, а полторы

можно продать. Испытано это не разъ и не сто разъ, а много тысячъ разъ, и за границей теперь нѣтъ почти ни одного заведенія съ большимъ числомъ лошадей, гдѣ не кормили бы ихъ давленымъ овсомъ на мѣсто цѣльнаго. Есть тамъ извозчики, которые держатъ, напримѣръ, по 200, по 300 и по 500 лошадей для тяжелой, ломовой работы. Сдѣлаемъ же разсчетъ на триста лошадей. Прежде давалось каждой лошади по 6 гарнцевъ въ день, а въ круглый годъ 2,190 гарнцевъ, или 34 четверти и 14 гарнцевъ. На триста лошадей, значитъ, выходило всего 10,266 четвертей въ годъ. Мятый или давленый овесъ выгоднѣе на полторы мѣры изъ каждой четверти, а изъ 10,266 четвертей останется 15,399 мѣръ или 1,922 четверти. Если положить каждую четверть, хотя по 3 р. 50 к. сер., какъ у насъ въ Новгородской губерніи, то выйдетъ, что останется въ карманѣ 6,727 рублей. Если бы отъ этого лошади спадали съ тѣла, или хуже работали, то это былъ-бы самый плохой разсчетъ. Но на дѣлѣ выходитъ, что при этомъ кормѣ лошади становились тучнѣе и работали лучше. Попробовалъ это одинъ хозяинъ — понравилось; потому что въ экономіи остается много денегъ. Попробовали другіе — и за границей сколько нибудь разсчетливый хозяинъ уже не даетъ простаго, недавленаго или немятаго овса. Если съ трехъ сотъ лошадей остается 6,727 рублей, то съ трехъ лошадей останется 67 руб. 27 копѣекъ. Это сосчитать легко. У насъ на Руси въ разныхъ

мѣстахъ хозяева разсчитываютъ различно: одинъ держитъ на каждую лошадь всего мѣръ сорокъ, другой — мѣръ семьдесять, и сто, и полтораста, а кто работаетъ въ извозѣ, тотъ издерживаетъ еще больше. Какъ бы тамъ ни было, а кто давитъ овесъ, передъ дачей, тотъ изъ каждыхъ осьми мѣръ можетъ продать полторы, а если кто овесъ покупаетъ, тотъ съ каждаго рубля убережетъ 19 копѣекъ, давая лошадямъ давленый вмѣсто цѣльнаго, по чемъ-бы ни былъ овесъ.

Давить-же его не мудрено. На столъ или на толстый обрубокъ одной рукою бросить горсть овса, а другою деревянной колотушкой или желѣзнымъ молоткомъ — поколотить по немъ слегка, чтобы только кажура разсѣлась и, пожалуй, чтобы самое зерно было вполовину раздавлено. Послѣ того сгрести раздавленный овесъ на подложенную рогожу или въ подставленый мѣшокъ, и опять бросать горсть овса, опять колотить его слегка колотушкой. Это работа не тяжелая и дѣлать ее могутъ и ребенокъ и дряхлый стирикъ. У меня въ саду работаютъ три лошади. Сколько лѣтъ на каждую выходило кругомъ по 18 четвертей въ годъ, а на всѣхъ трехъ 53 четверти, на 189 рублей. Стали давить овесъ, и — вотъ ужъ годъ—вышло 44 четверти, лошади работаютъ лучше прежняго, и тѣломъ стали виднѣе. Остается десять четвертей, которыя и идутъ въ продажу, а у насъ это 35 рублей на серебро. Для чего-же я

ихъ стану бросать? И впередъ буду давить овесъ для своихъ лошадей, и всѣмъ тоже совѣтую.

Англичане разсчитываютъ и то, во сколько обходиться работа раздавливанья овса. Мы еще не дошли до такой тонкости. У насъ всегда почти есть въ домѣ какой нибудь старый или малый, которому работа давить овесъ будетъ какъ разъ впору.

Есть еще способъ приготовленія овса: изрѣзать овсяный снопъ такъ, какъ онъ есть, немолоченный, совсѣмъ съ зерномъ, на мелкіе куски, длиною около четверти вершка. Тогда зерно перемѣшается съ сѣчкой, и лошадь охотно станетъ ѣсть такую смѣсь. При этомъ еще хорошо, взявши снопъ, поколотить его молоткомъ по вершинѣ, положа на чурбанъ, чтобы расплюснуть зерно. Тутъ ничто не пропадетъ, и лошадь съѣстъ солому заурядъ съ зерномъ. На это есть особая машина, соломорѣзка, которая стоитъ 30 руб. сер. меньшаго размѣра, 40 руб. побольше, и 75 руб. большая; она рѣжетъ солому легко и скоро на ровные мелкіе куски въ $^1/_4$ вершка длиною. Англичане и сѣно рѣжутъ этою же машиной, особливо когда оно довольно крупно, какъ напримѣръ сѣно изъ дятловины или изъ кашки. Такую машину въ 30 руб. сер. не худо завести всякому хорошему хозяину, а если купить ее нельзя, то можно рѣзать солому серпомъ или косой, крѣпко захвативши снопъ, чтобы солома не подавалась отъ нажиму, а чтобы прямо разрѣзывалась. Ру-

бятъ тоже солому и топоромъ, и сѣчкой, какъ кому сподручнѣе и какъ кто привыкъ. Однако ежели кому приходится кормить не менѣе пяти или шести лошадей, тому ужъ выгодно купить за 30 р. с. соломорѣзку (1). Этою машиной работа идетъ скоро, и чисто, и правильно; кусочки соломы рѣжутся мелкіе, ровные, въ четверть вершка длиною каждый.

Надо замѣтить однакоже, что рубить или рѣзать немолоченый овесъ — не совсѣмъ разсчетливо. Въ нашемъ сельскомъ дѣлѣ надобенъ прежде всего разсчетъ, самый вѣрный и самый точный; когда же нарѣжешь немолоченаго хлѣба, то и не знаешь: сколько дано лошади овса? Можетъ быть мало, и тогда она ослабѣетъ, пожалуй, въ самое нужное для работы время. А можетъ быть овса выйдетъ слишкомъ много. Когда лошадь сыта, то она ощупью, губами, выберетъ изъ корму одинъ овесъ, а сѣчку оставитъ. Это видано не разъ. А если такъ, то за что же понапрасно бросать добро? Гораздо выгоднѣе — солому нарѣзать отдѣльно, и овесъ надавить отдѣльно мѣрой, сколько по разсчету надобно, и смѣшать. Тогда дѣло тотчасъ видно будетъ и можно не-выйти изъ разсчета, потому что въ нашемъ быту — первое дѣло — разсчетъ.

Кукуруза или початки — даетъ тоже солому,

---

(1) Продаются земледѣльческія орудія и машины А. Каугерта въ С. Петербургѣ у старой московской заставы, по обводному каналу, въ домѣ подъ № 673 — 89.

которая, при нуждѣ, можетъ идти въ кормъ скоту. Но стебель кукурузы такой толстый и крѣпкій, что его сначала непремѣнно надо искрошить, истолочь и вымочить или выпарить. Отъ этой соломы скотъ не станетъ спадать съ тѣла, и не будетъ хуже работать, если только при кукурузовой соломѣ давать ему сколько нибудь свеклы, моркови или картофелю. Однако хозяева тѣхъ мѣстъ, гдѣ разводятъ кукурузу, говорятъ, будто надо стравить тридцать пудъ кукурузовой соломы, вмѣсто десяти пудъ хорошаго, мелкаго луговаго сѣна.

Пшеничная солома должна быть очень хорошо убрана; и тогда, рѣзаная, она не многимъ хуже овсяной. Для овецъ, конечно, нечего крошить пшеничной соломы: онѣ и такъ хорошо ѣдятъ ее. Солома будетъ еще болѣе годна въ кормъ, если ее передъ дачей день или два помочить въ водѣ, бросивъ туда горсть соли. Даже плохую, попорченую, долго лежалую солому можно сдобрить соленою водой и небольшою примѣсью хорошей овсяной соломы. Перемятая въ молотилкѣ солома лучше съѣдается, чѣмъ та, которую молотили цѣпами; полезно даже мять жесткую солому руками, прежде чѣмъ давать ее скоту. Лошади охотно ѣдятъ пшеничную солому; это очень имъ здорово. Ежели даже много запасено сѣна, такъ что его дѣвать не куда, все-таки полезно давать лошадямъ пшеничную солому въ прибавку къ сѣну: отъ этого лошади немножко подбираются тѣломъ и бываютъ сильнѣе въ работѣ.

Изъ тысячи опытовъ найдено, что большая здоровая лошадь, при тяжелой ежедневной работѣ, должна получать вотъ какой кормъ:

Мятаго овса	20	фунтовъ.
Отрубей	3	—
Рѣзки сѣна	12	—
Рѣзки соломы	10	—
А всего	45	фунтовъ корму.

Такой кормъ всего выгоднѣе. Пробовали овса убавить, а соломы прибавить — не годится; пробовали прибавить овса, а сѣна убавить — опять не годилось; пробовали вовсе не давать отрубей — опять было не хорошо. — Само собою разумѣется, что столько корму не съѣстъ маленькая лошаденка, которая, въ добавокъ, стоитъ въ стойлѣ, да и не выгодно такъ кормить лошадь, когда она не работаетъ. Какъ-бы ни было, однако выгоды наши требуютъ, чтобы всѣ эти кормы мѣшать въ той соразмѣрности, какъ показано, и давать вмѣстѣ. Тогда все это вмѣстѣ съѣдается очень охотно. Въ дорогу надо брать съ собою такой кормъ совсѣмъ перемѣшанный, и засыпать его какъ овесъ. На такомъ корму лошади весело сдѣлаютъ какую угодно дорогу.

Овцамъ, зимою, больше ничего и не надо кромѣ пшеничной соломы, развѣ только съ маленькой прибавкой сѣна. Однако, по сытности, десяти пудамъ сѣна равняются тридцать пудъ пшеничной соломы.

Наконецъ, при большой нуждѣ, при совершен-

ной безкормицѣ, пойдетъ въ дѣло и ржаная солома. Въ ней сытности не много: въ десяти пудахъ хорошаго сѣна — столько же, сколько въ 44 пудахъ ржаной соломы. Она такъ жестка, что безъ вымочки и рогатый скотъ ѣсть ее не станетъ. Однако и этотъ скудный кормъ можно сдобрить: искрошивъ по мельче свеклы, моркови или картофелю, надо прибавить этихъ кореньевъ въ рубленную и пареную солому; тогда кормъ будетъ еще сколько нибудь сносный, и то только въ самой крайней нуждѣ. По вѣрному разсчету, ржаную солому надобно употреблять только на подстилку.

Первое дѣло въ нашемъ, сельскомъ быту — разсчетъ. Надобно, чтобы семья была сыта, чтобы скотъ былъ накормленъ, чтобы, сверхъ того, продать, сколько можно, и продать какъ можно больше и выгоднѣе. Разсчетъ требуетъ тоже, чтобы скотъ былъ накормленъ, какъ можно лучше; отъ этого онъ дастъ больше молока, лучше станетъ работать, и навозъ отъ него будетъ сильнѣе. Съ другой стороны, надо наблюдать, чтобы не давать ему и лишняго корму, а то пойдетъ въ жиръ и даетъ мало молока и плохую работу. Кромѣ всего того, что нужно для своей семьи, для своего скота и на будущій годъ на сѣмена, остальное можетъ быть продано.

Нельзя никакъ дать совѣта на всякій случай, потому что въ одномъ мѣстѣ урожай и цѣны одни, въ другомъ другіе, въ третьемъ третьи. Вся-

кій хозяинъ долженъ самъ изворачиваться, какъ знаетъ. Напримѣръ, у насъ въ Новгородскомъ уѣздѣ въ прошлую осень овесъ покупали по три съ половиной за четверть. Мнѣ нужно для лошадей 4 четверти мятаго овса, да 6 четвертей на птицу, всего 50 четвертей, на 175 рублей. Рожь продавалась по 5 р. 50 коп. за четверть. Сдѣланъ такой разсчетъ: во ржи сытности больше, чѣмъ въ овсѣ. Пробовали очищать овесъ отъ кожуры; выходило, что въ чистомъ, отборномъ сѣмянномъ овсѣ, въ пудѣ зерна 30 фунтовъ голаго зерна, а 10 фунтовъ кожуры. Стало быть въ овсяномъ зернѣ четвертая доля — не кормъ, а солома; стало быть 3 р. 50 к. платится не за 8 мѣръ, а только за шесть, а остальныя двѣ мѣры — пустая, несытная кожура. Выходитъ, что мѣра настоящаго добра въ овсѣ обходится въ 58 копѣекъ. Рожь — по 5 р. 50 к. четверть, а мѣра — 69 коп. Разница съ овсомъ — 11 коп. въ мѣрѣ, а сытностью рожь выгоднѣе овса не на 11 коп., а, говорятъ, вдвое. Поэтому разсчету и сдѣлано распоряженіе. Изъ 50 четвертей овса оставлено 15, а 35 продано, по 3 р. 50 к., на 122 р. 50 к.— На мѣсто 35 четвертей овса взято 17 четвертей ржи; по 5 р. 50 к. она стоила 93 р. 50 к. Разница въ цѣнѣ съ овсомъ вышла 29 рублей. Рожь была перемѣшана съ овсомъ, вышло только 32 четверти, вмѣсто 50; при задачѣ корму каждая мѣра считалась за полторы; оно, по сытности, такъ и было. Прошла зима,

лошади работали не хуже прежняго, если еще не лучше, а въ карманѣ осталось 29 рублей. И на нынѣшнюю зиму сдѣланъ такой же разсчетъ, потому что не за чемъ бросать 29 рублей.

Если въ хозяйствѣ все вѣрно разсчитать, да урожай продать во время, то все хозяйство будетъ исправно. И тогда — что за благодать — выйти въ садъ весною, въ праздникъ. Яблоки въ цвѣту, птицы поютъ — кто кого перепоетъ, солнце свѣтитъ ласково..... Какая благодать!

Новогородскій садовникъ.

IV.

РАЗСКАЗЫ О ЗЕМЛѢ.

II.

ДВИЖЕНІЕ ЗЕМЛИ.

ГЛАВА I.

Каждыя сутки мы видимъ, что солнце восходитъ въ одной сторонѣ небеснаго свода, а заходитъ въ другой. Если въ звѣздную ночь внимательно смотрѣть на небо, то можно замѣтить, что многія звѣзды, появившись на восточномъ краю его, поднимаются все выше и выше, а потомъ постепенно опускаются къ западному краю небеснаго свода; слѣдовательно, и звѣзды восходятъ и заходятъ подобно солнцу. Видя это постоянное движеніе небесныхъ свѣтилъ по одному направленію, люди, съ древнѣйшихъ временъ, думали, что всѣ эти свѣтила обращаются вокругъ Земли, которая стоитъ неподвижно въ серединѣ Вселенной. Между тѣмъ это невѣрно. Польскій ученый, Коперникъ, жившій за 300 слишкомъ лѣтъ до нашего времени, первый опровергъ неправильность та-

кой мысли. Онъ доказалъ, что не Земля стоитъ неподвижно, а солнце, вокругъ котораго движутся всѣ планеты и въ числѣ ихъ наша Земля (1).

«Отчего же мы не чувствуемъ этого движенія Земли?» скажетъ кто нибудь. Движенія Земли мы не чувствуемъ оттого, что съ нами движется и все на Землѣ находящееся, вмѣстѣ съ окружающимъ насъ воздухомъ или атмосферою. Мы не замѣчаемъ движенія своего вмѣстѣ съ Землею по тѣмъ же причинамъ, по которымъ не чувствуемъ, иногда, движенія своего на кораблѣ или въ лодкѣ. Когда мы идемъ на кораблѣ, то ясно, что всѣ предметы, на немъ находящіеся, движутся вмѣстѣ съ кораблемъ; но намъ они кажутся неподвижными, потому что остаются, относительно насъ, въ одномъ и томъ же положеніи, и если движеніе ровно и покойно, то намъ представляется, что нашъ корабль стоитъ на мѣстѣ, стоящіе же на якоряхъ корабли кажутся движущимися. Это самое бываетъ также при ровномъ движеніи по рѣкѣ въ баркѣ, или въ лодкѣ: судно кажется спокойно стоящимъ, а берега бѣгущими въ сторону, противоположную движенію лодки.

Точно то же самое происходитъ при движеніи

---

(1) Планеты суть тѣла темныя, подобныя нашей землѣ; онѣ заимствуютъ свой свѣтъ отъ солнца и движутся около него, въ слѣдующемъ порядкѣ: Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ. Сверхъ того между Марсомъ и Юпитеромъ открыто по настоящее время до 50 маленькихъ планетъ.

Земли: всѣ предметы кажутся намъ неподвижными, потому что остаются, относительно насъ, въ одномъ и томъ же положеніи, и какъ при этомъ Земля движется весьма ровно, то намъ и кажется, что не мы движимся съ Землею, а солнце и звѣзды около Земли.

«Но, какъ же люди узнали что земля движется», спроситъ, можетъ быть, кто нибудь, «когда мы никакъ не можемъ замѣтить ея движенія?» Въ этомъ люди убѣдились тогда только, когда опредѣлили величину Земли и разстояніе ея отъ солнца и звѣздъ. Вычисливъ, что поперечникъ солнца въ 112 разъ больше поперечника Земли и отстоитъ отъ нея на 144 милліона верстъ, ученые до-знали, такимъ образомъ, что небесный сводъ не можетъ обращаться около Земли, потому что одному солнцу, которое несравненно ближе къ Землѣ, чѣмъ звѣзды, пришлось бы пролетать по *десяти тысячъ верстъ* въ секунду, а что Земля обращается около своей оси, пробѣгая около полуверсты въ секунду. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, люди видѣли, что дни и ночи, въ различное время года, не одинаковы, и потому стали разыскивать причину такого явленія. Вскорѣ они узнали, что Земля, двигаясь около самой себя, обращается, въ то же время, и около солнца.

И такъ Земля обращаетея *около своей оси*, хотя, на самомъ дѣлѣ, земная ось есть ничто иное, какъ воображаемая линія, проходящая чрезъ центръ Земли. Концы этой воображаемой оси на-

зываются *полюсами*. Одинъ изъ нихъ, обращенный постоянно къ такъ называемой полярной звѣздѣ, называется *сѣвернымъ* (арктическимъ), а другой, противоположный ему, — *южнымъ* (антарктическимъ).

Около своей оси Земля обращается одинъ разъ въ 24 часа или въ сутки, и потому, такое движеніе ея называется *суточнымъ;* движеніе же земли вокругъ солнца, совершаемое одинъ разъ въ $365^1/_4$ сутокъ, или въ годъ, называется *годовымъ*.

На обращеніи Земли около своей оси основано счисленіе суточнаго времени. Время одного обращенія, то-есть сутки, дѣлятъ на 24 равныя части, называемыя часами; каждый часъ дѣлятъ на 60 минутъ, а каждую минуту — на 60 секундъ.

Солнце совершаетъ свой видимый (кажущійся) путь надъ небосклономъ (горизонтомъ) (1) въ видѣ дуги, на которой замѣчательны три точки, или мѣста: во-первыхъ, точка дуги, находящаяся на самомъ горизонтѣ, въ которой солнце *восходитъ*, называется *востокъ;* во-вторыхъ, точка, находящаяся также на горизонтѣ, въ которой солнце *заходитъ*, называется *западъ;* и въ третьихъ, точка на серединѣ дуги, въ ней солнце бываетъ

---

(1) *Небосклономъ* или *горизонтомъ* называется кругъ, образуемый какъ будто бы прикосновеніемъ небеснаго свода къ Землѣ. На самомъ дѣлѣ, прикосновенія небеснаго свода къ Землѣ не существуетъ: это намъ такъ только кажется. На всѣхъ сторонахъ Земнаго шара небесный сводъ такъ же далекъ отъ Земли, какъ и у насъ, и потому прикосновеніе его къ Землѣ есть только кажущееся, видимое.

въ *полдень*. Точка горизонта (небосклона), къ которой обращено солнце въ полдень, называется *югъ*. Противоположная югу точка, находящаяся также на горизонтѣ, называется *сѣверъ;* солнце бываетъ прямо подъ нею въ то время, когда у насъ ровно половина ночи; у жителей же противоположной намъ части Земли, или антиподовъ, бываетъ въ ту минуту полдень, и вообще времена сутокъ тамъ, относительно насъ, въ обратномъ порядкѣ: когда у насъ *вечеръ*, то у нихъ *утро;* а когда у насъ *полдень* — у нихъ *полночь*.

Стороны небосклона (горизонта), въ которыхъ находятся поименованныя точки, носятъ названіе странъ свѣта. Каждая страна свѣта называется такъ, какъ и соотвѣтствующая ей точка небосклона. Такимъ образомъ, странъ свѣта четыре: Востокъ, Югъ, Западъ и Сѣверъ. Въ солнечные дни весьма легко опредѣлить положеніе странъ свѣта, относительно какого либо мѣста: если въ полдень обратиться лицемъ къ солнцу, то впереди будетъ Югъ, сзади Сѣверъ, по лѣвую руку Востокъ, а по правую Западъ; если же обратиться лицемъ къ солнцу при его восходѣ, то впереди будетъ Востокъ, сзади Западъ, по лѣвую руку Сѣверъ, а по правую Югъ.

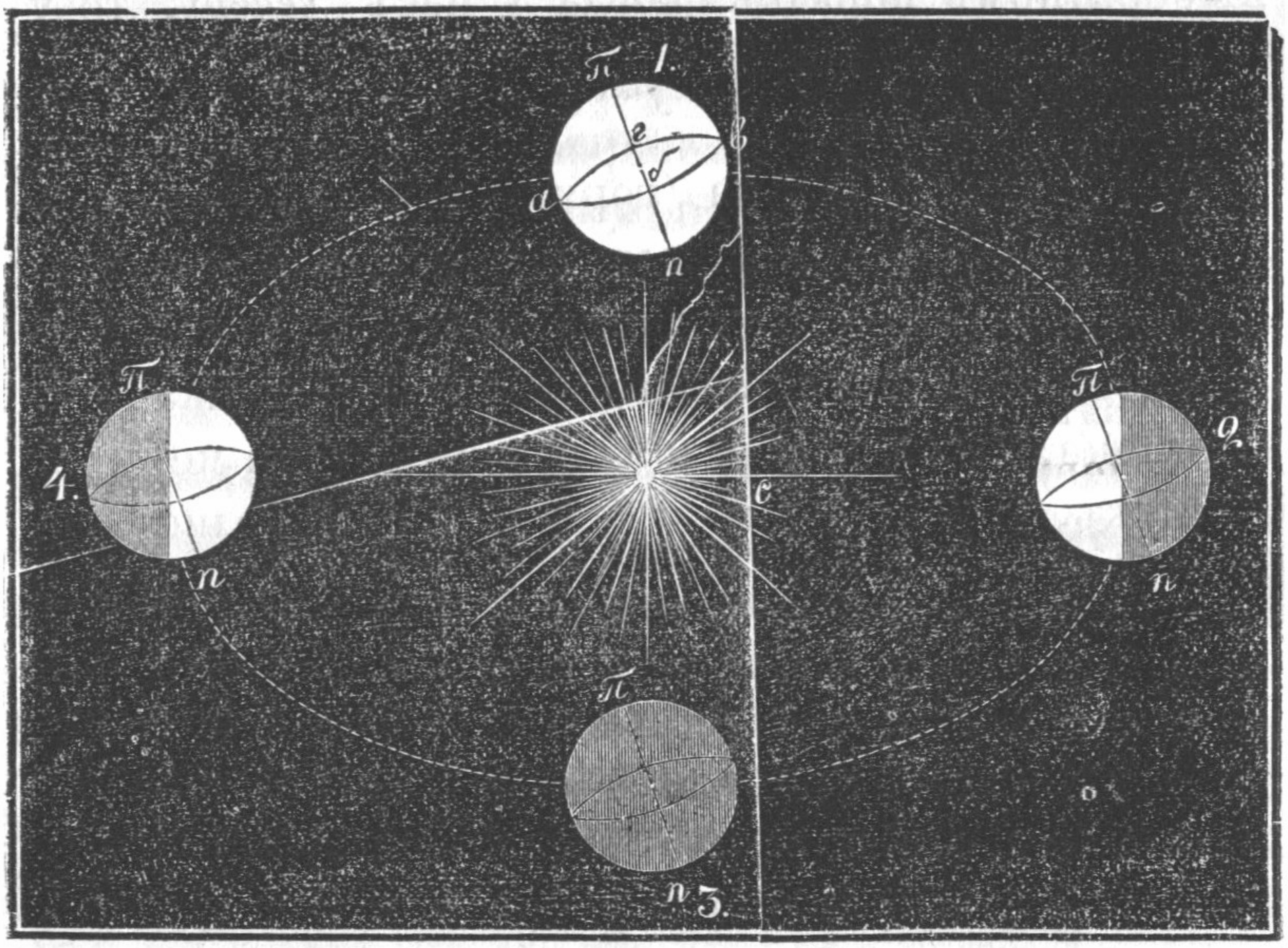
ГЛАВА II.

Итакъ, Земля имѣетъ въ одно и то же время два движенія: около своей оси и вокругъ солнца.

Путь, совершаемый Землею, при послѣднемъ движеніи, называется *орбитою*.

Этотъ путь (орбита) имѣетъ видъ продолговатаго круга, въ срединѣ котораго находится солнце. При движеніи по орбитѣ, Земля держится осью своею наклонно къ плоскости орбиты своей и отъ этого происходитъ различіе во временахъ года. Поясним это чертежемъ, на которомъ продолговатый кругъ

Чертежъ 1.

пусть представляетъ земной путь около солнца, т. е. орбиту; *с*—солнце, шары 1, 2, 3, 4, — Землю, въ различныхъ положеніяхъ ея къ солнцу; *Пп*—воображаемую ось Земли, около которой она вертится, и которая, какъ видно на чертежѣ, стоитъ не прямо, а наклонно къ орбитѣ; точки *П* и

п, какъ уже извѣстно, называются *полюсами* Земли; верхній (на чертежѣ) — сѣвернымъ, а нижній — южнымъ. Кругъ *абвг*, прямо поперечный оси и проходящій черезъ ея середину, называется *экваторомъ*. Но на самомъ дѣлѣ, экватора, такъ же какъ и оси, не существуетъ: его *воображаютъ* себѣ проходящимъ поперегъ земли. — Экваторъ дѣлитъ Земной шаръ на два полушарія: то, въ которомъ находится сѣверный полюсъ, называется *Сѣвернымъ полушаріемъ*, а другое, въ которомъ южный полюсъ — *Южнымъ полушаріемъ*. При обращеніи вокругъ солнца, Земля сохраняетъ наклоненіе свое къ орбитѣ, двигаясь по ней центромъ своимъ и, въ то ж евремя, обращаясь около своей оси.

Въ какомъ бы положеніи Земля къ солнцу ни находилась, оно освѣщаетъ разомъ только одну ея половину, именно ту, которая бываетъ прямо обращена къ нему. На чертежѣ, № 1, видно, что когда Земля находится въ положеніи, представляемомъ фигурою 1, то освѣщена бываетъ ровно половина сѣвернаго полушарія и ровно половина южнаго полушарія. При этомъ Земля обращается около своей оси (*Пп*) и дѣлаетъ одинъ оборотъ въ 24 часа; слѣдовательно, каждое мѣсто на ней будетъ находится 12 часовъ въ свѣту и 12 часовъ въ тѣни, то-есть, вездѣ день равенъ будетъ ночи. Въ такомъ положеніи Земля бываетъ 9-го марта, въ первый день весны, и потому равенство дней въ это время года называется *весеннимъ* равноденствіемъ. Обращая вниманіе на

2-ое положеніе Земли къ солнцу, увидимъ, что солнце освѣщаетъ большую часть сѣвернаго полушарія и меньшую часть южнаго полушарія; и такъ какъ Земля обращается, въ то же время, около своей оси, то, стало быть, каждое мѣсто сѣвернаго полушарія будетъ находиться дольше въ свѣту, чѣмъ въ тѣни, а всякое мѣсто южнаго полушарія будетъ дольше въ тѣни, чѣмъ въ свѣту (что видно на чертежѣ); а слѣдовательно, въ сѣверномъ полушаріи день будетъ длиннѣе ночи, а въ южномъ полушаріи, наоборотъ, ночь будетъ длиннѣе дня. Въ сѣверномъ полушаріи дни начинаютъ увеличиваться, а въ южномъ полушаріи — уменьшаться; увеличеніе и уменьшеніе это продолжается до тѣхъ поръ, пока Земля не придетъ въ положеніе, представляемое фигурою 2, что бываетъ 10-го іюня. Когда Земля приходитъ въ такое положеніе, то въ теченіи двухъ или трехъ сутокъ величина дня и ночи не измѣняется; Земля, какъ-будто, остается въ одинаковомъ положеніи къ солнцу, то-есть, она, будто, перестаетъ двигаться по орбитѣ, а обращается только около своей оси; намъ же, вслѣдствіе того, что величина дня и ночи не измѣняется, кажется, что солнце остается въ одномъ и томъ же положеніи къ Землѣ; и потому, когда Земля бываетъ въ положеніи 2 къ солнцу, то говорятъ, что она находится въ точкѣ *лѣтняго солнцестоянія; лѣтняго* потому, что съ этого времени (съ 10-го іюня) начинается лѣто. 10-го іюня, въ каждомъ мѣстѣ сѣ-

вернаго полушарія день бываетъ самый длинный въ году, а въ каждомъ мѣстѣ южнаго полушарія самый короткій въ году.

Когда Земля бываетъ въ положеніи 2 къ солнцу, то сѣверный полюсъ (*П*) и мѣста около него, до полярнаго круга (1), при обращеніи Земли вокругъ своей оси, остаются постоянно въ свѣту, южный же полюсъ (*п*) и мѣста около него до полярнаго круга остаются постоянно въ тѣни; то есть, въ это время, въ мѣстахъ около сѣвернаго полюса нѣтъ ночи, а все день; а въ мѣстахъ около южнаго полюса нѣтъ дня, а все ночь.

Изъ положенія 2 къ солнцу, земля переходитъ въ положеніе 3; причемъ, въ сѣверномъ полушаріи начинаютъ уменьшаться дни, а въ южномъ ночи, такъ что, когда Земля приходитъ въ положеніе 3 къ солнцу, то день во всѣхъ мѣстахъ Земнаго шара бываетъ равенъ ночи. Это случается 11-го сентября, въ первый день осени, а потому равенство дней въ это время года называется *осеннимъ равноденствіемъ*.

Отъ послѣдующаго, затѣмъ, движенія Земли по орбитѣ, сѣверный ея полюсъ отклоняется отъ солнца, южный же полюсъ, напротивъ, наклоняется къ нему, и когда Земля приходитъ въ положеніе 4 къ солнцу, то отклоненіе отъ солнца сѣвернаго полюса, и наклоненіе къ нему южнаго бываютъ наибольшія; отъ этого, солнце освѣща-

---

(1) Полярные круги отстоятъ отъ полюсовъ на $23^1/_2$ град.

етъ меньшую часть сѣвернаго полушарія и большую часть южнаго (какъ видно на чертежѣ); а такъ какъ Земля обращается постоянно около своей оси, то, при переходѣ Земли изъ 3-го въ положеніе 4-ое, дни въ сѣверномъ полушаріи становятся короче, а въ южномъ полушаріи длиннѣе; и когда Земля придетъ въ положеніе 4-ое къ солнцу, что бываетъ 10-го декабря, то въ сѣверномъ полушаріи бываетъ самый короткій день въ году, въ южномъ же полушаріи — самый длинный въ году.

Въ положеніи 4 Земли къ солнцу, такъ же какъ и въ положеніи 2, въ теченіи двухъ или трехъ сутокъ, величина дня и ночи не измѣняется: солнце, какъ будто, остается въ одномъ и томъ же положенія къ Землѣ, и потому говорятъ, что Земля находится, въ это время, въ точкѣ *зимняго солнцестоянія; зимняго* потому, что съ 4 положеніи Земли къ солнцу (съ 10-го декабря) считается начало зимы. При этомъ положеніи Земли, сѣверный полюсъ и мѣста около него (какъ видно на чертежѣ) не освѣщаются солнцемъ, южный же полюсъ и мѣста около него, напротивъ, постоянно освѣщены солнцемъ, и потому, около сѣвернаго полюса до полярнаго круга не бываетъ, въ это время, дня, а все ночь, а около южнаго полюса до полярнаго круга не бываетъ ночи, а все день.

При дальнѣйшемъ движеніи Земли, въ сѣверномъ полушаріи начинаютъ увеличиваться дни, а

въ южномъ—ночи, и когда Земля приходитъ въ положеніе 1 къ солнцу, то есть, въ точку *весенняго равноденствія*, то во всѣхъ ея мѣстахъ (какъ уже извѣстно) день бываетъ равенъ ночи.

Такія измѣненія въ длинѣ дней и ночей бываютъ на всемъ Земномъ шарѣ, за исключеніемъ полюсовъ. На чертежѣ видно, что сѣверный полюсъ находится въ свѣту съ 1-го положенія Земли къ солнцу до 3-го, южный же полюсъ находится все это время въ тѣни; и потому, съ 9-го марта по 11-ое сентября, на сѣверномъ полюсѣ бываетъ только день, а на южномъ полюсѣ только ночь. Съ 11-го же сентября по 9-ое марта (т. е. отъ 3-го положенія Земли къ солнцу до 1-го положенія), сѣверный полюсъ (какъ видно на чертежѣ) бываетъ въ тѣни, а южный — въ свѣту, то есть, на сѣверномъ полюсѣ бываетъ все это время ночь, а на южномъ — день; слѣдовательно, на полюсахъ и день и ночь продолжаются по полугоду.

Такимъ образомъ Земля совершаетъ свое движеніе вокругъ солнца, обращаясь, въ то же время, около своей оси. Время, въ которое Земля переходитъ изъ 1-го положенія къ солнцу во 2-ое положеніе (съ 9-го марта по 10-ое іюня), называютъ *весною*; время отъ 10-го іюня по 11-е сентября — *лѣтомъ;* время отъ 11-го сентября по 10-ое декабря *осенью*, и, наконецъ, время отъ 10-го декабря по 9-е марта *зимою*.

Какъ уже извѣстно, эти времена года разли-

чаются между собою долготою дней и ночей. Такъ, съ 9-го марта, т. е. въ началѣ весны, у насъ, живущихъ въ сѣверномъ полушаріи, день равенъ ночи; потомъ, въ теченіи всей весны, дни постепенно увеличиваются, а ночи уменьшаются, и въ началѣ лѣта, 10-го іюня, день бываетъ самый длинный въ году, а ночь самая короткая въ году. Въ теченіи лѣта, дни уменьшаются, а ночи увеличиваются, и въ первый день осени, 11-го сентября, день и ночь опять бываютъ равны. Въ продолженіи осени дни дѣлаются короче, а ночи длиннѣе, такъ что 10-го декабря, въ первый день зимы, день бываетъ у насъ самый короткій въ году, а ночь—самая длинная въ году. Наконецъ, въ теченіе зимы, дни постепенно увеличиваются, а ночи уменьшаются, а 9-го марта они бываютъ равными.

Въ южномъ полушаріи также четыре времени года, но они идутъ тамъ въ обратномъ порядкѣ; такъ, напримѣръ, когда у насъ бываетъ лѣто, тамъ въ это время зима, и т. д.

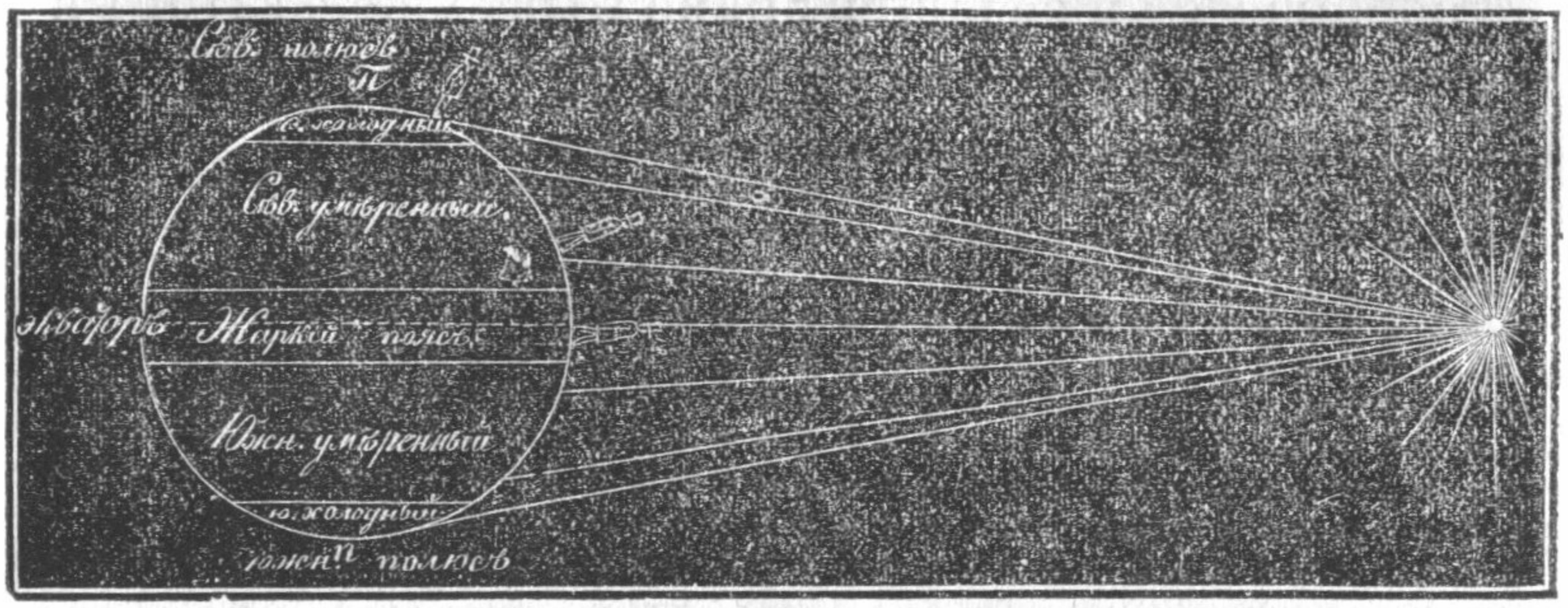
Кромѣ продолжительности дней и ночей, времена года отличаются одно отъ другаго большею, или меньшею теплотою, или холодомъ. Такое различіе ихъ происходитъ отъ неодинаковаго положенія частей Земли къ солнцу. Чѣмъ прямѣе (отвѣснѣе) падаютъ солнечные лучи на Землю, тѣмъ она болѣе нагрѣвается ими; а чѣмъ лучи солнца падаютъ *на Землю косвеннѣе,* тѣмъ она согрѣвается менѣе. При движеніи своемъ вокругъ солнца,

Земля находится въ такомъ къ нему положеніи, что солнечные лучи падаютъ прямо только на экваторъ и мѣста, по обѣ его стороны лежащія, до тропиковъ (1). Такъ какъ Земля обращается, въ то же время, около своей оси, то эти мѣста составляютъ на Земномъ шарѣ цѣлую полосу, шириною въ 47 гр. или почти въ пять тысячъ верстъ. Полосу эту между тропиками называютъ *жаркимъ поясомъ*. Здѣсь солнце всегда бываетъ прямо надъ головами людей и потому сильно грѣетъ. По обѣ стороны жаркаго пояса, на Землю падаютъ косвенные лучи солнца, поэтому и жаръ здѣсь бываетъ меньше. Эти мѣста, имѣющія меньшую теплоту, чѣмъ въ жаркомъ поясѣ, лежатъ по обѣ его стороны между тропиками и полярными кругами и составляютъ двѣ полосы, называемыя *умѣренными поясами*. Каждый изъ этихъ поясовъ имѣетъ въ ширину до 43 град. или четырехъ съ половиною тысячь верстъ; изъ нихъ, поясъ, находящійся въ сѣверномъ полушаріи, называется *сѣвернымъ умѣреннымъ*, а находящійся въ южномъ полушаріи *южнымъ умѣреннымъ поясомъ*. Наконецъ, въ мѣстахъ, между умѣренными поясами и полюсами, солнечные лучи падаютъ, еще болѣе косвенно, отъ этого, тамъ вѣчный холодъ, такъ что и самыя полосы, этими мѣстами составляемыя, называются *холодными поясами*.

---

(1) Тропики отстоятъ отъ экватора на 23½ град.

Чертежъ 2.

Если бы Земля, при обращеніи вокругъ солнца, оставалась въ одинаковомъ къ нему положеніи, то она и согрѣвалась бы имъ постоянно одинаково, тогда не было бы различныхъ временъ года. Но намъ извѣстно, что при движеніи Земли около солнца, полюсы, поочередно, то наклоняются къ солнцу (бываютъ въ свѣту), то отклоняются отъ него (бываютъ въ тѣни. См. чертежъ № 1). Вмѣстѣ же съ полюсомъ наклоняется къ солнцу, или отклоняется отъ него и то полушаріе, въ которомъ полюсъ находится, а чрезъ это то полушаріе, которое наклонено къ солнцу согрѣвается имъ болѣе, чѣмъ то, которое отъ солнца отклонено. Съ 9-го марта по 11-ое сентября сѣверное полушаріе, въ которомъ мы живемъ, бываетъ наклонено къ солнцу (какъ видно на чертежѣ № 1), а потому, въ это время, оно значительно согрѣвается имъ, и у насъ бываютъ тогда *весна* и *лѣто;* съ 11-го же сентября по 9го марта сѣверное полушаріе отклонено отъ

солнца, и потому оно мало согрѣвается имъ; въ это время у насъ бываютъ *осень* и *зима*.

На обращеніи Земли около солнца основано счисленіе времени. Время одного оборота считается равнымъ 365 суткамъ и называется *годомъ*. Но земля совершаетъ одинъ оборотъ вокругъ солнца не въ 365 сутокъ ровно, а въ 365 сутокъ и 6 часовъ, а такъ какъ изъ этихъ 6-ти часовъ составляются въ четыре года цѣлыя сутки, то три года сряду считаютъ по 365 сутокъ, а четвертый въ 366 сутокъ, прибавляя одни сутки къ февралю мѣсяцу, имѣющему въ простой годъ только 28 сутокъ. Годъ въ 365 сутокъ называется *простымъ*, а въ 366 сутокъ *высокоснымъ*. Простой годъ легко отличить отъ высокоснаго тѣмъ, что число, выражающее высокосный годъ дѣлится на 4 безъ остатка. Поэтому высокосные года будутъ: 1860, 1864 и такъ далѣе.

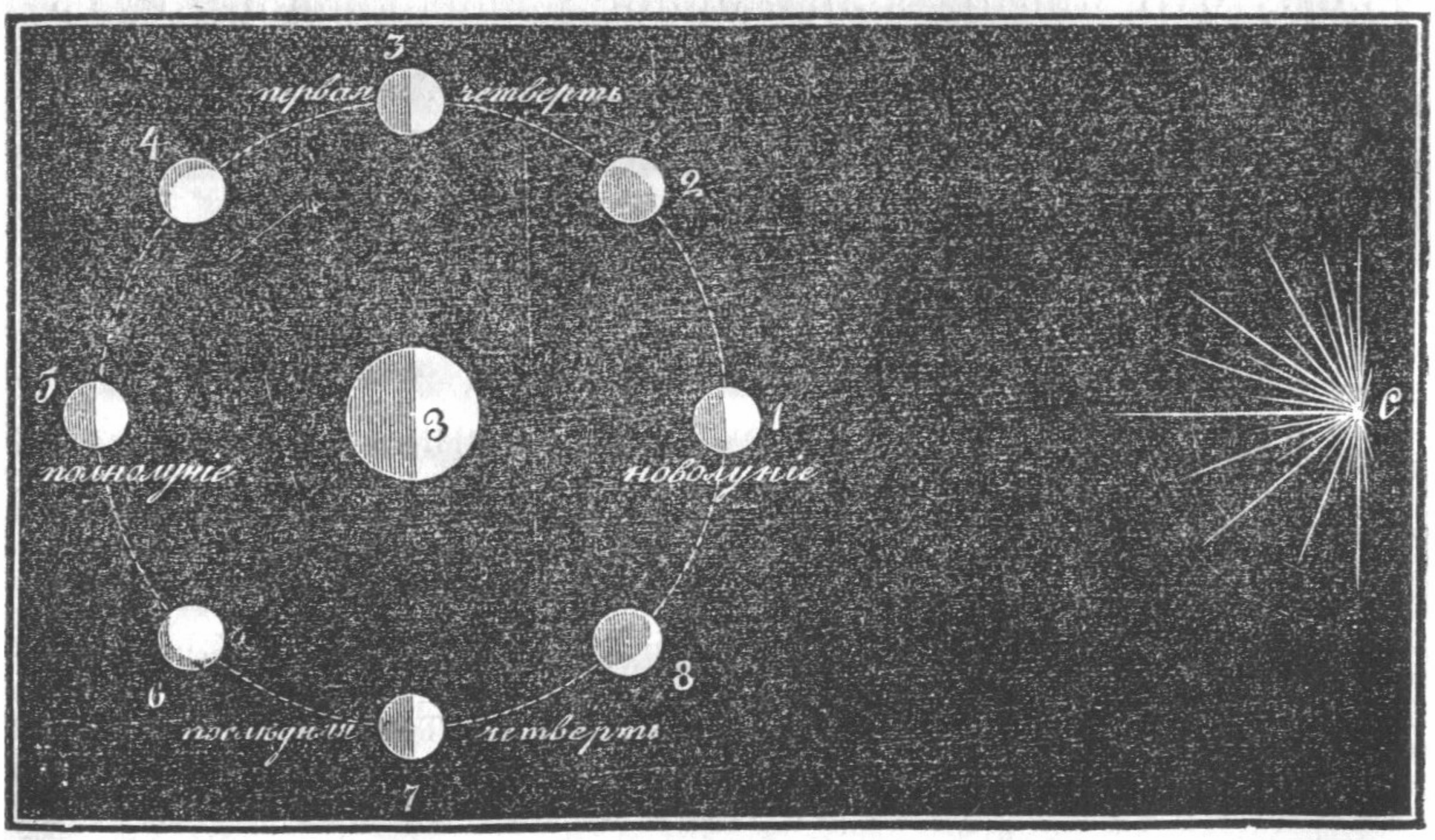
О ЛУНѢ.

Вмѣстѣ съ Землею движется около солнца Луна или мѣсяцъ. Поперечникъ луны составляетъ одну четверть поперечника Земли и находится отъ нея въ 360 тысячахъ верстахъ. Хотя луна представляется намъ и свѣтящеюся, но собственнаго свѣта она не имѣетъ. Луна такой же темный шаръ, какъ и Земля, которая, въ свою очередь, кажется свѣтлою. Луна и Земля представляются свѣтящимися одна другой вслѣдствіе освѣщенія своего солнцемъ.

Разсматривая Луну въ сильныя зрительныя трубы, ученые узнали, что темныя пятна, которыя мы на ней видимъ, суть горы и пропасти. Посредствомъ различныхъ наблюденій ученые удостовѣрились также, что на Лунѣ нѣтъ ни воздуха, ни воды.

Двигаясь около солнца, Луна обращается, въ то же время, вокругъ Земли и около своей оси. Во время этого движенія, одна половина Луны освѣщается солнцемъ, а другая бываетъ въ тѣни, но при этомъ Луна принимаетъ разнообразныя положенія къ Землѣ и къ солнцу, и оттого она представляется намъ въ различныхъ видахъ (фазисахъ). Разсмотримъ эти положенія Луны къ Землѣ и къ солнцу, для чего сдѣлаемъ такой чертежъ: на которомъ *с* пусть будетъ солнце, *з* — Земля, шары *1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8,* Луна, въ различныхъ ея положеніяхъ къ Землѣ и къ солнцу.

Чертежъ 3.

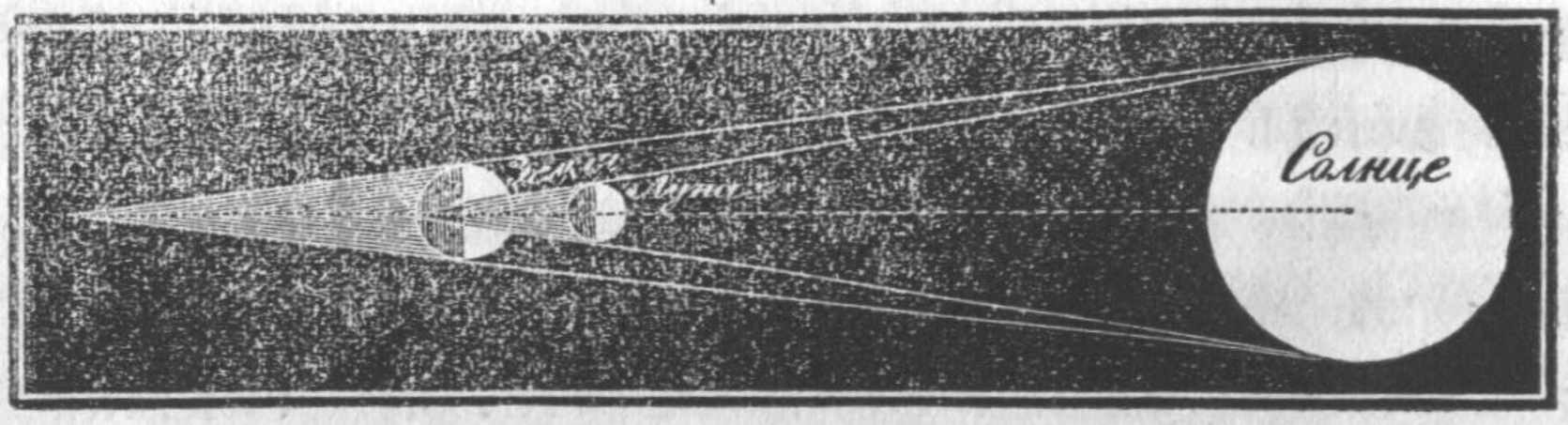

Когда Луна находится въ положеніи представляемомъ фигурою 1, то-есть между солнцемъ и Землею, то освѣщенная половина ея бываетъ обращена въ противную сторону отъ Земли, и потому, въ это время, намъ Луны совершенно не видно; такое положеніе ея называется *новолуніемъ*. Когда же Луна приходитъ въ положеніе 5, то-есть когда Земля находится между ею и солнцемъ, то вся освѣщенная часть луны бываетъ обращена къ Землѣ, и Луна представляется намъ полнымъ кругомъ; это случается въ такъ называемое *полнолуніе*. Но, прежде еще, при выходѣ Луны изъ положенія 1 (новолунія), свѣтлая ея половина дѣлается видимою постепенно: сперва является часть ея, въ видѣ серпа; тогда говорятъ, что луна *на прибыли;* потомъ свѣтлая сторона ея открывается болѣе и болѣе, такъ что когда Луна пройдетъ четверть своего пути вокругъ Земли, то свѣтлая ея часть представляется полукругомъ; это положеніе Луны называютъ *первою четвертью*. При дальнѣйшемъ движеніи Луны, свѣтлая сторона ея открывается еще болѣе, такъ что въ положеніи 5 она представляетъ полнолуніе, которое происходитъ спустя двѣ недѣли послѣ новолунія. По выходѣ изъ полнолунія, Луна идетъ *на убыль* или *на ущербъ*, то есть свѣтлая ея часть начинаетъ постепенно скрываться, и въ положеніи 7 Луна представляетъ *послѣднюю четверть*, которая случается спустя недѣлю послѣ полнолунія. При послѣдующемъ затѣмъ движеніи, луна продолжаетъ

убывать, пока не вступитъ въ новолуніе, случающееся черезъ двѣ недѣли послѣ полнолунія. Луна совершаетъ обращеніе около Земли и приходитъ въ тоже положеніе съ неподвижными звѣздами въ $27^1/_3$ дней, но между однимъ и другимъ новолуніемъ проходитъ времени $29^1/_2$ дней. Первое обращеніе въ $27^1/_3$ дней называется *звѣзднымъ*, а второе въ $29^1/_2$ *Синодическимъ*, или луннымъ мѣсяцемъ.

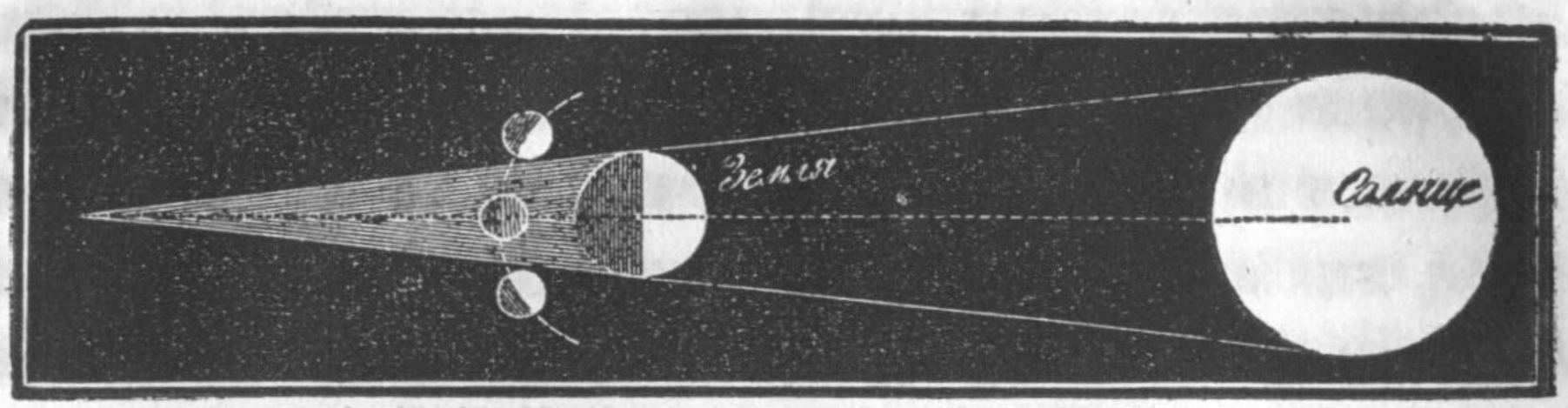
Случается иногда, что, находясь въ новолуніи, луна становится прямо между солнцемъ и Землею, и притомъ такъ, что центры обоихъ свѣтилъ и Земли находятся на одной линіи или близко къ ней.

Чертежъ 4.

Въ этомъ случаѣ, лунная тѣнь, падая на часть Земли, мѣшаетъ, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, жителямъ этой части видѣть солнце, и имъ кажется, что на немъ явилось темное пятно. Такое явленіе извѣстно подъ названіемъ *солнечнаго затмѣнія*. Бываютъ также и *лунныя затмѣнія*, происходящія оттого, что, во время полнолунія, Земля становится прямо между солнцемъ и Луною, и тѣнью своею закрываетъ всю Луну, или только часть ея. При лунномъ затмѣніи, центры солнца, Земля и Луны находятся почти на одной прямой линіи.

Чертежъ 5.

Въ древнія времена, когда еще не извѣстны были причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, явленія эти приписываемы были дѣйствію нечистой силы. Да и въ настоящее время есть люди, считающіе эти затмѣнія дурными предзнаменованіями. Между тѣмъ, подобныя опасенія совершенно неосновательны, ибо мы знаемъ настоящую причину солнечныхъ и лунныхъ затмѣній; притомъ, законы движенія Земли и небесныхъ свѣтилъ такъ хорошо извѣстны ученымъ, что всегда можно опредѣлить годъ, день и часъ всѣхъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, какіе когда либо *были* и *будутъ*.

М. Лучницкій.

V.

ЧТО ТАКОЕ КНИГА.

Грамота человѣку крѣпко нужна, такъ нужна, что объ этомъ и говорить много не стоитъ. Въ жизни безъ грамоты тоже, что въ темной избѣ безъ свѣту.

Въ далекія времена начали люди писать прежде всего на камняхъ, потомъ писали на восченныхъ дощечкахъ, потомъ придумали писать на полотнѣ и долго все шло такимъ образомъ; прошли цѣлыя тысячи лѣтъ, пока человѣкъ умудрился и выдумалъ нынѣшнюю бумагу. Прежде всего Египтяне придумали писать на растеніи, которое въ другихъ странахъ кромѣ этого Египта не водится; оно называется *папирусомъ*. На этомъ растеніи писались уже цѣлыя исторіи, цѣлыя сказанія; изъ листьевъ этого растенія составлялись даже цѣлыя книги. Съ той поры мудрость и ученость распространялись по землѣ и полюбились людямъ. Книги эти наполняли цѣлыя комнаты, наполняли большіе шкапы сверху до низу. У одного изъ царей египетскихъ было даже такое бо-

гатое книгохранилище, которое извѣстно было цѣлому свѣту, и всѣ дивились ему, всѣ завидовали. Позавидовалъ ему больше всѣхъ одинъ царь изъ страны Пергамской и началъ скупать египетское растеніе для того, чтобы тоже писать на немъ книги и составить у себя въ своемъ царствѣ такое хранилище, которое было бы даже лучше египетскаго. Царь египетскій, провѣдавъ объ этомъ, запретилъ вывозить изъ своей земли растеніе. Онъ чрезъ это надѣялся остановить предпріятіе соперника, Пергамскаго царя. Тотъ было призадумался, да не на долго: захотѣлось ему настоять на своемъ: и придумалъ онъ писать на звѣриной кожѣ. Сталъ онъ кожу эту выдѣлывать и дошелъ до того, что началъ выработывать такіе отмѣнно хорошіе листы, что на нихъ можно уже было писать еще лучше и сподручнѣе, чѣмъ на папирусѣ: листамъ этимъ износу не было. И стали эту выдуманную пергамскимъ царемъ кожанную бумагу называть пергаментомъ, и съ той поры на этомъ пергаментѣ начали писать книги и писали долго, до тѣхъ самыхъ поръ, пока не была выдумана нынѣшняя бумага. На пергаментѣ же писали и наши русскіе монахи обо всемъ томъ, что дѣялось на Святой Руси, что сами они видѣли и объ чемъ доводилось имъ слышать отъ другихъ толковыхъ и знающихъ людей. Въ ихъ писаніяхъ одинъ листъ приклеивался къ другому, другой къ третьему, такъ что все письмо бывало длиною иногда въ нѣсколько десятковъ саженъ.

Длинный, но при небольшой ширинѣ листа весь исписанный, пергаментъ навивался трубкой на скалку и сталъ занимать не много мѣста, сталъ называться попросту «свиткомъ». Такіе же свитки писались и послѣ, когда уже выдумана была обыкновенная бумага. Изъ этакого писаннаго свитка и шло для человѣка добро, но все таки выходило его не столько, сколько бываетъ отъ печатной книги. Для того, чтобы исписать всю книгу, прежде надобно было просидѣть круглый годъ, а часто и больше того, потратить много времени, особенно если станешь писать не круглыми какъ теперь буквами, а вотъ хоть бы напримѣръ церковными буквами. Надъ одной книжкой при этой работѣ бились годъ и два и три и больше, а все таки книга пригодна была для одного, для двухъ, много для пятерыхъ. Двадцатому, даже десятому, тутъ хитро было изъ этой книги поучиться; а начнетъ онъ ее переписывать, — опять потратитъ тоже три, или больше года. И то еще хорошо, если удастся ему переписать ее безъ ошибокъ; ошибка дѣло не вольное, но во всякомъ дѣлѣ незваная, непрошеная, а частая гостья; отъ того-то въ старинныхъ бумагахъ и попадается пропасть разныхъ описокъ, недописокъ, прибавокъ: либо это отъ неразборчивости почерка, либо отъ плохаго умѣнья переписчика разбирать рукопись, либо отъ спѣшности работы, либо отъ излишняго умничанья, которое въ этомъ дѣлѣ хуже всего. Отъ этихъ ошибокъ у насъ на

Руси и расколъ сталъ. Ошибокъ этихъ было много, а книгъ мало, времени тратилось много, а дѣла видѣлось мало. Не дальше какъ лѣтъ за пятьсотъ до нашихъ дней было изобрѣтено книгопечатаніе, то есть умѣнье печатать книги, вмѣсто того чтобы ихъ списывать. Дѣло это придумано тремя нѣмцами: Гуттенбергомъ, Фаустомъ и Шеффероmъ, имена которыхъ каждый долженъ поминать съ благодарностію. Они, въ самое короткое время, могли изъ одного писаннаго письма сдѣлать тысячи печатныхъ писемъ. Эти три нѣмца Гуттенбергъ, Фаустъ и Шефферъ начали дѣло свое тѣмъ, что напечатали прежде всего Священное Писаніе, книгу, которая прежде водилась только у богачей да у знатныхъ людей.

Теперь умѣй только написать книгу и потрать на это хоть не больше мѣсяца, въ другой мѣсяцъ, да даже и меньше, чѣмъ въ мѣсяцъ—писаніе быстро можетъ разойтись и здѣлаться извѣстнымъ многимъ тысячамъ читающаго люда.

А какъ это все дѣлается?

Объ этомъ-то и хочу я повести теперь рѣчь — съ самаго начала.

Въ большихъ городахъ гдѣ, народъ любитъ заводить фабрики и гдѣ разнаго ученаго народу живетъ больше, чѣмъ въ деревнѣ, въ домахъ, по заднимъ дворамъ, куда разный соръ вывалиютъ, — изо дня въ день съ грязными большими мѣшками ходятъ и роются тамъ мужички въ сорныхъ и помойныхъ ямахъ и выбираютъ оттуда

желѣзнымъ крюкомъ всякую рваную мелочь. Все что кинуто, брошено, какъ негодящее: тряпку холстинную, ситцу кусочекъ, лоскутокъ крашенинки — все этотъ такъ называемый тряпичникъ достаетъ крючкомъ изъ сорныхъ ямъ и прячетъ себѣ въ мѣшокъ. Накопивъ разнаго тряпья порядочный запасъ тряпичникъ несетъ его на бумажную фабрику, отдаетъ на вѣсъ хозяину и получаетъ за это чистыя денежки.

Съ тряпками этими вотъ что дѣлаютъ: сначала ихъ, изъ большой груды, отбираютъ по сортамъ: тоненькія идутъ въ одну сторону, толстыя въ другую, съ рубашечными кладутъ за одно ситцевыя, а крашенинныя съ сермяжными, грубыя съ грубыми, тонкія съ тонкими. Если гдѣ придется шовъ или рубцы, ихъ отстрыгаютъ. Отобранныя такимъ образомъ тряпки кладутся на колесо, которое помощію машины вертится быстро и на ходу выбиваютъ изъ тряпья всю пыль и грязь. Но не совершенно его очищаетъ. Съ колеса тряпье кладется въ чанъ съ холодною водою; въ чану машина водитъ песты и ими изъ тряпья вымываетъ послѣдніе остатки всякой нечистоты. Непосчастливится за одинъ разъ очистить все тряпье, его еще разъ пускаютъ въ чанъ. Послѣ этого чистое тряпье поступаетъ въ третью машину. Она изотретъ все тряпье въ тѣсто, тѣсто это процѣживаютъ сквозь большія сита и опять перетираютъ машиной, чтобы тѣсто было гуще и меньше бы содержало въ себѣ воды и разной

ненужной жидкости. Тѣсто дѣлается послѣ того грязноватымъ, для настоящаго же дѣла нужно, чтобы оно было бѣлое. А для того держатъ на готовѣ такое вещество, которое къ чему бы оно не прикоснулось все дѣлаетъ бѣлымъ, какъ бы ни былъ густъ прежній цвѣтъ, черный ли, красный ли, или зеленый. Вещество это зовется хлоромъ. Хлоръ этотъ бѣлитъ бумажное тѣсто точно такъ, какъ весеннее солнышко бѣлитъ на снѣгу полотно. Выбѣленное бумажное тѣсто сливаютъ въ особенную трубу, изъ который водяной паръ, пущенный чрезъ машину, гонитъ его въ безконечный листъ, такой тонкій, какимъ долженъ быть настоящій листъ бумаги. Вытянутую такимъ путемъ помощію машины бумагу, новая машина тѣмъ же водянымъ паромъ, навертываетъ на большіе валы, а другая машина съ придѣланными къ ней ножницами разрѣзываетъ ее на малые листы, какіе нужны и какіе указаны. Эти листы безъ изъяну не бываютъ: на однихъ попадаются узлы, нитки, либо что другое; эти нечистоты съ обѣихъ сторонъ листа очищаютъ ножикомъ, на другихъ листахъ проглядываютъ диры, попадаются бугорки; — эти листы — бракъ, прикидываются на свѣтъ и складываются въ особую кучу въ стопу, и пойдетъ эта стопа въ народъ въ продажу. Хорошо выдѣланную бумагу тоже складываютъ въ листы тетрадями по шести листовъ въ каждой; 4 тетради или 24 листа составляютъ десть, а 20

дестей или 480 листовъ составляютъ стопу, которыя и кладутъ подъ пресъ, нажимаютъ ихъ, чтобы они вышли ровнѣе и глаже; потомъ обрѣзываютъ края машинными стальными наточенными колесами, чтобы листъ къ листу приходился въ ровень безъ залишковъ; и за тѣмъ вяжутъ веревками, и сдаютъ въ лавки.

Бумага готова, половина дѣла сдѣлана, а книги еще нѣтъ и въ поминѣ. На книгу надо мастера найти, который бы написалъ эту книгу. Онъ, пожалуй, и найдется послѣ многихъ трудовъ да поисковъ; ихъ не много, не то что лежебоковъ такихъ, которые отъ всякаго дѣла бѣгаютъ и спятъ на себя. Бери мастера, да не спрашивай какъ онъ дошелъ до того, что написать книгу можетъ. Иной такое, пожалуй, подыметъ изъ своей памяти да поразскажетъ, что другому лѣнивому и во снѣ не приснится, а и приснится, такъ и креста не найдешь. У инаго книжнаго мастера — писателемъ его зовутъ, въ душѣ-то, можетъ, такая до того дума сидѣла о дѣлѣ, что другой и недругу своему не пожелаетъ такой. Ломало его горе да людскія прегрѣшенія такъ можетъ быть, какъ не ломаетъ самая злая болѣзнь, самаго несильнаго человѣка; можетъ быть привелось ему пронести на себѣ такой крестъ, столько искушеній, какъ не приводилось, можетъ быть, давно уже никому изъ простыхъ смертныхъ.

Но будетъ; — подымать это дѣло мы теперь не станемъ, а положимъ, что послѣ многихъ

безсонныхъ ночей, послѣ долгихъ умственныхъ соображеній и душевныхъ страданій писатель сдѣлалъ дѣло, написалъ книгу своей рукой, кончилъ свой трудъ, какъ удалось и какъ съумѣлось. Писанная книга его въ печать пошла; но не тотчасъ же, какъ только ее написали, идетъ она въ печать: съ ней много еще бываетъ ломки, но объ этой ломкѣ разсказывать вамъ я не стану. Стану сказывать вамъ лучше, что есть у насъ на Руси дальняя сторонка Сибирь. Въ Сибири есть разные рудники; въ рудникахъ работники руду копаютъ, гдѣ желѣзную, гдѣ мѣдную, а гдѣ и свинцовую. Изъ свинцовой руды добываютъ свинецъ, а изъ свинца льютъ и пули, которыми стрѣляютъ, и буквы, литеры, слова, которыми печатаютъ книги. Слова эти, литеры, нарочно отливаютъ и выходятъ онѣ маленькими свинцовыми палочками, у которыхъ съ одного конца выходить буква, какъ буквѣ быть слѣдуетъ, только не прямо, а наоборотъ. Буквы эти отливаютъ въ особомъ заведеніи, которое зается *словолитней*. Въ немъ стоитъ плавильная печь, а на печи лежитъ желѣзная ложка, раздѣленная на нѣсколько ячеекъ или перегородочекъ. На низу каждой ячейки втѣснена форма буквы. Въ ложку эту по ячеямъ и разливается расплавленный свинецъ, какъ только свинецъ застынетъ, ложку опрокидываютъ, буквы вываливаютъ и обтачиваютъ на жерновѣ, сперва мѣднымъ ножичкомъ, а потомъ мелкимъ стальнымъ опилкомъ. Хорошій, нелѣни-

вый глазъ нуженъ на то, чтобы всякая буква вышла изъ дѣла хороша и не путалась бы вмѣстѣ съ другими: для этого ихъ сортируютъ, подбираютъ буква къ буквѣ, складываютъ и связываютъ въ особые пакеты и отправляютъ въ печатню. Пойдемъ теперь изъ словолитни въ печатню, которая зовется больше типографіей; но пойдемъ мы туда не прямо въ комнаты, а прежде зайдемъ на грязный дворъ. На дворѣ этомъ, отъ смраду, у непривычнаго человѣка голова разболится; хорошо еще, что дѣло здѣсь небольшое: сразу можно увидѣть, все понять и отступиться.

На серединѣ двора стоитъ палатка, обклеенная внутри бумагой; въ палаткѣ виситъ котелъ, въ котлѣ кипитъ смола и обдаетъ густымъ чорнымъ дымомъ. Дымъ осаживаетъ на стѣнкѣ палатки сажу, сажу эту одинъ работникъ осторожно обколачиваетъ и собираетъ, другой промываетъ, а третій мраморными пестами на мраморной же гладкой плитѣ мѣшаетъ съ льняным масломъ. Масло накипаетъ на огнѣ до того, что тянется какъ калужское тѣсто, какъ густой клюквенный кисель. Смѣшанное съ сажей масло и есть тѣ чернила, которыми съ пера писать нельзя, но за то можно печатать книги — это и есть *типографскія чернила*.

Пойдемъ же смотрѣть и на это дѣло, благо есть гдѣ. Въ послѣдніе годы такая припала у насъ охота къ книгамъ, а можетъ и къ просвѣ-

щенію, что типографіи, гдѣ печатаются книги, ростутъ какъ грибы, мѣсяца почти не проходитъ безъ того, чтобы гдѣ-нибудь не завелась новая типографія, дня не проходитъ безъ того, чтобъ гдѣ нибудь не вышла новая книжка. Нагулялись же въ темнотѣ, да во мракѣ, насмотрѣлись же свѣта въ свое деревенское окошко, черезъ чиновночью спину. Станемъ-ка теперь протирать глаза, авось увидимъ получше того, что видѣть давали. Пора. Давай-ка и на свѣтъ Божій выглянемъ, не лыкомъ же мы шиты, не пасынки же и мы родной нашей матери. Благословясь да перекрестясь, пріймемся за указку, грѣха на совѣсти таить не станемъ, а, положа руку на сердце, признаемся, что знаемъ немного, хоть и многое на усъ мотаемъ, многое смѣкаемъ, некупленнымъ толкомъ.

Пойдемъ же теперь въ типографію, оттуда обѣщаютъ большое спасенье, оттуда, сказываютъ, не столько худа идетъ, сколько добра, а если и выходитъ оттуда худо, такъ худа-то этого приводится на столько же, на сколько въ бочкѣ меду значитъ ложка дегтю; пословица говоритъ: на то человѣку и голова въ плечи ввинчена, чтобы умѣлъ онъ распознавать добро отъ худа.

Въ каждой типографіи есть большая комната, по срединѣ сдѣланъ проходъ, а по бокамъ, направо и налѣво, стоитъ много народу, каждый за своимъ столикомъ, каждый столикъ раздѣленъ десятка на два и болѣе ящичковъ или клѣточекъ, въ каждой клѣточкѣ лежатъ буквы по сортамъ, въ одной *а*, въ

другой *б*, въ третьей *в*, и т. д. Однѣ буквы заглавныя, другія маленькія, строчныя, третьи *курсивныя* (вотъ такія, какъ въ этомъ послѣднемъ словѣ). Передъ работникомъ, который называется наборщикомъ, и который долженъ быть и крѣпко грамотенъ и знающъ въ дѣлѣ, стоитъ рамка, въ рамку вставленъ писанный листочекъ, по листочку двигается линейка, которая указываетъ на строки, чтобы наборщикъ не сбился. Наборщикъ глазъ не спускаетъ съ этой строчки, и не видитъ, какъ привычная правая рука, словно не его, летаетъ по ящичкамъ, выхватываетъ изъ нихъ какія нужны буквы, подбираетъ ихъ одну къ другой и передаетъ въ лѣвую руку, въ которой у него другая дощечка. Наберетъ онъ строку изъ оборотныхъ буквъ въ оборотномъ порядкѣ отъ правой руки къ лѣвой. Подъ строку набранную кладетъ наборщикъ тоненькую желѣзную пластинку или линеечку, шпонку, и за тѣмъ опять набираетъ новыя буквы; опять строитъ новую строчку и опять шпонкой отдѣляетъ эту строчку отъ третьей такою же желѣзною шпонкой. Тутъ не только буквы и строчки видятся на оборотъ, да и самыя строчки идутъ снизу вверхъ, такъ что наборщику приходится читать свой наборъ вверхъ ногами. Дѣло это хитрое и требуетъ большаго навыку. Не диво, что наборщики пріучаются читать самый крючковатой, самый неразборчивой почеркъ; не диво что и тутъ дѣло безъ изъяну не бываетъ. Въ наборѣ попадается пропасть ошибокъ, одна буква стоитъ на чужомъ

мѣстѣ, другая повернулась вверхъ ногами, третья совсѣмъ вонъ выскочила, одна строка снизу погнулась, другая кверху ушла. Однимъ словомъ нѣтъ на свѣтѣ типографскаго набора, который былъ бы безъ ошибокъ, нѣтъ первопечатнаго листа, который бы не надо было править, нѣтъ типографіи, которая не присылала бы двухъ, а то и трехъ карректуръ (корректурами зовутся первопечатные листы, въ которыхъ множество ошибокъ надо править, чтобы потомъ, въ печатной книгѣ, не ввести читателей въ гнѣвъ и соблазнъ). Корректуру читаютъ, конечно, тоже знающіе люди и на сторонахъ ея отмѣчаютъ всѣ ошибки, требующія исправленія. Исправленіе производитъ тотъ же наборщикъ, который согрѣшилъ въ наборѣ, либо по нечаянности, либо отъ невниманія, либо потому, что буквы въ ящичкахъ наборныхъ были разбросаны худо, положены не по своимъ мѣстамъ. Отмѣченную для исправленія букву вынимаетъ онъ шиломъ изъ набора и вмѣсто ея вставляетъ другую. Иную работу мучительнѣй этой корректурной вставки трудно представить, а между тѣмъ корректура для книги очень важна: отъ невыправленной или просмотрѣнной ошибки выходитъ часто совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ надо; совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать писатель.

Корректура выправлена, на послѣдней сводкѣ написано «исправивъ печатать»; листъ или форму завинчиваютъ въ двѣ желѣзныя или деревянныя рамки, и передаютъ печатникамъ. Для этихъ

устроена особая комната, тоже большая; въ ней стоитъ скоропечатная машина. На выдумку этой машины знающіе люди много ума прилагали, много для нея улучшеній придумывали, и дошли теперь до того, что на работу эту смотрѣть любо: глаза не оторвешь, диву съ непривычки дашься. У машины сдѣлано съ боку большое колесо: его двое вертятъ, и оттого эта машина идетъ своимъ ходомъ, вертится на ней одинъ толстый претолстый валъ. На этотъ валъ третій работникъ накладываетъ смоченный листъ бумаги и прихватываетъ его клапанами, чтобъ онъ не свалился, когда валъ спустится на низъ, гдѣ ужъ лежитъ чернилами смазанный наборъ. Валъ опустится, нажметъ листъ на наборъ и въ мгновеніе на немъ оттиснется печатное. Листъ сваливается въ руки четвертому работнику уже готовымъ, напечатаннымъ. Успѣвай только тотъ оборачивать его ровнѣе, въ кучу укладывать, да смотрѣть, не зѣвать, другой листъ готовый снова валится къ нему въ руки. И опять застучитъ машина, и опять доска съ наборомъ, оттиснувши листъ, отойдетъ впередъ, гдѣ уже ждетъ ее другой валъ по тоньше и поменьше; валъ этотъ весь уже перепачканъ чернилами, все при пособіи той же механики, краситъ чернилами наборныя буквы когда подходитъ подъ него доска съ наборомъ. Прежде, вмѣсто этой машины употребрялись особые станки, (употребляются они, пожалуй, и теперь, но уже какъ подспорье для скоропечатной машины, а не

какъ что нибудь главное). На этихъ ручныхъ станкахъ дѣло дѣлается проще, но медленнѣе: одинъ накладываетъ намоченные листы на готовый наборъ и прижимаетъ ихъ прессомъ, другой всякій разъ, какъ листъ оттиснется, упругимъ валикомъ наводитъ на наборъ чернила. Сырые отпечатанные листы бумаги напередъ всего слѣдуетъ высушить, а потомъ уже ихъ передаютъ изъ типографіи переплетчику; переплетчикъ подбираетъ ихъ одинъ къ другому по порядку страницъ, сшиваетъ всѣ вмѣстѣ и обкладываетъ бумажной оберткой: книга готова и отпускается въ продажу на общій судъ, на похвалу или на порицаніе.

Старые наши книжники имѣли обыкновеніе въ концѣ своихъ книгъ приписывать слѣдующія слова: «и нынѣ господа отцы и братья, еже ся гдѣ описалъ, или переписалъ, или недописалъ — чтите, исправляя Бога для, а не кляните, занеже книги вѣтхи суть, а умъ молодъ, не дошелъ. Слышите Павла Апостола, глаголюща: не кляните, но благословите!»

Кончу и я этими словами разсказъ свой.

С. Максимовъ.

VI.

СКАЗКА

О ДѢДУШКѢ ЯНВАРѢ И БѢДНОЙ СИРОТИНУШКѢ.

(Посвящено графу Ѳ. П. Толстому.)

Жилъ да былъ купецъ богатый,
Былъ онъ два раза женатый.
Съ женкой первою своей,
Прожилъ мало слышно дней.
Всё молодушка хворала,
День за днемъ изнемогала,
Родила Дуняшу дочь
И скончалась въ ту же ночь.
Долгъ покойницѣ отдавши,
Мало ль, долго ль поскучавши,
Вдовый Дунюшкинъ отецъ
Сталъ второй разъ подъ вѣнецъ.
Взялъ бабенку молодую,
Однодворку разбитную,
Годъ она съ нимъ пожила,
Да какъ тутъ и родила.
Радость имъ была большая,
Родилася дочь вторая.
Только бъ жить, да поживать,
А купецъ сталъ горевать.

Вышла баба-то презлая,
Дунѣ мачиха лихая
И пошелъ у нихъ весь домъ,
По пословицѣ, вверхъ дномъ.
Дуню мачиха терзала
Пашу страшно баловала.
Стали дочки подростать,
Стала мужа упрекать, —
Что на грѣхъ на ней женился,
Самъ бы съ дѣвкою возился
И зачѣмъ она красой,
Лучше дочки ихъ второй.
Унималъ старикъ сначала,
Но не въ силушку знать стало,
Весь изсохъ, изныл купецъ,
Да и умеръ наконецъ.
Вдовка злющая, презлая,
Съ ней и дочка-то родная,
Стали жить да поживать
Сироту со свѣту гнать.
Ея дочка-то родная,
Ея Паша дорогая,
Словно смертный грѣхъ была.
Дуня жъ бѣдная цвѣла,
Словно маковъ алый цвѣтъ, —
Разсказать такъ слова нѣтъ.
Щечки будто наливныя,
Глазки ясно голубые,
Свѣтлорусая коса,
До шелкова пояса.

Бровки черныя дугою,
Бѣлоснѣжна бѣлизною,
Вся кругла, полна, бѣла,
Не ходила а плыла.
А какъ вскинетъ ясный взглядъ,
Словно звѣзды заблестятъ.
Мачиха за то лихая,
Всю красу ту замѣчая,
Ѣла дѣвку поѣдомъ,
Била чуть не каждымъ днемъ.
И сиротка работала,
Мыла всё и обшивала,
Вычищала и мела,
Всѣхъ коровушекъ доила,
За водой сама ходила
И полола огородъ.
Но въ веселый хороводъ,
Ее вдовка не пускала,—
На замокъ всё запирала.
Всё боялась чтобъ грѣхомъ,
Ей не сталъ кто женихомъ.
Что бы Паши не затмила,
Жениха какъ не отбила.
Сидя Дуня подъ ключемъ,
Плачетъ горько подъ окномъ.
Злая мачиха жъ съ родною,
Знай гуляетъ той порою.
Но вѣдь дѣвка не игла,
Какъ забита бы не была,
Всё въ глаза она блеснетъ,

Всё ее да кто найдетъ.
И сиротка молодая,
Съ лютымъ горемъ запертая,
Сквозь оконнаго стекла
Запримѣчена была.
Не простымъ какимъ бродягой,
Или такъ себѣ бѣднягой,
Разкрасавцемъ — молодцомъ,
Богатѣющимъ купцомъ.
Вотъ къ вдовѣ онъ засылаетъ,
Сваха такъ ей объясняетъ:
«Есть у васъ-де Божій даръ,
«Краснодѣвичій товаръ
«А у насъ-де есть кушецъ,
«Разкрасавецъ — молодецъ.
«Ищетъ онъ себѣ подруги,
«Проситъ Дунюшку въ супруги,
«И беретъ ее ни съ чѣмъ,
«Наградитъ ее онъ всѣмъ.»
Лишь вдова то услыхала,
Сваху чуть не притаскала
И толкая изъ воротъ;
Громкимъ голосомъ оретъ:
«Стану думать я объ дряни,
«Замужъ Дуньку спозарани,
«Уменя своя есть дочь,
«Вонъ съ двора! сей часъ же прочь...
«И на дворъ къ намъ ни ногою,
«Съ Дунькой справлюсь я клюкою...»
И не стало ужъ житья—

Сиротинкѣ отъ битья.
Но вдовѣ всё мало было,
Въ головѣ у ней бродило,
Какъ бы дѣвку съ свѣту сжить,
Какъ на вѣкъ ее сгубить.
Съ Пашей все онѣ шептали,
Что-то тихо толковали.
Вдругъ однимъ январскимъ днемъ,
Паша стала на своемъ:
«Дуня, ты бъ повеселила,
«Для меня бы въ лѣсъ сходила,
«Нарвала бъ фіалокъ мнѣ,
«Трудно развѣ то тебѣ.?»
— «Что вы, Пашенька, Богъ съ вами,
«Кто же ходитъ за цвѣтами,
«Въ злющій эдакой морозъ?
«Снѣгъ поля давно занесъ,
«Аль вы шутите, сестрица?»
Бѣдна молвила дѣвица.
«Нѣтъ, я вовсе не шучу...»
«—А вотъ я поколочу,
«Такъ не станешь такъ ломаться,
«Ну изволь-ко собираться...»
Злая мачиха оретъ,
Дуню за руку ведетъ,
Надѣваетъ силой шубку,
Изъ двора ее голубку,
Все толчекъ да за толчкомъ,
Провожаетъ всѣмъ дворомъ.
Помолясь усердно Богу,

Дуня вышла на дорогу,
Къ бору бѣлому пошла,
Еле-еле, что брела.
Вѣтры буйные тамъ дули,
Ея ноженьки тонули,
Сукъ замерзшій зацѣплялъ,
Иней сверху засыпалъ.
Стужа рученьки сковала,
Ножкамъ ходу не давала,
Слезки съ глазокъ такъ и льются
И замерши къ щечкамъ льнутъ.
Дѣвка вся оцѣпенѣла,
Озираяся глядѣла,
Вдругъ ей видится дымокъ,
А подъ нимъ и огонекъ—
На горѣ большой, высокой;
Путь къ нему ужъ недалекой.
«Какъ мнѣ силы не собрать,
«Какъ туда не добѣжать.»
Такъ Дуняша прошептала,
Ожила и побѣжала.
«Можетъ добрый человѣкъ,
«Мнѣ не дастъ окончить вѣкъ.»
Какъ на горку взобралася,
Вся отъ страху занялася;
Тамъ двѣнадцать передъ ней,
Предстаютъ богатырей,
Трое старые, сѣдые,
Трое больно пожилые,
Трое въ среднихъ ужъ лѣтахъ,

Трое въ юности годахъ.
Молча всѣ они сидѣли,
На огонь костра глядѣли;
А одинъ старикъ сѣдой,
Съ самой длинной бородой,
Словно въ тронѣ возсѣдая,
Въ землю жезлъ свой упирая,
Всѣхъ грознѣй другихъ тутъ былъ,
Словно князь какой княжилъ.
Дуня съ страха вся дрожала,
Жаль ему ее, знать, стало,
Снѣжны брови онъ поднялъ,
Дѣвкѣ ласково сказалъ:
«Что ты, дѣвица, лебедка,
«Не боишься, знать, красотка,
«Ты морозныхъ этихъ дней,
«Что по волѣ ты своей
«Въ лѣсъ дремучій забрела,
«Или послана была?»
Дуня тутъ же ободрилась,
Низко всѣмъ имъ поклонилась,
Да и звучнымъ голоскомъ,
Дѣду молвила потомъ:
«Благодарна вамъ за милость,
«Не сама я въ лѣсъ пустилась,
«Что за сласть мнѣ здѣсь бродить,
«Молоду себя губить?
«Нѣту, мачиха послала,
«Чтобъ фіялокъ я набрала
«Ея доченькѣ родной,

«Чтобъ не шла безъ нихъ домой.»
—«Видно мачиха взбѣсилась!
«Экъ когда она хватилась
«По фіалки посылать»,
Началъ дѣдушка ворчать.
«Подойди къ огню погрѣйся,
«Да слезами такъ не лейся.
«Не дадимъ мы умереть,
«Можно землю отогрѣть.
«Братъ Апрѣль бери правленье».
То услышавъ повелѣнье,
Дуня только поняла:
«Знать я къ мѣсяцамъ зашла....»
Братъ Апрѣль тотъ парень бравый,
На лице премоложавый
Сѣлъ на мѣсто Января
Ничего не говоря.
Какъ онъ только что усѣлся,
Воздухъ тутъ же обогрѣлся;
Началъ онъ жезломъ махать,
Пламя стало прибывать,
Потянулось языками,
Чуть не вровень съ небесами.
Снѣгъ растаялъ и сбѣжалъ,
Голу землю обнажалъ,
Птички разны налетѣли,
Разногласно всѣ запѣли,
Травка видимо росла,
Вдругъ фіалка зацвѣла....
«Рви, красавица, смѣлѣе,

«Да бѣги домой скорѣе
«И, что видѣла, смотри,
«Дома ты не говори.
«Да не очень прохлажайся,
«Вновь мороза опасайся».
Дѣдушка Январь сказалъ,
Жезлъ свой снова въ руки взялъ.
Дуня всѣхъ благодарила
Рвать фіалочки спѣшила.
Въ это жъ время вѣтеркомъ,
Прохладилось всё кругомъ.
Пламя внизъ опять упало,
Порошить снѣжкомъ ужъ стало
И крутою вновь зимой —
Дуня, бросилась домой.
Запыхавшись прибѣжала
И въ калитку застучала.
Вышла Паша отворять
Да фіалки съ рукъ какъ хвать
И спасибо не сказала,
Съ ними въ гореньку вбѣжала,
Ну ихъ нюхать и вертѣть;
Ну-ка въ зеркало глядѣть,
Въ волоса понатыкала
И еще страшнѣе стала....
А ей кажется самой,
Что красавица собой....
И на доченьку взирая,
Дуню мачиха лихая,
Позабыла колотить —

Стало дѣвкѣ лучше жить.
Но недѣлька перепала,
Паша снова ей сказала:
«Что ты барыней сидишь,
«Мнѣ ничѣмъ не угодишь,
«Кабъ меня да ты любила
«Въ лѣсъ опять бы ты сходила
«Земленички мнѣ нарвать —
«Нечѣмъ мнѣ побаловать.»
— «Ну не грѣхъ ли вамъ, сестрица»;
Бѣдна молвила дѣвица:
«Гдѣ нарвать мнѣ ягодъ вамъ
«По сугробамъ, по снѣгамъ.»
— «Ты опять за разсужденья!
«Я найду въ тебѣ умѣнье,
«Земляники ты найдешь,
«Иль въ снѣгу тамъ и умрешь»,
Вдовка молвила лихая,
Дуню со двора толкая.
И пошла къ себѣ домой,
Къ своей доченькѣ родной.
И съ распухшими глазами
Дуня вновь за воротами,
Что ей дѣлать? Побрѣла,
Прямо къ горкѣ той пришла.
Низко дѣду поклонилась,
Въ новомъ горѣ объяснилась,
Какъ ее послала мать
Земленику собирать.
«Эка вѣдьма прелихая»,

Заворчалъ Январь вставая:
«Ну-ко братецъ мой Іюнь,
«На поля тепломъ ты дунь.
«Дѣвку эту я балую,
«За судьбу ея лихую.»
Тутъ Іюнь красавецъ всталъ
Словно печька задышалъ.
Пламя снова поднялося,
Что откуда ни взялося,
Передъ Дуней молодой
Травкой свѣжей зеленой —
Вся покрылася поляна,
И ужъ ягодка румяна
Наливаться начала.
Дуня спѣлую рвала
И, подольчикъ свой набравши,
Братьямъ всѣмъ поклонъ отдавши,
Вновь бѣжитъ она домой
Съ своей ношей дорогой.
И какъ ягодку румяну,
И красиву и душмяну,
Дуня ссыпавши на столъ
Отряхнула свой подолъ,
Паша тутъ же и присѣла
И что было все поѣла.
Земляничка-жъ Дунѣ та
Непомазала уста.
Да она и не гналася
Лишь бы мать-то не дралася.
Тихо такъ прошло семь дней,

Паша вновь сказала ей:
«Услади мою ты душу,
«Принеси осенню грушу....»
— «Нѣтъ сестрица не пойду,
«Гдѣ зимой я грушъ возьму?...
«Вы сгубить меня хотите,
«Лучше жъ дома изведите,
«А ужъ въ лѣсъ я ни ногой.»
— «Ты грубить сестрѣ родной!
«А вотъ я тебя, постой»,
Змѣя мачиха вскричала,
Притузила, оттаскала
И несчастна сирота
Съ плачемъ вышла въ ворота.
Слёзы жгучи отирая,
Но на дѣда уповая,
Вся надеждой вновь полна,
Къ Январю идетъ она.
Да и бухъ сиротка въ ноги:
«Сдѣлай милости мнѣ многи, —
«Въ лѣсъ опять прислала мать
«Грушъ осеннихъ здѣсь нарвать».
— «Есть же аспидныя души,
«Дѣвку гнать зимой по груши!...
«Ладно дѣвка не умрешь,
«Грушъ ты мачихѣ нарвешь.
«За сиротское терпѣнье,
«Скоро будетъ награжденье...
«Братъ Сентябрь, ну поживѣй,
«Сдѣлай осень намъ скорѣй.»

Всталъ мужщина здоровенный
Съ силой, видно, преотмѣнной,
Жезлъ изъ рукъ у брата взялъ,
Передъ пламнемъ замахалъ.
Пламя снова поднялося,
Желтымъ цвѣтомъ всё взялося,
Снѣгу нѣтъ, стоитъ лѣсокъ,
Хрупкій падаетъ листокъ
Груша въ немъ стоитъ нагая,
Видитъ дѣвица младая
Груши двѣ на ней висятъ,
Разпресочныя на взглядъ.
Дуня къ грушѣ той подходитъ,
Бѣлой рученькой обводитъ,
Что есть силушки трясетъ,
Но, знать, сила не беретъ.
Сентябрю дѣвицу жаль,
Дунулъ вѣтромъ ей онъ вдаль,
Груши разомъ обѣ сбило,
Дуня тутъ ихъ подхватила,
Сарафанъ держа въ рукахъ, —
Не разбились чтобы въ прахъ....
«Ну ступай, дѣвица, смѣло,
«Отбыла свое ты дѣло,
«Въ лѣсъ тебѣ ужъ не ходить
«Будешь счастливо ты жить»,
Дѣдъ Январь сказалъ дѣвицѣ.
И быстрѣе легкой птицы
Дѣвка по бору бѣжитъ,
Лишь снѣжокъ подъ ней хруститъ.

«Ты съ пустыми къ намъ руками»,
Ей кричатъ за воротами:
«Не отворимъ мы воротъ.»
— «Принесла я груши — вотъ....»
«Какъ нарвать такъ мало смѣла?
«Иль дорогой всѣ поѣла?»
Злая мачиха кричитъ,
Сиротинушкѣ грозитъ
— «Только груши двѣ и были,
«Вѣдь зима — вы позабыли»,
Скромно Дуня говоритъ.
— «Вишь, тихонею глядитъ....
«Нѣтъ! она насъ надуваетъ,
«Все, что есть въ лѣсу, скрываетъ,
«Можетъ мало ль что тамъ есть,
«Лѣнь ей больше намъ принесть.
«Вотъ узнаемъ все мы сами,
«Вотъ своими я ногами
«Лѣсъ дремучій обойду
«Всѣ диковинки найду.
«Ты же дома оставайся,
«Да смотри ты опасайся
«Коли ты да все врала
«Лучше бъ вовсе не жила....»
Злобно Паша говорила
И вдова какъ не молила,
Не послушалась она
Въ лѣсъ ушла однимъ одна.
Передъ ней гладка дорожка
Въ тонкій снѣгъ не вязнетъ ножка,

Знай все по лѣсу идетъ,
Словно кто ее ведетъ.
Вдругъ подъ горкой — что съ ней стало,
Дрожъ вотъ такъ и затрепала,
А на горкѣ огонекъ,
Словно кто-то подъ бочекъ
Пашу такъ вотъ и толкаетъ
Обогрѣться приглашаетъ.
Сверху вѣеть ей тепломъ,
Снизу гонитъ холодкомъ
И лежитъ гладка дорога.
Паша думала немного,
Подниматься начала
И къ площадочкѣ дошла.
Вкругъ огня опять сидѣли,
Изъ подлобья всѣ глядѣли,
Всѣ двѣнадцать братьевъ тамъ.
Паша тѣмъ богатырямъ —
Головою не кивнула,
Только руки протянула
И безъ спросу стала грѣть,
Дерзко всѣмъ въ глаза глядѣть,
Но нешло тепло по крови....
Дѣдъ Январь наморщилъ брови,
Огонекъ сталъ утухать,
Холодъ дѣвку сталъ трепать.
«Кто ты дѣвица такая
«Не учливая и злая,
«Что поклонъ не отдаешь?»
—«Старый дурень, что ты врешь....»

Отвѣчаетъ дѣвка смѣло:
«Какъ вороны вечеркомъ;
«Стану бить я вамъ челомъ...
«Что бояре, что ль какіе,
«Вы сосульки ледяныя....»
«—Ахъ ты, батюшки, мой свѣтъ,
«Да и страху въ дѣвкѣ нѣтъ!
«Знаю самъ, кто ты такая»,
Закричалъ старикъ, вставая,
Да и началъ вдругъ рости
Вдоль и по перегъ ползти....
«Знай! настало смерти время....»
Гаркнулъ дѣдъ и уперъ темя
Въ темно-сѣры небеса.
Дыбомъ встали волоса,
Руки такъ тянуться стали —
На дремучій боръ упали.
Самъ надулся и завылъ.
Снѣгъ охлопьемъ повалилъ,
Изъ волосъ и изъ очей,
Изъ нахмуренныхъ бровей.
Свѣту Божьяго не стало,
Вьюга такъ и бушевала.
Паша съ горки лишь шажкомъ,
Покатилась кувыркомъ.
Какъ не билась, не вставала,
Въ снѣгъ глубокій утопала.
«Холодъ всю ее сковалъ,
Дѣлать шагу не давалъ.
Дома жъ вдовушка лихая,

Вся по дочкѣ изныВая,
Усидѣть ужъ не могла —
Въ слѣдъ за Пашенькой ушла.
И въ ту злую, страшну пору,
Бродитъ ощупью по бору,
Дочку милую зоветъ,
Въ грудь себя, рыдая, бьетъ.
Вдругъ наткнулася, всугробѣ
Ея Пашенька, какъ въ гробѣ —
Въ снѣжномъ саванѣ лежитъ.
Мать зоветъ, она молчитъ....
Обливаяся слезами,
Роетъ снѣгъ вдова руками,
Къ груди Пашу крѣпко жметъ,
Слышитъ — сердце въ ней не бьетъ.
«Дома доченька проснется
«Снова сердчушко забьется;
«У меня тамъ на печи,
«Одѣяльца горячи,
«Тѣльце ей они согрѣютъ,
«Ручки, ножки потеплѣютъ;
«Я малинкой напою
«Солнце-Пашеньку мою....»
Такъ вдова все причитала,
Хладну дочку, поднимала
И, взваливши на плеча,
Побѣжала сгоряча.
Но кругомъ все вьюга выла,
Ей глаза всѣ залѣпила,
Какъ ни ступитъ, ни шагнетъ —

Лѣсъ дороги не даетъ....
Отягчала Паша руки,
Сердце чуетъ смертны муки,
Нѣтъ имъ выходу никакъ,
Впереди лежитъ оврагъ....
Все въ глазахъ вдовы стемнѣло,
Шагъ ступила, полетѣла,
Съ Пашей въ снѣжну глубину
Къ ледяному, смертну дну.
Какъ тамъ громко не кричала,
Вьюга громче завывала....
Такъ-то съѣлъ ихъ дѣдъ Январь
Зимній грозный государь.
Дуня жъ бѣдная въ свѣтлицѣ,
Помышляетъ о сестрицѣ,
Злую мачиху все ждетъ;
Но никто домой не йдетъ.
Долго ихъ она искала,
Всѣхъ сосѣдей посылала,
Всѣ искали не нашли,—
Дни за днями такъ текли.
Сваха тоже знать узнала,
Что вдова-то запропала,
Стала Дуню навѣщать,
Про купца ей толковать;
Разны качества хвалила,
Много счастія сулила.
Дуня жъ все твердитъ одно,
Грустно глядючи въ окно:
«Невидать мнѣ тетка счастья,

«Сиротинкѣ все ненастье....
«Скоро матушка придетъ,
«Мнѣ и мужъ на умъ нейдетъ».
Такъ зима вся провалила,
Солнце землю освѣтило,
Поле стало разцвѣтать,
Стали стадо въ поле гнать.
Разъ пастухъ, бродя по бору,
Повесеннюю ту пору,
Въ глушъ глубокую зашелъ —
Два тамъ тѣла онъ нашелъ.
Алчны враны ихъ клевали,
Мозгъ и очи выпивали
И терзали по кускамъ,
Относя своимъ птенцамъ.
Такъ нашлись вдова и Паша.
Схоронила ихъ Дуняша,
И честнымъ потомъ пиркомъ
Обвѣнчалася съ купцомъ;
Дунѣ голову прикрыли,
За дубовой столъ садили
И за нимъ она бочкомъ
Сѣла рядомъ съ муженькомъ.
Гости чары меду пили:
«Горько, горько...» говорили
И Дуняша подъ фатой,
Чмокнувъ мужа разъ-другой,
Словно зоренька вся стала
Алымъ цвѣтомъ запылала.
А купецъ-то молодой,

Знай любуется женой,
Да въ бочекъ ее толкаетъ,
А зачѣмъ про то онъ знаетъ.
Такъ прошелъ честной ихъ пиръ
Разбрелся веселый міръ.
А Дуняша молодая
Каждымъ днемъ все разцвѣтая,
Припѣваючи жила—
Больно счастлива была,
Горя больше не знавала,
Дѣда часто поминала
И всю жизнь все Январемъ
Любовалася снѣжкомъ.

Марья Каменская.

VII.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.

Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.

Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой;
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ — неглядитъ,
Пляшетъ, присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ....

Золотыя нивы
Глядь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ;

Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши....
Такъ и льются сами
Звуки изъ души!

И. Никитинъ.

Оди́нъ у дру́гого пита́емъ:
На що насъ ма́ти привела́?
Чи для добра́, чи то для зла?
На що живе́мъ? чого́ божа́емъ?...
И не дознавшись умира́емъ,
А покида́емо діла́...

Яки́ жъ мене́, мій Бо́же ми́лий,
Діла́ осу́дять на землі?
Коли́бъ ти́ діти не росли́,
Тебе́ свято́го не гневи́ли,
Що у нево́лі народи́лись
И стидъ на те́бе понесли́!

Т. Ш.

(Переводъ).

Мы всѣ живемъ и всѣ не знаемъ
Зачѣмъ судьба намъ жизнь дала?
Добра ли ждать намъ или зла?
Къ чему идемъ, чего желаемъ.
За что въ незнаньи умираемъ
Безъ силъ на свѣтлыя дѣла!

Суди жъ, моей виновникъ доли,
Меня за всѣ дѣла мои!
Ахъ! лучше бъ дѣти не росли
Которыя, родясь въ неволѣ,
Позоръ тебѣ же принесли!

Не помочь мнѣ
Горю лютому,
Не размыкать
Грусть — кручинушку.

Судьба злая,
Моя мачиха,
Не взлюбила
Меня съ молоду.

Во чужіе
Люди пасынка,
На чужія
Руки кинула.

И живу я
Во чужихъ людяхъ
Безпризорнымъ
Сиротинкою.

Межъ людей я
Одинехонекъ,
Жизнью маюсь
Убиваюся.

Тяжела мнѣ
Доля горькая
Какъ-то, Богъ дастъ,
Жизнь домыкаю?

Иванъ Мироновъ.
(Крестьянинъ самоучка.)

VII.

ПЕРЕПИСКА РЕДАКЦІИ.

Мы получили довольно значительное число писемъ съ вопросами касательно устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Отъ души благодаримъ всѣхъ тѣхъ, кто дѣлился съ нами мыслями о своемъ житьѣ-бытьѣ; но мы теперь еще не можемъ сообщить ничего о крестьянскомъ дѣлѣ. Покамѣстъ можемъ только положительно сказать, что оно обдумывается и обсуживается. Это важное дѣло требуетъ не мало времени; когда можно будетъ, тогда мы и не замедлимъ сообщить нашимъ читателямъ о дѣлѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ.

Мы получили нѣсколько весьма лестныхъ для нашего журнала писемъ отъ лицъ изъ крестьянскаго сословія. Искренно благодаримъ ихъ за сочувствіе къ нашимъ трудамъ. Въ особенности мы благодарны за привѣтъ крестьянамъ Ив. Иванову, въ г. Курганѣ. Ив. Крамареву, и села Терешева Священнику А. Лидскому.

Получено еще въ редакціи нѣсколько извѣстій

о добрыхъ дѣлахъ. Самыя благія дѣла переданы намъ священникомъ А. Лидскимъ.

Важнѣйшее изъ нихъ состоитъ въ томъ, «что «въ приходѣ отца Лидскаго одинъ бурмистръ, умѣ- «ющій цѣнить пользу грамотности, завелъ въ де- «ревнѣ своей училище, въ которомъ прошлою зи- «мою обучалось двѣнадцать мальчиковъ». Это до- брое дѣло. Жаль только, что достопочтенный А. Лидскій не сообщилъ намъ имени умнаго бурми- стра, учредителя школы, и названія деревни, въ которой онъ живетъ. Такія имена должны быть громко повторяемы, должны быть знакомы каждо- му Русскому, должны произноситься съ особен- нымъ уваженіемъ.

Мы покорнѣйше просимъ всѣхъ сообщать въ подробности о добрыхъ дѣлахъ, совершаемыхъ крестьянами и мѣщанами; таковыя извѣстія будутъ напечатаны въ примѣръ и поученіе другимъ.

Священникъ А. Лидскій передаетъ намъ еще слѣдующее извѣстіе: «Крестьянинъ Иванъ Андре- «евъ Гавриловъ, изъ деревни Малаго Терешева, «Нижегородскаго уѣзда, ѣхалъ съ мелкими гвоз- «дями въ Харьковъ. Товарищей ѣхало шестеро. «Остановились они ночевать въ селѣ, а послѣ нихъ «на тотъ-же дворъ въѣхало нѣсколько человѣкъ «другихъ извозчиковъ. Поужинали, лошадей убрали «и легли спать. На полатяхъ, возлѣ Ивана Ан- «дреева Гаврилова, легъ одинъ изъ новопріѣзжихъ «крестьянъ. Утромъ тѣ извозчики, которые пріѣ- «хали позже, встали рано и уѣхали, а Гавриловъ съ

«товарищами разсудили еще заснуть и дать хоро-
«шенько отдохнуть лошадямъ. Когда пришло вре-
«мя вставать, Гавриловъ увидѣлъ возлѣ себя на
«полатяхъ толстый бумажникъ. Иванъ взялъ бу-
«мажникъ вышелъ на дворъ и разсмотрѣлъ на-
«ходку. Оказалось, что въ бумажникѣ паспортъ и
«много денегъ. Не теряя времени, Гавриловъ по-
«слалъ хозяина за мірскимъ старостой и за сот-
«скимъ и при нихъ сосчиталъ деньги. Насчитали
«всего до тысячи рублей ассигнац. Однако де-
«негъ онъ имъ не отдалъ, а пошелъ съ ними къ
«священнику, при немъ отдалъ имъ деньги и по-
«лучилъ съ нихъ росписку. Послѣ товарищи го-
«ворили, что Иванъ Гавриловъ всю дорогу до
«Харькова и обратно такъ былъ веселъ, такъ на
«душѣ у него было легко, что смотрѣть завидно.»

Крестьянинъ Михаилъ Тихомировъ сообщилъ намъ извѣстіе о пожарѣ въ деревнѣ и о томъ, какъ добрые люди сосѣдямъ помогали.

«Ярославской губерніи, любимскаго уѣзда, на
«земляхъ г. Барановскаго поселена деревня Ови-
«нищи. Въ прошломъ году, въ октябрѣ мѣсяцѣ,
«крестьянки трепали ленъ при лучинѣ. Съ лучи-
«ной нужна большая осторожность, а тутъ какъ-
«то не доглядѣли. Среди работы ленъ вспыхнулъ,
«и разомъ огонь охватилъ весь ворохъ; а въ сѣ-
«няхъ и на дворѣ развѣшены были вѣники для
«просушки. Вспыхнули вѣники, отъ нихъ занялась
«соломенная крыша; да случился еще вѣтеръ. Хо-
«зяйка едва успѣла выскочить, а дочь ея такъ и за-

«дохлась, и сгорѣла. При вѣтрѣ да при сплошныхъ «постройкахъ, извѣстно, что отъ огня бываетъ. Не «болѣе какъ въ полчаса, вся деревня была въ огнѣ. «Въ сосѣднемъ селѣ ударили въ набатъ, народу съѣ- «халось и сбѣжало сь пропасть; да противъ огня ни- «чего не сдѣлаешь, когда все ужъ горитъ. Успѣли «только переносить въ поле кое-какія пожитки, а «когда занялись хлѣбные амбары и овины, такъ «успѣли повытаскать немного хлѣба въ зернѣ. Горя- «щія головни улетали въ поле и въ лѣсъ, версты на «три; къ счастію, ближнія селенія были въ дру- «гой сторонѣ. Усерднѣе всѣхъ помогали на пожа- «рѣ крестьяне деревень Слуды, Хмѣлевищъ, Ша- «дрина и Сосновки, а во главѣ ихъ приходскій «священникъ отецъ Флегонтъ. Къ утру сосѣди «разобрали народъ по домамъ, потому что на мѣ- «стѣ деревни осталась одна зола: все выгорѣло. «Тутъ мы видѣли не мало добрыхъ дѣлъ: одинъ «давалъ погорѣлымъ одежду, другой кормилъ, тре- «тій давалъ пріютъ. День или два ходили погорѣ- «лые на пожарище — копаться въ золѣ: тотъ до- «будетъ гвоздей десятокъ, кто скобу желѣзную; а «тамъ выпалъ снѣгъ, и сами хозяева едва ужъ «догадывались, гдѣ были ихъ дома. Господинъ «Барановскій, землевладѣлецъ, отсрочилъ на годъ «оброкъ и позволилъ погорѣлымъ вырубить изъ «своихъ дачъ лѣсу — сколько потребуется. Осенью «вырубили, зимою вывозили при помощи тѣхъ «же добрыхъ людей сосѣдей, и теперь деревня

«Овинищи стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, только про-«сторнѣе и красивѣе прежняго».

Впрочемъ у насъ — рѣдкость большая, чтобы сосѣди не пособили погорѣлымъ. Не рѣдки у насъ и такія добрыя дѣла, что человѣкъ, забывши себя, кинется въ огонь или въ воду, чтобы выручить изъ бѣды другаго. Вотъ что напримѣръ, случилось въ нынѣшнемъ году, 3 іюля, въ слободкѣ Краснополье, въ Землѣ Войска Донскаго. Дѣло было во время проливныхъ дождей, отъ которыхъ рѣка Благодать сильно наполнилась водою. Одинадцатилѣтній мальчикъ изъ крестьянъ, поселенныхъ на землѣ полковницы Красновой, Савва Улановъ, ходилъ по мосту и нечаянно упалъ чрезъ перила въ воду, съ высоты около 5 аршинъ. На крикъ видѣвшаго это другаго мальчика Ильи Бакалина, крестьянинъ Степанъ Ивановъ, изъ числа собравшихся на берегъ людей, первый, не останавливаясь ни на мгновеніе, во всемъ платьѣ и сапогахъ, имѣя при себѣ болѣе 30 руб. серебромъ въ кредитныхъ билетахъ денегъ и презрѣвъ всю опасность напороться на подводные колья и фашинникъ, укрѣпляющіе берегъ, съ разбѣга бросился въ воду, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упалъ и утонулъ Улановъ, на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ; другой крестьянинъ Арсеній Петровъ, послѣдовалъ за Ивановымъ, а къ нимъ поспѣшилъ на помощь, находящійся въ отпуску, каргапольскаго драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, г. майоръ

М. П. фонъ-Смидтъ: онъ, едва сбросивъ съ себя верхнее платье и сапоги, въ одномъ бѣльѣ съ той же высоты бросился въ воду. Такое самоотверженіе означенныхъ лицъ и очевидная опасность за жизнь ихъ, привели зрителей въ удивленіе и ужасъ; но великодушная рѣшимость первыхъ все превозмогла. Долго трое они, борясь съ быстротою воды и продолжительно скрываясь въ глубинѣ, искали утопленника и наконецъ г-ну фонъ-Стидтъ удалось осязать его на днѣ рѣки, между свай и кольевъ подбитаго водою подъ фашинникъ. Съ большимъ трудомъ и усиліями освободилъ онъ изъ подъ фашинника мальчика, бывшаго подъ водою болѣе четверти часа и лишившагося всякаго чувства, изнемогая самъ, передалъ его крестьянамъ Иванову и Петрову, которые вынесли утопленника на берегъ; но въ это время быстрота воды, между обрывистыми берегами, отнесла внизъ по рѣкѣ г-на фонъ-Смидтъ, который, совершенно выбывшись изъ силъ и чувствуя круженіе головы, неминуемо утонулъ бы, еслибъ не подали ему скорую помощь тѣ же крестьяне Ивановъ и Петровъ, которые вслѣдъ за симъ приняли самыя дѣятельныя мѣры, къ окончательному спасенію мальчика Уланова. Послѣ качанія и разныхъ вспомогательныхъ средствъ, минутъ черезъ двадцать, показались у утопленника слабые признаки жизни; за тѣмъ онъ перенесенъ въ избу, гдѣ приведенъ въ чувство.

Получили мы еще нѣсколько писемъ, въ которыхъ

разсказываются разныя неправды и несправедливости. Разсказано, напримѣръ, «что одинъ крестьянинъ, сидя въ тюремномъ замкѣ, выписалъ два «журнала: Сынъ Отечества и Народное Чтеніе. «Но журналы эти не попадали къ нему въ руки, «потому будто-бы, что нельзя давать арестантамъ «читать такія вещи, *гдѣ есть Правительственныя «распоряженія,* политика, и *нѣтъ богобоязненной «нравственности.*» — «Но если правда», добавляетъ въ своемъ письмѣ г. NN изъ г. К — ъ, «что отъ «чтенія какихъ-либо журналовъ происходитъ развратъ, такъ почему-же однимъ арестантамъ за«прещаютъ читать, а не всѣмъ вообще? И поче«му же всѣмъ запрещена игра въ карты, въ ко«сти, и тому подобное, а въ острогѣ, не смотря «на всю строгость начальства, не искореняется? «И потому, кто прежде ничего дурнаго не зналъ, «тотъ отъ нечего дѣлать въ острогѣ всему этому «научается и другимъ передаетъ.» — «Впрочемъ», прибавляетъ г. NN, «ни Сынъ Отечества, ни На«родное Чтеніе, выписанные въ тюремный за«мокъ, не пропадаютъ: ихъ читаетъ городничій и «писарь его Ф....въ.» Дай Богъ, чтобы чтеніе это пошло имъ въ прокъ.

Журналъ Народное Чтеніе выписывается для тюремныхъ замковъ въ гг. Самару, Курганъ и Тверь. Въ Самарѣ, по особенной попечительности тамошняго гражданскаго губернатора Константина Карловича Грота, открыто училище при тюремномъ замкѣ на 20 человѣкъ.

Получено еще нѣсколько писемъ о дурныхъ дѣлахъ волостныхъ писарей Т..... губерніи, учетниковъ, сборщиковъ, старшинъ, земскихъ засѣдателей и т. д. Говорятъ, что писарь притѣсняетъ, *беретъ*, что онъ дѣлаетъ раскладку подушныхъ сборовъ, что его никто не повѣряетъ, что на составленіе рекрутскихъ очередныхъ списковъ, на переплетъ губернскихъ вѣдомостей и на содержаніе земской квартиры сходитъ съ души по рублю серебромъ, кромѣ другихъ поборовъ. Говорятъ, что за жалобы на писарей больно достается, и т. п.

Искоренить подобныя злоупотребленія очень легко міру: міръ — великъ человѣкъ! Сказано: *Уразумѣйте истину, и истина освободитъ вы.* Уразумѣть-же истину можно лучше всего ученьемъ, знаніемъ, стало быть грамотою. Когда мы лучше будемъ знать истину, когда образованности у насъ будетъ больше, тогда выборные будутъ понимать, что они слуги міра, а не міръ имъ слуга, а съ тѣмъ вмѣстѣ люди будутъ исполнять законъ и будутъ любить ближняго, не смотря на то, брѣетъ онъ бороду или не брѣетъ, двумя или тремя перстами онъ крестится, въ нѣмецкомъ ходитъ кафсанѣ или въ русскомъ. Покуда-же люди не уразумѣютъ истины, до тѣхъ поръ они все будутъ въ рукахъ у разныхъ писарей, да сборщиковъ, и другихъ выборныхъ міроѣдовъ.

Когда эта книжка была почти уже совсѣмъ отпечатана, мы получили еще письмо отъ кресть-

янина **И. И. И.** изъ К — а, отъ 11 октября. Помѣщаемъ это письмо почти безъ перемѣнъ и отъ души благодаримъ нашего почтеннаго корреспондента.

«Извѣстно, что съ равнымъ надо быть равнымъ и по дружески, по братски подавать ему «руку, что старшему и знатному надо почтительно шапку снимать. Однако, если увидѣлъ, что «человѣкъ въ огнѣ горитъ или въ водѣ тонетъ, «то простительно — хоть кого — ухватить за волосы, чтобы на берегъ вытащить; если же человѣкъ заплутался въ лѣсу, то можно кричать «ему во все горло, что — вотъ здѣсь дорога, иди «сюда! И кто-бы ни вытащилъ изъ воды, кто-бы «ни вызвалъ изъ трущобы — все равно, только «вытащи или вызови! На подобіе такихъ случаевъ «и я кричать собираюсь, не для того, чтобы «обидѣть кого, а изъ одной только любви къ ближнему, изъ-за того, что уважаю правду: можетъ «быть и удастся спасти кого изъ своей братьи. «Еслибъ я съумѣлъ, то указалъ-бы, что мы хлопочемъ больше о своей минутной пользѣ, а не «о благѣ и спокойствіи своего отечества, какъ «присягой обѣщались — не щадить самихъ себя «до послѣдней капли крови. Это точно исполняется у насъ, но только въ сраженіи, а въ другое время тоже — не щадимъ сами для себя никого. Я указалъ-бы, что кто наблюдаетъ у насъ «за прочностью повиновенія, на которомъ всѣ мы «держимся, тотъ самъ эту прочность подкапываетъ.

«И у насъ есть такіе люди. Имъ-бы надо, ка-
«жется, желать, чтобы мы всѣ доподлинно знали
«царскій законъ, который всѣхъ насъ оберегаетъ.
«Однако нѣтъ, не желаютъ. Явилось вотъ ваше
«Народное Чтеніе. Чѣмъ-бы сказать нашему бра-
«ту, что вотъ — выпиши такую книгу, — а они
«призадумались. Голова у насъ покряхтѣлъ, по-
«царапалъ въ затылкѣ и сказалъ своимъ засѣ-
«дателямъ, что наши дѣла пойдутъ плохо, если
«мужики станутъ читать Народное Чтеніе: тогда
«ихъ не оплетешь! А они отвѣчаютъ въ одинъ
«голосъ: Ничего, постараемся; а главное — не
«сказывать про книги, потому если мужика не
«натолкнешь, то онъ ни за что не выпишетъ,
«какъ-бы книги ни были полезны. Когда-же кто
«прослышитъ стороной, что есть такія книги, то
«къ кому онъ пойдетъ за совѣтомъ, какъ не къ
«своему-же волостному писарю? А писарь развѣ
«дуракъ какой, что присовѣтуетъ имъ выписы-
«вать на себя бѣду? А другой мужикъ можетъ
«быть скажетъ, что дай-ко я схожу къ сельскому
«засѣдателю, спросить о книгахъ: — онъ мнѣ
«крѣпко съ руки.... Въ такомъ разѣ надо дружбу
«отложить въ сторону, и растолковать мужику, что
«такое значитъ пословица: «знайка бѣжитъ, а не-
«знайка лежитъ».

«И какъ они толкуютъ эту умную пословицу?
«Извѣстно, кто много знаетъ, тому и книги въ
«руки, тотъ успѣваетъ во всякомъ дѣлѣ и впередъ
«идетъ, можно сказать — бѣжитъ; а кто не знаетъ

«ничего, — нечего ему и дѣлать, какъ лежать. А «они толкуютъ не то; они говорятъ, будто умные «люди въ острогъ попадаютъ, а глупыхъ тамъ «нѣтъ: они живутъ спокойно. Этимъ толкомъ хо- «рошей пословицы они многихъ озадачиваютъ и «многихъ останавливаютъ на полдорогѣ, къ прав- «дѣ. Оно такъ и понятно; потому замѣчено, что «и воры любятъ тоже для своего промысла время «ночное, темное; а чуть свѣтать начнетъ, такъ «ужъ это имъ не такъ-то съ руки: свѣта и про- «свѣщенья не любятъ. Они хотя и стараются по «своему оправдать пословицу, однако надо прав- «ду сказать, что и незнайкамъ у насъ плохое ле- «жанье. И вотъ примѣръ.

«Когда прислали къ намъ въ земскій судъ цар- «скій всемилостивѣйшій манифестъ, данный 26 «августа 1856 года, то земскій судъ при своемъ «предписаніи переслалъ въ волостное правленіе, «и велѣлъ собрать сходку, всѣхъ лежачихъ не- «знаекъ, и вычитать имъ царскія милости. Ска- «зано и исполнено. Волостная сходка собралась «и писарь вышелъ къ народу на улицу и при «волостномъ правленіи прочиталъ, что за кѣмъ- «бы ни были какія казенныя недоимки, — моли- «тесь старики Богу! — всѣ до шести сотъ рублей «прощены, и никакого теперь взысканія съ васъ «не будетъ. Онъ говорилъ это переселенцамъ, «которые въ ссуду брали изъ казны денегъ по «20 рублей серебромъ. А о томъ господинъ пи- «сарь не потрудился подумать, какія на его во-

«лости имѣются недоимки и какая статья мани-
«феста къ нимъ относится. Усталъ онъ читать,
«что-ли, только не дочитался до той статьи, ко-
«торую слѣдовало-бы объявить переселенцамъ, что
«взятыя въ ссуду изъ казны деньги — не недоимка
«суть, и не прощаются, а разсрочиваются на
«время отъ десяти до двадцати лѣтъ.

«По слову писаря, тутъ всей сходкой за мило-
«стивѣйшаго царя помолились Богу, и съ радости
«поворотили къ кабаку—выпить по шкалику винца
«и разбрелись потомъ по домамъ объявить о ра-
«дости женамъ. Но немного они порадовались.
«Тоже волостное правленіе, объявлявшее о про-
«щеніи, начало взыскивать деньги; а мужички,
«хоть и незнайки, а уперлись, не стали отдавать.
«Говорятъ всѣ: вы читали намъ, что прощено
«до шести сотъ, а теперь, спустя годъ, опять не
«прощены. Какъ такъ?... Тутъ дѣло дошло до
«того, что пріѣхали засѣдатель съ исправникомъ,
«и собрали со всей волости сходку. — Не пла-
«тите? — Нѣтъ, не платимъ. — Поставили ихъ въ
«рядъ, да и давай считать, а кто десятый, съ
«тѣмъ — нехорошее сдѣлали. Да такимъ манеромъ
«деньги отдать заставили, пототу что ихъ слѣ-
«довало взыскать. А нехорошее съ ними сдѣлали
«за то, что они незнайки.

«Такъ вотъ какъ у насъ незнайкамъ приходится
«спокойно лежать, что изъ-за одного виноватаго
«писаря сотня ихъ правыхъ отвѣчаетъ. Нѣтъ,
«видно теперь намъ приходится жить всѣмъ знай-

«ками, да не разсчитывать на чужой умъ, хотя-
«бы даже и писарскій....

«Однако на этотъ разъ ихъ кардонная стража про-
«зѣвала; у насъ многіе крестьяне и безъ ихъ со-
«дѣйствія выписали Народное Чтеніе. Въ третьей
«книжкѣ помѣщенное письмо мое читали съ удо-
«вольствіемъ и не мало смѣялись тому, какъ вы-
«ведены напоказъ продѣлки нашихъ выборныхъ.
«На наше счастье и на утѣшенье намъ случился
«тутъ при чтеніи Киргизъ въ своемъ островер-
«хомъ малахаѣ, и говоритъ: «Еще мала-мала ваша
«сельскій засѣдатель екше (добрый) шалвѣкъ, а
«наша засѣдатель — бой-бой! чеманъ! (кто знаетъ
«дѣло, тотъ пойметъ это слово). Ваша сельскій
«засѣдатель, когда ѣздитъ по ауламъ (по дерев-
«нямъ), только курица ѣстъ безъ деньга, а наша
«засѣдатель хоть дома шиветъ, все къ нему таши,
«кажда сутка пять баранъ и сабу кумысъ (то есть
«ведеръ десять кумысу, который дѣлается изъ
«кабыльяго молока, и пьянъ, какъ вино).»

«Одинъ изъ нашихъ и спрашиваетъ: — Полно
«такъ-ли? гдѣ-же со всякаго и всякій день взять
«по пяти барановъ?»

«— Нѣтъ, бачка, — отвѣчалъ киргизъ; — не
«каждый ташитъ, а вотъ какъ: наша аулъ сего-
«дня ташитъ, а завтра ваша аулъ ташитъ, а
«тамъ третья аулъ, и такъ все по порядку уста-
«новлено, а тамъ опять наша аулъ ташитъ....»

— Постой, постой, братъ! Гдѣ же все это съѣсть
«всякій день и выпить одному человѣку?»

«— Эхъ, бачка! Баранъ сама въ ротъ не лѣзетъ,
«а по степи ходитъ. Какой табунъ! бой, бой, ве-
«ликъ табунъ! А купцы за деньги берутъ.

«Такъ, такъ, понятно. . . . . .
. . . . . .

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ.

Не могутъ быть напечатаны статьи: «Деревенскія бесѣды» г-на Члена Императорскихъ ученыхъ и хозяйственныхъ обществъ *А. Козлова;* «Письмо Русской помѣщицы XIX вѣка, въ своемъ селѣ»; «Клятва вѣрноподданныхъ надъ гробницею Николая I-го» ***; «Размышленіе о солнцѣ и планетахъ», *П. Хищупова;* «Пѣсни пахаря», *А. С.;* «Посѣщеніе Карпомъ Сидоричемъ сосѣда Михаила Савича», *И. П. Пріорова;* «Честь не въ честь и служба не въ службу, когда человѣкъ Бога не помнитъ», *Священника Я. Арбузова;* «Весна» *И. Д. Бибикина;* «Запившій молодецъ», дума *К. Эльборусова;* «Дѣдъ Парфентьичъ», *В. В. Петрова;* «Весна», *М. Стаховича;* «Пѣсня», *Дерукова;* «Воспряни душа съ невѣжественнаго ложа, спѣши тебѣ въ открытый путь», *Барышникова;* «Стихотворенія» *Алипанова;* «Пѣсня Косцовъ-Толокчанъ», *Н. Л—каго;* «Поученіе къ сельскимъ прихожанамъ, при открытіи училища для дѣтей ихъ» ***; «Лучше вѣкъ носить съ думой мрачною», *Воргунова;* «Памятникъ» ***; «Крещеніе Руси», *Шевнякова;* «Эхъ-ма доля доля, горе ты лихое» ***; «Пѣсня», *Н. Конозерскаго-Бажелова;* «О томъ, что ска-

зано въ нашихъ русскихъ законахъ», *М. Зозулина;* «Пѣсня», *Дерунова;* «О подводныхъ камняхъ въ нашемъ народномъ морѣ», *И. И. Иванова;* «Русь, въ стихахъ для простаго Русскаго народа», *А. Мухина;* «Первая бесѣда съ крестьянами», *К. О. Плохоцкаго*; «Объ устройствѣ вселенной», *С. Степанова;* «Житіе и страданіе Св. мученика Конона Исаврійскаго» и «Павелъ препростый» ***; «Десять заповѣдей Божіихъ», въ стихахъ *А. Я. Лаврова;* «Всадникъ», *Е. Сентимеръ;* «Козелъ и Овца», «Луна и комета», басни *Н. В. Воскресенскаго;* «Стихотворенія» *С. Д.;* «Сытый гость или кто ѣздитъ въ гости кучеромъ, а изъ гостей сѣдокомъ» *И. И. Иванова;* «Богъ и царь желаютъ правды», *Барышникова;* «Разсказъ о крестьянинѣ Ѳедорѣ Васильевѣ», *Н. И. Курнатова;* «Домашняя бесѣда въ своей семьѣ», *И. Куржинскаго;* «Случай правдивости», быль, ***; «Тѣнь Асмана» и «стихотворенія», *И. Альбрехта;* «Изъ дорожнаго журнала Землемѣра», *А. А. Попова;* «Золотыя горки», *А. Лучевскаго;* «Стихотворенія», *В. Богданова;* «Есть и квартальные добрые люди», *Щеглова;* «Покойница», *И. С.;* «Стихотвореніе», *И. Крамарева;* «Повѣсти и разсказы: Рекрутъ Иванъ, и Два свата», *И. А. Попова;* «Таврида», *Кирѣева.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Правительственныя распоряженія:

	стр.
а) О сокращеніи сроковъ службы солдатамъ	1.
б) О кантонистахъ лѣснаго вѣдомства	3.
в) О пріемѣ солдатскихъ дѣтей въ училища военнаго вѣдомства	7.
г) Дополненіе къ уставу о сосланныхъ въ Сибирь	10.
д) Правила относительно водяныхъ путей сообщеній . .	18.
е) О ярмаркахъ.	24.
Примѣчанія.	25.
2. Повѣсть о южной Руси. П. Кулиша . . .	32.
3. Зимніе кормы. Новгородскаго садовника. . .	60.
4. Разсказы о землѣ. М. Лучницкаго	79.
5. Что такое книга. С. Максимова.	98.
6. Сказка о дѣдушкѣ Январѣ и бѣдной сиротинушкѣ. М. Каменской.	112.
7. Стихотворенія: И. Никитина.	132.
Т. Ш.	133.
8. *Переводъ этого послѣдняго стихотворенія.* Н. Курочкина.	134
9. Стихотвореніе. И. Миронова.	—
10. Переписка редакціи.	136.
Отвѣтъ редакціи	151.

Въ 3-й книжкѣ Народнаго Чтенія въ статьѣ *Повѣсть о Южной Руси* вкрались слѣдующія опечатки: на страницѣ 109 строка 8 напечатано: *епископовъ* вмѣсто *епископствъ;* на страницѣ 130 строка 9, напечатано: *литературахъ* вмѣсто *литературной.*

05
H-30